

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXII
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2017

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИДВ РАН

Рецензенты:

д. и. н. Н.Л. Мамаева, к. и. н. А.А. Козлов, к. э. н. И.В. Ушаков

Ответственный редактор-составитель:

к. э. н. Е.И. Сафронова

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2017. — 400 с.

ISBN 978-5-8381-0324-6

XXII выпуск ежегодного издания включает статьи сотрудников трех исследовательских Центров ИДВ РАН, а также приглашенных специалистов из российских и зарубежных научных, образовательных и практических организаций. Научную часть сборника предваряет материал, посвященный 60-летию Общества российско-китайской дружбы.

Авторами продолжен анализ наиболее значимых проблем внешней политики и внешне-экономических связей КНР, сохраняющих свою актуальность на протяжении многих лет, а также новых моментов в международных отношениях Китая. Особенностью выпуска стало рассмотрение различных аспектов китайского проекта «Один пояс, один путь» в плане возможности его сопряжения с интеграционными интересами ЕАЭС и влияния на культурно-гуманитарную ситуацию на постсоветском пространстве. В сборнике освещаются и такие острые вопросы, как отношения в «треугольнике» США—Россия—Китай, проблемы интерпретации современной внешней политики КНР, территориальные споры Китая. Рассмотрение получили новые темы: перспективы формирования «Большого евразийского партнерства», особенности «перекрестного» членства стран — участниц ШОС и ЕАЭС, Северный морской путь в свете проекта «Один пояс, один путь», инновационное сотрудничество Китая с зарубежными странами, нормализация китайско-норвежских отношений и др.

Объемный блок статей посвящен проблематике Экономического пояса Шелкового пути и экономической кооперации КНР с зарубежными странами. Книга также содержит работы по истории внешней политики Китая и российско-китайских отношений.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика КНР, российско-китайские отношения, «треугольник» США—Россия—Китай, Евразия, Центральная Азия, проект «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Большое евразийское партнерство, ЕАЭС, ШОС, региональная безопасность, внешнеэкономические связи, история внешней политики Китая.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

© Сафронова Е.И., составление, 2017

© ИДВ РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

ISBN 978-5-8381-0324-6

*60-летию
Общества российско-китайской дружбы
посвящается*

Содержание

ОБЩЕСТВУ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ — 60 ЛЕТ (Г.В. Куликова)	10
---	----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

<i>Лузянин С.Г.</i> «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения	27
<i>Петровский В.Е.</i> Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства»	37
<i>Ломанов А.В.</i> Стратегия культурного влияния Китая в проекте «Один пояс, один путь»	52
<i>Лузянин С.Г., Ларин А.Г.</i> Проблема китайских мигрантов в России в контексте сопряжения «ЕАЭС—Шелковый путь»	64
<i>Денисов И.Е., Адамова Д.Л.</i> Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации	76
<i>Давыдов А.С.</i> США—Китай—Россия: новые «треугольные» игры	91
<i>Балакин В.И.</i> Потенциал российско-китайского взаимодействия в противостоянии новым вызовам со стороны США	109
<i>Морозов Ю.В.</i> «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС	121

<i>Клименко А.Ф.</i> Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблемы и перспективы ее реализации в аспекте обеспечения безопасности	139
<i>Сафронова Е.И.</i> Страны — участницы ШОС в Евразийском экономическом союзе: специфика «перекрестного» членства	154
<i>Васильев Л.Е.</i> К вопросу о территориальных спорах Китая	172
<i>Криворотов А.К., Виноградов А.О.</i> К итогам нормализации китайско-норвежских отношений	187
<i>Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С.</i> Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления	204

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Александрова М.В.</i> Китайские инвестиции в России: отраслевой срез	219
<i>Сюй Гуанмяо</i> К вопросу о подключении проекта развития Северного морского пути к китайскому стратегическому плану «Один пояс, один путь» (взаимодополняемость, препятствия и возможные направления)	243
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> «Экономический пояс Шелкового пути» как механизм экономической геополитики Китая в постсоветских странах	257
<i>Сазонов С.Л.</i> Центральноазиатское направление транспортной стратегии Китая	274
<i>Замараева Н.А.</i> Китайско-пакистанский экономический коридор — первый этап реализации	289

Матвеев В.А.

Международное сотрудничество КНР в газовой сфере
как стратегический приоритет современной энергетической
политики Китая 308

Кутелева А.В.

Стратегия энергетической безопасности Китая:
взгляд из Канады 322

Тимофеев О.А., Ронжина В.С.

Сопрежение программ «Сделано в Китае — 2025» и Industrie 4.0
как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии 338

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Виноградов А.О., Луцик М.О.

К истории формирования отношений КНР—ЕС 352

Саркисова Г.И.

Роль пристава российских духовных миссий В.К. Игумнова
в истории российско-китайских отношений второй половины
XVIII века (по архивным материалам) 369

Summary 385

Сведения об авторах 395

CONTENTS

60 YEARS OF THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY (G.V. Kulikova)	10
---	----

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC

<i>Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)</i> «One Belt, One Road»: Russian Projection and Problems of Conjugation	27
<i>Vladimir Ye. PETROVSKY</i> Russia, China and the Outline of the «Big Eurasian Partnership»	37
<i>Alexander V. LOMANOV</i> Strategy of China's Cultural Influence in the «One Belt, One Road» Project	52
<i>Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN), Alexander G. LARIN</i> The Problem of Chinese Migrants in Russia in the Context of the «EAEU — New Silk Road» Conjugation	64
<i>Igor Ye. DENISOV, Daria L. ADAMOVA</i> Xi Jinping's Foreign Policy Rhetoric: Main Features and Issues of Interpretation	76
<i>Andrey S. DAVYDOV</i> USA—China—Russia: New «Triangle» Games	91
<i>Vyacheslav I. BALAKIN</i> Potential of the Russia-China Interaction in Opposing the US' New Challenges	109
<i>Yu. V. MOROZOV</i> United States' «Soft & Hard» Strategy towards Russia, China and Other SCO Member States	121

Anatoly F. KLIMENKO

Development Strategy of the Shanghai Cooperation
Organization: Problems and Prospects of its Implementation
in the Field of Security 139

Elena I. SAFRONOVA

SCO Countries — Participants of the Eurasian Economic Union:
Specificity of the «Cross» Membership 154

Leonid Ye. VASILIEV

On Territorial Disputes of China 172

Andrey K. KRIVOROTOV, Andrey O. VINOGRADOV

Assessing Normalization of Sino-Norwegian Relations 187

*Vassily B. KASHIN, Alexander S. KOROLEV,
Anastassiya S. PYATACHKOVA*

Chinese Foreign Aid Policy: Basic Principles and Directions 204

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

Maria V. ALEXANDROVA

Chinese Investments in Russia: Sectoral Dimension 219

XU Guangmiao

On the Connection of the «Northern Sea Route» Development
Project to the Chinese Strategic Plan «One Belt, One Road»:
Complementation, Obstacles and Available Modes 243

Alexander Ch. MOKRETSKY

«Silk Road Economic Belt» as a Mechanism of China's
Economic Geopolitics in the Post-Soviet Countries 257

Sergey L. SAZONOV

The Central Asian Direction of China's Transport Strategy 274

Natalya A. ZAMARAYEVA

China-Pakistan Economic Corridor: First Stage
of the Implementation 289

Vladimir A. MATVEEV

International Cooperation in the Natural Gas Sphere
as a Strategic Priority of China's Modern Energy Policy 308

Anna V. KUTELEVA

Canada's Views on China's Energy Security Strategy 322

Oleg A. TIMOFEEV, Valeria S. RONZHINA

Conjugation of «Made in China — 2025» and Industrie 4.0
Programmes as the Basis of the Cooperation between the PRC
and Germany in the Field of Innovation 338

HISTORY OF CHINA'S FOREIGN POLICY AND RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Andrey O. VINOGRADOV, Milena O. LUSHCHIK

On the History of China-EU Relations 352

Galina I. SARKISOVA

The Role of V.K. Igumnov — Superintendent of Russian
Orthodox Missions in China in the History of Russo-Chinese
Relations of the Second Half of the XVIII Century
(Based on Archival Materials) 369

Summary 385

About the authors 395

Обществу российско-китайской дружбы — 60 лет

29 октября 2017 г. исполняется 60 лет Обществу российско-китайской дружбы — достойному преемнику и продолжателю лучших традиций Общества советско-китайской дружбы — первого Общества дружбы с народами зарубежных стран, созданного в Москве 29 октября 1957 г.

Общество советско-китайской, ныне российско-китайской дружбы в течение 60-летней истории ни на один день не прекращало своей деятельности. Став первой организацией народной дипломатии в российско-китайских отношениях, ОРКД всегда играло важную роль в привлечении широких слоев общественности нашей страны к развитию взаимопонимания, дружбы, сотрудничества, а ныне и отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между нашими странами и народами.

Проведение в Большом актовом зале Государственной консерватории им. П.И. Чайковского учредительного собрания по созданию Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) отражало давние многолетние симпатии народов нашей страны к Китаю и готовность внести свой вклад в развитие всестороннего сотрудничества с народом, одержавшим победу в народной революции и строящим новую жизнь на древней китайской земле.

30 октября 1957 г. газета «Правда» опубликовала подробную информацию об учредительном собрании по созданию ОСКД, а газета «Жэньминь жибао», комментируя это событие, назвала создание Общества «новым звеном во всестороннем сотрудничестве советского и китайского народов».

В первое десятилетие после создания первым председателем ОСКД был избран известный государственный и общественный

деятель, член Президиума Верховного Совета СССР Андрей Андреевич Андреев.

250 известных общественных и государственных деятелей участвовали в деятельности семи секций, созданных при Обществе.

Вскоре после создания ОСКД превратилось в массовую и представительную организацию советской общественности, отделения которой были созданы в союзных республиках, краях и крупных городах нашей страны. 400 промышленных предприятий, научных и культурных учреждений, вузов и школ вошли в состав Общества на правах коллективных членов.

С первых дней после создания ОСКД установило и активно развивало связи и контакты с Обществом китайско-советской дружбы (ОКСД), созданным в Китае 5 октября, на четвертый день после провозглашения КНР, также первого в Китае общества дружбы с народами зарубежных стран, которое сначала возглавил член Политбюро, секретарь ЦК КПК Лю Шаоци, а с 1954 г. — Сун Цинлин — заместитель председателя КНР.

12 ноября 1959 г. в Москве было заключено Соглашение о сотрудничестве ОСКД с ОКСД. Это соглашение стало важным этапом в деятельности ОСКД, расширения его связей с китайскими партнерами.

Соглашение содействовало установлению непосредственных контактов между отделениями ОСКД в республиках, краях, областях и городах, а также трудовых коллективов нашей страны с отделениями ОКСД в провинциях и городах Китая и китайскими предприятиями и организациями.

В период с 1957 по 1967 г. в нашей стране была проведена не одна сотня мероприятий, посвященных различным событиям китайской истории, героической борьбе китайского народа за победу революции, помощи и поддержке, которую на всех этапах китайской революции оказывал Китаю Советский Союз. Было принято более ста делегаций из Китая, посетивших нашу страну не только по приглашению Центрального правления ОРКД, но и его региональных отделений.

Однако серьезные осложнения в советско-китайских отношениях, возникшие с начала 1960-х годов, негативно сказались и на об-

щественных связях. Начиная с 1964 г. китайские партнеры резко сократили обмен делегациями, с 1967 г. — практически свернули свою деятельность и прекратили все контакты с ОСКД.

В этот период деятельность ОСКД приобрела особое значение. В условиях отсутствия контактов с китайскими партнерами ОСКД было вынуждено изменить форму своей работы, оставляя неизменным ее содержание.

29 января 1969 г., то есть в самый разгар так называемой «культурной революции» в Китае, в Москве была проведена II Всесоюзная конференция ОСКД. Конференция в принятом постановлении заявила о том, что главной задачей своей деятельности считает «содействие сохранению, развитию и укреплению дружбы и сотрудничества между народами наших стран; широкому ознакомлению советской общественности с жизнью китайского народа, его историей и культурой, способствуя тем самым воспитанию уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации; проведение мероприятий, воскресающих немеркнущие страницы совместной борьбы против фашистской Германии и милитаристской Японии».

Итоги этой деятельности были подведены на состоявшейся в Москве 17 февраля 1978 г. III Всесоюзной конференции ОСКД.

Конференция поставила задачу «продолжать работу по ознакомлению советской общественности со знаменательными событиями национально-освободительного и революционного движения китайского народа, проводить мероприятия, посвященные годовщинам КНР, юбилеям видных деятелей китайской культуры, немеркнущим страницам из истории советско-китайских отношений». От имени советской общественности конференция заявила о готовности ОСКД возобновить контакты с ОКСД на основании Соглашения от 12 ноября 1959 г.

В качестве гостей в работе III Всесоюзной конференции ОСКД впервые после учредительной конференции 29 октября 1957 г. приняла участие большая группа китайских дипломатов во главе с советником-посланником посольства КНР в РФ Тянь Цзэнпэем. Китайским дипломатам были переданы все материалы конференции; они были ознакомлены с фотоэкспозицией, рассказывающей о дея-

тельности ОСКД, а также с выставкой из 250 книг, изданных в нашей стране за предшествующие 10 лет по различным вопросам истории, литературы и искусства Китая. Таким образом, китайские дипломаты явились свидетелями того, как ОСКД от имени советской общественности первым протянуло руку своим китайским партнерам. Однако к рукопожатию китайская сторона еще не была готова.

Инициатива советской стороны по восстановлению контактов с китайскими партнерами была подтверждена в 1982 г., когда отмечалось 25-летие ОСКД. В Пекин в адрес ОКСД было направлено приглашение. Однако делегация ОКСД в Москву не прибыла. Присутствовавший на юбилейном вечере посол КНР в СССР Ян Шоучжэн огласил приветствие ОКСД — первое после большого перерыва официальное послание китайских партнеров, в котором отмечалась «благородная деятельность ОСКД, направленная на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами».

В октябре 1983 г. ОКСД впервые после 18-летнего перерыва пригласило в Китай делегацию ОСКД. Делегация ОСКД во главе с первым заместителем председателя ОСКД академиком С.Л. Тихвинским была тепло принята в Китае. А в ноябре 1983 г. Советский Союз по приглашению ОСКД посетила делегация ОКСД во главе с Лян Шуфэнь — вице-губернатором и заместителем председателя ОКСД провинции Хубэй. Делегационные обмены 1983 г. убедили их советских и китайских участников в том, что народы наших стран не только сохранили теплые чувства друг к другу, но и готовы возобновить дружеские связи и контакты.

Таким образом, активная деятельность ОСКД в непростой для двусторонних межгосударственных отношений период привела к восстановлению советско-китайских общественных связей, что явилось наглядным подтверждением роли народной дипломатии не только в становлении, но и восстановлении двусторонних советско-китайских отношений.

29 октября 1987 г. ОКСД исполнилось 30 лет.

На торжественном собрании председатель ОКСД академик С.Л. Тихвинский сообщил о том, что за период с 1967 по 1987 г. по линии Общества в нашей стране было проведено 300 мероприятий,

посвященных различным сторонам жизни Китая и советско-китайских отношений. ОСКД, продолжавшее активно работать даже в годы так называемой «культурной революции», не только помогло сблизить взаимные теплые чувства народов Советского Союза и Китая, но и стало своего рода центром, сплотившим вокруг себя всех представителей советской общественности, кому было дорого дело дружбы с китайским народом.

На собрании было оглашено приветственное послание председателя ОКСД У Сююаня, в котором говорилось о том, что «в Китае высоко ценят деятельность ОСКД, которое за 30 лет проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и дружбы между народами Китая и Советского Союза».

Важным событием, содействовавшим дальнейшему развитию советско-китайских межгосударственных и общественных связей, стал визит в нашу страну в апреле 1990 г. премьер-министра Госсовета КНР Ли Пэна, а в мае 1991 г. — генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Цзян Цзэминя. Во время визитов в нашу страну китайских руководителей по их инициативе состоялись их встречи с руководителями и активистами ОСКД, что явилось подтверждением признания в Китае вклада Общества в восстановление советско-китайских общественных связей и нормализацию межгосударственных отношений.

Наступил 1991 год. Не стало Советского Союза. Перестал существовать ССОД. Входящие в его состав 85 обществ дружбы с народами зарубежных стран, в том числе и первое из них — ОСКД, лишились штатных работников и должны были существовать, опираясь на собственные силы и средства.

В переломные 1990-е годы народная дипломатия снова доказала свою востребованность.

Благодаря активной деятельности ОСКД во главе с председателем, директором ИДВ АН СССР академиком М.Л. Титаренко, активной позиции коллектива Института, самоотверженным усилиям активистов ОСКД, большой и активной позиции представителя ССОД, ОСКД, с декабря 1989 г. работавшей в Китае в составе посольства СССР в качестве советника, поддержанной китайскими партнерами, ОСКД не только не прекратило свою деятельность, но,

получив безвозмездно помещение в ИДВ, стало искать и находить новые пути для активизации своей работы.

В январе 1992 г. в Москве была проведена очередная отчетно-выборная конференция ОСКД, на которой ОСКД было переименовано в Общество российско-китайской дружбы (ОРКД). В Пекине нашим партнером также стало Общество китайско-российской дружбы (ОКРД).

29 октября 1997 г. ОРКД отмечало свой 40-летний юбилей. В адрес Общества поступило приветственное послание от президента РФ Б.Н. Ельцина. 40-летний юбилей ОРКД своим посланием приветствовали также Е.М. Примаков — министр иностранных дел РФ, а также наши китайские партнеры. Посол КНР в РФ Ли Фэнлинь в своем выступлении на собрании сказал: «На протяжении многих лет Вы отдавали душу и силы и внесли выдающийся вклад в дело взаимопонимания и дружбы между нашими странами и народами. Ваши заслуги навсегда войдут в летопись китайско-российских отношений».

3 апреля 1998 г. в Москве состоялась (VI) Всероссийская конференция ОРКД, на которой председателем Общества был избран директор ИДВ РАН, член-корреспондент (впоследствии академик) М.Л. Титаренко. Академик С.Л. Тихвинский, многие годы возглавлявший ОРКД, стал почетным председателем ОРКД. Первыми заместителями председателя были избраны: В.И. Иванов — руководитель группы ветеранов в составе ЦП ОРКД и Г.В. Куликова — представитель ОРКД и Росзарубежцентра (преемника ССОД) в Китае.

16 июля 2001 г. в Москве был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Договор, закрепивший концепцию «вечной дружбы и отсутствия вражды» между нашими странами, призвал народы России и Китая быть «добрыми соседями, лучшими друзьями и надежными партнерами», а молодое поколение продолжать и развивать традиции дружбы, заложенные старшим поколением.

Для участия в реализации этих задач ОРКД поставило перед собой задачу не только расширить массовую базу, но и активизировать свою деятельность. Для того чтобы обеспечить преемственность идей добрососедства и дружбы, главным направлением деятельно-

сти ОРКД стало распространение в нашей стране объективной информации о Китае, его больших успехах в модернизации страны, его истории и культуре, богатых традициях дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами, о значении российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства для подъема и успешного развития России.

На решение этих важных задач была направлена деятельность ЦП ОРКД и существующих к этому времени региональных отделений, действующих в Санкт-Петербурге, Приморском, Хабаровском и Алтайском краях, Республике Саха-Якутия, Республике Марий-Эл, Карелии, Свердловской, Амурской, Иркутской, Читинской и Новосибирской областях, в Еврейской автономной области, Курске, Перми и Орле.

Итоги этой деятельности были подведены на состоявшейся в Москве 24 апреля 2003 года VII отчетно-выборной конференции ОРКД. В отчетном докладе председателя ОРКД, директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко была дана высокая оценка участию ОРКД совместно с ОКРД в проведении поочередно в Москве и в Пекине семи форумов, направленных на установление и развитие российско-китайского межрегионального сотрудничества; широкого празднования в Пекине и в Москве 50-летних юбилейных дат, посвященных 50-летию КНР, 50-летию китайско-российских дипломатических отношений и 50-летию ОКРД.

Начиная с 2006 г. ОРКД выступило активным участником таких крупномасштабных акций, как Национальные и Языковые годы, Годы туризма, Годы молодежных обменов и Годы СМИ.

По линии ОРКД только в Москве в период 2003—2010 гг. ежегодно проводилось от 20 до 30 общественно-политических мероприятий.

ОРКД продолжало выступать инициатором и единственным организатором в Москве и других городах торжественных собраний, посвященных годовщинам образования КНР и российско-китайских дипломатических отношений, Российско-Китайского договора, годовщинам победы советского народа в Великой Отечественной войне и китайского народа в Войне сопротивления японским агрессорам, годовщинам со дня создания организаций дружбы.

Итоги этой деятельности были подведены на состоявшейся в Москве в декабре 2010 г. VIII отчетно-выборной конференции ОРКД.

М.Л. Титаренко в отчетном докладе напомнил о том, что в 2009 г. по инициативе ОРКД в Большом актовом зале МГИМО МИД РФ было проведено торжественное собрание, посвященное 60-летию КНР, 60-летию российско-китайских дипломатических отношений и 60-й годовщине со дня создания ОКРД. Для участия в этом собрании в Москву прибыла делегация КНОДЗ — ОКРД во главе с председателем Чэнь Хаосу. В составе делегации было 30 ветеранов, в том числе дети и родственники первого поколения китайских руководителей и известных китайских революционеров: дочь Мао Цзэдуна — Ли Минь; дочь и сын Лю Шаоци — Лю Айцин и Лю Юань; сын Ху Яобана — Ху Дэпин; сын Чэнь Юня — Чэнь Юань; дочь Цюй Цюбо — Цюй Дуи и другие.

А в Пекин для участия в торжествах, посвященных 60-летию КНР, 60-летию двусторонних дипломатических отношений и 60-летнему юбилею ОКРД, была приглашена делегация ОРКД, ставшая единственной из России делегацией на этих торжествах.

Результатом юбилейных мероприятий явилось подписание первого за всю историю контактов Совместного заявления ОРКД и ОКРД, в котором были обобщены итоги 60-летнего сотрудничества обществ дружбы.

В отчетном докладе М.Л. Титаренко рассказал также о том, как торжественно отмечался в нашей стране в 2007 г. 50-летний юбилей ОРКД, какая высокая оценка была дана деятельности ОРКД в приветственном послании Президента РФ В.В. Путина, министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, а также представителей китайской стороны.

«Все эти годы активисты Общества ведут плодотворную деятельность по укреплению взаимопонимания и всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом Китайской Народной Республикой. Народная дипломатия во многом помогла сберечь традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударственных связей, а затем подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодейст-

вия. Уверен, что Вы и впредь будете вносить весомый вклад в развитие многоплановых российско-китайских связей», — говорилось в приветствии Президента РФ В.В. Путина.

«Деятельность ОРКД, несомненно, является неотъемлемым компонентом всего огромного комплекса российско-китайских отношений», — отмечалось в приветственном послании министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова.

«Опорной силой китайско-российской дружбы и ведущим отрядом народной дипломатии в отношениях между Китаем и Россией» назвал ОРКД выступивший на торжественном собрании посол КНР в РФ Лю Гучан.

В 2011 г. по инициативе ОРКД в нашей стране была торжественно отмечена 10-летняя годовщина со дня подписания Российско-Китайского Договора. Этот год был ознаменован присуждением Государственной премии создателям фундаментального труда «Энциклопедия духовной культуры Китая»: академику М.Л. Титаренко, докторам философских наук А.Е. Лукьянову и А.И. Кобзеву «За выдающийся вклад в развитие отечественного и мирового китаеведения, подготовку и издание академической энциклопедии “Духовная культура Китая”».

В 2012 г. в Москве и в Пекине отмечалась 55-я годовщина со дня создания ОРКД. Состоялась торжественная презентация книги Г.В. Куликовой «Россия—Китай. Народная дипломатия», рассказывающая об истории создания и деятельности ОРКД и ОКРД, их важной роли как каналов народной дипломатии в становлении, восстановлении и развитии российско-китайских отношений. По словам почетного председателя ОРКД академика С.Л. Тихвинского, сказанным во время презентации книги в Москве, «55-летняя история ОРКД — это история самоотверженного служения тысяч и тысяч энтузиастов нашей страны идеалам дружбы двух великих народов, вдохновляемых уверенностью в исторической необходимости добрососедства, дружбы и сотрудничества между великими государствами и народами для судеб наших стран».

Важными событиями в истории российско-китайских отношений стал 2014 год — год 65-летия КНР, 65-летия российско-китай-

ских отношений и 65-летия ОКРД. Эти даты были торжественно отмечены и в Пекине, и в Москве.

В Пекине торжества прошли в Доме народных собраний с участием председателя ПК ВСНП Чжан Дэцзяна и находящейся в эти дни с визитом в КНР председателя Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко. В мероприятиях в Москве, посвященных этим юбилейным датам, приняла участие представительная делегация ОКРД во главе с председателем ОКРД, заместителем председателя ВК НПКСК Чэнь Юанем.

В 2015 г. деятельность ОРКД была направлена на подготовку и проведение мероприятий, посвященных 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне и китайского народа в борьбе против японских агрессоров.

По инициативе ОРКД и ИДВ РАН в Москве 5—6 мая была проведена международная конференция на тему «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне». В конференции приняли участие 150 российских и китайских ученых, а также делегация ОКРД во главе с председателем Чэнь Юанем. Конференцию своими посланиями приветствовали Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин.

ОРКД и ИДВ РАН выступили также инициаторами организации и проведения торжественного собрания, посвященного 70-летию победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны, которое состоялось 16 сентября 2015 г. в Зале полководцев Центрального музея Великой Отечественной войны с участием 800 представителей российской общественности, а также в проведении четырех тематических выставок, организованных совместно с китайской стороной по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны. ОРКД оказало содействие поездке группы российских ветеранов во главе с генералом армии М.А. Гареевым в Китай для участия в юбилейных мероприятиях. Российским ветеранам были вручены медали «70 лет Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны». Российские ветераны были на площади Тяньаньмэнь в день юбилейного парада, а генерал армии М.А. Гареев и генерал-майор Т.Г. Шудло — участники боев за осво-

бождение Северо-Востока Китая от японских агрессоров — были приглашены на главную трибуну китайских руководителей.

Особое значение деятельность ОРКД приобрела в 2016 г., когда с участием председателя КНР Си Цзиньпина и президента РФ В.В. Путина в Китае и в России отмечались такие исторические даты, как 20-летие с момента провозглашения Россией и Китаем курса на развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, и 15-летие со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

Для участия в праздновании этих дат в Китай 25 июня 2016 г. с официальным визитом прибыл Президент РФ В.В. Путин. В ходе визита, высоких встреч и переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином, председателем ПК ВСНП Чжан Дэцзяном и премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном стороны провозгласили стратегическую программу развития двусторонних отношений и обнародовали Совместное заявление РФ и КНР; Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР об укреплении глобальной стратегической стабильности и Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства. Было принято также Совместное заявление Евразийской экономической комиссии и Министерства коммерции КНР, что дало старт практической работе по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути.

Программа официального визита в Китай Президента РФ В.В. Путина завершилась торжественным собранием, посвященным 15-й годовщине со дня подписания Российско-Китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. В выступлениях на собрании В.В. Путин и Си Цзиньпин высоко оценили Российско-Китайский договор, подписанный 15 лет тому назад, как не только отвечающий коренным интересам наших народов, задачам долговременного развития двух государств, но и служащий факторам региональной и глобальной безопасности и стабильности.

В торжественных мероприятиях в Пекине, по приглашению КНОДЗ-ОКРД, участвовала делегация ОРКД, также являвшаяся

единственной представительницей российской общественности на этих торжествах.

15-я годовщина Российско-Китайского договора была торжественно отмечена в Москве.

По инициативе ОРКД и ИДВ РАН в Актовом зале Государственного университета управления — коллективного члена ОРКД 16 июля было проведено торжественное собрание общественности Москвы с участием представителей Республик Татарстан, Дагестан, Чеченской Республики, городов Нижний Новгород и Тула.

Выступившие на собрании заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ И.М. Умаханов, огласивший приветствие от имени председателя Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко; директор ИДВ РАН С.Г. Лузянин; посол КНР в РФ Ли Хуэй и руководитель делегации ОКРД Чжоу Лицунь высоко оценили Российско-Китайский договор, являющийся юридической базой всего комплекса российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

За период 2010—2016 гг. ОРКД провело только в Москве около 150 мероприятий, посвященных различным сторонам жизни Китая и России и российско-китайским отношениям.

Традиционно Общество продолжало участвовать в российско-китайских молодежных обменах. Большое внимание в деятельности ОРКД всегда уделялось и продолжает уделяться работе с вузами, студенческой и школьной молодежью, мы содействуем их контактам с китайскими коллегами, участвуем в организации и проведении конкурсов на лучшее знание китайского языка.

Так, 20—21 мая 2016 г. в Москве совместно с Отделом образования посольства КНР в РФ ОРКД пятый раз приняло участие в организации и проведении V Всероссийского конкурса для учеников средних школ «Мост китайского языка», участниками которого были школьники из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Новосибирска, Читы, Хабаровска, Иркутска, Владивостока, Благовещенска, Улан-Удэ, Перми, Иваново и Тынды. Победители конкурса получили возможность продолжить учебу и стажировку в Китае за счет китайской стороны.

По приглашению ОРКД за последние годы Россию посетили делегации практически всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Члены делегаций встречались с руководителями ОРКД, делегациям оказывалось посильное содействие в контактах с российскими партнерами.

Свою деятельность в 2016 г. ОРКД начало с проведения 25 января торжественного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Ху Яобана — видного государственного и партийного деятеля КНР, друга нашей страны

В собрании, которое открыл председатель ОРКД академик М.Л. Титаренко, в течение более двух лет из-за болезни не участвовавший мероприятиях Общества, приняли участие дипломатические сотрудники посольства КНР в РФ во главе с послом Ли Хуэем. Ли Хуэй в своем выступлении выразил большую благодарность организаторам за проведение в год 95-летия КПК собрания, посвященного 100-летию Ху Яобана — одного из известнейших китайских коммунистов, патриотов своей Родины, настоящих борцов за ее развитие, процветание и благополучие народа; человека, на всех этапах своей жизни выступавшего за дружбу и сотрудничество с российским народом.

Поблагодарив посла Ли Хуэя за выступление, М.Л. Титаренко сказал:

«Наше торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Ху Яобана — видного государственного и политического деятеля Китая, всегда активно выступавшего за дружбу и сотрудничество между нашими странами и народами, призывает нас к тому, чтобы как зеницу ока беречь, развивать и преумножать традиции дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами. Если ты патриот, любишь свою Родину, желаешь ей дальнейших успехов, ты должен знать, что добрососедство, дружба и сотрудничество с нашим великим соседом Китаем, успешное развитие российско-китайских отношений является залогом наших успехов, залогом нашего движения вперед. Укрепление дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами — это долг каждого россиянина, любящего свою Родину и заботящегося о ее процветании. Именно эти задачи стоят сегодня перед ОРКД в его повседневной деятельности».

25 февраля 2016 г. М.Л. Титаренко не стало. Ушел из жизни выдающийся ученый-востоковед и китаевед, глубокий знаток китайской философии и культуры, лауреат Государственной премии, в течение почти 30 лет возглавлявший ИДВ РАН и ОРКД.

Эти слова председателя ОРКД академика М.Л. Титаренко, сказанные 25 января 2016 г., стали своего рода завещанием для всех тех, кто вместе с М.Л. Титаренко в течение многих лет участвовал и продолжает участвовать в деятельности ОРКД во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами.

6 июня 2016 г. состоялось внеочередное заседание ЦП ОРКД по выборам нового председателя ОРКД. По предложению инициативной группы на пост председателя ОРКД была предложена кандидатура Мезенцева Дмитрия Федоровича — члена Совета Федерации ФС РФ, Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Участникам заседания были представлены биографические данные Д.Ф. Мезенцева, связанные с его работой на различных постах как в России, в том числе в качестве заместителя председателя Совета Федерации ФС РФ, губернатора Иркутской области, так и в Китае в должности генерального секретаря Шанхайской организации сотрудничества. Выступившие на заседании заместители председателя и члены ЦП ОРКД, знавшие Д.Ф. Мезенцева по совместной работе в России и в Китае, подчеркивали его ответственное отношение к делу, хорошие организаторские способности, знание российских регионов, его умение общаться с коллегами, а главное — его большой интерес и уважение к Китаю, большое желание активно участвовать в развитии российско-китайских отношений.

В результате голосования Д.Ф. Мезенцев был единогласно избран председателем ОРКД.

Д.Ф. Мезенцев, поблагодарив участников заседания за оказанное доверие, сказал, что ОРКД будет формировать свои задачи «с учетом того уникального уровня стратегического партнерства, авторами которого являются Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин». При этом он подчеркнул, что ОРКД будет находить такие формы взаимодействия между миллионами граждан наших стран, которые будут рассказывать жителям Китая о России, а в России — о Китае; содействовать развитию практических отно-

шений в формате «регион—регион», поддерживать отношения профессиональных и общественных организаций, представителей различных уровней бизнеса. 7 июня 2016 г. почетный председатель академик С.Л. Тихвинский поздравил Д.Ф. Мезенцева с избранием и вручил ему удостоверение председателя ОРКД.

В адрес вновь избранного председателя ОРКД Д.Ф. Мезенцева поступили поздравления от председателя КНОДЗ Ли Сяолинь, председателя ОКРД, заместителя председателя ВК НПКСК Чэнь Юаня и помощника министра иностранных дел КНР Ли Хуэйлая. В поздравительных посланиях отмечался большой опыт государственной службы в России и успешной работы Д.Ф. Мезенцева на посту генерального секретаря ШОС. «Ваше избрание председателем ОРКД продемонстрировало высокое уважение Вашей страны к дружбе между Россией и Китаем, большое внимание, которое уделяется деятельности ОРКД. Мы верим, что на посту председателя ОРКД сотрудничество между организациями непременно достигнет новых высот», — написал председатель ОКРД Чэнь Юань.

Наступил 2017 год — год 60-летия ОРКД.

С 10 по 14 апреля 2017 г. председатель ОРКД Д.Ф. Мезенцев во главе делегации посетил Пекин. Целью поездки делегации было обсуждение с китайскими коллегами мероприятий, посвященных 60-летию ОРКД, а также информирование китайской стороны о новом этапе в деятельности Общества, направленной на активизацию его участия в российско-китайском деловом и гуманитарном сотрудничестве.

На встрече в МИД КНР с Гуй Цунью — руководителем Департамента по делам Европы и Азии, а также в КНОДЗ и ОКРД с председателем ОКРД, заместителем председателя ВК НПКСК Чэнь Юанем и заместителем председателя КНОДЗ и ОКРД Сун Цзинью Д.Ф. Мезенцев сообщил китайской стороне свои предложения об издании в России и в Китае к 60-летию ОРКД фотоальбома о регионах России и Китая на русском и китайском языках; книги для подростков, чтобы в литературной и художественной формах ознакомить молодое поколение наших стран с 8—10 главными и наиболее важными событиями в истории России и Китая; об издании сборника, в котором ведущие специалисты и ученые двух стран изложили

бы свое видение проблем, стоящих перед Россией и Китаем, а также свою позицию по актуальным вопросам международной политики; о расширении сотрудничества обществ дружбы России и Китая с государственными туристическими организациями.

Расширению контактов ОРКД с регионами и содействию в активизации их сотрудничества с китайскими партнерами, а также в качестве одного из стартовых мероприятий навстречу 60-летию ОРКД была посвящена успешно прошедшая 19 апреля в Совете Федерации ФС РФ встреча председателя Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко и председателя ПК ВСНП Чжан Дэцзяна с представителями ОРКД.

Открывая встречу, член Совета Федерации ФС РФ, председатель ОРКД Д.Ф. Мезенцев сказал: «Сегодня представители Общества, люди, много лет вкладывающие свою душу, труд, сердце в систему общественных связей, губернаторы ряда регионов, руководители МИД РФ, руководство парламентов имеют возможность доложить В.И. Матвиенко и Чжан Дэцзяну о тех планах, заботах и перспективах, которые они видят в соотнесении своей деятельности с той единой комплексной задачей, которую ставят Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин».

В.И. Матвиенко рассказала в своем выступлении об истории создания ОРКД, его деятельности и выразила уверенность в том, что под руководством Д.Ф. Мезенцева — опытного и энергичного организатора, ОРКД напишет новые яркие страницы своей деятельности.

Чжан Дэцзян также подчеркнул важность деятельности обществ дружбы в деле расширения массовой общественной базы российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

14—15 мая председатель ОРКД Д.Ф. Мезенцев принял участие в работе саммита по международному сотрудничеству в рамках проекта «Один пояс, один путь» с участием Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина, призванного способствовать формированию открытой мировой экономики, а также углублению регионального сотрудничества между нашими странами.

29—30 мая по инициативе председателя ОРКД Д.Ф. Мезенцева тема 60-летия ОРКД была включена в программу III Международ-

ной конференции «Россия—Китай: к новому качеству двусторонних отношений», организатором которой является Российский совет по международным делам во главе с И.С. Ивановым — бывшим министром иностранных дел России.

Расширение межрегионального сотрудничества является одной из главных задач деятельности ОРКД на современном этапе, в значительной степени способствующей расширению социальной базы российско-китайских отношений.

ОРКД как один из активных каналов народной дипломатии будет и впредь содействовать дальнейшему всестороннему развитию российско-китайских отношений в интересах наших стран и народов и во имя того, чтобы мы всегда оставались «добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами» и проводили в жизнь концепцию «навсегда друзья и никогда враги».

Г.В. Куликова,
первый заместитель председателя
Общества российско-китайской дружбы,
старший научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

С.Г. Лузянин

«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: РОССИЙСКАЯ ПРОЕКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕНИЯ*

Аннотация. В статье анализируются основные положения китайской концепции/проекта «Один пояс, один путь», содержание и смысл современного политологического дискурса по соответствующей проблематике, а также рассматриваются возможные направления реализации названного мегапроекта.

Особое внимание уделено российскому вектору китайской инициативы в плане выявления путей сопряжения российских планов экономического развития с китайскими начинаниями, а также расширения кооперации по вопросам сопряжения в коллективном формате (с участием новых интеграционных структур на евразийском пространстве, таких, как Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и др.).

Ключевые слова: проект «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Россия, Китай, сопряжение, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ).

* Статья написана в рамках проекта РГНФ № 16-07-00024 «Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект “Шелкового Пути” и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия в Евразии».

Глобализация — китайская версия

Форум глав государств, входящих в китайский проект «Один пояс, один путь», который состоялся в Пекине 14—15 мая 2017 г., а также двусторонняя российско-китайская встреча В.В. Путина и Си Цзиньпина по содержательной и представительской части проекта стали, несомненно, событиями большого геополитического масштаба и далеких перспектив.

Форум глав государств «Одного пояса...» можно соотнести с формированием неформальных/неинституализированных проектов глобального управления и развития (типа G-20), но уже не в западной (американской), а в китайской версии. Несмотря на то, что китайские политики и эксперты жестко дистанцируются от политических определений при анализе проблематики «Шелкового пути», очевидно, что данный проект имеет не только чисто экономическое содержание.

«Один пояс, один путь» — это начало сухопутной, евразийской (Экономический пояс Шелкового пути — ЭПШП) и морской (Морской Шелковый путь — МШП) геополитики восходящей сверхдержавы — КНР. Очевидно, что она (новая геополитика) рассчитана на длительную реализацию по срокам и, возможно, предполагает обновление/перезагрузку западной версии глобализации, активно продвигаемой США в 1990-е годы.

Форум лидеров стран «Одного пояса...» на перспективу будет как минимум означать начало глобальной политической и экономической поддержки китайской инициативы и формирования благоприятной международной среды для КНР, несмотря на сохранение ряда чувствительных и напряженных для Пекина зон — территориальные споры в Южно-Китайском море, отношения через Тайваньский пролив, ситуация на Корейском полуострове и др.

Инвестиционно-экономические треки.

Масштабы и возможности

Основной трек сегодняшнего дня — экономическое наполнение проекта. Проект предусматривает, в частности, активную инвестиционную и торгово-экономическую политику в отношении вовле-

ченных групп, включая расширение строительства железнодорожных и автомобильных магистралей. В перспективе объединенная транспортная сеть, как считают в Пекине, позволит создать надежный транспортный коридор от АТР до стран Западной Европы.

Создаваемая сеть объединит 18 азиатских и европейских стран общей площадью 50 млн кв. км с населением в 3 млрд человек¹. За прошедшие 10 лет ежегодный прирост товарооборота Китая со странами, расположенными вдоль ЭПШП, составлял около 19 %, и в 2016 г. общий объем торговли КНР со странами вдоль Шелкового пути достиг 954 млрд долл. или 25,7 % мирового товарооборота².

Концепция Экономического пояса Шелкового пути означает, что Китай рассматривает регион Центральной Азии в экономическом и интеграционном плане значительно шире, чем остальные региональные участники. Фактически, предлагается мегапроект экономического со-развития территорий от Восточной Азии до Европы, и Китай выступает как его главный исполнитель и вдохновитель. Речь не идет о создании некоей евразийской зоны свободной торговли (ЗСТ), а, скорее, о развитии экономик и транспортных/инфраструктурных проектов при помощи КНР в Евразии.

По мнению руководства Китая, созданный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) позволит придать новый импульс региональному инфраструктурному строительству, сократить отток капиталов из Азии, активизировать экономический рост не только в странах региона, но и во всем мире. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян отметил, что АБИИ с начальным уставным капиталом в 100 млрд долл. будет сугубо коммерческим институтом, открытым и для стран, не входящих в регион³.

Ли Кэцян подчеркивал также, что «АБИИ будет отличаться от АБР и ВБ, которые являются политизированными институтами и выступают в качестве государственных агентов. Предоставление кредитов со стороны АБИИ не будет обуславливаться выполнением целого ряда требований, как это делают упомянутые банки»⁴.

К настоящему времени (2017 г.) количество членов АБИИ увеличилось до 54. Анализируя состав членов АБИИ, нетрудно заметить, что Пекин достаточно умело вовлекает в орбиту выгодной финансовой кооперации своих региональных противников, с которыми в по-

литическом плане у него имеются определенные разногласия (Вьетнам и Филиппины — спорные острова в Южно-Китайском море, Индия — пограничные споры и региональное соперничество и др.). Подобная линия на вовлечение свидетельствует о гибкости стратегического курса КНР и об ее попытках в реалиях АБИИ и «Пояса и пути» возродить западный либеральный принцип приоритетности экономических интересов над политическими, но уже в китайской интерпретации. Одно время этот принцип перестал работать, но в случае с КНР он явно «поднимается на щит», но уже в новых условиях.

Проекты «Пояса и пути» интенсифицируют процесс «выхода за рубеж» прямых китайских инвестиций, призванных нарастить объемы экспорта китайской инновационной продукции в транспортной отрасли, а также китайских передовых технологий и способствовать монополизации Китаем евроазиатского рынка создания транспортных сетей. Сооружаемая за рубежом транспортная сеть позволит КНР ускорить экономическое развитие ее центральных и западных провинций, а за счет увеличения континентальных перевозок — стимулировать рост объемов внешней торговли страны.

Варианты для России. Версия «частичного сопряжения»

«Перекройка» Евразии, но без участия США и их ближайших союзников несет России как выгоды, большие возможности, так и риски. Подписанное в Москве 8 мая 2015 г. российско-китайское Заявление о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза политически актуализирует «российскую часть» двух инициатив. То есть документ автоматически определяет российское евразийское пространство (от Урала до западных и центральноазиатских границ РФ) в качестве основной зоны транзита, инвестиций и промышленной кооперации.

При этом очевидно, что вопрос о сопряжении находится в начальной стадии изучения и развития. Он был политически очерчен нашими лидерами (В.В. Путиным и Си Цзиньпином), концептуально подкреплен рядом общих (в основном китайских) положений о принципах развития ЭПШП и ныне активно поддерживается экспертным анализом «генерального» проекта «Один пояс, один путь».

Основной формат сопряжения между ЕАЭС и ЭПШП видится больше как двусторонний — «Китай (главный исполнитель и вдохновитель проекта) — Россия (основной «держатель» евразийского пространства, по которому пройдет часть маршрутов «Нового Шелкового пути»). В идеале полноформатное сопряжение официально планируется как коллективное сопряжение начинаний КНР и участников ЕАЭС, включая Россию.

На сегодняшний день мы наблюдаем процесс *«неполного/ частичного сопряжения»*, который, однако, совершенно не означает, что РФ экономически и политически отрезана от потенциальных китайских возможностей — инвестиционных, инфраструктурных и других. Наоборот, данная тенденция объективно стимулирует РФ и КНР углублять сопряжение в тех сферах, которые не являются проблемными.

Еще одна особенность реализации ЭПШП в российско-китайской проекции связана с началом переформатирования межгосударственных экономических и интеграционных связей по вектору строительства «евразийского мира» без вмешательства США и их ближайших союзников. В условиях западных антироссийских санкций и попыток изоляции РФ от остального мира сближение ЭПШП, ЕАЭС и пополненной новыми членами ШОС объективно «торпедирует» американскую стратегию.

В контексте сопряжения просматривается и перспектива формирования долгосрочной евразийской линии ШОС, согласно которой Организация играла бы связующую роль между ЭПШП и ЕАЭС. В случае успеха этого процесса вероятность экономического доминирования Китая значительно снизилась бы и Россия сохранила бы ее традиционные позиции в Центральной Азии без ущерба евразийской интеграции в целом.

«Один пояс, один путь» — официальные и неофициальные оценки

28 марта 2015 г. в КНР была опубликована «Концепция и план действий по продвижению и совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пояса»

XXI века». Первоисточник, изданный с санкции Госсовета КНР, был подготовлен тремя ведомствами — Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции, и получил название «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”»⁵.

Официальная риторика Пекина нашла отражение в публикациях большинства китайских ученых, которые отмечают, что ускоренное строительство «Пояса и пути» будет способствовать экономическому развитию, будет стимулировать региональное взаимодействие, укреплять взаимопонимание между различными культурами стран, расположенных вдоль Экономического пояса Шелкового пути, и в целом будет направлено на поддержание мира и всеобщего развития. Реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» должна осуществляться на принципах общих консультаций, совместной работы и взаимной выгоды, а также должны предприниматься попытки интеграции стратегий развития стран-участниц.

Российское участие в проекте рассматривается в данном дискурсе в основном как «фоновый фактор». Китайские ученые и политики в большинстве своем отмечают возможность для РФ (да и для других партнеров) использовать предоставленные Китаем «исторический шанс» и ресурсы для ее развития. Причем предложение участвовать в проекте делалось Пекином порой в довольно жесткой, императивной форме, не предполагающей иных (кроме согласия и благодарности) ответов от стран-партнеров.

Из официальной доктрины (*Концепции и плана действий по продвижению совместного создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»*) следует, что одна из ключевых целей «Пояса и пути» — это создание транспортной инфраструктуры для доставки товаров в Европу. КНР планирует использовать проект в качестве огромного механизма внедрения ее капитала, технологий, оборудования и рабочей силы в страны Центральной Азии, которые остро нуждаются в совершенствовании их транспортно-транзитных возможностей. Перечень сделок, заключенных в рамках концепции ЭПШП, подтверждает, что прокладка транспортных «артерий» все же не является главной целью китай-

ских инвестиций: Китай вкладывает основные средства в энергетику, сырьевые отрасли, сферу услуг, обрабатывающую промышленность, телекоммуникации и недвижимость, сочетая достижение экономических целей по проникновению своего капитала в экономику других стран с геополитическим намерением превратить Китай во вторую по значению и экономическому потенциалу державу мира.

Институт Дальнего Востока РАН:

«использовать открывающиеся шансы...»

Ключевой работой, увенчавшей на данном этапе российский дискурс по проблематике ЭПШП, стала книга (сборник статей) восьми ведущих экспертов Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) — «Новый Шелковый путь и его значение для России»⁶. Если суммировать концептуальную часть исследования, следует выделить ряд базовых положений, имеющих большое значение и для проекта «Пояс и путь».

Во-первых, в работе представлены две стороны «одной медали» ЭПШП — справедливые опасения России, других участников относительно вероятности отрицательного воздействия китайского мегапроекта на страны-партнеры, с одной стороны, и возможные реальные выгоды для российского экономического, транспортного и гуманитарного пространства — с другой.

Авторы справедливо резюмируют: «Концепции «Экономического пояса Шелкового пути», а, точнее — проекту «Пояс и путь» придан благородный пафос — призыв к человечеству совместными усилиями построить новую экономическую систему — «воплощение мечты мирового сообщества». Нетрудно различить здесь ноту идеализма, — отмечают они, — однако это не умаляет конструктивной ценности концепции»⁷.

Во-вторых, авторы обоснованно выделяют проблематику евразийской интеграции как главную, основную. «Взаимоотношения России с Китаем по поводу «Экономического пояса Шелкового пути» развивается в свете тезиса о сопряжении процессов строительства «Пояса» и ЕАЭС, который придает обоим этим проектам роль

и значение механизмов евразийской интеграции». И далее эксперты отмечают, что «такой подход (как равноправных партнеров. — *С.Л.*)... по-видимому, особенно значим для Москвы — экономически более слабого участника тандема Москва—Пекин»⁸.

В-третьих, в работе характеризуются некоторые экономические перспективы РФ: усиление ее транзитного потенциала, возможности создания на Дальнем Востоке интегрированной с Китаем транспортной системы, которая позволила бы повысить пропускную способность Транссиба и БАМа в восточном направлении при использовании российских морских портов.

В-четвертых, в книге обобщены вызовы и угрозы, которые потенциально исходят от китайского проекта: резкое усиление экономического влияния КНР в Центральной Азии на фоне ослабления российского; углубление отношений Китая с ЕС при сокращении российско-европейских связей; слабая конкурентоспособность транссибирского евразийского коридора по сравнению с магистралью «Китай—Казахстан» и др. Отмечается, что в целом проект поможет КНР сделать мир более податливым к принятию ее новых международных инициатив⁹.

Итоговый вывод данной работы сделан с учетом существующих реалий: авторы считают, что России следует «принять новый порядок вещей и дальше действовать, используя по максимуму открывающиеся шансы»¹⁰.

В связи с этим следует подчеркнуть, что участие России в проекте «Пояс и путь» должно строиться, прежде всего, исходя из ее собственных интересов, в число которых входит сохранение влияния РФ в ряде сегментов ЭПШП, особенно в Центральной Азии.

Российское измерение — промежуточные итоги

Исходя из содержания российского и китайского дискурсов по вопросам сопряжения евразийских интеграционных планов России и Китая, можно прийти к следующим обобщениям:

- Несомненно, что пущенный процесс сопряжения при всех его асимметриях и нестыковках объективно позволяет России и Китаю выступать в качестве глобальных / равноправных игро-

ков в Евразии, приступивших к созданию общего экономического пространства.

- Замысел сопряжения может содержать два компонента: первый — углубление экономического взаимодействия с Китаем как единственным реальным представителем проекта ЭПШП. Причем, особенностью этого взаимодействия является двусторонность экономических форматов и стремление к созданию соответствующих бизнес-структур на территориях двух стран (например, СП). Сотрудничество в формате «ЕАЭС—Китай» пока не дает практических результатов, хотя совместная российско-китайская рабочая группа была сформирована и приступила к работе еще в июне 2015 г. Учитывая, что Казахстан также договорился о сопряжении ЭПШП с собственной национальной программой «Светлый путь», можно сказать, что поиск путей сопряжения региональных интеграционных проектов тоже ведется в двустороннем формате.
- Вторым направлением сопряжения можно считать реализацию планов по созданию ЗСТ между ЕАЭС и Китаем. Начатые в декабре 2015 г. переговоры о заключении всеобъемлющего соглашения в области торгово-экономического сотрудничества сторон, рассчитанные на несколько лет, априори не направлены на осуществление серьезных шагов по созданию ЗСТ, например, таких, как значительное снижение импортных пошлин. Переговоры будут сосредоточены на инвестициях Китая в промышленный сектор, инфраструктуру и сферу услуг. Это делает главной целью сопряжения именно достижение двусторонних договоренностей по китайским капиталовложениям, которое теперь получило политическую поддержку в форме консультаций между Россией и Китаем и ЕАЭС и КНР.

Примечания

¹ *Zhao Shengnan, Zhao Yinan, Mo Jingxi*. Pacts to boost economic cooperation // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-11/29/content_17139294.htm

² Li meets APEC Finance Ministers Meeting's delegations heads in Beijing. URL: <http://english.people.com.cn/n/2014/1021/c102839-8797994.html>; URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/05/13/10671401.shtml#page2>

³ President hails regional trade move. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-11/11/content_34019514.htm

⁴ *Bai Shi*. Free Trade for the Future. APEC leaders' Beijing meeting is expected to further propel regional economic integration. URL: http://www.bjreview.com.cn/print/txt/2014-10/31/content_648428_4.htm

⁵ Сайт посольства КНР в России. Туйдун гунцзянь сычоу чжи лу цзиньцидай хэ 21 шицзи хайшан сычоу чжи лу дэ юаньцзин юй синдун : [Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века»]. 23.04.2015. URL: <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm>

⁶ Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М., 2016.

⁷ Там же. С. 225.

⁸ Там же.

⁹ *Сафронова Е.И.* Стратегия «Один пояс, один путь» как носитель «мягкой силы Китая // Новый Шелковый путь и его значение для России... С. 91.

¹⁰ Новый Шелковый путь и его значение для России... С. 226—227.

В.Е. Петровский

РОССИЯ, КИТАЙ И КОНТУРЫ «БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА»

Аннотация. Концепция «Большого евразийского партнерства» (далее — БЕП), вызвавшая неподдельный интерес не только в России, но и в Китае, становится предметом дискуссий и исследований в академической и экспертной среде. Ее концептуализация и научное обоснование происходят на фоне осмысления более общих геоэкономических и геополитических представлений, связанных с развитием и обустройством Большой Евразии.

В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП. Скорее всего, оно будет представлять собой набор межблоковых торгово-экономических партнерств, сеть зон свободной торговли.

Сопоставительный анализ вызовов, рисков и возможностей для России и Китая в Евразии показывает, что российские и китайские инициативы в Центральной Евразии не рассматриваются как взаимоисключающие, поскольку их содержание не предполагает обязательного выбора одного из разных институционально-правовых форматов (ЕАЭС и ЭПШП).

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), межблоковые торгово-экономические партнерства, зоны свободной торговли (ЗСТ).

Концепция «Большого евразийского партнерства» (далее — БЕП), вызвавшая неподдельный интерес не только в России, но и в Китае, становится предметом дискуссий и исследований в академической и экспертной среде. Ее концептуализация и научное обоснование происходят на фоне осмысления более общих геоэкономических и геополитических представлений, связанных с развитием и обустройством Большой Евразии.

Как отмечает, например, Г. Дизен, новая российская концепция евразийства «должна отмежеваться от прежних представлений, связанных с отсталой милитаризованной геополитикой и имперским перенапряжением сил. Новая геоэкономическая концепция евразийства должна быть нацелена на осуществление избирательной евразийской интеграции, чтобы сделать Россию главной движущей силой модернизации и глобализации. Главное отличие пересмотренной концепции евразийства должно заключаться в признании того, что у России нет ни возможностей, ни намерения господствовать на евразийском континенте. Создание жизнеспособных партнерств с евразийскими державами критически важно для реализации проекта сбалансированной и функциональной Большой Евразии»¹.

Стратегическое партнерство между Китаем и Россией необходимо для любого формата Большой Евразии, так как этот тандем включает крупнейшего в мире производителя энергоносителей и крупнейшего их потребителя, лидера мировой торговли и континентальную державу, способную выступать в качестве связующего моста между разными частями континента².

Как известно, идея о создании Большого евразийского партнерства была сформулирована 3 декабря 2015 г., когда В.В. Путин в своем Послании Федеральному собранию выдвинул инициативу о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС. На протяжении 2016 г. концепция неоднократно обсуждалась на различных многосторонних дискуссиях и в экспертной среде, став, по сути, флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции³.

Важно понять геоэкономическую подоплеку возникновения идеи БЕП, рациональные мотивы, которыми можно обосновать ее целесообразность. Как представляется, наиболее существенным из них является сама реалистичность евразийской экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Тем не менее, на фоне грандиозных сдвигов в глобальных интеграционных и торгово-экономических процессах некоторым отечественным экспертам развитие ЕАЭС представляется отстающим от актуальных тенденций. Они констатируют, что Евразийский экономический союз сегодня с его ВВП в 2,2 трлн долл., составляющим 3,2 % от мирового, не представляет собой самодостаточный рынок и любые попытки построить «крепость Евразия» самоубийственны. Выходом из сложившегося положения им видится активизация переговорного процесса на двух треках — восточном и западном⁴.

Показательно, что такой подход разделяют как «либералы-рыночники», так и «дирижисты». Компенсировать относительно небольшой вес ЕАЭС в мировой экономике, полагают они, возможно только в рамках внешнего контура евразийской интеграции, выстраивая преференциальные режимы торгово-экономического сотрудничества с быстро растущими странами Евразии — Китаем, Индией, странами Индокитая, Ближнего и Среднего Востока. Реализация инициативы глав России и Китая по сопряжению двух трансконтинентальных интеграционных инициатив — ЕАЭС и Шелкового пути — открывает возможности для устойчивого экономического развития Евразии. Эти инициативы могут органично сочетаться, дополняя и приумножая интеграционный эффект каждой из них. В этом сценарии, прогнозирует, например, С. Глазьев, темпы роста российской экономики достигают максимальных значений — до 10 % ежегодного прироста ВВП и 20 % прироста инвестиций⁵.

Еще один существенный и весьма рациональный мотив выдвижения идеи БЕП — обеспокоенность России падением авторитета Всемирной торговой организации (ВТО) и созданием «закрытых» региональных торговых объединений. В ответ на этот вызов выдвигается тезис о гармонизации различных региональных экономиче-

ских форматов при строгом соблюдении принципов равенства и открытости — именно поэтому в качестве положительного опыта В.В. Путин назвал деятельность ЕАЭС и переговоры о его сопряжении с китайским проектом ЭПШП, которые в перспективе могут способствовать созданию Большого евразийского партнерства, открытого для взаимодействия со всеми заинтересованными государствами и интеграционными союзами⁶.

В.В. Путин в Послании Федеральному собранию РФ в декабре 2015 г. особо подчеркнул, что это БЕП должно строиться на принципах равноправия и учета взаимных интересов⁷. Развивая эту идею в выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в июне 2016 г., он отметил: «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура... Мы могли бы опереться на целую сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка, в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, на договоренностях о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий»⁸.

Возвращаясь к идее БЕП на итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г., В.В. Путин вновь отметил: «Россия выступает за гармонизацию региональных экономических форматов на основе принципов прозрачности и уважения интересов друг друга. Именно так мы выстраиваем деятельность Евразийского экономического союза, ведем переговоры с нашими партнерами, в том числе о сопряжении с реализуемым Китаем проектом «Экономического пояса Шелкового пути». Рассчитываем, что это позволит создать большое Евразийское партнерство... Для воплощения этой идеи уже начаты переговоры в формате «пять плюс один» по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками этого процесса»⁹.

О необходимости создания Большого Евразийского партнерства между ЕАЭС и другими странами, включая Китай, Индию, Иран,

Пакистан и партнеров по СНГ, российский президент и другие российские представители говорили и на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2016 г. При этом выявилась еще одна существенная особенность будущего БЕП — его инклюзивный характер.

Большое Евразийское партнерство не будет противопоставлением со стороны России Транстихоокеанскому* и Трансатлантическому партнерствам, заявил в связи с этим на полях Восточного экономического форума первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов. «Мы внимательно изучили документ о ТТП и смотрим, что мы можем для себя адаптировать, выстраивая отношения в Евразии... Если раньше этот формат звучал как «Европа от Владивостока до Лиссабона», то теперь он включает и Вьетнам, и Сингапур, и новый формат взаимодействия с Индонезией, это и Иран, Пакистан, Индия, Китай. Скорее всего, эта работа будет разноскоростная, разноуровневая интеграция. Главное — договориться не по тарифам — хотя для многих стран это вопрос номер один, а договориться о том, чтобы торговая среда была безбарьерная», — сказал первый вице-премьер¹⁰.

В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП, который, по сути, уже начался. Первый вектор — это заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. 25 июня 2016 г. ЕЭК и Министерство коммерции КНР подписали совместное заявление о запуске переговорного процесса по соглашению.

На первом этапе рассматривается заключение неpreferенциального соглашения, которое будет охватывать целый ряд сфер, а не только упрощение торговли и регуляторную область, с перспективой выхода на preferенциальное соглашение. Его основные разделы

* Даже после того, как президент США Д. Трамп официально отказался от Транстихоокеанского партнерства (ТТП), на этом проекте рано ставить крест — страны, подписавшие Соглашение о ТПП, продолжают многосторонние консультации, к которым недавно впервые присоединился Китай.

включают таможенное, техническое, санитарное, ветеринарное и фитосанитарное регулирование, защиту интеллектуальной собственности и конкуренции и электронную торговлю. Стороны также планируют создать «институты комплексного взаимодействия». В сельском хозяйстве, промышленности, энергетике, транспорте и коммуникациях и инфраструктуре должны появиться «общие форматы по проектам общего интереса»¹¹.

Российская сторона предлагает, помимо ведения переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве, на которых должны обсуждаться вопросы, находящиеся в ведении ЕЭК, запустить еще один трек переговоров по мерам нетарифного регулирования. Полномочия обсуждения этих вопросов не делегированы ЕЭК правительствами государств-членов ЕАЭС, но соответствующие переговоры могли бы вестись согласно Протоколу о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе)¹².

По заявлению министра ЕЭК по торговле В.О. Никишиной, заключение неpreferенциального соглашения с Китаем возможно уже в краткосрочной перспективе (2 года)¹³. Оно не будет подменять двустороннее взаимодействие государств-членов с КНР. При этом Россия готова также проводить в рамках подготовки соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве переговоры по принятию мер тарифного регулирования, которые должны завершиться созданием зоны свободной торговли (ЗСТ), полагая, что этот процесс может быть завершен к 2030—2035 гг.

Второй вектор взаимодействия ЕАЭС и Китая — формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем. Главным источником дорожной карты станут средне- и долгосрочные планы экономического развития государств, участвующих в инициативе.

24 августа 2016 г. на встрече председателя Коллегии ЕЭК Т.С. Саркисяна с вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли также была одобрена инициатива китайской стороны относительно создания общего банка данных по проектам. Речь идет о проектах, которые уже начаты, реализуются, а также которые запланированы

к реализации КНР и странами ШОС и которые участвуют в процессе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Работа над созданием банка данных уже началась¹⁴.

Инициатива по созданию Большого евразийского партнерства получила политическую поддержку со стороны Китая. «Китайская сторона считает эту инициативу позитивной и конструктивной идеей и приветствует ее», — заявил в августе 2016 г. директор Департамента Европы и Центральной Азии МИД Китая Гуй Цуньюй.

Он добавил, что Китай и Россия будут прилагать совместные усилия для изучения вопроса по продвижению данной инициативы. По его словам, МИД и экономические ведомства Китая проводят тесные контакты для выработки конкретных мер с целью реализации договоренностей, достигнутых между главами наших стран по созданию Большого евразийского партнерства¹⁵.

Не менее важен и диалог представителей экспертного сообщества России и Китая по осмыслению и научному обоснованию БЕП. Китайские ученые и эксперты в целом положительно относятся к данной инициативе, видя в ней большие возможности для развития и обустройства Большой Евразии. Так, проф. Фэн Юйцзюнь пишет: «В Евразии существуют разные механизмы регионального экономического сотрудничества и интеграционные инициативы. Все они обладают своими преимуществами и должны являться взаимодополняющими, а не находиться в конфликте между собой. Любая интеграционная инициатива не должна быть замкнутой. В результате Центральная Евразия должна стать мостом, соединяющим ЕС с АТР, а тесное сотрудничество между Европой, Центральной Евразией и АТР придаст новый импульс мировой экономике»¹⁶.

Более того, китайские ученые в сотрудничестве со своими российскими коллегами приступили к углубленному и упорядоченному анализу интересов, рисков и возможностей взаимодействия КНР и РФ в данной сфере. Например, И. Тимофеев и Е. Алексеенкова так определяют интересы России в Евразии:

- увеличение числа дружественных или нейтральных сил, концентрация на решении тех проблем, которые не могут быть решены дипломатическим путем, в коалиции с максимально возможным числом участников;

- противодействие хаотизации евразийского макрорегиона, увеличению числа горячих точек, кризисных зон, слабых государств. Именно они служат питательной средой для террористов и экстремистов всех мастей, расшатывают систему региональной безопасности;
- активизация роли в проектах экономической и гуманитарной интеграции, снижении или ликвидации барьеров в движении капиталов, товаров, рабочей силы; подключение к масштабным инфраструктурным проектам, использование транзитного потенциала страны;
- стремление избежать углубления существующих и создания новых расколов на пространстве Евразии, выстраивание механизмов решения общих проблем;
- закрепление за страной роли равноправного, конструктивного и созидательного партнера¹⁷.

К числу сильных сторон России в Евразии можно отнести:

- преимущества географического положения. Россия имеет сухопутный или морской выход на большинство ключевых точек Евразийского континента. Данное преимущество усиливается транспортной и инфраструктурной связностью этого огромного пространства в пределах одной страны;
- сам масштаб российской экономики, возможность выступать привлекательным рынком, а также вносить заметный вклад в региональные экономические и инфраструктурные проекты;
- возможность внести весомый вклад в безопасность экономических проектов и региона в целом. Россия обладает достаточно мощными и мобильными вооруженными силами, способными оперативно реагировать на кризисные ситуации, оказывать помощь своим партнерам и союзникам¹⁸.

В числе ключевых рисков для России в Евразии:

- возможное обострение региональных конфликтов (Афганистан, страны Центральной Азии, дестабилизация на Кавказе в результате усиления позиций исламистов, возможность обострения замороженных конфликтов в регионе, в частности, между Арменией и Азербайджаном);

- поскольку успех ЭПШП, его экономическая отдача даже в долгосрочной перспективе неочевидны, то аналогичный риск следует иметь в виду и в отношении ЕАЭС;
- соблазн политизации экономических проектов, особенно в случае их экономической убыточности. Наша страна может быть поставлена перед сложным выбором — либо затраты, либо маргинализация в региональных инициативах;
- риск того, что новые, созданные в рамках ЕАЭС нормы и правила экономической деятельности войдут в противоречие с теми, которые уже успешно функционировали до этого в двустороннем формате, или вытеснят их вовсе¹⁹.

В свою очередь, интересы Китая в Евразии формулируются следующим образом:

- обеспечение приграничной безопасности, ибо общие границы Китая с Россией, Монголией и со странами Центральной Азии составляют 4300 км, 4700 км и 3300 км соответственно;
- обеспечение благоприятной внешней среды для проведения политики реформ и открытости в стране. Поэтому для Пекина является важным предотвращение стратегических угроз и военно-политических блоков в данном регионе, направленных против Китая;
- обеспечение энергетической безопасности путем стабильных и надежных поставок энергоносителей из региона;
- полное использование вместе с партнерами преимуществ экономической взаимодополняемости экономик Китая и евразийских стран. Для этого необходимо использовать форматы ЭПШП и ШОС;
- продолжение институционального строительства ШОС, превращение ее в организацию, которая сможет внести еще больший вклад в обеспечение евразийской безопасности и развитие экономики Евразии²⁰.

Сильные стороны Китая в Евразии видятся китайскими исследователями так:

- между Китаем и странами Евразии не наблюдается существенных противоречий и разногласий. Пекин, придерживаясь самостоятельной и независимой внешней политики, активно

развивает конструктивные отношения стратегического партнерства со всеми евразийскими странами;

- КНР не только интенсивно развивает торговые отношения со странами Евразии, но и осуществляет более активную инвестиционную деятельность. На нынешнем этапе Китай уже стал первым торговым партнером России, Казахстана и Туркменистана, вторым торговым партнером Узбекистана и Кыргызстана, а также третьим торговым партнером Таджикистана;
- концепция ЭПШП находит многочисленные точки соприкосновения со стратегиями экономического развития евразийских стран. Сотрудничество с Китаем будет способствовать модернизации и диверсификации хозяйственных комплексов, а также их интеграции в глобальную экономику;
- концепция ЭПШП является не интеграционным проектом исключительного характера, а проектом сотрудничества открытого типа. ЭПШП не исключает уже существующие механизмы регионального сотрудничества, такие, как ЕАЭС или американский проект «Новый Шелковый путь»;
- способность таких финансовых структур, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути, созданные по инициативе Китая, послужить надежным финансовым гарантом экономического сотрудничества в Евразии;
- «Шанхайский дух» служит важной основой «мягкой силы» для расширения всестороннего стратегического взаимодействия Китая с евразийскими странами. Такие принципы, как взаимодоверие, взаимная выгода, равноправие, консультации, уважение цивилизационного многообразия, поиск совместного развития, являются основой системы ценностей ШОС и ключевой концепцией внешней политики Китая в Евразии²¹.

Риски для Китая в Евразии видятся следующим образом:

- строительство инфраструктуры на евразийских пространствах требует больших объемов капиталовложений и отличается долгосрочностью. Это означает, что экономический эффект будет достигнут не скоро, а риски для инвестиций будут высокими;
- в евразийских странах существуют опасения относительно угрозы «китайской экономической экспансии». По мере изме-

нения политической конъюнктуры разных стран такие опасения могут быть использованы различными силами во внутриполитической борьбе;

- в евразийском регионе сложились высокие геополитические риски. Одновременно существуют такие проблемы, как межгосударственные разногласия, региональные конфликты, терроризм, экстремизм, что создает большую угрозу евразийскому экономическому сотрудничеству и государственным интересам Китая;
- Китай не имеет военного присутствия в Евразии для защиты его грандиозных капиталовложений, и у КНР нет и эффективных механизмов сотрудничества с крупными игроками в сфере безопасности²².

Сопоставительный анализ вызовов, рисков и возможностей для России и Китая в Евразии приводит к важному выводу: российские и китайские инициативы в Центральной Евразии не рассматриваются как взаимоисключающие и закрытые, поскольку их содержание не предполагает выбора из разных институционально-правовых форматов (ЕАЭС и ЭПШП).

Так, по мнению экспертов Международного дискуссионного клуба «Валдай», деятельность Евразийского союза направлена на развитие экономик стран-членов с использованием таких инструментов, как создание наиболее благоприятных условий для ведения бизнеса, включая инвестиционную и другие виды деятельности, а также создание на его территории пространства четырех свобод передвижения: товаров, людей, капиталов и услуг. Китайская инициатива содержит в себе в первую очередь открытое для всех масштабное инвестиционное предложение. В результате оба рассматриваемых формата гармонично дополняют друг друга²³.

Важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве является ШОС, имеющая серьезный потенциал для превращения в основную площадку взаимодействия по линии «Китай (ЭПШП)—ЕАЭС ШОС», которая при энергичном развитии может стать центральным институтом потенциального проекта создания сообщества Большой Евразии. Развитие и институционализация ШОС может создать зонтичную организацию для Большого Евразийского партнерства²⁴.

Ли Синь и другие китайские исследователи отмечают, что географическое пространство ШОС охватывает все страны-члены ЕАЭС, которые являются важными экономическими субъектами, расположенными вдоль ЭПШП, в рамках 6 экономических коридоров, зафиксированных в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». В реализации состыковки ЭПШП и ЕАЭС ШОС должна играть роль важнейшей площадки, — тем более, что цели, принципы и содержание строительства ЭПШП, изложенные в упомянутом выше документе, совпадают с интересами регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС²⁵.

Существенный довод в пользу практической направленности и стратегического характера БЕП, включающего в себя состыковку ЕАЭС и ЭПШП, — суть уже выработанных среднесрочных прогнозов этого процесса. Так, вышеупомянутый китайский ученый выделяет в связи с этим нижеследующие этапы.

1. Запуск в августе 2016 г. переговорного процесса между Китаем и Евразийским экономическим союзом по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС. На этом этапе делается акцент на создании мягкой регулятивной среды. Это правила, надзор, стандарты и т. д. Продолжается содействие региональному экономическому сотрудничеству в рамках ШОС, увеличению объема торговли, упрощению торговли и инвестиций.

2. Примерно в 2030 г. зона свободной торговли в рамках ШОС превращается во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

3. На основе интеграции всеобъемлющего экономического партнерства со странами АСЕАН или создаваемого Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) примерно в 2040 г. будет образованно Большое Евразийское партнерство. В рамках этого пространства планируется сформировать системы полной свободы торговли, обеспечить свободное движение капиталов, создание общего финансового и единого энергетического рынков, разработать единые правила торговли товарами и услугами, а также

сформировать общий рынок транспортных услуг и единую транспортную систему²⁶.

Процесс формирования континентального евразийского партнерства от Европы до ЮВА набирает обороты. Как заявил в марте 2017 г. начальник отдела международного взаимодействия Департамента развития интеграции ЕЭК Д. Ежов, в 2016 г. впервые в истории импорт в ЕАЭС из стран региона АТЭС превысил импорт из ЕС. Вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом. Комиссия развивает сотрудничество в формате меморандумов с правительствами Монголии, Камбоджи, Сингапура. С рядом государств уже запущен трек по созданию зоны свободной торговли²⁷.

Выступая на заседании Высшего Евразийского экономического совета в апреле 2017 г., В.В. Путин вновь подчеркнул: развитие внешнего контура нашего интеграционного объединения должно быть продолжено на системной и плановой основе²⁸. Эта работа осложняется тем, что пока не было прецедентов межблоковых торгово-экономических партнерств. Однако, по мнению экспертов, вполне реально в обозримой перспективе сформировать БЕП как сеть зон свободной торговли (ЗСТ), набор торговых блоков, наиболее вероятным форматом которого будет так называемая «миска спагетти».

В связи с этим наиболее актуальной задачей ныне является определение тех институциональных форм, которые были бы оптимальными для придания необратимого характера процессу формирования сообщества интересов и ценностей в Центральной Евразии.

Также, по мнению российских экспертов (Т.А. Флегонтовой и др.), очевидна необходимость тщательной проработки данной стратегии на техническом уровне, ибо потенциальные государства-участники проекта «Большая Евразия» могут столкнуться с проблемой лидерства, полноценности удовлетворения интересов всех участников проекта, сопряжения различных институциональных форматов под эгидой «Большой Евразии». Высказывается мнение, что объективно этот проект должен стать исключительно российской национальной стратегией и объединить в себе уже инициированные и перспективные тренды сотрудничества²⁹.

Помимо прочего, для России инициатива создания Большого Евразийского партнерства — способ перехода к стратегии опережаю-

шего развития путем форсированного создания производств нового технологического и институтов нового мирохозяйственного укладов. В этом случае Россия и ЕАЭС могли бы претендовать на полноценное участие в новом центре мировой экономической системы³⁰.

И последнее, но, может быть, не менее важное. Экономическое сотрудничество, мегапроекты, сопряжение интеграций — существенное, но отнюдь не единственное измерение БЕП. Необходимы гарантии против вмешательства извне и навязывания моделей общественного или иного устройства, не выстраданных самим обществом. Нужны четкие и хорошо просчитанные общепринятые правила игры на международной арене, которых придерживались бы все страны без исключения. В его основу БЕП кладется строгое следование фундаментальным принципам и нормам действующего международного права в сугубо позитивном, системном и взаимовыгодном их понимании³¹.

Итак, Большое евразийское партнерство может стать одним из «становых хребтов» нового, более рационального и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, инклюзивном и недискриминационном международном сотрудничестве.

Примечания

¹ Дизен Г. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой евразии // Валдайские записки. 2017. № 63. Март. С. 7—8.

² Там же. С. 8.

³ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

⁴ Новое позиционирование Российской Федерации в глобальном хозяйстве — возможности и перспективы / Фонд «Институт современного развития» по заказу Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив. М., 2015. С. 108.

⁵ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml#page6>

⁶ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52819>

⁷ Послание Президента Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>

⁸ Выступление В.В. Путина на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

¹⁰ URL: <https://ria.ru/economy/20160905/1476106027.html>

¹¹ URL: [Kommersant.ru/doc/3023535](http://kommersant.ru/doc/3023535)

¹² URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/nontariff/Documents/dlya%20razmesheniya/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%207.pdf>

¹³ URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20200-dogovor-obedinenija-eaes-i-shelkovogo-puti-mogut-podpisat-za-2-goda.html>

¹⁴ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-08-2016-1.aspx>

¹⁵ URL: <https://ria.ru/east/20160803/1473546327.html>

¹⁶ Геоэкономика Евразии. Astana Club. 2015. Ноябрь. С. 25.

¹⁷ Там же. С. 51—52.

¹⁸ Там же. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 54—55.

²⁰ Геоэкономика Евразии. Astana Club. 2015. Ноябрь. С. 27.

²¹ Там же. С. 28—29.

²² Там же. С. 30.

²³ *Бордачев Т.В., Казакова А.В., Скриба А.С.* Институты для мира в Евразии // Вестник международных организаций. 2016. № 2. С. 25.

²⁴ *Ли Синь.* Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. С. 9.

²⁵ Цит. по: *Ли Синь.* Указ. соч. С. 10.

²⁶ Там же. С. 14—15.

²⁷ URL: <http://eurasiancenter.ru/expert/20170315/1004442721.html>

²⁸ Заседание Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе. 14 апреля 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/54293>

²⁹ *Мэннинг, Роберт А., Чхень Жиминь, Сон Гоюй, Флегонтова Т.* Экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017. С. 18.

³⁰ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml#page6>

³¹ Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней. URL: <http://alleuropalux.org/?p=13969>

А.В. Ломанов

СТРАТЕГИЯ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ КИТАЯ В ПРОЕКТЕ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты китайского подхода к гуманитарному сотрудничеству в проекте «Один пояс, один путь» (ОПОП). Исследование основано на анализе выступления Си Цзиньпина в мае 2017 г. и статей китайских ученых, опубликованных в научной периодике в 2016 г. Основное внимание уделено китайским поискам оптимальной стратегии использования «мягкой силы» в реализации проекта «Один пояс, один путь», попыткам продвижения конфуцианской этики в качестве инструмента культурной интеграции, рекомендациям повысить роль Институтов Конфуция в деле налаживания экономического сотрудничества и воспитания местных элит.

Ключевые слова: Шелковый путь, цивилизация, Си Цзиньпин, «мягкая сила», конфуцианская этика, Институты Конфуция.

В мае 2017 г. в Пекине состоялся форум высокого уровня для обсуждения инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) с участием многочисленных зарубежных гостей. Это событие ознаменовало выход китайского проекта на новую стадию и превращение его в широкомасштабное международное начинание.

От «соединения людских сердец» к «пути цивилизации»

Китайская трактовка нового этапа развития «Пояса и пути» была раскрыта в речи Си Цзиньпина 14 мая 2017 г. на форуме в Пекине. Его отчет о работе, проделанной за четыре года со времени выдвижения инициативы ОПОП, был построен в соответствии со схемой «пяти соединений». Она стала основополагающей в китайской трактовке «Пояса и пути» и указывала на сферы политических решений, инфраструктуры, торговли, финансов, гуманитарного сотрудничества¹.

Замыкающее данную схему выражение «взаимное соединение людских сердец» (民心相通 *миньсинь сянтун*) прочно утвердилось в китайской общественно-политической и научной литературе, относящейся к проблематике ОПОП. Этот пятый компонент с долей условности можно назвать «гуманитарной корзиной».

На форуме Си Цзиньпин заявил, что начиная с 2013 г. участвующие в инициативе страны продвигали «дух Шелкового пути», расширяли сотрудничество в науке, образовании, культуре и здравоохранении, поддерживали обмены между народами, создавали для ОПОП прочный фундамент в общественном мнении, крепили его социальную базу. Он сообщил, что китайское правительство ежегодно выделяло соответствующим странам 10 тыс. стипендий, местные правительства также учреждали специализированные стипендии для стран Шелкового пути. Власти КНР поощряли проведение международных культурных и образовательных обменов, годов культуры и туризма, фестивалей искусства и кино, конференций и диалогов мозговых центров. Все это сделало гуманитарное сотрудничество многообразным. Китайский лидер заключил, что «в ходе обменов расстояние между сердцами стало ближе»².

Вслед за этим Си Цзиньпин предложил новую схему из пяти компонентов, которая призывает строить ОПОП как «путь мира», «путь процветания», «путь открытости», «путь инновации» и «путь цивилизации». Развитие гуманитарного измерения проекта воплощено в тезисе о превращении ОПОП в «путь цивилизации». Для этого, по словам китайского лидера, необходимо с помощью обменов между цивилизациями преодолеть их разобщенность, с помо-

щью взаимной учебы цивилизаций преодолеть их конфликты, в совместном существовании цивилизаций возвыситься над настроениями цивилизационного превосходства. Для этого между всеми странами нужно продвигать взаимное понимание, взаимное уважение и взаимное доверие.

Появление в контексте ОПОП темы цивилизации не является случайным. Отечественные исследователи уже обратили внимание на то, что при обсуждении современных проблем Си Цзиньпин все чаще обращается к понятию «цивилизация», подчеркивая непрерывность китайской истории: «Говорит о государстве, а подразумевает цивилизацию. Говорит о цивилизации, а подразумевает Китайское государство, то есть, называя вещи своими именами, трактует его как государство-цивилизацию... столь деликатный вопрос, как идентичность государства, ранее замыкавшийся почти исключительно на политико-идеологические квалификации, сегодня так или иначе начинает замыкаться на цивилизационный дискурс»³.

В этой трактовке речь идет уже не столько о развитии связей между индивидами, хотя задача «соединения людских сердец» не снята с повестки дня, сколько о взаимодействии находящихся в сфере ОПОП разнородных культур, религий и этносов под цивилизационным руководством со стороны Китая.

Си Цзиньпин представил обновленный набор задач, нацеленных на построение «пути цивилизации»:

- создать многоуровневый механизм гуманитарного сотрудничества, построить еще больше площадок для сотрудничества, открыть еще больше каналов для сотрудничества;
- продвигать образовательное сотрудничество, расширять масштаб взаимного обмена студентами, повышать уровень совместно создаваемых учебных заведений;
- задействовать роль мозговых центров, создать альянс и сеть сотрудничества мозговых центров;
- в сферах культуры, спорта здравоохранения создавать новые модели сотрудничества, продвигать практические проекты;
- использовать историческое культурное наследие, совместно создавать обладающие спецификой Шелкового пути туристические продукты, охранять наследие;

- через укрепление связей национальных парламентов, политических партий, неправительственных организаций, через тесные обмены между женщинами, молодежью, инвалидами продвигать инклюзивное развитие;
- усиливать международное антикоррупционное сотрудничество, чтобы ОПОП стал «неподкупным путем» (廉洁之路 *лянъцзе чжи лу*)⁴.

Налицо стремление китайской стороны вывести гуманитарное сотрудничество на более высокий качественный уровень, добиться его диверсификации. Наиболее примечательно включение в «путь цивилизации» антикоррупционной тематики. Можно предположить, что это китайский ответ на беспокойство иностранцев по поводу недостаточной прозрачности механизмов, связанных с финансированием проектов ОПОП и контролем расходования средств. С другой стороны, борьба с коррупцией стала заметной стороной внутренней политики Си Цзиньпина. В этой сфере достигнуты очевидные успехи, что порождает у Пекина готовность продемонстрировать их партнерам по ОПОП и поделится с ними китайским опытом.

«Мягкая сила» на службе китайской стратегии

Китайские исследователи ведут активное обсуждение проблем в реализации стратегии ОПОП. Лю Цайци и Ван Маньли (Школа экономики и управления Уханьского университета) отмечают, что строительство ОПОП сталкивается со значительной «мягкой силой сопротивления», обусловленной национальными, религиозными, культурными и социальными различиями, продолжающимися конфликтами, проявлением идеологических факторов, а также воздействием позиции крупных стран⁵.

По мнению исследователей, ряд стран в отношении ОПОП «внешне горячо выражает позицию, а на деле топчется на месте» потому, что мировое общественное мнение формируют США и развитые страны Запада. Ведущие международные СМИ проявляют предвзятость, они называют ОПОП китайским «планом Маршалла», призванным вывести из Китая избыточные производства и поста-

вить под контроль ресурсы других стран. Американские и японские СМИ утверждают, что цель стратегии ОПОП в том, чтобы гарантировать безопасность сырьевого снабжения Китая и расширить международное влияние Китая. Примечательно, что в список выразителей «предвзятых идей» попали неназванные российские СМИ: они считают, что Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути являются «приманкой», их подлинная цель состоит не в инвестировании в страны ОПОП, а в продвижении интернационализации юаня⁶.

Подобные взгляды в Китае считают вариациями на тему «теории китайской угрозы». Они сбивают с толку общественное мнение и порождают в странах ОПОП сомнения в перспективах сотрудничества. Лю Цзайци и Ван Маньли отмечают, что источником внешних помех являются крупные государства, которые долгое время вели соперничество в этих регионах. Ученые предположили, что по мере продвижения строительства ОПОП подобных препятствий станет больше и они будут еще сложнее.

Исследователи указали на необходимость преодолеть дискурсивную гегемонию Запада, формирующего недружественное отношение к Китаю и проекту ОПОП. Они посоветовали заняться укреплением китайской дискурсивной власти, с помощью публичной дипломатии влиять на международное общественное мнение, формировать у иностранцев объективное понимание ценностей китайской культуры. Нужно пропагандировать историю древнего Шелкового пути, создавать механизмы прямого диалога руководителей и элит стран ОПОП. Благоприятное общественное мнение призвано стать фундаментом для сотрудничества в ОПОП, формы негосударственных культурных обменов должны стать более многообразными, следует наладить общение деловых и культурных элит.

Эти рекомендации призывают опереться на китайскую культуру для того, чтобы преодолеть водоразделы между разными культурами и добиться от иностранцев согласия с китайской идеей совместного пользования результатами развития. В разной форме этот тезис присутствует в китайских дискуссиях уже десять лет со времени официального выдвижения в 2007 г. лозунга «повышения мягкой силы культуры государства». Ныне для строительства ОПОП Китаю нуж-

ны инструменты мирного и «мягкого» воздействия на общественное мнение соседних стран⁷.

Тему ограниченности потенциала национальной «мягкой силы» в Китае начали обсуждать задолго до выдвижения инициативы ОПОП, разве что теперь она стала более очевидной. Хуан Линтань (Центр исследования мягкой силы Китая, Хунаньский университет) отметил, что Китай располагает богатыми культурными ресурсами, но до сих пор он не научился превращать их в «мягкую силу». Помимо этого, у Китая нет подходящих инструментов СМИ для ее трансляции за рубеж, равно как и опыта использования в этой сфере потенциала неправительственных организаций⁸.

Ученый отметил, что вдоль линий ОПОП расположены в основном развивающиеся страны, которые при осуществлении экономических проектов нуждаются в китайских деньгах, технологиях и кадрах. Для оказания такой поддержки был создан Фонд Шелкового пути. «Однако очень многие страны маршрутов ОПОП в экономике больше опираются на Китай, и одновременно в политике и культуре устремляются к Европе и Америке. Это поясняет, что в отношении этих стран Китаю недостает культурного влияния и привлекательности»⁹.

Чтобы решить проблему, Хуан Линтань рекомендовал создать Фонд культурного развития Шелкового пути. Он будет помогать китайским предприятиям культурной индустрии осуществлять инвестиции и коммерческие поглощения в странах ОПОП, поддерживать международные культурные форумы, продвигать обмены народных культур Шелкового пути и развитие культурного туризма, поддерживать создание произведений искусства и кино, охранять исторические следы культуры Шелкового пути всех народов ОПОП.

В данном случае речь идет о создании структуры, распространяющей культурное влияние с опорой на экономические рычаги и при поддержке государства. Этот пример показывает, что в ходе реализации проекта ОПОП китайская сторона продвигает культуру и ее ценности в комплекте с политическими идеями, стремится обрести влияние на элиты других стран, дабы подвигнуть их на принятие соответствующих решений. Можно согласиться с мнением российских

исследователей, расценивших ОПОП как компонент «умной силы» Китая, сочетающей мягкие и жесткие инструменты¹⁰.

Гао Имэй (Ляонинский институт внешней торговли) предложила сосредоточить усилия на выявлении культурных корней непонимания, возникающего в ходе продвижения ОПОП. Ранее этой проблемой занимались лишь отдельные исследователи, однако в сферах дипломатии и неправительственных контактов интерес к ней не был очевиден. В Китае уделяют большое внимание критике иностранных «теории китайской угрозы», в которых присутствует компонент культурного непонимания. Однако другие непонимания, возникающие в культуре, религии и обычаях, мало исследуют и мало обсуждают¹¹.

Чтобы справиться с этой проблемой, Гао Имэй рекомендовала организовать систематическую работу представителей различных областей знаний (культурология, филология, религиоведение) для глубокого исследования феномена культурного непонимания. Она также предложила разобраться в том, где пролегает граница культурного непонимания и политических интересов. В тех случаях, когда за рубежом в стратегии ОПОП видят проявление «китайской угрозы» по причине субъективного культурного непонимания, в ответ китайской стороне нужно привлекать историков, политологов и экономистов, чтобы объяснять ОПОП с культурной точки зрения, больше рассказывать иностранцам об исторических истоках Шелкового пути и Морского Шелкового пути.

Конфуцианская этика и практика Институтов Конфуция

В Китае звучат предложения сделать опорой культурного продвижения в страны ОПОП идеи традиционного конфуцианства, обладающие привлекательным гуманистическим содержанием.

Сунь Дацзюнь (Школа культурной креативности и коммуникации, Хуайнаньский педагогический институт) советует использовать для сплочения стран ОПОП культуру «благородного мужа» (君子 *цзюнь-цзы*). Ее родоначальниками были древние мудрецы Конфуций и Мэн-цзы, именно в ней сосредоточены этические нормы конфуцианства. По мнению китайского автора, характеру «благородного

мужа» присущи соединение самосовершенствования с устремленностью к приведению в порядок семьи и государства, честность без обмана в отношениях с людьми, широкие помыслы о конфуцианском «единстве без унификации», взаимодействие на основе «близости, искренности, благодеяния и инклюзивности» (亲诚惠容 *цинъ чэн хуэй жун* — этот набор из четырех ценностей впервые появился в выступлении Си Цзиньпина в октябре 2013 г. на совещании по дипломатической работе с сопредельными странами). Чтобы передать эти идеалы странам ОПОП, следует использовать конкурентоспособный сегмент китайской культурной индустрии, продвигать за рубежом обладающие «культурой благородного мужа» предприятия, применять современные информационные технологии¹².

Другой вариант конфуцианской модели сотрудничества в ОПОП ставит в центр путь «преданности и великодушия» (忠恕之道 *чжун шу чжи дао*)¹³. Эти этические ценности были сформулированы в тексте «Лунь юй». «Преданность» требует помогать другим людям добиваться тех же достижений, к которым стремится индивид, а «великодушные» состоит в том, чтобы не делать другим того, чего не желаешь себе.

Ли Шихэ и Сюй Цзюпин отметили, что для «соединения сердец» недостаточно инвестиций и помощи. Опыт показывает, что получатели китайских капиталовложений не обязательно будут преисполнены признательности стране-инвестору. Примеры авторы почерпнули из увидевшей свет в 2015 г. статьи вице-президента Китайского института международных проблем Го Сяньгана, указавшего на трудности в реализации китайских проектов строительства ГЭС в Мьянме, морского порта на Шри-Ланке и добычи золотой руды в Киргизии. По мнению Го Сяньгана, только придерживаясь принципа «человек в качестве основы», можно принести реальные выгоды народам стран ОПОП, улучшить и повысить их жизненный уровень.

Важная для международного сотрудничества идея уважения чувств и достоинства партнера коренится в конфуцианском «пути преданности и великодушия», который является «золотым правилом» для достижения соединения людских сердец. Если на основании конфуцианской этики сознательно заботиться о других людях и защищать их интересы, то можно будет снизить враждебность и

конфликтность. Осуществление инициативы ОПОП должно помогать другим людям «встать на ноги» (*立* *ли*, с помощью этого понятия Конфуций раскрыл суть «преданности»), не нанося им вред.

Ли Шихэ и Сюй Цзюпин полагают, что Шелковый путь нуждается в конфуцианском духе равенства, инклюзивности, гуманности и благодеяния для других людей. Они отмечают, что в китайской культуре изначально содержится стремление «облагодетельствовать Поднебесную» (*兼济天下 цзяньцзи Тянься*), близкое современному лозунгу «всеобщего выигрыша» в международном сотрудничестве. Более того, всеобщая зажиточность является целью социализма. По мнению авторов публикации, инициатива ОПОП является отражением сущности социализма, а не только лишь конфуцианства.

Попытки проекции древних конфуцианских идей в страны ОПОП неизбежно будут наталкиваться на ощутимые культурные барьеры. Гуманистические аспекты традиционной этики не смогут полностью успокоить соседей, которых страшит перспектива восстановления имперского величия Китая. Вместе с тем в Китае уже появляются самобытные концепции международных отношений, построенные на позитивном переосмыслении традиционной концепции «Поднебесной»¹⁴.

Китай располагает глобальной сетью Институтов Конфуция, выполняющих не только просветительские, но и пропагандистские функции¹⁵. Китайские исследователи обсуждают возможности более активного подключения этих Институтов к стратегии ОПОП. Дэн Синь (Школа международных культурных обменов Синьцзянского педагогического университета) отмечает, что во многих странах ОПОП нет собственных традиций преподавания китайского языка, поэтому там следует создавать крупные Институты Конфуция, которые могли бы стать «направляющими центрами» преподавания китайского языка и деятельности китайской культуры для регионов и даже для отдельных стран¹⁶.

Дэн Синь полагает, что Институтам Конфуция пора выходить за стены учебных заведений и выносить пропаганду китайской культуры на общественный уровень. Помимо этого, для поддержки строительства ОПОП Институтам Конфуция следует сотрудничать с предприятиями, предоставлять им услуги по переводу, открывать для их

сотрудников курсы языковой подготовки. Ожидаемое расширение торговли между Китаем и странами ОПОП приведет к росту потребности в кадрах со знанием китайского языка, в подготовке разработчиков политики ОПОП, правительственных чиновников, предпринимателей, негосударственных деятелей. Всем им потребуются связанные с Китаем знания истории, географии, языка, культуры, религии, политики. Исходя из того, что на местах самостоятельную подготовку таких кадров осуществить невозможно, китайский эксперт указал на перспективу участия Институтов Конфуция в обучении людей, обладающих способностью к международной коммуникации, хорошим общественным влиянием и репутацией, способных выполнять роль посланников культуры¹⁷.

По сути, Институтам Конфуция предлагают стать воспитателями местных элит, участвующих в строительстве ОПОП. Дело не ограничивается подготовкой «технократической» прослойки для совместных экономических проектов. Китайские авторы отмечают, что одной из задач деятельности Институтов Конфуция должна быть подготовка людей «знающих Китай и дружественных по отношению к Китаю» (*知华友华 чжи Хуа ю Хуа*), которые занимались бы в своих странах распространением китайской культуры, могли бы хорошо рассказывать своим соотечественникам «китайские истории», продвигать распространение китайской культуры в странах ОПОП¹⁸.

В заключение следует подчеркнуть, что идея единства материальных и ценностных аспектов стратегии ОПОП получила широкое признание в китайском научном сообществе. Шуан Чуаньсюэ (Нанкинский университет) отметил: «“Один пояс, один путь” — это не только экономический пояс, но также культурный пояс. Торгово-экономическое сотрудничество является “твердой” опорой, гуманитарные обмены являются “мягкой” поддерживающей силой, обе друг друга поддерживают и дополняют, ни одна не может отсутствовать»¹⁹.

Исследователи отмечают, что «бренд “Шелкового пути” важен прежде всего своими ценностными, а не рациональными характеристиками»²⁰. К этому следует добавить, что эти ценностные характеристики неотделимы от интерпретации истории²¹.

В выступлении 14 мая 2017 г. Си Цзиньпин обратился к прошлому, чтобы сформулировать содержание возникшего в далекой древ-

ности «духа Шелкового пути». Все компоненты этого «духа», перечисленные китайским лидером, выглядят очень знакомыми. Лозунги «мир и сотрудничество», «открытость и инклюзивность», «взаимная учеба», «взаимная выгода и всеобщий выигрыш» занимают заметное место в сегодняшнем китайском политическом дискурсе. Их перемещение в прошлое ведет к невольной модернизации истории древнего Шелкового пути. Вместе с тем Китай получает возможность заявить о себе как о наследнике древней цивилизации, сохранившем ее лучшие традиции и готовым поделиться ими с внешним миром.

Примечания

¹ Уянаев С.В. Китайский проект «один пояс — один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 9—13.

² Жэньминь жибао. 15.05.2017. С. 3.

³ Мигунов Н.И., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» // Век глобализации. 2017. № 2. С. 20—21.

⁴ Жэньминь жибао. 15.05.2017. С. 3.

⁵ Лю Цзайци, Ван Маньли. «И дай и лу»: Чжунго жуаньшили дэ «си ю» чжи лу : [«Один пояс, один путь»: путь «путешествия на Запад» мягкой силы Китая] // Цзяньхань луньтань. 2016. № 6. С. 48—52.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Сафронова Е.И. Стратегия «Один пояс, один путь» как носитель «мягкой силы» Китая // Новый Шелковый путь и его значение для России / под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016. С. 106.

⁸ Хуан Линтань. «И дай и лу» цзяньшэ цзи сюй фахуэй вэньхуа жуаньшили дэ сяньсин цзююн : [Строительство «одного пояса, одного пути» действительно нуждается в использовании лидирующей роли мягкой силы культуры] // Нинся дансяо сюэбао. 2016. № 6. С. 80—83.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Шведко В.Г. «Умная сила» на Транстихоокеанском пространстве безопасности и сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 11—12.

¹¹ Гао Имэй. Лунь куа вэньхуа цзяолю чжун «и дай и лу» чжаньлюэ дэ вэньхуа уду : [Культурные непонимания в транскультурных обменах в стратегии «один

пояс, один путь»] // Хунань жэньвэнь кэцзи сюэюань сюэбао. 2016. № 5. С. 53—55.

¹² *Сунь Дацзюнь*. Лунь цзюньцзы вэньхуа чуаньбо юй «и дай и лу» чжаньлюэ : [О трансляции культуры благородного мужа и стратегии «один пояс, один путь»] // Хуайнань шифань сюэюань сюэбао. 2016. № 6. С. 5—8.

¹³ *Ли Шихэ, Сюй Цзюпин*. И «чжун шу чжи дао» шисянь «и дай и лу» цзяньшэ миньсинь гоутун : [С помощью «пути преданности и великодушия» осуществить соединение людских сердец в строительстве «одного пояса, одного пути»] // Цинхай шэхуэй кэсюэ. 2016. № 6. С. 32—37.

¹⁴ *Грачиков Е.Н.* Китайская теория международных отношений: становление национальной школы // Международные процессы. 2016. № 3. С. 71—73.

¹⁵ *Румянцев Е.Н.* О внешнеполитической пропаганде и «мягкой силе» Китая // Политические процессы в условиях смены экономической модели. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 116—139.

¹⁶ *Дэн Синь*. Кун-цзы сюэюань цаньюй «и дай и лу» цзяньшэ дэ фанфа юй туцзин яньцзю : [Исследование методов и путей участия Институтов Конфуция в строительстве «одного пояса, одного пути»] // Миньцзу цзюйюй яньцзю. 2016. № 4. С. 111—116.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ *Ли Баогуй, Ли Хуэй*. «И дай и лу» яньсянь гоцзя Кун-цзы сюэюань фачжань сяньчжуан, вэньти юй дуйцэ яньцзю: и Байэлосы Кун-цзы сюэюань вэй гэань : [Современное положение, проблемы и встречные меры в развитии Институтов Конфуция в странах по маршрутам «одного пояса, одного пути»: на примере Институтов Конфуция в Белоруссии] // Ляонин шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2016. № 6. С. 119.

¹⁹ *Шуан Чуаньсюэ*. «И дай и лу» ши юй ся дэ вого вэньхуа кайфан чжаньлюэ : [Стратегия культурной открытости нашей страны с точки зрения «одного пояса, одного пути»] // Дуньюэ луньдун. 2016. № 5. С. 27.

²⁰ *Лукин А.В., Лузянин С.Г., Ли Синь, Денисов И.Е., Сыроежкин К.Л., Пятачкова А.С.* Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. С. 41.

²¹ *Санин К.А.* Роль культурно-исторических концепций в китайской инициативе «экономического пояса Шелкового пути» // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов XXII Международной научной конференции. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 85—86.

С.Г. Лузянин, А.Г. Ларин

ПРОБЛЕМА КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОПРЯЖЕНИЯ «ЕАЭС—ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»

Аннотация. Сопряжение «ЕАЭС—Шелковый путь», очевидно, должно сопровождаться увеличением числа китайских мигрантов в России, главным образом в строительстве и сельском хозяйстве, на временной основе и в лимитируемых пределах. Их пребывание в стране и деятельность должны находиться под четким контролем властей. Вместе с тем должны быть приняты меры для повышения эффективности их работы. Особой задачей остается повышение привлекательности российского образования для китайских студентов.

Ключевые слова: китайские мигранты в России, китайский труд в сельском хозяйстве, конкуренция российских и китайских рабочих, «тихая экспансия», китайские студенты в России.

Выдвижение в повестку дня грандиозной задачи евразийской интеграции заставляет задуматься о том, как будет выглядеть в ходе ее осуществления картина миграции из Китая в Россию, с какими новыми и старыми вызовами столкнутся российские власти и какую политику им следует проводить.

По всей видимости, объем китайской миграции возрастет: ведь, экономическое сотрудничество России и Китая будет расширяться, должно увеличиться количество совместных проектов, предполага-

ется значительно повысить производство в стране сельскохозяйственной продукции, в том числе на экспорт в КНР. Реализация всех этих планов подразумевает привлечение дополнительных трудовых ресурсов из Китая.

Заметим, что после экономического кризиса 2008—2009 гг. численность въезжающих в Россию китайцев стала расти из года в год. В 2015 г. она составила 1 353 тыс. человек против 718,5 тыс. в 2009 г. Однако в связи с осложнением экономического положения страны одновременно стал увеличиваться и отток китайцев из России, отчего миграционный прирост с 2010 г. сделался отрицательным (см. таблицу). Заметим в связи с этим, что последние годы разговоры о «китайской демографической экспансии» заметно поутихли.

Таблица. Миграция китайцев в Россию, 2010—2015, тыс. человек

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Прибытие	747,6	845,6	979,0	1071,6	1125,1	1353,0
Выбытие	747,5	847,0	978,1	1074,3	1126,9	1362,6
Миграционный прирост	-0,1	-1,4	0,9	-2,7	-1,8	-9,6

Составлено по: Численность и миграция населения РФ в 2010—2015 годах (статистические бюллетени) / Федеральная служба государственной статистики. М., 2011—2016.

Удельный вес китайских мигрантов в общей массе иностранных трудящихся сравнительно невелик, хотя и превосходит долю мигрантов из любой другой страны дальнего зарубежья. По данным ФМС, число китайских мигрантов, имевших разрешение на работу, составило на конец 2011 г. 6,8 % от общего числа иностранных работников, на конец 2014 г. — 6,9 %¹. (Разумеется, в эти числа попадает лишь какая-то доля мигрантов, однако можно предположить, что для мигрантов из разных стран эта доля примерно одна и та же.)

Взрывное увеличение притока китайских мигрантов произойдет, если представители ЕАЭС и КНР на текущих переговорах о заключении торгового соглашения вдруг договорятся о создании общей зоны свободной торговли (ЗСТ). Китай добивается создания такой зоны с РФ уже давно. В 2002 г. он как член ВТО потребовал

этого от России в качестве одного из условий ее приема в ВТО, правда, успеха не добился; аналогичное предложение в том же году было включено в перечень основных направлений сотрудничества в Хартии ШОС. Пункт о ЗСТ был зафиксирован в Совместном заявлении о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП (2015 г.) и, соответственно, включен в повестку названных переговоров. Однако, как выяснилось в ходе переговоров, условия для «свободного обмена товарами, услугами и рабочей силой» еще не созрели, и, таким образом, реализация китайской идеи отодвигается в отдаленное будущее.

При сохранении же нынешних визовых и таможенных систем количественные изменения миграционного потока из КНР будут зависеть главным образом от миграционной политики российского правительства и от экономической конъюнктуры в России. Объявленный полпредом президента в ДВФО Ю. Трутневым принцип: «Земля наша, решения принимаем мы, за нами последнее слово, и 80 % работников в совместном проекте — это россияне, 20 % — китайцы»² должен сильно ограничить потребность в китайском труде (и принести очевидную пользу отечественной экономике). В какой мере удастся выдержать этот принцип — покажет будущее.

Другой важный фактор — соотношение между спросом на китайский труд и его оплатой. Девальвация рубля сделала труд в России менее привлекательным для приезжих наемных рабочих, и если мигранты из стран Центральной Азии, где царит безработица, вынуждены мириться с сокращением своих заработков, то китайцы в этих условиях могут просто остаться у себя на родине: как показывают социологические опросы, китайские мигранты в большинстве своем выезжают за рубеж, в том числе в Россию, не с целью спастись от безработицы, а в поисках более высоких заработков. В этом случае работодателям придется взвешивать, что выгоднее: поднять ли оплату китайского труда или заняться хлопотным и недешевым делом — поиском новых трудовых ресурсов среди соотечественников. Но, похоже, им не удастся обойтись без китайского труда, и, скорее всего, без увеличения его объемов. (Вероятно, это увеличение произойдет в виде возрастания «миграционного оборота» китайцев, то есть увеличения и числа их приездов, и числа выездов.)

Что же касается профессионального состава мигрантов из КНР, то он, надо полагать, в основном сохранится в нынешнем виде: строительные рабочие, работники сельского хозяйства, лесозаготовители, коммерсанты, а также студенты и стажеры-преподаватели. Приплюсуем сюда небольшое количество инвестиционных мигрантов — резидентов территорий опережающего развития (ТОРов).

Труд китайских мигрантов, несмотря на их относительно небольшую численность, распространился по всем регионам России и играет существенную роль в экономике Дальнего Востока, способствуя решению важнейших хозяйственных проблем. Он позволяет выровнять дисбаланс на рынке труда, восполняет нехватку рабочей силы в непрестижных или низкооплачиваемых отраслях, дает возможность снизить издержки производства, получить дополнительную продукцию, увеличить прибыль. Поставляемые из Китая относительно недорогие предметы широкого потребления, в том числе современная промышленная продукция, а также продовольственные товары пользуются массовым спросом населения. Однако во второй половине «нулевых» годов иностранные коммерсанты были вытеснены из розничной рыночной торговли, и их численность в России заметно уменьшилась.

Китайские строители в качестве застройщиков, подрядчиков или даже просто наемных рабочих ведут работы во многих городах Сибири и Дальнего Востока, специализируясь главным образом на возведении крупных жилых и общественных зданий. В Благовещенске почти все многоэтажные жилые дома возведены китайской компанией «Хуафу». На счету китайских строителей — жилые кварталы в Благовещенске, Иркутске, Хабаровске, Петербурге и других городах. Китайские строители возводят здания быстро и дешево, и это заставляет их российских коллег снижать монопольные цены.

Около двух тысяч китайских рабочих участвовали в прокладке нефтепровода «Восточная Сибирь—Тихий океан» на его якутском участке. Они трудились также на сооружении объектов саммита АТЭС во Владивостоке. Это позволило обеим сторонам накопить опыт использования китайской рабочей силы на крупных стройках.

Китайские сельскохозяйственные работники заняты выращиванием как овощей, так и полевых культур: сои, зерна, в том числе в

последнее время — риса (частью для внутреннего рынка, частью на экспорт в КНР), животноводством, переработкой сельскохозяйственной продукции, сбором даров природы. На 2010 г. (более поздних данных нет) китайцы, по информации агентства «Синьхуа», арендовали в приграничных районах России 426,6 тыс. га сельскохозяйственных угодий. В частности, в 2010 г. администрация г. Муданьцзян получила в свое распоряжение 146,6 тыс. га земли — на 42 % больше, чем в предыдущем году³.

Последние годы мелкие и средние китайские предприниматели начали активнее осваивать такие сферы экономики, как пищевое производство, игорный бизнес, ремонт автомобилей, торговля пиломатериалами, изготовление бытовых принадлежностей и даже суроремонт.

Безусловно, необходимо учитывать, что трудовые мигранты из КНР — это люди физического труда, в большинстве своем обладающие низкой квалификацией. Поэтому нельзя считать беспочвенными утверждения о том, что заполнение ими рынка труда влечет за собой архаизацию российской экономики, тормозит внедрение новых технологий. Однако именно на такие кадры предъявляет в настоящее время спрос российская экономика. Высокообразованные китайские специалисты в России не востребованы, а у нас отсутствуют достаточно привлекательные для них условия. Застойные явления — не следствие, а причина притока в Россию именно такого контингента китайских мигрантов, по сути дела — гастарбайтеров.

Подобным же образом неправомерно ставить в вину иностранным мигрантам добавочную нагрузку на социальную инфраструктуру: как и консервация отсталых форм труда, это — дополнительная скрытая, но неизбежная плата за привлечение внешних трудовых ресурсов, равно как и факт перевода мигрантами заработанных средств из страны пребывания на родину.

Наиболее, пожалуй, острый вопрос, связанный с китайскими мигрантами — это вопрос об их конкуренции с российскими трудящимися. Вытесняют ли китайцы россиян с рабочих мест или занимают свободные ниши на рынке труда? Создают ли возможность для работодателей урезать оплату труда наших граждан? На этот

счет существуют полярно противоположные мнения. По нашему убеждению, в реальной экономической практике имеют место все эти варианты, и иначе не может быть уже потому, что невозможно в точности согласовать количество и профессиональные данные занятых местных работников и привлеченных мигрантов с потребностями работодателей. Однако в основном китайские мигранты заполняют те рабочие места, которые не устраивают местное население. Большинство дальневосточных экспертов стоит именно на такой точке зрения.

Вместе с тем в таких отраслях, как овощеводство, имеет место засилье производимой по обе стороны границы китайской продукции. В условиях пассивности властей оно оказывается губительным для российского сельскохозяйственного производства, но при этом выгодным для российского потребителя. Тем более, что подчас никакой другой продукции, кроме китайской, ему и не предлагается. Задача развязать этот и многочисленные подобные ему узлы давно стоит перед российской экономикой; она приобретает еще большую значимость в условиях движения к евразийской интеграции.

Китайский труд мог бы использоваться с большей отдачей, если бы этому не мешали дефекты нашей системы работы с мигрантами: громоздкие правила выдачи и ограничение количества квот; пассивность органов самоуправления, не обладающих ни средствами, ни правами для стимулирования местного бизнеса (в том числе и отечественного); несовершенство нормативной базы. В результате деятельность китайской рабочей силы и китайского мелкого бизнеса подчас выпадает из поля зрения властей, приобретает стихийный характер и неконтролируемые размеры. В качестве примера сошлемся на выступление губернатора ЕАО А. Левенталья на Петербургском международном экономическом форуме: «Когда меня назначил президент, ко мне кинулись инвесторы: мы знаем, что вы — сельскохозяйственная территория, будем развивать сельское хозяйство. Но в управлении сельского хозяйства мне сказали, что земли для инвестиционных проектов нет. Потому что вся земля роздана на лоскутки, порезана. Где-то есть российские фермеры, но, по моим данным, 80 % земли контролируется китайцами: законно, незаконно, разными способами. В результате сельское хозяйство идет в тупик, к

катастрофе. 85 % земель засаживается соей — культурой, которая убивает землю, если два-три года ее сажать»⁴.

Далее, согласно свидетельствам многих авторитетных специалистов, китайские земледельцы широко применяют в своей практике запрещенные химические удобрения и ядохимикаты, в том числе незаконно ввозимые из Китая. Таким образом, они производят опасную для здоровья продукцию и отравляют почву. (Подчеркнем: это относится лишь к части китайских крестьян, тогда как другая часть, по убеждению экспертов, работает честно⁵.) Однако нам ни разу не довелось услышать о пресечении этой преступной деятельности, о наказании преступников или о высылке их в Китай. Местные органы власти почему-то оказываются бессильными остановить эти нарушения закона, чем, кстати сказать, навлекают на себя позорения в коррупции.

Особого внимания заслуживают эпизоды, связанные с попытками местных властей сдать сельскохозяйственные угодья в аренду китайским фирмам на длительные сроки — 40—49 лет, что вызывает резкие протесты российской общественности. Одна из таких попыток имела место в 2006 г. в Нижегородской области. Ее руководители по предложению китайской стороны решили принять у себя крестьян из КНР для выращивания овощей и разведения рыбы, предоставив им в аренду на 40 лет соответствующие сельскохозяйственные угодья. Привлекательность идеи была прямо связана с наличием в области обезлюдивших сельских территорий: за годы реформ население области сократилось до 600 тыс. человек, уменьшившись почти на 100 тыс. 19 районов области прислали заявки на 100—700 сельскохозяйственных рабочих из КНР, обещая предоставить им пустующие дома или построить новые.

Однако инициатива властей натолкнулась на серьезное сопротивление снизу, едва общественность узнала о ней (из прессы, а не от чиновников, что усугубило ситуацию). В прессе появились критические материалы. Группа нижегородцев направила губернатору письмо с просьбой отказаться от плана завоза китайцев, отмечая, что это приведет к возникновению конкуренции на рынке труда, повышению межэтнической и социальной напряженности, наконец, к оседанию китайских крестьян на российской земле и последующему

росту китайской диаспоры. В унисон с авторами письма высказались несколько депутатов Госдумы и областного Законодательного собрания. Дело кончилось тем, что администрация области отказалась от задуманного плана⁶.

В июне 2015 г. правительство Забайкальского края и китайская компания «Хуа Э Синбан» подписали протокол о намерениях, согласно которому компания получала в аренду по скромной цене на 49 лет 115 тыс. га сельскохозяйственных угодий с перспективой увеличить их размеры до 200 тыс.

В результате возражений широкой общественности эта попытка не удалась, но остались открытыми вопросы к местной власти:

- Как она собиралась контролировать выполнение арендаторами фитосанитарных норм?
- Разве не было бы экономически более выигрышным создать совместное предприятие, которое, кстати, позволило бы плотнее контролировать работу арендаторов?
- Учитывает ли местная власть, что после полувекового проживания на арендованной земле китайские крестьяне, скорее всего, не захотят покинуть ее и будут добиваться через свое правительство разрешения остаться в России?
- Разумно ли вообще, что местная власть наделена правами распоряжаться землей подобным образом?

А дальше возникают вопросы к федеральной власти: почему она заняла выжидательную позицию и не дала четкой оценки сложившейся ситуации?

Земля с ее богатствами воспринимается в народе как жизненное пространство нации, залог ее суверенитета. Поэтому нет ничего удивительного, что общественное мнение бурно реагирует на сомнительные манипуляции власти с землей. В ходе обсуждений российские специалисты и фермеры не раз отмечали, что при наличии соответствующей материальной помощи со стороны государства они сами могли бы справиться с обработкой сдаваемых в аренду площадей. Заслуженный агроном России, депутат Народного хурала Бурятии Анатолий Кушнарев заявляет: «Я верю, что наши земляки способны вытеснить с рынка китайские овощи и удовлетворить потребности в них жителей республики»⁷. Далее он предсказывает, что

через несколько лет из-за недостатка воды в Китае его жителям придется импортировать овощи из России. «Здесь есть два подхода: либо они присылают сюда своих рабочих, что чревато определенными проблемами, либо вкладывают инвестиции в наше сельское хозяйство, контролируют их использование и забирают полученную продукцию в Китай. Мне второй подход нравится больше»⁸.

Нам представляется, что, имея в виду перспективу более тесного экономического сотрудничества России и Китая, федеральной власти стоило бы обратить пристальное внимание на раскрытие потенциала российского крестьянства.

Наряду с трудовой миграцией в РФ самое последнее время стала понемногу набирать вес другая категория миграции: инвестиционная. Мы имеем в виду резидентов открывающихся с 2014 г. ТОРов. Пока иностранных резидентов в ТОРах немного, но китайских среди них — больше половины. На январь 2017 г. на 14 ТОРах на Дальнем Востоке заявки на статус резидента подали 228 компаний, в том числе 27 иностранных, а из них 13 — это компании из КНР⁹. Насколько успешными окажутся ТОРЫ, говорить еще рано. Но права и льготы, предоставляемые там иностранцам, уже вызвали серьезные опасения насчет «тихой оккупации» российского Дальнего Востока, причем не только среди рядовых граждан, но и среди членов Общественной палаты РФ. Нам кажется, к этим опасениям не следует относиться пренебрежительно. Имеет смысл внимательно отслеживать ход событий в ТОРах, не пускать его на самотек и быть готовым в случае необходимости корректировать действующее в ТОРах законодательство.

Идеи евразийской интеграции дают импульс расширению еще одного вида миграции — образовательных обменов между Россией и Китаем. В настоящее время объем этих обменов невелик: в России на сегодняшний день обучаются 26 тыс. китайских студентов, в Китае проходят обучение более 17 тыс. студентов из России¹⁰ (в США — 304 тыс. студентов из Китая). Российскими специалистами предложена серия мер с целью привлечь большее число молодых китайцев к учебе в нашей стране¹¹. В их числе: стыковка образовательных стандартов (дипломов, ступеней обучения, званий) и построение в конечном счете единого формата образовательного евразийского пространства; создание совместных учебных заведений,

примером чего может служить проект открытия в Шэньчжэне совместного университета МГУ и Пекинского политехнического института; организация в университетах научно-образовательных и технических кластеров с участием иностранных ученых и студентов (на Восточном экономическом форуме в 2016 г. президент В.В. Путин предложил создать международный кластер такого рода на острове Русский на площадке Владивостокского университета¹²) и т. д.

Вместе с тем необходимо понимать, что имеются фундаментальные факторы, существенным образом ограничивающие приток к нам иностранных студентов. Главный фактор состоит в том, что диплом российского вуза, в отличие, скажем, от американского, дает молодому выпускнику слишком мало шансов преуспеть в жизни — за границей или у себя на родине. Этот фактор складывается из целого ряда взаимосвязанных обстоятельств, которые в конечном счете ведут к общему отставанию России от темпов научно-технического прогресса, а как частное следствие, — к неудовлетворительному положению дел в сфере образования. Так, плохое преподавание русского языка закрывает студенту дорогу к овладению избранной специальностью; соответственно, у студента пропадает желание учиться всерьез, и он переориентируется на получение диплома любыми способами, поскольку российский диплом в КНР признается. Это расхолаживает его преподавателей и т. д.¹³

К российскому образованию официально относятся в Китае с уважением, но фактически это уважение распространяется лишь на несколько специальностей. Так, список специальностей, «наилучшим образом подходящих для китайских студентов» на 2016 год, по версии одной из авторитетных консалтинговых компаний выглядит следующим образом: медицина, русский язык, живопись, авиация и космонавтика, нефтяная промышленность, музыка¹⁴. И больше ничего. Комментарии тут излишни.

В свете всего этого высказанная правительственными фигурами РФ идея довести к 2020 г. ежегодный обмен студентами с Китаем до 100 тыс. с каждой стороны¹⁵ выглядит чисто политической акцией, не проработанной в практическом плане.

Подведем некоторые итоги. Сопряжение интеграционных проектов России и Китая не отменяет известных проблем, существующих

ших в сфере китайской миграции в Россию, а лишь делает более настоятельной необходимость их урегулирования, для чего в миграционной политике РФ на китайском направлении целесообразно придерживаться следующих принципов.

1. Привлечь китайских мигрантов в качестве рабочей силы в пределах, диктуемых экономическими потребностями, однако на временной основе и в ограниченных количествах, учитывая, что никакое сопряжение не отменяет необходимость поддержания демографического баланса и экономической безопасности. Избегать возникновения китайских анклавов.

2. Создавать благоприятные условия для привлечения инвестиционных мигрантов из КНР, не забывая, опять-таки, об упомянутых проблемах демографической и экономической безопасности.

3. Наладить эффективный миграционный контроль, а также контроль над работой китайских мигрантов в сельском хозяйстве, не допуская, чтобы она наносила ущерб экономике и здоровью потребителей их продукции.

4. При привлечении китайской рабочей силы стремиться к рационализации бюрократических процедур (квотирование и др.).

5. Стратегической задачей государства должен считаться подъем российской деревни, возвращение деревенского населения к полноценному созидательному труду, что в высшей степени отвечает потребностям демографической и экономической безопасности и в конечном счете является наиболее выгодной моделью экономического развития страны. Наемный иностранный труд при этом должен играть вспомогательную роль.

Примечания

¹ Труд и занятость в России — 2015 / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm

² «Мы сильная страна. Чего нам бояться». Интервью полпреда президента РФ в Дальневосточном округе Юрия Трутнева // Газета.ру. 04.09.2016. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/09/04/10175789.shtml>

³ *Полунин А.* Китай берет Россию в аренду // Свободная пресса. 01.06.2010. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/25865/>

⁴ Губернатор Еврейской АО: Китайцы контролируют восемьдесят процентов земель региона // Newsinfo. URL: <http://www.newsinfo.ru/news/2017-05-09/item/781352/>

⁵ *Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е.* Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад / ДВО РАН. ИИАЭ. Владивосток, 2016. URL: <http://ihaefe.org/news/4555>

⁶ *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга. 2009. С. 220.

⁷ *Халбашкеев А.* Родное — лучше // Мир Байкала. 2015. № 3(37). Сентябрь. С. 108.

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Территории опережающего развития — промежуточные итоги / Российский союз промышленников и предпринимателей. Координационный совет в Дальневосточном федеральном округе. 19 января 2017 г. URL: <http://rsppdf.org/events/2017/01/19/promezhutochnye-itogi-sozdaniya-na-dalнем-vostoke/>

¹⁰ Голодец: Россия и Китай будут обучать по обмену до 100 тысяч студентов / Федеральное агентство новостей. 09.10.2015. URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>

¹¹ См. напр.: *Боревская Н.Е.* Образовательное сотрудничество РФ и КНР: новые тренды на новом этапе (в настоящем сборнике); *Смирнова Л.Н.* Научно-образовательное сотрудничество — основа инновационной модели отношений России и Китая. М.: РСМД, 2016. № 3. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/Smirnova_Russia-China-Education-Policybrief3-ru.pdf

¹² Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Восточного экономического форума 03.09. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808>

¹³ Подробнее см.: *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. (гл. 2. Раздел «Студенты. Социологическое исследование»).

¹⁴ 2016 нянь элосы лю сюэ цзуй шихэ чжунго сюэшен ды чжуань : [Специальности, наиболее подходящие китайским студентам для изучения в России в 2016 г.] // Цяньту чу го. Vision overseas. 03.05.2016. URL: <http://liuxue.xdf.cn/Russia/undergraduate/zxx/731276.shtml> (статья опубликована на сайте крупнейшей консалтинговой компании «Синь дунфан цяньту чу го» (Новый Восток. Перспективы выезда за границу), специализирующейся на вопросах обучения за границей и имеющей представительства во многих странах).

¹⁵ URL: <https://riafan.ru/432585-golodets-rossiya-i-kitay-budut-obuchat-po-obmenu-do-100-tyisyach-studentov>

И.Е. Денисов, Д.Л. Адамова

ФОРМУЛЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СИ ЦЗИНЬПИНА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. Внешняя политика Си Цзиньпина характеризуется как постепенным отходом в дипломатической практике от принципа Дэн Сяопина «*таогуан янхуэй*» (*скрывать свои возможности и держаться в тени*), так и сменой «языка дипломатии» — появлением новых концепций и терминов, которыми описываются реалии современного мира и действия Китая на международной арене. Некоторые привычные термины получают новое толкование, что не всегда замечается внешними наблюдателями. В статье в качестве примера рассматривается вопрос о содержании термина «рациональный» (*хэли*) в современном китайском внешнеполитическом дискурсе. Авторы приходят к выводу, что китайская трактовка рациональности имеет глубокие национальные корни. Выдвигая гипотезу о том, что это является свидетельством поиска Китаем собственной «большой стратегии», авторы обозначают ее основные черты и высказывают предложения об основных направлениях дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика, дискурсивный анализ, рациональность, культура, стратегия.

Изучение внешнеполитического дискурса сегодня становится важным инструментом прикладного политического анализа. Объектом исследования могут выступать различные концептуальные доку-

менты (доктрины, концепции, стратегии и т. д.), а также речи и заявления официальных лиц, что «позволяет выявить как устойчивые структуры национального внешнеполитического дискурса по вопросам формирования международного порядка, так и динамику эволюции их восприятия»¹.

Для Китайской Народной Республики, в которой отсутствует практика публикации внешнеполитических документов доктринального характера², постоянный мониторинг употребления тех или иных терминов или оценочных выражений в заявлениях официальных лиц, документах органов власти и экспертных публикациях имеет важное прогностическое значение. Хотя, безусловно, этот метод не должен и не может быть единственным при изучении современной внешней политики Китая. Однако в условиях ее трансформации разумное применение дискурсивного анализа в состоянии дать много полезной информации к размышлению как теоретику, так и практику.

Отход китайской внешней политики от принципа Дэн Сяопина «таогуан янхуэй» (*скрывать свои возможности и держаться в тени*) знаменуется при Си Цзиньпине активным выдвижением различных концепций и внешнеполитических инициатив (от «одного пояса, одного пути» (一帶一路, *и дай и лу*) до строительства сообщества общей судьбы (命运共同体, *минюнь гунтунти*). Не будет преувеличением сказать, что Китай в немалой степени именно через язык формирует представление мира о себе и своей роли в международных делах, а также свое представление о мире. Не случайно в КНР сегодня, наряду с поиском новых драйверов экономического развития и наращиванием усилий по модернизации армии, так много внимания уделяется развитию «международной дискурсивной силы» (国际话语权, *гоцзи хуаюйцюань*)³. Самыми разными способами — через публикацию «белых книг», выступления лидеров на различных международных форумах, внешнеполитическую пропаганду и развитие научных и культурных обменов — Китай всё активнее пытается донести до международной аудитории свое видение глобальных проблем и запрос на реформу глобального управления.

Как представляется, в этой ситуации в качестве одного из полезных инструментов исследователи могут использовать сравнитель-

ный анализ параллельных текстов на китайском и иностранных языках. В основе этого вида дискурсивного анализа лежат ответы на две группы вопросов:

(1) как и почему те или иные зарубежные политические термины, отражающие оценки современной международной обстановки, переводятся на китайский язык в официальных документах;

(2) как и почему те или иные китайские реалии из сферы внешней политики получают устойчивый перевод на иностранные языки в официальных китайских публикациях.

Единым для двух данных подвидов анализа выступает обязательное определение исторической, политической и культурной обусловленности тех или иных переводческих решений, а также ответ на вопрос, как они вписываются в общую коммуникативную стратегию, реализуемую Китаем на международной арене.

Мы исходим из понимания того, что перевод в любом случае является не только лингвистическим, но и культурным, и (это, пожалуй, главное для изучаемой нами области) политико-идеологическим актом. Современные исследователи перевода Р. Альварез и М. Видаль по этому поводу отмечают: «Поскольку нам известно, что перевод не является лишь переходом от одного текста к другому, перемещением слов из одного контейнера в другой, а скорее является транспортировкой одной целой культуры в другую со всем, что это влечет за собой, мы осознаем, насколько важно понимание того, какая идеология лежит в основе перевода. Необходимо знать, что переводчик добавил, что он опустил, какие слова выбрал и как он расставил их. Ведь за каждым его выбором лежит добровольный акт, отражающий его историю и социально-политическую среду, которая окружает его, иными словами, отражающий его собственную культуру»⁴.

Дискурсивный анализ, к сожалению, редко встречается в работах, посвященных внешней политике КНР. В основном к нему прибегают исследователи в сфере китайских масс-медиа, где методы дискурсивного анализа оказываются эффективными и позволяют достичь значимых результатов⁵.

Непосредственный повод для написания настоящей статьи появился в результате наблюдения за переводами на китайский язык

российских официальных заявлений, сделанных в связи с вердиктом Постоянной палаты Третейского суда (ППТС) в Гааге по иску Филиппин к Китаю. Данный пример выбран нами лишь в качестве иллюстрации применения указанного подхода, но, как нам кажется, интерес представляют не только сама методика, но и полученные результаты, поскольку они позволяют уточнить позицию Пекина по важному для китайской внешней политики вопросу о территориальных спорах в Южно-Китайском море.

В январе 2013 г. Филиппины подали в международный арбитраж иск против Китая, в котором в числе прочего просили признать недействительной так называемую «девятипунктирную линию», определяющую границы территориальных притязаний Пекина. В иске также отмечалось, что действия КНР нарушают Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Китай отказался принимать участие в арбитражном разбирательстве и заранее заявил, что не признает его. 12 июля 2016 г. ППТС вынесла решение о том, что претензии Пекина на территории в Южно-Китайском море являются безосновательными. В решении суда также отмечалось, что спорные территории архипелага Спратли (Наньша) островами не являются и исключительную экономическую зону не образуют.

Россия неоднократно заявляла, что не является стороной конфликта в Южно-Китайском море (ЮКМ), не занимает в территориальных спорах позицию какой-то одной стороны и считает, что споры должны быть урегулированы путем проведения консультаций непосредственных участников на основе международного права.

После объявления решения суда официальный представитель МИД РФ Мария Захарова на брифинге 14 июля 2016 г. озвучила основные российские оценки ситуации в ЮКМ. Анализируя сообщения ведущих китайских СМИ об этом брифинге (были рассмотрены публикации «Жэньминь жибао», Информационного агентства «Синьхуа», Китайского агентства новостей, интернет-сайтов «Хуаньцюван» и «Цанькао сяоси»), авторы заметили следующее: в китайских переводах аутентично передано содержание заявления представителя российского МИДа, кроме одного случая, когда, на наш взгляд, в «Жэньминь жибао» и «Синьхуа» перевод был выполнен не вполне адекватно, а в отчетах остальных СМИ исследуемые

фрагменты отсутствовали вовсе. Речь идет о фрагментах следующих двух заключительных предложений из ответа М. Захаровой на вопрос по поводу решения ППТС:

«Высоко оцениваем роль Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в обеспечении верховенства права при осуществлении деятельности в Мировом океане. Кроме того, чрезвычайно важно, чтобы положения этого универсального международного договора применялись последовательно и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима»⁶.

С целью проведения анализа мы разделили это высказывание на четыре смысловых фрагмента:

1 — Россия дает высокую оценку роли Конвенции ООН по морскому праву;

2 — Конвенция обеспечивает верховенство права при осуществлении деятельности в Мировом океане;

3 — Положения этого универсального международного договора должны применяться последовательно;

4 — Применение Конвенции не должно ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима;

В табл. 1 приведены данные о наличии данных фрагментов в выбранных нами для изучения китайских СМИ. На данном этапе нами не анализировалась аутентичность перевода на китайский язык, а проверялось лишь наличие или отсутствие фрагментов (обозначены знаками «+» — присутствует, «-» — отсутствует).

Таблица 1. Наличие смысловых фрагментов в сообщениях китайских СМИ о брифинге в МИД России⁷

Наименование СМИ	Номер смыслового фрагмента			
	1	2	3	4
«Жэньминь жибао»	-	-	+	+
ИА «Синьхуа»	+	+	+	+
Китайское агентство новостей	-	-	-	-
«Хуаньцюван»	+	+	-	-
«Цанькао сяоси»	-	-	-	-

Из данных табл. 1 можно сделать вывод, что китайские СМИ использовали выборочно данную часть заявления М. Захаровой, при этом заметно синхронное внимание двух ведущих государственных информационных органов («Жэньминь жибао» и «Синьхуа») к фрагментам 3 и 4. Как раз их не дали все остальные выбранные нами органы информации.

На втором этапе исследования были более подробно рассмотрены способы перевода этих фрагментов (3, 4). Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Передача смысловых фрагментов 3 и 4 в сообщениях «Жэньминь жибао» и Синьхуа в сравнении с исходным русским текстом

Исходный текст	«Жэньминь жибао»	«Синьхуа»
...чрезвычайно важно, чтобы положения этого универсального международного договора применялись последовательно и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность установленного Конвенцией правового режима	Китайский текст	Китайский текст
	扎哈罗娃表示, 俄方希望《联合国海洋法公约》得到合理利用, 不至于使《公约》的完整性受到损害。	..希望公约得到合理利用, 不至于使《公约》的完整性受到损害。
	Обратный перевод на русский язык	Обратный перевод на русский язык
	Захарова заявила: «Российская сторона надеется на то, что Конвенция ООН по морскому праву будет применяться рационально и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность Конвенции	..надеюсь, что Конвенция будет применяться рационально и таким образом, чтобы не ставить под угрозу целостность Конвенции

Принципиально важным нам кажется появление в двух китайских сообщениях слова 合理 (*хэли*) — **рационально**, которым передана идея российского заявления о том, что применение Конвенции должно быть последовательным, то есть — без изъятий, без изменений в зависимости от желания того или иного субъекта, без приспособления к конкретной политической ситуации. Иное применение как раз и будет ставить под угрозу целостность Конвенции,

ее универсальный характер, необходимость сохранения которого как раз неоднократно подчеркивалось российской стороной. Между тем ясно, что рациональное толкование правовой нормы не эквивалентно ее последовательному применению, поскольку первое дает субъекту международного права большую свободу маневра, возможность сверять свои действия не с теми или иными действующими международно-правовыми режимами, а прежде всего с собственными интересами и своим пониманием текущей ситуации. Именно с таким пониманием часто связаны озабоченности других мировых игроков, когда они говорят об эрозии системы международного права.

Наша гипотеза заключается в том, что в данном случае речь идет не о переводческой ошибке, а о сознательном выборе лексической единицы, совсем не эквивалентной термину из исходного заявления, но близкой к китайскому пониманию ситуации, отражающему представление Китая о применении Конвенции ООН по морскому праву и в целом его отношение к международно-правовым режимам.

Приведем сначала лингвистические аргументы. Согласно «Китайско-русскому словарю», изданному под редакцией профессора Ся Чжунъи в 1990 г., слово 合理 (*хэли*) имеет следующие значения: разумный, рациональный, справедливый, законный, логичный⁸. В более новом справочном пособии и на данный момент одним из наиболее авторитетных китайско-русских словарей (Большой китайско-русский словарь под ред. Гу Боляня) для слова *хэли* приводятся следующие значения: разумный, рациональный, справедливый, законный, логичный, логический⁹. Отсутствие среди значений *хэли* чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего смысл слов «последовательный», «последовательно», подтверждается и авторитетными онлайн-словарями — в 大 БКРС (URL: <https://bkrs.info/>) — рациональный, разумный; логичный, закономерный; целесообразный¹⁰, в ZDIC (URL: <http://www.zdic.net>) — rational, reasonable, fair, equitable¹¹.

Уместно привести и аргументы, связанные с особенностями работы китайских СМИ. Сложно предположить, что два журналиста из ведущих официальных СМИ могли бы допустить одну и ту же

ошибку. Кроме того, сама тема и момент публикации весьма чувствительны: сообщения увидели свет сразу же после объявления решения арбитража в Гааге, в котором Китай не участвовал, которое не признал и которое резко критиковал. Поэтому крайне маловероятно, что слово с совсем иным семантическим значением, и главное — формирующее иной дискурс, в такой ситуации было выбрано наобум.

Заметим, что выявление таких «якорных слов» — индикаторов ключевых подходов государства к внешней политике — это важная часть анализа официальных китайских документов. Мы продемонстрировали лишь один из способов их обнаружения — через сопоставление текстов на китайском и иностранных языках, описывающих одно и то же событие, излагающих одни и те же заявления и т. д. Важная часть анализа внешнеполитического дискурса — наблюдение за использованием терминов в более широком контексте, поскольку в любом случае выводы не могут базироваться лишь на узком круге документов.

Наш анализ китайских официальных заявлений выявил, что термин *хэли* довольно часто используется, в основном для обозначения подходов Китая к современному миропорядку и возможностям его реформирования. Если раньше в китайских официальных документах встречались упоминания о «новом международном порядке» (国际新秩序, *гоцзи синь чжисюй*) или «новом международном политическом и экономическом порядке» (国际政治经济新秩序, *гоцзи чжэнчжи цзинци синь чжисюй*), то сейчас прочно утвердилась формула «более справедливый и рациональный новый международный порядок» (更加公正合理的国际新秩序, *гэнцзя гунчжэн хэли дэ гоцзи синь чжисюй*)¹².

В данной формуле принципиально важным представляется два момента: во-первых, наличие у нового миропорядка ведущих качеств — *гунчжэн* (справедливости) и *хэли* (рациональности), и, во-вторых, акцент на необходимости последовательного усиления этих качеств, в чем и состоит одна из важных задач китайской внешней политики. Именно движение существующей международной системы в сторону большей «справедливости» и «рациональности» и сформирует новый порядок, причем, как постоянно подчеркивается

китайским руководством, этот процесс предполагает реформирование существующего порядка, а не разрушение старого. Поэтому вместо глагола «строить, создавать» (建立, *цзяньли*) во внешнеполитическом дискурсе при Си Цзиньпине прочно утвердился глагол «формировать» (塑造, *суцзао*)¹³.

Само понятие «старый порядок» незаметно исчезло из китайского политического лексикона, что, по нашему мнению, отражает серьезный отход от прежних концепций, которые постулировали, что новый международный порядок может быть построен исключительно на основе пяти принципов мирного существования, путем «коренного изменения сущностных характеристик старого порядка», «ликвидации социальной базы, на которую опираются гегемонизм и политика с позиции силы»¹⁴.

Внешнюю политику Си Цзиньпина можно рассматривать не просто как отход от концепции «*таогуан янхуэй*» Дэн Сяопина, но и как полный разрыв с традициями и менталитетом «революционной дипломатии», с которой курс Дэн Сяопин был тесно связан, по крайней мере, на риторическом уровне. Здесь, как представляется, лежит коренное отличие двух внешнеполитических парадигм — при Дэн Сяопине (и во многом при Цзян Цзэмине и Ху Цзиньтао) Китай не проводил активной внешней политики, но тем не менее в определенной степени сохранял классовую риторику, конечно, на деле не собираясь подрывать социальную базу «гегемонизма». Если раньше жесткость на словах часто оборачивалось мягкостью на деле, то переход к проактивной внешней политике при «пятом поколении» руководителей риторический разрыв сократил, но не ликвидировал полностью. Если при прошлых руководителях достаточно жесткая риторика компенсировала слабость политики и стремление «оставаться в тени» в глобальных делах, то сейчас, скорее, происходит обратное — риторика призвана сгладить опасения, существующие в разных странах мира в связи с повышением роли Китая в международных делах. Выход на первый план в дискуссиях о глобальном управлении и новом мировом порядке глагола «формировать» (塑造) здесь весьма показателен, ведь иероглиф 塑 (*су*) имеет значения «мягкий, гибкий, способный произвольно изменять форму».

В современном китайском внешнеполитическом дискурсе мы сталкиваемся с парадоксальной вещью — совершенно очевидные активные действия Китая (практическое продвижение инициативы «Пояса и пути», создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, строительство искусственных островов в Южно-Китайском море для усиления своих стратегических позиций в этом регионе, растущий вклад в миротворческие операции ООН) не описываются столь же четко и ясно в официальных документах. В них по-прежнему много общих и необязательных слов. Многие зарубежные исследователи, так или иначе, отмечают, что китайские внешнеполитические концепции страдают неопределенностью, размытостью и неконкретностью. Показательный пример — история с инициативой «Одного пояса, одного пути», которую, согласно официальным указаниям, в публикациях на английском языке запрещено называть «стратегией», «проектом», «программой» или «повесткой» (strategy, project, program, agenda)¹⁵.

«Стратегическая неопределенность», которая чувствуется в официальном дискурсе, скорее всего, определяется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что внешняя политика Китая находится в процессе трансформации и отхода от прежней парадигмы Дэн Сяопина; во-вторых, усиливающейся неопределенностью внешней среды. В такой обстановке намеренная туманность формулировок становится основой гибкой политики, точно так же, как в бизнесе неполнота коммерческого контракта является оптимальным выбором в случае, если по некоторым параметрам невозможно достаточно точно проконтролировать соблюдение его положений¹⁶.

С этой точки зрения, расширительная трактовка «последовательного» применения международного права как «рационального» вполне укладывается в логику китайской внешней политики. Кроме того, справедливость (*гунчжэн*) и рациональность (*хэли*), как было показано выше, являются двумя важными параметрами миропорядка и процесса его реформирования. Заметим, что при сохранении риторики о «мирном пути развития Китая» ни мир (*хэпин*), ни стабильность (*вэньдин*) в эту формулу не попали, и видимо как раз потому, что в этих двух случаях гораздо менее вероятны гибкие и расширительные толкования.

Мы приходим к выводу, что справедливость и рациональность неслучайно одновременно присутствуют в китайской концепции идеального миропорядка. При этом трактовка «рациональности», похоже, наиболее близка к пониманию справедливого порядка в рамках традиционного китайского судопроизводства.

В древнем Китае *ли* (理) было названием судей, в системе Танской бюрократии велика была роль Приказа Великой справедливости (大理寺, *Далисы*), который «ведал решением судебных дел и точным определением наказаний»¹⁷. *Далисы* просуществовал до последних лет династии Цин, и лишь в 1906 г. был преобразован в Верховную судебную палату (大理院, *Далиюань*). В таком виде судебный орган сохранился и после образования Китайской Республики и лишь в 1927 г. был преобразован в Верховный суд.

Классический принцип отправления судопроизводства, который пережил различные династии и смену политических режимов, включает себя понятие *хэли*. Трехединая формула — 合情, 合理, 合法 *хэцин, хэли, хэфа* — судить в соответствии с обстоятельствами (чувствами), рациональными принципами, законом — как раз и определяет, что исторически для китайского судьи нормативное понимание права не было главным и определяющим. Ведущую роль играли моральные нормы, конфуцианские представления о гармонии и справедливости в отношениях между людьми, стремление подчинить жизнь китайского социума рациональному началу.

Исследователи китайского права отмечают, что и в современном правоприменении рациональный подход — *хэли* (разрешение споров на основе моральных принципов или принципов целесообразности) порой еще преобладает над строгим следованием юридическим нормам. Так анализ использования формулировки «*хэли*» при рассмотрении китайскими судами споров экономических субъектов показал, что судьи охотно используют термин для того, чтобы оправдать гибкий подход к следованию букве закона и к соблюдению условий контракта в обстоятельствах, когда нормативно-правовая и экономическая среда испытывают глубокие и быстрые изменения¹⁸.

Как отмечает М. Тимотео, китайской судебной системой выработана собственная герменевтическая линия, в которой формули-

ровка *хэли* используется в качестве общего шаблона для приспособления статутных норм к конкретным обстоятельствам и для нахождения баланса интересов, прав и обязанностей¹⁹.

Выводы

Мы полагаем, что использование понятия *хэли* в современном внешнеполитическом дискурсе КНР преследует примерно те же цели, что и в современном китайском судопроизводстве. Дело в том, что логика действий Пекина как раз и состоит в приспособлении норм и правил к противоречивой и быстро меняющейся обстановке, к обстоятельствам, в которых происходит становление Китая как глобальной державы. Поэтому замена «последовательного» на «рациональный» в переводе российского заявления по ЮКМ, по нашему мнению, не является случайным, а отражает стремление китайского руководства к реформированию системы современного миропорядка на некоей скорректированной основе, в которой международные нормы толкуются в духе нравственного подхода к праву, когда помимо писаных норм существует и высшее идеальное начало. В современной китайской концепции это отражается в понятии *гунчжэн* (справедливость). Использование терминологии, имеющей глубокие национальные корни, на наш взгляд, говорит о том, что Китай активно осмысливает свою роль в мире и находится в процессе выработки собственной «большой стратегии».

Открытым остается вопрос, насколько глубоким может быть распространение принципов *хэли* и *гунчжэн* на отношения Китая и мира. Пока, как мы видим, Китай высказывается и действует в соответствии с собственными принципами и представлениями о справедливости лишь в тех сферах, где затрагиваются его наиболее важные национальные интересы. Неясен и результат реформирования миропорядка — будет ли означать большая рациональность системы международных отношений (в китайском понимании) меньшую нормативность или Китай, по мере того, как будет брать на себя всё большую глобальную ответственность, станет уделять повышенное внимание тому, чтобы его интересы были более гармонично и эффективно согласованы с интересами других мировых игроков.

Анализ китайских намерений осложняется уже обозначенной нами размытостью концепций, а также пестротой и разнонаправ-

ленностью взглядов китайского экспертного сообщества, и в то же время сдержанностью и кажущейся консервативностью высказываний высшего руководства. Поэтому в исследованиях по внешней политике Китая, на наш взгляд, следует больше внимания уделять расшифровке «неясных понятий», поскольку чаще всего (как показано в данной статье на примере *хэли*) они не являются нейтральными и подчиняются общей логике китайской внешней политики. Прикладные исследования по узким темам (межгосударственные отношения, роль Китая в международных организациях и других многосторонних форматах, участие КНР в решении глобальных проблем, экономическая дипломатия) следует сочетать с теоретическими работами о будущей глобальной роли Китая. Основываясь на тематике настоящей статьи, можем предложить в качестве перспективной темы для углубленных исследований следующий вопрос: насколько дальнейший выход внешней политики Китая из тени будет сопровождаться усилением специфических китайских элементов в его стратегии, и не приведет ли это к тому, что существующие теории международных отношений, возникшие в другой парадигме, будут неспособны полностью объяснить и достоверно предсказать китайское поведение?

При анализе современной внешней политики Китая, на наш взгляд, необходимо избегать того, что некоторые эксперты справедливо называют «синологической ловушкой». В сфере исследований постоянно усложняющейся китайской реальности следует избегать узости взгляда, полностью и некритически принимая китайские интерпретации. Необходимо «применять к китайской ситуации общие концепции, методы и теории сравнительной политологии или других системных дисциплин»²⁰.

«Идеология Си Цзиньпина — это идеология превращения Китая из большого государства в сильное, это идеология трансфера глобальной власти»²¹. Дипломатия Си Цзиньпина носит «транзитный» характер, символизирующий рост глобальных амбиций Китая. Тем важнее, на наш взгляд, отслеживать малейшие изменения во внешнеполитическом дискурсе, за которым могут последовать определенные новации в дипломатической практике.

Примечания

¹ *Истомин И.А.* Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5(50). С. 21.

² *Денисов И.Е.* Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // Международная жизнь. 2015. № 5. С. 43.

³ *Ван Шучэн.* Чжэнцзюй гоцзи хуаюйцюань ши вомэнь чжэ и дай мэйтижэнь дэ шимин : [Бороться за международную дискурсивную силу — миссия работников СМИ нашего поколения] // Жэньминь жибао. 29.12.2016.

⁴ *Alvarez R. M., Carmen Africa Vidal.* Translating: A Political Act // Roman Alvarez & M. Carmen Africa Vidal (eds.). Translation, Power Subversion. Clevedon: Multilingual Matters Ltd. 1996. P. 5.

⁵ *Ng S. H., Ye J., Lee C. C.* Media Discourse on Globalization in China: A Social—Psychological Analysis // Journal of Language and Social Psychology. 2011. V. 30. № 2. P. 139—157; *Lee C. C.* Bound to rise: Chinese media discourses on the new global order / / Reorienting global communication: Indian and Chinese media beyond borders. 2010. P. 260—283; *Lee C. C.* China as a rising world power: Chinese press discourses // Chinese Journal of Communication. 2012. V. 5. № 1. P. 38—42; *Callahan W. A.* Dreaming as a critical discourse of national belonging: China Dream, American Dream and world dream // Nations and Nationalism. 2017. V. 23. № 2. P. 248—270; *Alvaro J. J.* Political discourse in China's English language press // World Englishes. 2013. V. 32. № 2. P. 147—168.

⁶ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой. Москва. 14 июля 2016 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации 14.07.2016. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2354135?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU

⁷ Таблицы 1 и 2 составлены авторами на основании следующих источников: Э вайцзяобу хуюй наньхай вэньти гэ сянгунь фан чжанькай чжицзе дуйхуа : [МИД России призвал соответствующие стороны в проблеме Южно-Китайского моря к проведению прямого диалога] // Жэньминь жибао. 16.07.2016; Э вайцзяобу хуюй наньхай вэньти гэ сянгунь фан чжанькай чжицзе дуйхуа : [МИД России призвал соответствующие стороны в проблеме Южно-Китайского моря к проведению прямого диалога]. URL: http://news.xinhuanet.com/2016-07/15/c_1119225244.htm; Э чэн наньхай сянгунь фан ин чжицзе таньпань. Фэйдицюй лиян бу ин цзеху : [Россия заявила, что соответствующие стороны в Южно-Китайском море должны вести прямые переговоры, а внерегиональные силы не должны вмешиваться]. URL: <http://www.chinanews.com/gj/2016/07-15/7939738.shtml>; Э вайцзяобу э буши наньхай линту чжэндуань цаньюйфан : [МИД России: Россия не является участником территориальных споров в Южно-Китайском море]. URL: <http://>

/world.huanqiu.com/exclusive/2016-07/9177112.html; Э мэй элосы фаньдуй юйвай шили ганьюй наньхай вэньти : [Российские СМИ: Россия против вмешательства внерегиональных сил в проблему Южно-Китайского моря]. URL: <http://www.caonkaoxiaoxi.com/china/20160716/1232859.shtml>

⁸ Хань Э Цидянь : [Китайско-русский словарь]. Пекин: Шаньу иньшугуань, 1990. С. 353.

⁹ Хань Э Да Цыдянь : [Большой китайско-русский словарь]. Шанхай: Шанхай вайюй цзяюй чубаньшэ, 2009. С. 835.

¹⁰ URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%90%88%E7%90%86>

¹¹ URL: <http://www.zdic.net/c/8/145/317337.htm>

¹² Ян Цзечи. Чжань цзай лиши синь цидянь шан дэ чжунго вайцзяо — Цзай 21 шици лишихуэй бэйцзин хуэйи шан дэ яньцзын : [Ян Цзечи. На новом историческом рубеже китайской дипломатии — Речь на пекинской конференции Совета 21 века]. URL: <http://www.mfa.gov.cn/chn//pds/ziliao/zyjh/t1095281.htm> Суцзао гэнцзя гунчжэн хэли дэ гоцзи синь чжисюй : [Формировать более справедливый и рациональный международный порядок] // Жэньминь жибао 04.05.2017.

¹³ Си Цзиньпин чжучи чжаокай гоцзя аньцюань гунцзо цзотаньхуэй : [Си Цзиньпин председательствовал на рабочем совещании по вопросам государственной безопасности] // Жэньминь жибао. 18.02.2017.

¹⁴ У Ханьхуэй, Сой Шифу, Чэнь Сюхуа. Дэн Сяопин лилунь хэ сань гэ дайбяо чжунъюо сысян гайлунь : [Теория Дэн Сяопина и важная идея «трех представительств». Введение] // Цинхуа дасюэ чубаньшэ. 2004. С. 154.

¹⁵ Гоцзя фачжань гайгэ вэй дэн югуань бумэнь гуифань «и дай и лу» чжун ин вэнь ифа : [Госкомитет по развитию и реформе и другие соответствующие ведомства регламентировали перевод «Одного пояса и одного пути» с китайского на английский язык]. URL: http://xbkfs.ndrc.gov.cn/gzdt/201509/t20150921_751694.html

¹⁶ Bernheim B. D., Whinston M. D. Incomplete contracts and strategic ambiguity // American Economic Review. 1998. P. 902—932.

¹⁷ Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. I. Генезис и структура. СПб., 2009. С. 319.

¹⁸ Timoteo M. Vague Notions in Chinese Contract Law: The Case of Heli // Eur. Rev. Private L. 2010. V. 18. P. 944.

¹⁹ Op. cit. P. 948.

²⁰ Heilmann S. (ed.) China's Political System. Mercator Institute for China Studies (MERICS). — Rowman & Littlefield, 2017. P. 36.

²¹ Денисов И.Е. Об основах сицзиньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР // Тетради по консерватизму. 2015. № 5. С. 115.

А.С. Давыдов

США—КИТАЙ—РОССИЯ: НОВЫЕ «ТРЕУГОЛЬНЫЕ» ИГРЫ

Аннотация. В последнее время многих аналитиков-международников интересуют ответы на вопросы: «Как будут меняться взаимоотношения в «треугольнике» Россия—Китай—США после воцарения в Белом доме Дональда Трампа?» и «Реален ли в складывающихся условиях некий намечавшийся ранее альянс между КНР и РФ, предполагавший их тесное взаимодействие, вплоть до военно-политического?». В статье предпринята попытка проанализировать ситуацию в отношениях трех стран, возникшую в новых обстоятельствах.

Ключевые слова: США, КНР, Россия, Д. Трамп, Си Цзиньпин, В. Путин, «треугольник», взаимодействие, соперничество.

Хотя сегодня, спустя несколько месяцев после «смены караула» на Пенсильвании-авеню, многое по-прежнему «в тумане», обозначившиеся подвижки во взаимоотношениях между тремя главными мировыми державами дали некоторую пищу, по крайней мере, для размышлений и осторожных прогнозов.

Приход Трампа на пост президента США случился в непростой для мира момент на пике глобальной турбулентности, порожденной событиями на Ближнем Востоке, на Украине, миграционными проблемами в ряде европейских стран. Предвыборная борьба в Нидерландах, Франции и ФРГ усилила политические и экономические не-

определенности в Европе, вызвав ощущение шаткости и нестабильности.

В Америке выборы обозначили смену во власти политических элит: взамен выдвинутых финансового олигархата — апологетов глобализации и приверженцев идеологических догматов — на вершину ареопага взошли представители индустриального капитала, инвесторы реальных производственных секторов экономики.

Первые указы нового президента создали впечатление о его стремлении действовать в соответствии с тем курсом, который он намечал в своих предвыборных обещаниях. Однако колеса «властного бульдозера» под управлением Трампа забуксовали уже на первых оборотах: указ о миграционных ограничениях был заблокирован в судебных инстанциях вплоть до рассмотрения исков по нему в ряде штатов, а инициатива о закрытии границы с Мексикой с помощью возведения вдоль нее стены зависла по политическим и финансовым соображениям.

Реакция политиков Запада на первые экономические и политические новации Трампа (выход из ТТП, отказ нести за другие страны бремя расходов в НАТО) была скорее панической, чем взвешенной. Так, верховный представитель Европейского союза по иностранным делам Федерика Могерини после поездки в Вашингтон заявила, что США «рискуют потерять роль мирового лидера»¹.

Как отмечали тогда наблюдатели, в ЕС началось болезненное осознание того факта, что «больше не существует американского повода и ошейника, и никто более не будет заставлять ЕС подавать голос за очередную порцию денежных траншей»². Утверждалось, что администрация Трампа якобы подсчитала деньги, которые США как «мировой лидер» тратили на глобальную политику, и деньги, которые они на ней зарабатывали. В результате выяснилось, что расходы гораздо больше доходов и должны быть сокращены.

В то же время энтузиазм и необычайное воодушевление по поводу восшествия Трампа «на престол» охватили целый ряд видных российских деятелей, в среде которых синдром «трампомании» начал зашкаливать еще в период избирательной кампании в США и особенно после объявления итогов президентских выборов.

Однако первые шаги новоизбранного американского лидера заставили их приглушить эйфорию и признать, что бурная радость некоторых депутатов российской Госдумы, сопровождавшаяся возлияниями шампанского в связи с победой Трампа, была более чем преждевременной. Она свидетельствовала всего-навсего об их политической недалекости, как, впрочем, и о некомпетентности некоторых СМИ, развернувших еще до выборов в российской медийной среде бурную кампанию в поддержку республиканского кандидата.

И то, и другое — свидетельство незнания ими секретов и особенностей американского политического закулисья, где обещания кандидата с целью привлечения голосов избирателей могут диаметрально расходиться с его последующим реальным курсом действий.

Другим свидетельством незрелости части российской политической и интеллектуальной элиты выглядело шараханье из одной крайности в другую: судя по всему, «трампомания» вскоре сменилась у нее тотальной «трампобией». Как только в Белом доме упомянули о проблеме Крыма, а Пентагон подтвердил намерение «общаться с Россией с позиции силы», медийное начальство отдало распоряжение подчиненным СМИ перестать нахваливать Трампа в эфире и начать яростно клеймить его за антироссийские высказывания и действия.

Трамп, действительно, вопреки ожиданиям российской стороны не отменил сразу наложенные на нее санкции. Он отправил в отставку советника по национальной безопасности М. Флинна «за неправильное общение» с послом РФ в США С. Кисляком, осудил «недостовверные и лживые новости» о связях его администрации с Россией и задал прямой вопрос: «Не был ли Обама излишне мягок по отношению к ней, если допустил переход Крыма под юрисдикцию Москвы?»³

Диапазон колебаний — от несбывшихся надежд до полной безысходности — в выводах некоторых наших специалистов о российско-американских перспективах, опубликованных в ряде СМИ, породил фатальный диагноз состояния отношений России с Америкой, покоящийся скорее на верхоглядстве, чем на скрупулезном анализе.

Было констатировано, например, что «мы не сможем поладить», поскольку «в Вашингтоне ситуацию явно видят иначе, чем в Москве» (неужели прежде мы с ними смотрели на все одинаково?!), а «Трамп предпочитает ладить с позиции силы». Однако главное, по мнению авторитетных российских аналитиков, заключалось в том, что «до сих пор непонятно, чего же Трамп хочет от России. Больше того — чего он вообще добивается в своей внешней политике?»⁴

Растерянность российской политэлиты перед нестандартностью действий нового главы Белого дома, очевидной эпатажностью его поведения и манерой общения с собственными СМИ обусловила ее неспособность понять, оценить и проанализировать суть его первых шагов на президентском поприще.

Проще всего ей оказалось прикрыться рассуждениями об «импульсивности и непредсказуемости» Трампа, его «политической незрелости», склонности потворствовать «капризам и настояниям членов своего семейного клана». Фактически глава самой могущественной мировой державы предстал в образе некоего безответственного, вспыльчивого субъекта, сочетающего в характере черты недоумка и послушной марионетки.

Однако в условиях американской избирательной системы такой типаж вряд ли смог не только оказаться на посту президента, но просто рассчитывать на участие в борьбе за главное государственное кресло страны. Как все чаще происходит в последнее время в российском информационном поле — аналитика уступила место банальной пропаганде.

Так кто же такой президент Трамп? Чего он хочет достигнуть?

Что касается его целей, то Трамп ясно обозначил их в ходе избирательной кампании. Это — восстановление былого величия Америки, под которым, видимо, подразумевается не только дальнейшее наращивание и укрепление экономического потенциала, но и сохранение гегемонии США и, соответственно — глобальной монополярной системы. Но достигать этого Трамп намерен иными методами, отличными от методов «глобалистов» Б. Обамы и Х. Клинтон. Он нацелен на воссоздание в США индустриального производства за счет значительного роста численности рабочих мест. Исходя из этих целей и намерений нового хозяина Белого дома, и следует, очевид-

но, предполагать, чего он будет стремиться добиваться от России и от Китая.

Еще во время предвыборной кампании Трамп обозначил намерение наладить отношения с Москвой. В то же время высказывались соображения, что именно Китай, а не Россия станет для его администрации «раздражителем номер один». Тем более, что к набору прежних противоречий, присущих отношениям Пекина и Вашингтона во времена Буша-мл. и Обамы, добавлялось еще одно — и самое неприятное для Америки: путем расширения своего участия в сферах глобального управления с экономической и гуманитарной на область безопасности Китай активизировал попытки узаконить претензии на роль **универсального глобального лидера**.

Хотя в прошлом США сами пытались навязать КНР участие в мировых делах в формате так называемой большой двойки, Вашингтон отводил ему подчиненную Америке роль. Наверняка и при Трампе Америка не станет мириться с претензией Китая на позицию «державы номер один».

Даже «ужимая» сферы своих глобальных интересов и, возможно, допуская доминирование китайцев в тех зонах, из которых американцы намерены уйти, новые власти США никогда не «отдадут» Китаю АТР. Потеря этого региона означала бы для Америки утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент ее глобального лидерства, а этого Трампу, во-первых, не простят, а во-вторых, он сам не пойдет на то, чтобы пожертвовать жизненно важными интересами США в тихоокеанской Азии, поскольку заявленная Трампом цель его президентства окажется тогда недостижимой.

Тем не менее, предполагалось, что в отношениях с Китаем у Трампа будет превалировать экономическая тематика, а политико-идеологические проблемы отодвинутся на второй план. Его главной претензией к Китаю в финансовой сфере выступало манипулирование Пекина курсом юаня ради получения преимуществ в торговле с США. В вину Китаю вменялись также: товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение противоречащих правилам ВТО ограничений на торговлю с Америкой; модернизация китайских военных объектов за счет кражи американских технологий, хакерских атак и шпионажа; требование Китая о

доступе к новым технологиям в качестве условия американского присутствия на его рынках.

Казалось, новый американский президент сочтет первоочередной задачей, как минимум, ограничить, а лучше — остановить экспансию Китая, для начала в экономике, с расчетом на то, что экономическое ослабление КНР неизбежно приведет и к политическому. Именно по этой причине, а также с учетом обещания Трампа «поладить с Путиным», в российской «околополитической» среде забурлили оптимистические настроения вплоть до эйфории.

Кое кому представлялось, что на основе сдерживания Китая США трансформируют отношения с Россией в более близкие и доверительные. И этим ей следует воспользоваться, во-первых, чтобы реализовать все свои замыслы, в том числе на Ближнем Востоке, а, во-вторых, чтобы держать «на коротком поводке» Китай, периодически шантажируя его окрепшими связями с Америкой. Вот почему в первые недели после инаугурации Трампа на устах нашей политической элиты вертелся «главный» вопрос: «Когда же, наконец, состоится встреча двух лидеров — российского и американского?» Но Белый дом хранил молчание.

Когда большинство российских СМИ настаивает, что у Трампа нет цельной и четкой внешнеполитической стратегии, оно, возможно, отчасти право, но только отчасти. Очевидно, наметки этой стратегии, подкрепляющие глобальные замыслы нового американского президента, все же существуют, и важным их пунктом, обеспечивающим достижение обозначенной Трампом цели, является не просто недопущение еще более тесного российско-китайского сближения, но стремление разъединить две наши страны, отдалив одну от другой как можно больше.

Судя по всему, этот свой новый внешнеполитический замысел Трамп уже начал активно воплощать в жизнь. Вспомним хотя бы «неожиданный» визит Си Цзиньпина в апреле нынешнего года в США, состоявшийся после быстрых договоренностей двух сторон, невзирая на факт телефонных переговоров Трампа с главой тайваньской администрации и его заявление о «двух Китаях», которые поначалу вызвали в Пекине, по меньшей мере, непонимание и недовольство. При этом примечательно, что в ситуации с визитом были

нарушены протокольные условности, и Си полетел в США, хотя по правилу очередности в КНР должен был отправиться Трамп.

В политике, как и в других сферах человеческого бытия, не миновать «технологических новаций», хотя они не всегда оправданы, а порою весьма опасны, но это — данность, с которой приходится считаться. Одно из таких собственных «ноу-хау» продемонстрировал во время визита китайского гостя ему и миру Дональд Трамп, когда за десертом объявил Си о ракетном ударе по сирийской авиабазе Шайрат в ответ на якобы предпринятую войсками Б. Асада химическую атаку. Переориентирование маршрута движения авианосца «Карл Винсон» вместо Австралии к берегам КНДР — из того же арсенала. Все это выглядело как опасная импульсивность, но, вероятно, делалось с определенным смыслом.

Цель таких шагов, видимо, состояла, во-первых, в демонстрации Трампом своей силы и твердости. Во-вторых, в определении допустимых для Америки пределов жесткости ее собственного поведения и реагирования на те вызовы, которые она может счесть для себя неприемлемыми. А, в-третьих, в сопоставлении степени идентичности реакций Китая и России на действия со стороны США.

Как человек, пришедший в политику из большого бизнеса, Трамп очевидно считает необходимым начинать «торги» с двумя другими своими оппонентами за сохранение за его страной глобального лидерства с максимально благоприятных для нее позиций и условий, с так называемого чистого листа, а не с признания уже сделанных ранее этим странам уступок.

По мнению нынешних американских властей, попытка зондажа и определенного шантажа в целом удалась. Реакция КНР и России на действия США в Сирии и у северокорейских берегов не была одинаковой.

Так, представитель МИД КНР поддержал американские заявления в адрес Пхеньяна, назвав «позитивными и конструктивными» призывы Вашингтона разрешить проблему ядерной программы Северной Кореи мирным путем, и Пекин официально одобрил в Совете Безопасности ООН подготовленный США проект заявления с осуждением северокорейских ядерных испытаний. В то же время Россия сочла этот проект неприемлемым⁵. Поэтому с просьбой «вы-

ступить в качестве посредника» в урегулировании ядерной проблемы КНДР американский президент обратился к Пекину, а не к Москве.

Отказ же Китая заблокировать в Совете Безопасности ООН резолюцию по химическому оружию Сирии, подготовленную Западом, в Америке восприняли как «большую дипломатическую победу Трампа» и «поддержку США»⁶. Итоговым результатом, вероятно, стал вывод об **отсутствии** между КНР и РФ, несмотря на провозглашенные отношения стратегического партнерства, **должной сплоченности** и о возможности «работать» с каждой из сторон обособленно, выдвигая свои требования и выступая в качестве «держателя трехстороннего баланса», чтобы при необходимости манипулировать им. Правильен ли это вывод, покажет будущее.

Реальные сложности и проблемы для Трампа заключаются, однако, не столько в осуждении предпринятых им действий в отношении России, в восприятии их Китаем, другими странами или мировым сообществом в целом, сколько в неприятии его лично на посту президента значительной частью населения и истеблишмента собственной страны. Поэтому даже при наличии у него зачатков внешнеполитической стратегии тактика ее реализации во многом будет зависеть от рейтинга Трампа внутри самих США, где сформировалось стойкое антитрамповское лобби, добивающееся его импичмента.

Скорее всего, именно поэтому почти сразу после воцарения в Белом доме Трамп отложил восстановление связей с Россией и одновременно прекратил антикитайские выпады.

Несмотря на прежние заверения наладить отношения с Путиным, представителями администрации США были произнесены жесткие слова и предприняты недружественные шаги в отношении России. Ведь в американских СМИ команду Трампа обвинили в «тайных связях с Кремлем», а Москву — в хакерских атаках с целью обеспечения его победы на президентских выборах.

Не обошлось без стремления «ублажить» американскую публику и в случае с КНР, только «со знаком плюс». Как известно, наряду с влиятельным протайваньским лобби в США сохраняются сильные «про-КНР-овские» настроения, особенно среди могучих элит, задействованных в бизнесе с Китаем. Именно на пропекинском лобби

как одним из крупнейших торговых партнеров Америки завязаны особые деловые устремления американских бизнес-элит. И никто из принадлежащих к ним не даст порушить то, что нарабатывалось на протяжении десятилетий.

Выше уже отмечалось, что одним из первых распоряжений Трампа-президента стал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства. А это межрегиональное объединение Китая, между тем, рассматривал в свое время как структуру, созданную для противодействия его торговым интересам. Не забыл о своих интересах в Китае и сам Дональд Трамп. Существует личный бизнес Трампа в Поднебесной, где десятки торговых брендов носят его имя «Chuanpu», а под торговой маркой дочери Иванки производят бабетную обувь.

Пекин, со своей стороны, после инаугурации Трампа осуществил ряд мер по установлению контактов с новым президентом США, членами его семьи и ближайшим окружением, не в последнюю очередь для налаживания предметных деловых связей. В этом контексте заслуживает особого внимания встреча Трампа с президентом компании *Alibaba Group*, основателем крупнейшего объединения китайской электронной торговли Ма Юнем, предложившим использовать возможности его компании для создания в США одного миллиона рабочих мест, что прямо соответствует предвыборным планам нового американского лидера.

Другой примечательной инициативой китайской стороны стало стремление привлекать американский бизнес к сотрудничеству в рамках рекламируемого ею грандиозного проекта строительства «Нового Шелкового пути», в котором, по просочившейся информации, не исключено участие бизнес-структур под патронажем зятя президента Д. Кушнера. Появились также данные, свидетельствующие о настоятельных попытках американской стороны убедить Китай рассмотреть вариант прохождения сухопутного маршрута «Пути» в обход России.

В ходе состоявшейся 6—7 апреля 2017 г. во Флориде встречи Трампа с Си Цзиньпином, которая была охарактеризована как «продолжительная и чрезвычайно сердечная», Китай официально приветствовал участие США в сотрудничестве в рамках инициативы

«Пояс и путь», одновременно предложив «укрепить механизмы диалога в военной сфере и усилить коммуникацию по основным международным и региональным вопросам»⁷.

Одним из важных итогов встречи стала договоренность о создании четырех новых механизмов высокого уровня для диалога и сотрудничества в сфере дипломатии и безопасности, экономики, правоприменения и кибербезопасности, а также гуманитарных обменов. Было достигнуто согласие о необходимости упорядочения торгового баланса двух стран, который пока имеет значительный перекос в пользу Китая.

За два с половиной месяца, прошедшие с инаугурации Трампа до визита Си Цзиньпина в США, стороны не теряли времени и проделали значительную работу по уточнению взаимных позиций и урегулированию недоразумений и нестыковок. В итоге Китаю, очевидно, удалось донести до сознания нового американского лидера три принципиальных постулата, непоколебимость которых жизненно важна для сохранения нормальных отношений КНР с Америкой:

1) принцип «одного Китая» выступает политической основой взаимоотношений двух стран и не является предметом торгов и дискуссий;

2) взимание Соединенными Штатами высоких таможенных пошлин на китайские товары чревато крупномасштабной торговой войной;

а главное:

3) если обоюдный выигрыш достигнут не будет, неизбежен обоюдный проигрыш.

Китай призвал США отказаться от старого менталитета «игры с нулевой суммой», при которой в отношениях двух стран неизбежен серьезный регресс, и выразил надежду, что Трамп как успешный бизнесмен правильно просчитает плюсы и минусы сложившейся ситуации и сделает верные выводы. В таком случае в течение срока его полномочий в китайско-американских отношениях «сформируются новые позитивные рамки»⁸.

Однако авторитетный американский экономист, профессор Колумбийского университета Ч. Каломирис отметил в газете *The Wall Street Journal*, что нормальные отношения с Дональдом Трампом

нужны, в первую очередь, самому Си Цзиньпину. Китайский экономический фундамент, по мнению ученого, «гораздо более шаткий, чем кажется со стороны. Экономический рост в Китае замедляется, долги корпораций и регионов растут, все заметнее побег капитала из страны..., поэтому за право беспрепятственного выхода на американский рынок Пекин готов немало оплатить сотрудничеством по самым разным вопросам. Самое главное для президента Трампа сейчас не продешевить»⁹. Трамп, в свою очередь, уже заявил, что «уступит Пекину по торговым вопросам в обмен на содействие в нейтрализации северокорейской ядерной программы»¹⁰.

Сложность развязывания северокорейского «узла» заключается не только в том, что Пхеньян — тесный союзник Пекина. Проблема КНДР является составной частью крупной геополитической игры в регионе Северо-Восточной Азии, от исхода которой в конечном итоге будет зависеть, чье влияние может окончательно возобладать в АТР.

Если Китай согласится «приструнить» Пхеньян, он сможет рассчитывать на очередную порцию американских торгово-экономических льгот и преференций, однако пострадает его идеологическое «лицо», и Пекину будет грозить потеря удобного сателлита, прикрывающего его фланги от угроз со стороны оснащенных американским оружием Южной Кореи и Японии.

В случае, если КНР займет в вопросе Северной Кореи идеологически лояльную Пхеньяну позицию, она рискует быть обвиненной в нарушении соответствующих резолюций ООН со всеми вытекающими последствиями в виде экономического прессинга, патрулирования американцами и их союзниками зоны Южно-Китайского моря, где сохраняются противоречия Китая с Вьетнамом, Филиппинами и рядом других стран АТР, и реальной демонстрацией иллюзорности и несостоятельности претензий Пекина на обширные морские пространства.

И то, и другое невыгодно для Си Цзиньпина в преддверии открывающегося осенью XIX съезда КПК, на котором он намерен еще больше консолидировать собственную власть в партии и стране.

Со своей стороны, Трамп совсем не случайно «всколыхнул» северокорейскую ядерную проблему, призвав к участию в ее решении

Китай. Активизация ракетно-ядерных испытаний в КНДР не только актуализирует планируемое размещение американского комплекса ПРО ТНААД на территории Южной Кореи, но невольно наводит на размышления о коренных причинах нестабильности и угроз, исходящих с Корейского полуострова.

По мнению Трампа, эти причины заключаются в самом существовании Северной Кореи — изолированного от мира тоталитарного государства с диктаторским режимом и фанатично поклоняющимся вождю народом, ведущим полуголодный аскетический образ жизни.

В этой ситуации поддержание в стране статус-кво можно обеспечивать, лишь ощерившись оружием. Идеологическая архаичность, экономическая скудость и структурная жесткость Северной Кореи не оставляют никакой надежды на ее трансформацию в обозримом будущем в нечто напоминающее, хотя бы отдаленно, модели устройства современных политических систем. Ее обладание ядерным оружием создает повышенные риски не только для ближайших соседей, но для всего остального мира.

КНДР — один из последних примеров так называемых разделенных или разъединенных государств, к коим причислялись в прошлом ГДР и ФРГ, Северный и Южный Вьетнам, а ныне, помимо Северной и Южной Кореи, пока относятся КНР и Тайвань. Как показывает практика, именно такие территориально разъединенные государства, которые населяет единая титульная нация, часто являются источником конфликтов и войн.

Думается, Трамп не исключает возможности использовать сложившееся положение и в более широком контексте — в качестве инструмента влияния на Китай в случае некоего геополитического «торга», вынуждая Пекин, к примеру, согласиться на объединение Кореи на основе южнокорейской модели в обмен, скажем, на включение Тайваня в состав КНР по прецедентам Гонконга и Макао. Либо пойти на роль жесткого «опекуна» северокорейского режима, ответственного перед мировым сообществом за все действия Пхеньяна.

Российско-американские отношения, пожалуй, — одна из труднейших проблем новой администрации США. Помимо наших собственных «проколов», связанных с излишними восторгами по поводу победы Трампа на выборах, на формирование антироссийской

политики Вашингтона серьезно влияет атмосфера «русофобии» и «путинофобии», воцарившаяся и у законодателей на Капитолийском холме, и в главных правительственных органах и спецслужбах — госдепартаменте, Пентагоне, ЦРУ, АНБ, ФБР, министерствах финансов, энергетики и ряде других. То же самое происходит на партийном уровне. Если по многим другим политическим проблемам расхождения в позициях республиканцев и демократов порою весьма существенны, то в «русском вопросе» у них практически царит единодушие.

В таких обстоятельствах ждать скорого, реального улучшения отношений между США и Россией вряд ли следует. Даже если в результате личной встречи двух лидеров удастся достичь взаимных договоренностей, области их будут весьма ограниченными. Главным образом договоренности могут коснуться улучшения взаимодействия в ходе антитеррористической операции в Сирии. На большее Трамп едва ли отважится, пока он сам находится под угрозой расследования, чреватого импичментом.

В связи с этим излишне оптимистичным представляется прогноз некоторых видных китайских политологов по поводу улучшения российско-американских отношений. Помимо «прорыва» в борьбе с терроризмом, они предрекают «молчаливое согласие США на включение Крыма в состав РФ», ослабление экономических санкций против России и «весомую роль» в этом нового госсекретаря США Р. Тиллерсона¹¹.

Гораздо правдоподобнее эксперты из КНР характеризуют состояние китайско-российских отношений. Отмечается, что в плане развития экономики и стабилизации политических отношений КНР и РФ имеют много общих интересов, и если нормализация российско-американских связей произойдет, то она не разрушит и не ослабит отношения России с Китаем. Подчеркивается, что отношения, установленные сторонами в последние годы, «вышли за рамки обычных отношений стратегического взаимодействия», и во многих вопросах стороны имеют единую позицию, что является «важным стабилизирующим фактором»¹².

Однако, с другой стороны, нельзя, на наш взгляд, полностью игнорировать нестыковки и расхождения между Россией и Китаем,

которые, отражая специфику национальных интересов каждой страны, одновременно способствуют ослаблению их общей позиции в противостоянии доминированию США.

Общим заблуждением экспертов, выстраивающих схемы «совместного противостояния» КНР и РФ американскому экспансионизму, является **миф об идеальной «взаимодополняемости и совместности экономик РФ и КНР»**, который опровергается показателями торгово-экономического сотрудничества России и Китая, с одной стороны, и КНР и США — с другой. Превышение китайского экспорта в США над экспортом в Россию является почти десятикратным. А импорт из РФ нефти и газа в КНР до последнего времени исчислялся в диапазоне от 4 % до 6 % общих поставок соответствующих энергоресурсов в Китай.

Другой **миф касается идентичности политических курсов двух стран**. Эта идентичность ставится под сомнение в силу заметных расхождений в политике РФ и КНР по ряду проблем, вызванных определенными нестыковками наших и китайских интересов в Центральной Азии, во взаимодействии в ШОС и БРИКС и наличием у Китая непростых вопросов по поводу российской концепции Евразийского союза, а у России — по поводу китайских проектов «шелковых путей». Существуют признаки разнонаправленности политики обоих государств в Восточной Азии. Раздражителем для китайской стороны зачастую выступает партнерский характер российско-индийских отношений, особенно в сфере военно-технического сотрудничества.

Сохраняется взаимная настороженность по поводу отношений каждой из сторон с Западом. У российской стороны вызывает недоумение своеобразная «трактовка» в Китае ряда эпизодов истории. В частности, на многих географических картах КНР южные Курилы обозначены как «оккупированная Россией территория Японии».

Очевидна и проблема дефицита взаимодоверия на уровне широких общественных слоев. В российском массовом сознании нередки элементы китаефобии, что во многом обусловлено наследием прошлого: на пути развития советско-китайских отношений было в свое время множество «ухабов и провалов», а деградация этих связей

происходила на фоне форсированного налаживания и укрепления контактов с США — нашим главным стратегическим соперником в тот период.

С другой стороны, российское государство пока предпринимает еще недостаточные усилия для того, чтобы население научилось по-настоящему понимать китайский менталитет. А непонимание приводит к нестыковке поведенческих моделей и, как следствие — к взаимной неприязни, подозрительности, а порою — к враждебности. Поэтому темы «неравноправных договоров и утраченных территорий» в китайской печати откликаются тезисами о «китайской угрозе и демографической экспансии» в СМИ России. Заслуживают особого упоминания и существенные различия в идеологических посылах двух стран.

Все это — серьезный противовес аргументам сторонников концепции формирования между Китаем и Россией «стратегического союза» с элементами взаимодействия в оборонной сфере, который давно грезится некоторым нашим аналитикам — выходцам из военных и силовых структур.

Очевидно, что формирование такого союза будет направлено против США и НАТО. А это не столько нереально, сколько невыгодно ни КНР, ни России, так как может вновь привести к блоковой конфронтации и создать угрозу для глобальной безопасности.

Кроме того, для Китая, помимо частичной утраты самостоятельности, это может создать препятствия в углублении отношений с США, что явно не входит в планы Пекина. А у России, в случае гипотетического союза с Китаем, непременно возникнут сложности при укреплении связей с другими азиатскими странами, чреватые ослаблением ее влияния в СВА и АТР, где у КНР сегодня достаточно недоброжелателей.

Для Китая и России оптимальной установкой должна оставаться убежденность в том, что превыше всего — дружбы или вражды — необходимо ставить собственные коренные интересы. Когда в ключевых сферах — безопасности, энергетики, выработки позиций по ключевым вопросам мировой политики и экономики — эти интересы становятся общими, то тогда и возникает почва для партнерства и взаимодействия.

Одно из сложнейших и наиболее важных глобальных взаимодействий сегодня — это взаимоотношения в «треугольнике» КНР—США—РФ. Как известно, политические отношения между РФ и КНР масштабнее и богаче, чем экономическое сотрудничество сторон, а китайско-американские связи в торговой и финансово-экономической сфере — наоборот, более глубоки и насыщены, чем в политической.

Политическое взаимодоверие между Россией и Китаем сегодня устойчивее и глубже, чем между США и КНР. В то же время российско-американские отношения в стратегической области, связанные с всемирной безопасностью, являются определяющими на глобальном уровне в силу масштабов военного потенциала обеих стран. Однако ввиду того, что российско-китайское стратегическое сотрудничество, как было заявлено обеими сторонами, рассчитано на долгосрочную перспективу, оно может способствовать постепенному ослаблению мирового лидерства США и формированию основ нового миропорядка взамен брюссельско-вашингтонского.

В предвыборных высказываниях Трампа проскальзывали намерения заняться реструктуризацией российско-китайско-американского «треугольника». Учитывая тесный характер политических связей России и Китая, Трамп не исключил, что в перспективе Америка может оказаться в конфликте с ними обоими, и поэтому он рассчитывает ослабить натиск хотя бы со стороны одного из соперников.

Высказывались мнения, что поведение Трампа в отношении России будет напрямую зависеть от успехов или неудач Китая¹³: чем быстрее будет развиваться КНР, тем вероятнее станут попытки США перетащить Россию на свою сторону. Если Москва при этом снизит уровень антиамериканской риторики и убедит Вашингтон, что сотрудничество с Россией ему выгодно, то сдерживание Китая станет-де для Трампа более актуальной задачей, чем противостояние с РФ. Однако есть и те, кто считает, что США невыгодно менять экономическую политику в отношении Китая, поскольку, покупая их казначейские облигации, Поднебесная продолжает финансировать потребление и инвестиции в Америке, снижая нагрузки на американский бюджет.

Пока многое указывает на то, что подобно Никсону Трамп стремится стать «геополитическим балансиром», и тогда «торговля геополитикой» может превратиться в фирменный стиль нового президента, а заодно — компенсировать потери, связанные с провозглашавшейся им «изоляционистской линией».

Думается, однако, что в конечном итоге взаимоотношения в «треугольнике» будут определять не субъективные симпатии или антипатии сторон, а объективные экономические и геополитические факторы, в том числе цена на нефть — главный предмет российского экспорта.

Поддерживаемая Д. Трампом идея освобождения США от нефтеимпорта через масштабное увеличение добычи собственной сланцевой нефти в сочетании с серьезным спадом экономической активности в Китае, может привести к переизбытку сырья на мировом рынке, дестабилизации и снижению цен на него, чреватому падением курса рубля. Такой же результат может вызвать повышение в США пошлины на импорт китайских товаров.

Со своей стороны, КНР может ответить на «финансовую войну» Трампа ударом по доллару, выставив на продажу имеющиеся у нее американские долговые обязательства. Россия в этом случае окажется в большом плюсе, если вовремя переведет свои валютные резервы из долларов в другие виды ресурсов.

Чтобы голос России в «треугольнике» был весомым, она должна, как минимум, обладать комплексной мощью, сопоставимой с мощью двух других его участников. Явно уступая им в экономике, при определенных условиях РФ может успешно выступить в роли арбитра между Америкой и Китаем, если их отношения обострятся до максимума.

Однако если Трамп захочет использовать Россию против Китая, нам важно не поддаваться на это и «обходить острые углы» в случае выдвижения со стороны США условий улучшения американско-российских отношений за счет ослабления уз стратегического партнерства с КНР.

Хочется верить, что даже в случае «притормаживания и сдерживания» Пекина Вашингтоном, курс США не будет нацелен на масштабный конфликт с КНР, ибо экономически Америка и Китай

очень тесно взаимосвязаны. В этом контексте весьма примечательно, что новым послом США в КНР Трамп назначил Терри Бренстеда, бывшего губернатора Айовы и личного друга председателя Си.

В целом, политика нового американского президента будет во многом зависеть от тех методов, которые он рассчитывает применять внутри и вовне США. Недавние события подтверждают, что если Трамп не проявит должной гибкости и готовности к компромиссам и будет по-прежнему идти напролом, демонстрируя нехватку мудрости и политической опытности, то для него могут наступить плохие времена.

Примечания

¹ ТАСС — информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4023177>

² Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-02/5_6941_trump.html

³ URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/02/15_a_10527449.shtml

⁴ Аргументы и факты. 2017. № 17. С. 63.

⁵ Китай изменил России с США? URL: <http://www.svoboda.org/a/usa-today-china-usa-russia/28445622.html>

⁶ Трамп отрывает Китай от России. URL: <http://www.narodsobor.ru/events/analytics/34089>.

⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0410/c31521-9200626.html>

⁸ Китай. 2017. № 2. С. 18.

⁹ Китай изменил России с США? URL: <http://www.svoboda.org/a/usa-today-china-usa-russia/28445622.html>

¹⁰ Там же.

¹¹ Китай. 2017. № 2. С. 19.

¹² Там же.

¹³ См., напр.: URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/sleduyuschiy-prezident-ssha-professionalnyy-profil-hillari-klinton-i-donald-traide/>

В.И. Балакин

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОТИВОСТОЯНИИ НОВЫМ ВЫЗОВАМ СО СТОРОНЫ США

Аннотация. В статье приведен анализ существующего комплексного потенциала Российской Федерации и Китайской Народной Республики, использование которого нацелено на эффективное сдерживание усилий Соединенных Штатов Америки по расширению сферы их глобального доминирования. Статья содержит характеристику основных направлений противостояния *ad hoc* (в каждом конкретном случае) «коллективного Запада» формирующемуся широкому российско-китайскому альянсу. Автор отмечает, что на сегодняшний день можно констатировать наличие реальных предпосылок для еще большего укрепления существующего де-факто российско-китайского стратегического партнерства, на фоне которого особенно явственны устремления новой администрации США спровоцировать политический раскол между Россией и Китаем. Высказывается вывод, что развитие взаимоотношений между РФ, КНР и США, скорее всего, будет иметь крайне неровный характер, в результате чего могут возникать локальные военные конфликты разной политической напряженности.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, геополитический передел, политический раскол.

Влияние США в мире последовательно «сжимается» во многом в силу проводимой КНР политики, ориентированной на решение проблем национальной безопасности Китая, и стремления Пекина

сформировать «критическую массу» его активного присутствия на евразийском континенте.

КНР вплотную занялась созданием структуры нового мирового порядка, логично полагая, что он должен в максимально возможной степени отвечать китайским интересам и в целом — соответствовать всем основным положениям концепции национальной безопасности страны. Интеграционная идея так называемого Большого Китая начала реально и последовательно трансформироваться из простого локального варианта концепции политико-экономического единения КНР, Сянгана, Аомыня и Тайваня в доктрину более крупного цивилизационного объединения по типу *Pax Sinica* или, иными словами, «китайского мира».

Пока даже у высшего китайского руководства нет полной ясности относительно конечной цели названного проекта, однако одно то, что эта идея вообще появилась на свет, сегодня вызывает серьезную обеспокоенность в Вашингтоне и Токио и свидетельствует о понимании в стане главных противников Пекина стратегической опасности и мощной реальной угрозы американским и японским национальным интересам.

В связи с этим нельзя не отметить геостратегическую важность принципиального изменения и самой концепции «Большого Китая», которая из сугубо внутреннего китайского идеалистического проекта незаметно трансформируется в действенную попытку создать глобальный тренд, в рамках которого китайское руководство нацеливается на решение задач по очередному генеральному переустройству мира, предусматривающему установление эффективного геополитического контроля КНР над ключевыми регионами Земли¹.

Нюансы глобального противостояния США и КНР

В настоящее время новая администрация США пытается сдерживать растущие глобальные амбиции КНР, рассчитывая противопоставить им собственные схемы купирования антиамериканских процессов, чтобы по крайней мере сохранить нынешний геополитический статус-кво.

По оценке отдельных экспертов, сделать это будет достаточно непросто, поскольку американская экономика получает значительные выгоды от сотрудничества с КНР, руководство которой эффективно управляет практически всем китайским этническим сообществом (хуацяо) в мире, а главное — реально поддерживает высокий статус американского доллара в качестве самой мощной резервной валюты на планете.

Также обращает на себя внимание практическое отсутствие действительных попыток со стороны США как-то изменить сложившийся порядок вещей. Более того: имеет место прямо противоположная тенденция, свидетельствующая о явном укреплении финансового альянса доллара и юаня. Именно в рамках формирующейся новой концепции «Большого Китая» китайское руководство со своей стороны осознанно делает ставку на валютно-финансовый союз, устойчиво эволюционирующий в сторону реально согласованного единения двухмиллиардной всемирной китайской диаспоры и «золотого миллиарда» Запада².

Транснациональный капитал, прежде всего американский, активно участвует в становлении «Большого Китая», особенно — в развитии его двух «столиц»: Шанхая как экономической «столицы» и Сянгана в качестве финансовой, рассчитывая таким образом вовлечь КНР во всемирный глобалистский проект и окончательно «растворить» в нем эту страну.

Постулируемое целым рядом политиков и экспертов новое глобальное противостояние США и КНР выглядит несколько преувеличенным в свете наличия глубинных объединяющих мотивов, в том числе и в сфере поиска геополитического равновесия, который никогда не прекращался на уровне реального американско-китайского межгосударственного взаимодействия. Нынешние геополитические стратегии США и Китая во многом совпадают, поскольку реально ориентируются не на бессмысленное противостояние друг против друга, а на достижение долговременных преимуществ эффективного взаимного воздействия.

Обнаруживается на первый взгляд странное явление: американско-китайский стратегический диалог не только не сужается, но наоборот, становится все более и более многомерным и многопро-

фильным, в значительной степени обеспечивая реальное экономическое, а в результате — и политическое взаимопонимание, а также еще больше снижая уязвимость обеих сторон от неожиданного, неблагоприятного внешнего воздействия³. Американские эксперты полагают, что новой администрации США следует всячески поддерживать китайскую экспансию на пространстве Евразии, осуществляемую под лозунгом «активно идти вовне», так как расширение Пекином «цивилизационных границ» за счет евразийского континента мало чем угрожает национальной безопасности Соединенных Штатов и более того — в перспективе оно будет стимулировать последовательное нарастание конфликтного потенциала в отношениях между Китаем и Россией.

Вместе с тем, по некоторым американским оценкам, евразийское направление китайской внешней политики сталкивается с определенными трудностями в плане поиска эффективных механизмов его реализации, ибо КНР не пользуется на континенте столь необходимой поддержкой относительно немногочисленных, но влиятельных китайских общин, способных «задушить в жарких объятьях» не только откровенных противников, но и потенциальных «друзей» Китая.

Иное дело Восточная Азия: здесь Китай обладает мощнейшими тысячелетними преимуществами перед США, которые вряд ли могут быть нивелированы Вашингтоном, пытающимся перенести в данный регион свою геополитическую активность и натыкающимся на жесткий отпор со стороны Пекина, причем без малейшего шанса одержать реальную победу. По всему чувствуется, что жестко противостоящим сторонам неизбежно придется искать некий сложный компромисс, который должен быть масштабным и многопрофильным, поскольку ни КНР, ни США никогда не пойдут на «размен позиций», не вписывающийся в давно утвержденные на самом высшем уровне генеральные внешнеполитические линии двух великих государств⁴.

Доктринальная подоплека всего комплекса американо-китайских отношений имеет свою собственную логику, суть которой состоит в наличии серьезных опасений Вашингтона относительно возможности создания Китаем и Россией некоего непредсказуемого по своим последствиям «глобального фронта» противодействия США на тихоокеанском и евразийском направлениях.

Реальная причина американской обеспокоенности кроется именно в потенциальных рисках сдвига баланса сил в пользу Китая и РФ как на региональном, так и на глобальном уровнях. Этот сдвиг неизбежно вызовет ускорение перестройки архитектуры международных отношений в целом. В свете данного маневра, российский «поворот/разворот на Восток», предпринятый в последнее время, представляет собой объективный и достаточно осмысленный процесс укрепления отношений с Китаем с целью перехвата инициативы у США в деле построения нового миропорядка.

Несомненно, что подобное развитие событий приведет к глобальному противостоянию амбиций трех «центров силы»: США, КНР и РФ, но поскольку это противостояние носит объективный характер, то его невозможно остановить в принципе⁵.

Вышеназванный трехсторонний формат серьезного глобального соперничества сейчас нельзя назвать уравновешенным в силу того, что действия китайской стороны остаются малопредсказуемыми как для США, так и для России. Еще в 1993 г. Военный совет ЦК компартии Китая принял основополагающую доктрину продвижения китайского влияния за рубежи Поднебесной под названием «Три севера, четыре моря». «Три севера» обозначают США, НАТО и русскую Сибирь, а что же касается термина «четыре моря», то он символизирует акватории, простирающиеся от Тихого до Атлантического океана и от Северного Ледовитого до Индийского океана. Подобная геостратегия на первый взгляд может показаться сверхамбициозной и маловыполнимой, однако она не имеет заданных временных рамок, до сих пор официально не отменена и по сути дела присутствует в долгосрочной установке на наращивание совокупной национальной мощи КНР.

Современные американские вызовы российско-китайскому взаимодействию

Даже нынешний уровень российско-китайского взаимодействия вызывает в США неподдельную тревогу, которая находит выражение в последовательном формировании Вашингтоном жесткой док-

трины эффективного противодействия совокупной российско-китайской «угрозе».

Больше всего американские правящие элиты пугает возможность синтеза и синергии «двух патриотизмов»: российского и китайского. Хорошо известно высказывание древнегреческого философа Аристотеля о том, что «...у европейцев есть мужество, но недостает ума, тогда как у азиатов есть ум, но не достает мужества...». Исходя из данной древней сентенции, американцы приходят к парадоксальному выводу, а именно: гармония русского мужества и китайской страгемности сделает потенциальный российско-китайский альянс труднопреодолимым в его апогее, но весьма уязвимым на начальной стадии формирования.

Поэтому для Вашингтона сегодня главное — успеть не дать России и Китаю как смысловым системам с глубокими историческими социокультурными корнями вынести вовне их ценности, способные нейтрализовать подстегивание внешними силами процессов, направленных на разрушение традиционной государственности двух стран и в итоге — к ее самоликвидации.

В России и Китае государственность рассматривается в качестве некой сакральной «категории бытия», обеспечивающей историческое единение, гражданский мир и общественное согласие, а сверх того — и устойчивый цивилизационный выбор⁶.

Плоды современного российско-китайского взаимодействия реально могут представить угрозу для США, ибо они создадут дополнительные условия для построения нового миропорядка, основанного на тесном экономическом сотрудничестве суверенных государств. Можно сказать, согласованную общую геополитическую цель Россия и Китай усматривают в ослаблении зависимости восточноазиатских государств от американского геополитического курса, пытаясь если не помешать, то заметно ослабить позиции США в АТР, чтобы Вашингтон не смог безболезненно для себя перенести в регион центр тяжести своей глобальной политики.

Объективно Китай не готов к военной конфронтации с США, но явно рассчитывает использовать в качестве рычага политического давления возрастающую военную мощь России. Это уже сейчас позволяет китайскому руководству оказывать психологическое воз-

действие на расположенных в Восточно-азиатском регионе ближайших союзников США (Японию, Республику Корея) и фактически заставлять Вашингтон сохранять высокий уровень экономических связей с Пекином.

Ключевым не только для региона Восточной Азии, но и для всего мира становится фактор равновесия отношений в треугольнике «Россия—Китай—США», ибо в случае чрезмерного американского давления Москва и Пекин вполне способны пойти на формирование более тесного военно-политического альянса в противовес попыткам США создать очередной *Pax Americana* («мир по-американски») ⁷.

Излюбленная американская модель игры на противоречиях между Россией и Китаем сегодня и в обозримой перспективе может оказаться неэффективной ввиду весомости актуальных геополитических приоритетов российской и китайской сторон, нацеленных на активное совместное формирование комплексной системы безопасности в Евразии, явно не предусматривающей участие в ней Соединенных Штатов Америки.

Евразийский контекст российско-китайского взаимодействия, несомненно, будет сориентирован на стимулирование усилий сторон по наращиванию их трансграничных связей, существенно важных в практическом плане для формирования базовых «опор» единого экономического пространства сначала в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а затем (в долгосрочной перспективе) — на всей территории Евразии, от Лиссабона до Владивостока и от Дублина до Шанхая.

Некоторые эксперты не исключают и оформления евразийского экономического пространства на институциональном уровне, что само по себе будет означать некое надгосударственное объединение, адекватное вновь возникающим геополитическим реалиям. В данной конкретной связи США придется серьезно задуматься о необходимости корректировки их глобального курса, поскольку возникновение на просторах Евразии столь мощного оппонента в лице пусть неформализованного, но стратегически весомого альянса России и Китая оставляет Вашингтону на перспективу небогатый выбор, а именно: или продолжать вовлечение КНР в западную систему координат, убедив Пекин отказаться от взаимодействия с Россией, или

еще более «повысить ставки» и открыто выступить всем «коллективным Западом» против российско-китайского военно-политического союза (в случае реального возникновения последнего)⁸. Оба варианта имеют один немаловажный аспект, а именно: они требуют от США значительных финансовых вложений, которые не могут быть гарантированы в нынешних геополитических обстоятельствах из-за неясности позиций в отношении Китая таких экономически важных и политически влиятельных региональных игроков, как Япония, Республика Корея и АСЕАН. Пока их выбор в пользу «коллективного Запада» неочевиден, а это означает, что столь необходимое стратегическое согласие в стане американских квазисоюзников на сегодня практически отсутствует.

Трудно не согласиться с большинством экспертов, полагающих, что практический военно-политический союз России и Китая в обозримой перспективе вряд ли возможен, так как в нынешних геополитических условиях он просто не нужен. Та скорость, с которой меняется мировая обстановка, требует не громоздких организационных усилий, а максимально быстрой реакции на неожиданно возникающие события, суть которых еще надо проанализировать с точки зрения наличия угроз для национальных интересов каждой из сторон⁹.

Новая администрация США пока плохо ориентируется в международной ситуации: она не смогла адекватно оценить многие «подводные камни», сознательно оставленные ей в наследство предыдущим правительством демократов.

Взвесив уже существующие вызовы со стороны российско-китайского квазиальянса, президент Дональд Трамп, видимо, будет вынужден в ускоренном порядке принимать внешнеполитические решения на российском и китайском направлениях, делая ставку на собственное чутье предпринимателя и рассчитывая, что новые вызовы со стороны Москвы и Пекина не поставят под вопрос успешность намеченных им реформ внутри США. Во многом принятие четко выверенных решений выглядит трудновыполнимой задачей, особенно с учетом высокого накала оппозиционных настроений среди большей части высшего американского истеблишмента. Невозможно также эффективно противостоять даже плохо согласованным и по большей части спонтанным внешнеполитическим вызо-

вам России и Китая, когда у тебя за спиной отсутствует стабильная «тыловая» поддержка. Одновременно совсем наивными выглядят надежды Д. Трампа на успешное решение задачи по преодолению комплексной российско-китайской «угрозы» давно сложившемуся американскому глобальному и региональному доминированию.

Все это ставит под серьезнейшее сомнение выполнимость стратегии США по сохранению их могущества в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Российско-китайское взаимодействие в Евразии: объективные факторы

Соединенные Штаты Америки являются основным «контролером» эффективности российско-китайского взаимодействия на евразийском континенте как на региональном, так и на глобальном уровне, ибо Вашингтон понимает, что это стратегическое взаимодействие в существенной степени влияет на перспективы американского мирового доминирования. Последнее зависит от успешности или неуспешности совместных крупных инфраструктурных и технологических проектов, реализуемых Москвой и Пекином, прежде всего на евразийском пространстве, а также от наличия/отсутствия на конкретный момент принципиальных разногласий в двусторонних российско-китайских отношениях¹⁰.

В Вашингтоне во многом делают ставку на возрастание критической зависимости КНР от импорта природных ресурсов и безопасности транспортных коридоров, доступность и проходимость которых США и их союзники пытаются превратить в серьезное средство давления на китайскую внешнюю политику.

Американский фактор выглядит достаточно убедительным на морских коммуникациях, но его потенциал практически ничтожен в Евразии, что делает континент наиболее привлекательным для КНР с точки зрения приобретения и ввоза в страну критически важных сырьевых активов.

В отличие от более или менее спокойных континентальных транспортных путей, морские транспортные коридоры нуждаются в

постоянной защите со стороны (китайских) национальных военно-морских сил, должное формирование которых требует вложения крупных финансовых ресурсов, а главное — продолжительного времени, поскольку нельзя построить современный мощный военно-морской флот в критических условиях исторически сложившейся неразвитости специализированного кораблестроения.

В связи с этим можно утверждать, что потенциал российско-китайского взаимодействия на континенте весьма высок, ибо наибольшую значимость для КНР имеют поставки энергоносителей (которые пока преимущественно осуществляются по морю). Однако морской путь — крайне уязвим, так как он не исключает вероятности вмешательства со стороны США и прямого столкновения с ними¹¹. Именно поэтому руководство КНР изо всех сил старается в своей геополитической стратегии учесть максимально возможное количество негативных геополитических и геоэкономических факторов.

Складывающаяся мозаика этих факторов наглядно подсказывает последовательность очередных шагов, которые следует предпринять прежде, чем перейти к практической реализации масштабных нефтегазовых контрактов с Россией. Оптимальным на предварительном этапе китайцы считают полную отработку ресурсного потенциала государств Центральной Азии, используя здесь в качестве эффективного стимула втягивание центральноазиатских стран в ключевой для Китая проект, получивший название «Новый Шелковый путь». Важнейшей субъективной особенностью данного проекта пока вступает абсолютное отсутствие в нем американской составляющей, что доньше не часто встречалось, а также неясность относительно возможных объемов российского участия.

Переориентация новой администрацией США основных усилий на решение внутривосточных проблем неожиданно предоставило КНР уникальный шанс укрепить ее геополитические позиции в Евразии.

Для Российской Федерации также наступает период серьезного стратегического выбора, когда нельзя упустить реальную возможность взаимодействовать с Китаем на равных, но можно поставить Вашингтон в условия непрекращающегося цейтнота, ведущего к невозможности для США осознанно и целеустремленно действовать

на постсоветском пространстве. Однако это непросто, так как уже три с лишним года Россия находится в самой напряженной фазе развития своей государственности, причем в условиях исключительно мощного противодействия «коллективного Запада» процессу евразийской интеграции. Отложены до лучших времен проекты постепенного перехода на взаиморасчеты в национальных валютах, не говоря уже о подготовке экономических и политических условий для введения единой валюты Евразийского экономического союза и формирования эффективной связки между мощным ЕС и динамичным АТР.

«Большая Европа» в масштабах от Лиссабона до Владивостока и реальная возможность объединения ее интеграционных усилий с «Большим Китаем» всегда вызывали и до сих пор вызывают в Вашингтоне состояние, близкое к коме. Ситуацию усугубила информация о российско-китайской договоренности начать прорабатывать новые параметры евразийской интеграции, включая дополнительный вектор континентального взаимодействия от Дублина до Шанхая¹².

Геополитическое сотрудничество России и Китая на евразийском пространстве в обозримой перспективе будет усиливаться единым «стержневым» обстоятельством, суть которого обусловлена обоюдной заинтересованностью сторон «выдавить» США из Центрально-Азиатского региона. Но при этом следует учитывать разницу в мотивации Москвы и Пекина в данном вопросе. Если российская сторона хотела бы навсегда «зачистить» свой тыл от лукавого американского соперника, то руководству КНР уход США из Центральной Азии видится наглядным свидетельством возрастающей китайской государственной мощи и показателем многоплановости стратегической эволюции евразийского пространства.

Устремление Китая на Запад наверняка заставит Москву в ближайшее время провести корректировку ее восточной политики, реально побудив Пекин учитывать ее взгляды на конкретные пути и механизмы согласования геополитических интересов двух сторон¹³.

При этом США, будучи общим для КНР и РФ противником, сыграют роль главного системного интегратора всего комплекса российско-китайского стратегического взаимодействия в Евразии.

Примечания

¹ *Chen Xiaozhi*. Keizai no gurobaruka to Chogoku syakai suomondai : [Экономическая глобализация и проблемы китайского общества] (Japanese)/ *Todai tonan ajia kenkyujo suppan*. Tokyo, 2015. P. 192 (P. 189—201).

² *Jiang Zhenqing*. Bilderberg club and New World Order: Five Principals Still Shaping Global Peace // *China Daily*. 29th, June, 2004.

³ *Isaac, Guy; Levy, Joseph; Ognits, Alexander*. The Benefits of the New Economy. New York: ARI Publishers, 2013. P. 176 (220 p.).

⁴ *Easton, Ian*. Strategic Standoff: the U.S.-China Rivalry and Taiwan. Project 2049 Institute / Japan Institute of International Affairs. Tokyo, 2016. P. 9 (20 p.).

⁵ *Kinoshita, Tomio*. Chiseigaku no kanten kara mita Nihon to kokusai keizai : [Япония и международная экономика с геополитической точки зрения] (Japanese) / *Seibu daigaku suppan*. Tokyo, 2013. P. 17. (20 p.).

⁶ *Klein, Margarete; Westphal, Kristen*. Russlands Wende nach China. Deutsches Institut fur Internationale Politik und Sicherheit. SWP Aktuell 78. Hamburg. September, 2015. S. 5 (8 s.).

⁷ *Chao, Chien-Min; Hsu, Chih-Chia*. Zhongguo disidai lingdaojiti de hexieshijieguan: lilun yu yihan : [China's Harmonious World: Theory and Significance] (Chinese)// *Yuanjing Jijinhui Jikan* (Prospect Quarterly) 10(1). Beijing, 2009. P. 1—44.

⁸ *Klein, Margarete*. Russlands Chinapolitik, Interessen, Strategien, Perspektiven // *Russland-Analysen*. Berlin, 2013. Nr. 260. S.4 (22 s.).

⁹ *Nigami, Gifu*. Juuyokoku no taichu ninsiki to seisaku no bunseki : [Содержательный анализ политики ведущих государств в отношении Китая] (Japanese)/ *Nihon kokusai mondai kenkyusyo*. Tokyo, 2014. P.19 (168 p.).

¹⁰ *Niemczyk, Grzegorz*. The Rising Dragon and Wounded Bear: Analysis of Modern Sino-Russian Political and Economic Relations / *Cracow University of Economics/ Discussion Papers Series No.5* (15). Krakow. Poland. 2012. P. 27 (114 p.).

¹¹ *Siratori, Akio*. Rosia — Chugoku syunokaidan to Hokuto Ajia keizai no tembo : [Российско-китайские переговоры на высшем уровне и перспективы экономики в Северо-Восточной Азии] (Japanese) / *Kannihonkai kenkyusyo semmon joho senta*. Niigata, 2015. P. 15 (17 p.).

¹² *List, Dorte*. Regionale Kooperation in Zentralasien — Hindernisse und Moglichkeiten / *Der Justus-Liebig-Universität*. Giessen. Herborn, 2004. S. 227 (316 s.).

¹³ *Jarosiewicz, Aleksandra; Strachota, Krzysztof*. China vs. Central Asia: the Achievements of the Past Decades// *OSW Studies*. Warsaw, 2013. Number 45. P. 24 (84).

Ю.В. Морозов

«МЯГКАЯ И ЖЕСТКАЯ» СТРАТЕГИЯ США В ОТНОШЕНИИ РОССИИ, КИТАЯ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ ШОС

Аннотация. В ближайшей перспективе для усиления экономического и политического влияния на другие государства США будут широко использовать «мягкосиловую» арсенал для удержания их на своей орбите. Против тех стран, которые проводят независимую от Соединенных Штатов политику, будут использоваться методы «информационной войны». А для смены политических режимов в неудобных для США странах может быть использована «стратегия не прямых действий». Политика США по использованию «мягкосилового» арсенала в целях сохранения мировой гегемонии порождает нестабильность в мире и создает угрозу для безопасности государств-членов ШОС.

Ключевые слова: «мягкая сила», образование, неправительственные организации (НПО), «стратегия не прямых действий», РФ, КНР, США, ШОС.

Использование Соединенными Штатами «мягкой/умной силы»

В теорию международных отношений понятие «мягкая сила» ввел в 1990 г. профессор Гарвардского университета Дж. Най¹. Она представляет собой использование политических идеалов и устано-

вок для оказания необходимого влияния на умонастроение населения других стран без силового давления. Согласно концепции Ная, к «мягкой силе» государства относятся экономическая модель его развития, культура, идеология и авторитет в международных делах. Вашингтон всячески пытается выставлять эти факторы как образец для подражания другими странами². При этом, в значительной мере «мягкую силу» создает не государство, а общество, начиная с университетов и неправительственных фондов/организаций (НПФ/НПО) и заканчивая Голливудом и американской поп-культурой³.

Благодаря им США удается сохранять свое влияние на другие страны вопреки действиям Пентагона, который зачастую это влияние подрывает. В связи с этим президент Б. Обама считал, что «перебор» с применением «жесткой» силы формирует в сознании международного сообщества имидж США как милитаристского государства и вбивает клинья между ними и теми, кто преследует те же цели, что и Америка⁴. Поэтому если Буш вводил войска в Афганистан и Ирак, то Обама поэтапно вывел их из этих стран, оставив там незначительный контингент.

Б. Обама также добавил к двум «классическим» опорам внешней политики США — обороне и дипломатии — третью, а именно — «помощь развитию». При этом большая роль в плане обеспечения национальных интересов США отводилась программам по увеличению гуманитарной помощи развивающимся странам.

Одной из главных целей данных программ стало формирование у населения этих государств позитивного представления об Америке. Показательным примером подобной деятельности служит оказание гуманитарной помощи Кыргызской Республике, ныне являющейся государством — членом ШОС. В 1991 г. в Республику поступила крупная американская помощь в рамках программы «Дать надежду». Одновременно с организацией поставок американская сторона провела в Кыргызстане массированную пропагандистскую кампанию, информирующую местное население о «благородной гуманитарной миссии США». В обмен на оказание помощи американское руководство добилось от кыргызских властей аренды авиабазы Манас для использования ее в военных целях.

Так, при очевидно незначительных финансовых затратах Соединенные Штаты получили возможность военного присутствия в Центральной Азии, что во время проведения военных акций в Афганистане упрочило геополитические позиции США на Евразийском континенте⁵. Поэтому в дальнейшем в основе подхода Белого дома к международным делам более лежала не военная, а «умная сила». Она представляет собой сочетание «мягкой и жесткой» сил с соответствующим инструментарием: вооруженные силы, дипломатия, помощь США нужным странам, а также действия НПФ, гуманитарные усилия отдельных граждан и т. п. По мнению Б. Обамы, применение военной силы допускается, когда несилловые средства исчерпаны; после оценки цены бездействия; при поддержке силовых акций со стороны ООН либо НАТО.

Когда Х. Клинтон была госсекретарем, Вашингтон в международных делах стал делать упор на интернет-технологии, которые были успешно обкатаны на Ближнем Востоке. Так, в событиях 2011 г. в Египте по полной программе были задействованы ресурсы Twitter, Facebook, Blackberry Messenger. По электронной почте распространялся план свержения режима Х. Мубарака со спутниковыми схемами стратегических объектов для штурма, схемами дорог и т. д. В результате Мубарак не смог удержать власть при беспрецедентном давлении этих сетей и поднятой ими «улицы». Также основным средством инициирования войны в Сирии были Twitter и Facebook. В Ираке и Ливии США тоже активно применяли IT-технологии.

Объяснение использованию «сетевых» революций в арабском мире дал американский политолог Ф.У. Энгдаль. Он считает, что Б. Обама сознательно дирижировал сменой режимов от Сирии, Египта до Йемена, Иордании и Ливии. Его цель — «создание Большого Ближнего Востока под устойчивой американской властью, которая будет держать в своих руках основной контроль движений капитала и энергетических потоков Китая, России и Евросоюза. Иначе эти страны однажды смогут помечтать об отказе от американских правил игры»⁶.

В настоящее время в мире появилась большая группа людей, которые постоянно пребывают в интернет-пространстве. Здесь Ва-

Вашингтон основную ставку делает на молодежь, способную под влиянием «умной силы» превратиться в социальную прослойку с западными ценностями, которая будет осуществлять проамериканскую политику в своих странах.

Одним из деликатных вопросов внешней политики США является вопрос об ее ценностных ориентирах. В свое время администрация Дж. Буша в ходе борьбы с терроризмом допускала отступления от демократических и правовых норм, что дискредитировало политику Вашингтона и подрывало международное доверие к нему. Белый дом часто упрекали в лицемерии, циничных разменах, когда права человека за рубежом приносились в жертву интересам США. И если Буша критиковали за позицию, основанную на принципе «Делай, как я говорю, а не так, как я делаю», то иной принцип был у Обамы — «Делай, как я». Его администрация постулировала необходимость укрепления международных норм (сама часто их нарушая) и помощь «хрупким демократиям». А против тех государств, которые ставят под сомнение американскую модель развития мирового сообщества, Вашингтон стал применять иные методы воздействия, включая «информационную войну».

«Информационная война» США против России

Эти методы используются на протяжении многих веков, и, в отличие от применения военной силы, они в виде «словесных баталий» не утихали никогда. Их основной целью является доказательство жителям иной страны, что ее правительство — «скверное» и что «правильный путь развития» должен проходить в русле установок западного сообщества.

Первое определение термина «информационная война» было дано в докладе корпорации RAND *Strategic Information Warfare a New Face of War* (1996 г.). Согласно нему: «Информационная война — это война в информационном пространстве». В дополнение к трем военным пространствам (сухопутному, морскому и воздушному) было добавлено новое — информационное⁷.

Впоследствии в документе *Joint Doctrine for Information Operations* (1998 г.) было дано новое определение «информационной войны», но уже как «информационных операций, в которых критически важным стратегическим ресурсом является информация, подлежащая освоению или уничтожению»⁸. Особенно это касается стран, не согласных с американской моделью глобального миропорядка, прежде всего таких, как Россия и Китай, создающих альтернативы американскому миропорядку.

Одной из таких альтернатив является ШОС, представляющая после вступления в нее Индии и Пакистана больше половины человечества и глобального материального производства. Поэтому понятно, почему США вместе с союзниками ведут против РФ и КНР — ключевых стран ШОС — «информационную войну». Россия и Китай выступают против однополярного мира с доминирующей ролью США и реализуют идею многополярного мира.

В США продолжают опасаться России, рассматривая ее и как геополитического конкурента, и как государство, которое может гарантированно уничтожить Соединенные Штаты. Поэтому предпринимаются меры по дискредитации РФ на международной арене и отрыва от нее партнеров по ШОС и других пророссийских центров силы — ОДКБ и ЕАЭС. Для этого США активно использует целую серию приемов⁹.

Один из них — *нарушение договоренностей*. После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» статус-кво нарушаться не будет и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов России на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию гуманитарного сотрудничества с бывшими советскими республиками. Она финансировала эти акции по остаточному принципу в расчете на то, что эти государства экономически и исторически и так прочно связаны с нашей страной¹⁰.

Запад же во главе с США явно или тайно действовал в нарушение договоренностей. Путем масштабного финансирования и при помощи НПО/НПФ он не только создавал на территории постсоветских стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами их общественное сознание и мировоззрение.

В силу этого, ряд государств Европейского региона стали переориентироваться в сторону США и ЕС.

Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем Грузией и Украиной. При этом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву для формирования прозападного курса страны и реализации русофобского проекта по отрыву Украины от России по аналогии с реализованными ранее планами в Восточной Европе и Балтии.

Навязывание стереотипов. Типичным примером «информационной войны» является использование специальных словосочетаний, которые могут меняться и гибко интерпретироваться в зависимости от задач США. Так, когда Россия в 2008 г. оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население от очевидного агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в СМИ США была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт.

В англоязычных СМИ активно используются и другие ложные клише: «Россия — «империя зла»», стремящаяся-де к воссозданию СССР, «диктаторский режим Путина» и т. д. Если ранее в этих СМИ говорилось о «поддерживаемых Россией сепаратистах на Украине», то теперь чаще встречается другое определение — «совместные российско-сепаратистские войска».

Подбор угодных США фактов, когда аудитории предлагается якобы самой сделать вывод из материалов СМИ. Однако в американских СМИ часто дается ложный выбор, когда часть невыгодных США фактов умалчивается. Например, после государственного переворота на Украине американскими политологами отбиралась только та информация, которая дискредитировала президента В. Януковича и силы правопорядка Украины. Одновременно замалчивались преступные действия «Майдана» и попытки физически уничтожить законного главу государства.

Подмена понятий и ключевых слов через обозначение своих неправомерных действий терминами, имеющими нейтральную или положительную окраску. Яркий тому пример — объявление «санкций» против России после ее воссоединения с Крымом, да и не только против нее. Дело в том, что санкции имеет право объявлять *только Совбез ООН* после принятия соответствующей резолюции.

А слово «санкции» было вброшено Вашингтоном в мировые СМИ для обоснования легитимизации действий США в сознании мировой общественности.

Использование психотравмирующих событий и информационной «карусели». Катастрофа авиалайнера «Малазийских авиалиний» на Украине в июле 2014 г. стала предлогом для создания широкого западного «санкционного» фронта против России, которую сразу же обвинили в поддержке ополченцев, якобы сбивших самолет. При этом не было представлено никаких доказательств, публиковались лишь пространные заявления официальных лиц США и догадки псевдоэкспертов. При этом версия, озвученная Генеральным штабом ВС РФ, опровергнута так и не была.

Продвигаемая в западном медийном пространстве (в первую очередь в США) история с так называемыми российскими хакерами — яркий пример информационной «карусели», когда эта тема сначала разрабатывается в соответствующих структурах, которые занимаются пропагандой, потом она преподносится в виде утечек, ссылок на неназванные источники, далее подхватывается СМИ и возвращается обратно в госструктуры. Они, получив этот полуфабрикат, начинают работать с ним как с полноценным информационным продуктом, который обретает легализацию и начинает жить полноценной жизнью. Далее эта карусель заходит на второй, более широкий круг: тема выходит за рамки США, где она «проросла корнями», и начинает обрастать информационной «кожей» в других странах¹¹.

Искажение исторических событий. Разрушительная мощь этого «приема» воздействия на все слои общества настолько велика, что она может поставить под сомнение не только историю государства, но и сам факт правомерности его существования. Это касается не только текущих событий в мире, но и истории человечества, фальсификаторы которой пытаются представить Россию — правопреемницу СССР как силу, мало что сделавшую для освобождения человечества от фашизма¹².

Для этого проводится коренной пересмотр итогов Второй мировой войны. Так, американский историк Х. Болдуин считает, что исход войны решили 11 битв («великих кампаний»). В частности,

операция *Market Garden* в Голландии, высадка англо-американских войск в Нормандии, битва за атолл Мидуэй. Из сражений, выигранных Красной Армией, он упоминает лишь Сталинградскую битву¹³.

Кроме того, в западноевропейских и американских учебниках истории уже давно пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли англо-американские войска. А такие события, как битва на Курской дуге, победа в которой дала стратегическое превосходство на всех фронтах, освобождение советскими войсками Европы — все это описывается как бои местного значения, не являющиеся переломными в ходе мировой войны.

«Промывка мозгов» в сфере истории коснулась не только западного сообщества, но и граждан РФ. В 1990-х гг. в Россию хлынули различные западные фонды, предлагая всевозможное содействие. Так, фонд Дж. Сороса *Open Society Fund* предложил услуги Министерству образования РФ и стал безвозмездно финансировать выпуск учебников по истории для школ. В них мировая война описана как абсолютный триумф англосаксов, а важнейшие события на советско-германском фронте перечисляются через запятую.

Так называемую образовательную помощь *Open Society Fund* продолжает оказывать странам Балтии, Грузии и Украине. А для Японии история этой войны была полностью переписана. После знакомства с этим «новоделом» большинство японцев стали считать, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки — дело рук... СССР (!).

Антироссийская пропаганда активно ведется и в Интернете. Объектами воздействия являются журналисты, политические и общественные деятели, а также граждане стран ШОС, ОДКБ и СНГ. Цель одна: заполнить головы людей самыми изощренными вымыслами.

Помимо Интернета не менее важными по значимости сферами приложения усилий США являются телевидение, кинематограф и радио. На просторах этого информационного пространства последовательно, не прекращаясь ни на минуту, идет идеологическая атака

на РФ. Так, начиная с 2008 г. администрация Обамы усилила «информационную войну» против России до масштабов, значительно превосходящих напор идеологических нападков в самые мрачные периоды «холодной войны».

Одной из антироссийских программ, «замешанных» на недавних событиях в мире, является проект, запущенный после военных действий в Южной Осетии, когда стратеги Пентагона с удивлением обнаружили, что «отсталая и небоеспособная российская армия», оказывается, способна быстро разгромить «мобильную и высокоэффективную армию будущего», подготовленную американскими инструкторами по стандартам НАТО. Поэтому для пресечения разброда среди американских союзников после саммита НАТО в Страсбурге (2009 г.) была создана «Служба стратегических коммуникаций» — своего рода американский Агитпроп для европейцев.

В США при вашингтонском Центре по анализу европейской политики было образовано подразделение «Инициатива в области информационной войны». Его главная задача — тотальное блокирование любой информации, которую Россия пытается распространить в мире. В 2014 г. правительство Литвы объявило о начале работы в Риге «Центра стратегической коммуникации НАТО», предназначенного для анализа и противодействия «российской пропаганде». А британское правительство создало «Бригаду 77», которая должна сражаться с этой «пропагандой» на просторах Интернета.

В 2016 г. в Евросоюзе была создана «группа по стратегическим коммуникациям» для запрета распространения российской информации по всем каналам, начиная от публичной дипломатии до он-лайн пространства. Подоплека ее создания — резолюция Европейского парламента от 23 ноября 2016 г. «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон». Автор этого документа — бывший министр иностранных дел Польши А. Фотыга — предложила приравнять российские газеты и телевидение к террористическим организациям «Аль-Каида» и ИГИЛ, которые «ведут активные пропагандистские кампании с целью скомпрометировать европейские ценности и интересы». Поэтому она призвала Европарламент бороться с «пропагандой Кремля» путем ее разоблачения¹⁴. Для этого усилия западных СМИ сконцентрирова-

лись на снижении влияния российских медийных ресурсов, таких, как Russia Today и «Спутник», имеющие альтернативную точку зрения на развитие событий в мире и разоблачающие инсинуации в отношении России.

«Мягкая» и «жесткая» стратегия США в отношении Китая

В связи с ростом могущества Китая все чаще стали складываться ситуации, когда Соединенные Штаты вынуждены учитывать интересы КНР. В этом плане уместно отметить американскую концепцию «G2». В ней США признавали определенную зависимость от Китая, а также демонстрировали готовность к сотрудничеству с ним в глобальных делах.

Однако Пекин отклонил сомнительную идею разделить бремя ответственности за судьбы мира с Вашингтоном. Сегодня в США уже не отрицают тот факт, что американо-китайское сотрудничество постепенно сходит на нет из-за существования ряда серьезных разногласий по Тайваню, Тибету, Северной Корее, правам человека и т. д. Поэтому, несмотря на тесную взаимосвязь двух ведущих экономик мира, Америка ревностно защищает от Китая свои передовые технологии.

Это выражается, в частности, в установлении торговых барьеров и ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции в Китай — страну, которая не включена в новый американский проект — Трансатлантический союз¹⁵. Поэтому очевидно, что американо-китайские отношения в перспективе будут развиваться по формуле: сосуществование, сотрудничество, соперничество и регулируемая конфронтация¹⁶.

Стараясь нивелировать негативные последствия от ожидаемой конфронтации, администрация Обамы в отношениях с КНР активно применяла «мягкую» дипломатию, играя на самолюбии китайцев и используя все доступные средства для привлечения их на свою сторону.

Однако принципиальное несогласие Вашингтона по ключевым для Пекина вопросам препятствовало сближению внешнеполитиче-

ских позиций КНР и США¹⁷. Так, Б. Обама рассчитывал заручиться поддержкой КНР в украинском вопросе. Но Си Цзиньпин лишь подтвердил неизменность позиции Китая по Украине, которая заключается в «отстаивании необходимости политического решения кризиса». КНР воздержалась во время соответствующего голосования в СБ ООН.

А проект резолюции по ситуации в Алеппо (Сирия) на заседании СБ ООН 5 декабря 2016 г. Китаем был вообще заблокирован. КНР, как и РФ, считала, что во время предлагаемой в проекте «гуманитарной паузы», боевики восстановят свои силы и перегруппируются, что затянет установление мира в Сирии.

Тем не менее, пока Китай не может открыто встать на сторону России, как это было в случае с Сирией и Украиной, ввиду наличия собственных проблемных территорий, таких, как Тибет, СУАР и Тайвань.

С приходом к власти в США администрации Д. Трампа американско-китайские отношения могут измениться в худшую сторону. Во время предвыборной кампании Трамп обещал, что он начнет экономическую войну с Китаем и попытается его потеснить на мировой арене. Именно КНР сейчас представляет для США наибольшую опасность: экономика Китая развивается стремительно, и его военное могущество крепнет.

Посему Трамп пытается стимулировать промышленное производство в США, так как осознает, что рано или поздно финансовая пирамида, созданная ФРС, рухнет и далее случатся дефолт и финансовый кризис. В связи с этим он озабочен возвращением производств из КНР обратно в США.

Но как заставить транснациональные корпорации вернуть их из Китая? Только если сделать Поднебесную открытым врагом США. И этим процессом Трамп уже занялся. Так, ведущие западные СМИ при поддержке крупнейших рейтинговых агентств США *Standard & Poor's* и *Moody's* предпринимают против КНР информационные атаки, прежде всего, против ее финансового сектора, понижая этим кредитный рейтинг страны.

Трамп также добивается объявления Китая «валютным манипулятором», после чего в отношении его товаров в США будут введены

повышенные пошлины, тарифы и прочие сдерживающие китайский товаропоток санкции¹⁸. Речь также идет об усилении поддержки Соединенными Штатами Тайваня.

Однако у КНР есть ответное, невоенное оружие — триллион долларов в казначейских обязательствах ФРС. Сброс этих финансовых инструментов может начаться в случае объявления США «торговой войны» Китаю.

Кроме того, в КНР создано рейтинговое агентство *Dagong*, которое не замешано в коррупционных скандалах, где очевидна деструктивная роль *Standard & Poor's* и *Moody's*, приведшая к большим финансовым потерям международных инвесторов¹⁹.

Применение США «стратегии непрямых действий»

Для сохранения однополярного мира под эгидой Вашингтона используются и другие методы воздействия на государства, которые не желают следовать в кильватере США.

Так, важным инструментом внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов является применение «стратегии непрямых действий» (СНД) в отношении государств с неудобными Вашингтону режимами. При реализации этой стратегии основные усилия сосредотачиваются на искусственном создании или обострении в стране-«мишени» внутригосударственных политических, экономических, территориальных и других противоречий.

К примеру, успех СНД США применительно к соцстранам был достигнут благодаря оказанию тайной финансовой и политической помощи прозападным партиям и движениям в Польше, Венгрии, Чехословакии, что гарантировало успех оппозиции в этих государствах. А чтобы посеять неуверенность среди населения и руководства этих стран, проводились детально разработанные информационно-психологические операции, где активно работали радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», находящиеся под опекой ЦРУ.

В настоящее время возможности для осуществления СНД против неудобных Вашингтону властей значительно увеличились. Борь-

ба, в том числе и вооруженная, перестала быть сущностным признаком войны, став составной частью комплексного воздействия, при котором она ведется не за захват территории страны, а для установления режимов, управляемых извне.

Примеров тому множество. Можно вспомнить, как в Грузии США инициировали «революцию роз», был совершен государственный переворот на Украине и т. д. При этом целями СНД являлись: пересмотр внутренней и внешней политики государства, смена органов власти, изменение конституционного строя, перераспределение властных полномочий и др. А средствами достижения этих целей — использование экономических, политических, социальных, этнических и иных противоречий в этих странах.

Еще один яркий пример — это социально-экономическая ситуация в СФРЮ в 1960—1970-е гг., когда США предприняли усилия, направленные на подрыв общественного строя страны, разрушение национальной идеи и работы системы госуправления.

Внутри СФРЮ была создана «пятая колонна» из числа агентов влияния, лидеров сепаратистских партий, НПО и СМИ. В результате их деятельности власть столкнулась с усилением либерализма в Сербии и национализма в Хорватии, выступлениями албанских сепаратистов в Косово. Идеями сепаратизма были проникнуты акции лидеров этнических движений в Македонии, в Боснии и Герцеговине. Все эти действия тщательно планировались и координировались, обеспечивались финансовыми средствами из Вашингтона. Далее началась гражданская война, участниками которой стали сербы, боснийские мусульмане и хорваты. Это позволило США и НАТО развернуть информационную кампанию против сербов, а затем военную операцию при поддержке ООН. Еще до завершения операций НАТО на Балканах там появились новые государственные образования — Мусульмано-Хорватская Федерация и Косово, которые немедленно были признаны США и рядом других государств. Ныне эти «лоскутные» страны — территории бывшей СФРЮ находятся под внешним управлением Вашингтона и проводят прозападную политику, а в Косово размещена самая крупная военная база США в Европе²⁰.

Возможная политика администрации Д. Трампа в сфере применения «мягкосилового» арсенала: угрозы для государств ШОС

В перспективе не следует ожидать, что при президенте Д. Трампе Вашингтон станет меньше вмешиваться в дела других стран. Политику и стратегию, которые проводились предыдущими администрациями США на мировой арене, нельзя изменить в одночасье. Изменятся ли они радикально при 45-м президенте США, станет ясно после первых ста дней его пребывания у власти. До этого можно сделать некоторые выводы о возможном использовании администрацией Д. Трампа «мягкосилового» арсенала США в области глобальной политики и стратегии.

Во-первых, основанием тому, что Трамп не изменит в начале своего президентского срока предыдущий внешнеполитический курс США, является сосредоточение его деятельности на решении внутренних проблем. Он откажется от ненужных глобальных затрат и поддержки тех государств, которые не несут Америке должной выгоды.

По отношению к другим странам есть два пути: либо экономическое и силовое давление (при Обаме оно показало всю бессмысленность в отношении с Россией) или же достижение договоренностей на основе совпадающих интересов сторон. Очевидно, Трамп выберет второй путь. Это будет прагматичный подход, направленный на усиление геоэкономических, а не геополитических позиций США в мире. Это значит, что будет расширена практика переговоров по совместному решению существующих проблем и развитию мирового сообщества. В этом, очевидно, и будет состоять новый геополитический курс США при Д. Трампе.

Во-вторых, на мировой арене будет происходить дальнейшая поляризация сил. Одни будут защищать сложившийся односторонний миропорядок с доминирующей ролью США, другие — укреплять формирующийся многополярный мир. Свидетельством последнего является развитие структур ШОС, РИК и ЕАЭС. В связи с этим следует ожидать, что «информационные войны» против членов этих объединений продолжатся.

Также продолжится политическая и иная пропаганда, которая будет использоваться Вашингтоном и его союзниками для «промывки мозгов» международному сообществу с целью поддержания всеми доступными путями тезиса о превосходстве американских ценностей (задействуя СМИ, Интернет, систему образования и т. д., где намеренно искажаются исторические и современные события).

Союзные США государства совместно будут использовать «мягкосиловой» арсенал для организации «цветных революций» и переворотов в проблемных для них странах. Им уже удалось столкнуть в хаос Ливию и Сирию, провести «цветную революцию» в Грузии, разжечь гражданскую войну на Украине.

В-третьих, что касается использования других средств из «мягкосилового» арсенала США, то на подход администрации Д. Трампа в этой области будет влиять целый ряд факторов, а именно: национальные интересы Соединенных Штатов; действия других государств на мировой арене; различия во взглядах США и остальных стран на проблемы безопасности и связанная с этим необходимость усиления политики «сдерживания» этих государств со стороны Соединенных Штатов в условиях модернизации американских обычных и ядерных сил; бюджетная и экономическая ситуация в США; мнения Сената и Конгресса США, а также экспертов по поводу использования американского «мягкосилового» арсенала. При этом США будут продолжать использовать как «умную силу», так и СНД для продвижения своих интересов в мире.

В-четвертых, при 45-м президенте США «информационная война» против РФ будет продолжена, однако не в том виде, как это было при Обаме, когда она часто давала обратный эффект. Так, вывод российских войск из Сирии был расценен мировым сообществом как победа Путина над Обамой, журнал *Time* признал президента РФ «человеком года», а в России был отмечен подъем патриотических настроений.

Несмотря на возможные позитивные результаты встреч президентов Д. Трампа и В. Путина, большая часть санкций США против России в ближайшей перспективе снята не будет. Этому препятствуют антироссийски настроенные Конгресс и Сенат США, которые

ввели эти санкции «до тех пор, пока Крым не вернется в состав Украины», на что Россия не пойдет ни при каких обстоятельствах.

В других вопросах глобальной и региональной безопасности следует ожидать прогресса в российско-американских отношениях, в том числе в рамках совместной борьбы против ИГИЛ, сокращения в мире ядерных арсеналов, при решении других проблем, где позиции США и РФ совпадают.

В-пятых, в случае объявления Трампом «торговой войны» Китаю Россия столкнется с рядом проблем: из-за резкого падения производства потребности Китая в российских энергоресурсах снизятся, а возникшая безработица в КНР усилит приток ее граждан в РФ, которая начнет вводить ограничительные меры; Китай станет усиленно сбывать его товары в Центральной Азии, где он последовательно укрепляет свои позиции, ослабляя российские. Поэтому следует ожидать, что по этим проблемам в рамках ШОС начнутся переговоры и выработка компромиссов, ибо КНР и Россия тесно сотрудничают и поддерживают друг друга в сферах, затрагивающих их ключевые интересы.

Так, Россия неоднократно подтверждала, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая²¹. РФ и КНР считают, что споры вокруг Южно-Китайского моря должны решаться через прямой диалог непосредственно заинтересованных стран, и никто из внешних игроков не должен вмешиваться в их решение. Москва и Пекин стремятся к созданию многополярного миропорядка и выступают за укрепление ведущей роли ООН в международных делах, призывая все стороны мирным путем урегулировать ситуацию в Сирии, ядерную проблему Корейского полуострова и другие глобальные и региональные проблемы.

В-шестых, исходя из наличия угроз для безопасности государств ШОС, создаваемых с помощью «мягкосилового» арсенала Запада, странам-участницам Организации необходимо совместными усилиями бороться против тех, кто обещает привести к «благоденствию» путем революционных и иных потрясений. Для этого целесообразно более активно развернуть сотрудничество в сферах усиления совместной борьбы с «тремя силами зла», обеспечения информационной

безопасности и противодействия западной «стратегии непрямых действий».

На гражданах стран ШОС также лежит выбор: либо поддаваться западной пропаганде, либо иметь свое мнение. А задача и национальных, и «шосовских» структур — не позволить Западу лишиться страны ШОС суверенитета и продолжать содействовать установлению многополярного мира, основанного на совместной деятельности в решении глобальных и региональных проблем. К примеру, сотрудничество государств ШОС по сопряжению Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути может стать важным двигателем интеграции всего Евразийского региона.

Примечания

¹ *Joseph S. Nye*. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 30/04/2013. URL: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html>

² *Владимирова Л.* Китай: политика мягкой силы. URL: <http://www.nbenegroup.com/true/thePolicy.html>

³ *Joseph S. Nye*. What China and Russia Don't Get About Soft Power // Foreign Policy. 30/04/2013. URL: <http://inosmi.ru/world/20130430/208594509.html>

⁴ *Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2016.

⁵ *Морозов Ю.В.* Глобализация как теория и реальность: военный и политический аспекты // Красная Звезда. 19 и 22.03.2004.

⁶ Цит. по: *Черных Е.* Сможет ли Россия противостоять электронным атакам // Комсомольская правда. 03.03.2011.

⁷ *Molander R. C., Riddile A. S., Wilson P. A.* Strategic information warfare: a new face of war. URL: rand.org

⁸ Joint Publication 3-13/Information Operations/27/11/1998. Incorporating Change 120. 2014. URL: dtic.mil

⁹ *Давыдов Е.* Информационная война против России: «момент истины». URL: <https://cont.ws/@eugene-davidov/98702>

¹⁰ *Морозов Ю.В., Сафронова Е.И.* Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 32. С.31.

¹¹ Брифинг представителя МИД России М.В. Захаровой 12 января 2017 г., Москва. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2591233#0

¹² Морозов Ю.В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25.

¹³ Baldwin H. Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.

¹⁴ Цит. по: Тихомиров В. «Миссис лицемерие» и просто «царь». Кто управляет американским президентом? URL: https://life.ru/t/сша/950853/missis_litsiemie_riie_i_prosto_tsar_kto_upravliaet_amierikanskim_

¹⁵ Яту Чун. Китай и ТРП // Китай. 2015. № 11.

¹⁶ Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21.

¹⁷ Морозов Ю.В. Стратегические проекты Китая, России и Соединенных Штатов для Евразии // Россия и Америка в XXI веке. 2016. № 1.

¹⁸ Кризисные войны: Рейтинговые агентства против ШОС. URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/22-04-2016/1299227-shos-0>

¹⁹ Путин и Трамп: курс к новому мировому порядку. Прогноз на 2017—2021. URL: <http://kolokolrussia.ru/vzglyad-redaktora/putin-i-tramp-kurs-k-novomu-mirovomu-poryadku-prognoz-na-20172021#hcq=nlB1a8q> URL: <http://kolokolrussia.ru/>

²⁰ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. «Миролюбивый агрессор», или армия мирового порядка // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3. С. 187.

²¹ Ли Хуэй. Углубление китайско-российских отношений на благо народов обеих стран. URL: <http://viperson.ru/articles/uglublenie-kitaysko-rossijskih-otnosheniy-na-bлаго-narodov-obeih-stran>

А. Ф. Клименко

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье проводится анализ Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. в части мер, направленных на обеспечение безопасности и стабильности на пространстве Организации. Вскрываются некоторые противоречия между содержанием этих мер, реально складывающейся ситуацией в сфере региональной безопасности и взаимоотношениями между партнерами по ШОС. Аргументируется необходимость консолидации участников ШОС и усиления потенциала Организации в решении проблем региональной безопасности.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, ШОС, исламский фундаментализм, консолидация партнеров по ШОС, безопасность.

1. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества о проблеме региональной безопасности

Как известно, Стратегия развития ШОС до 2025 г. (далее — Стратегия), принятая по итогам саммита в Уфе в июле 2015 г., определяет ориентиры и параметры дальнейшей эволюции Организации.

Среди основных направлений совместной работы стран-участниц ШОС Стратегией называются вопросы политического и торгово-экономического сотрудничества, культурно-гуманитарного взаимодействия. Большое значение придается международному сотрудничеству и информационному обеспечению деятельности ШОС. **Самое серьезное внимание документ уделяет и сотрудничеству государств-участников в области безопасности.** Чем же это вызвано?

В Стратегии отмечается, что «современный мир переживает этап глубинной трансформации»¹. На фоне усиливающегося стремления народов и стран к мирному сосуществованию, развитию, равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству происходит нарастание вызовов и угроз глобального значения. Остаются неурегулированными и/или разгораются новые региональные и локальные конфликты. Обостряется борьба на информационном пространстве, сохраняются условия для радикальных настроений, в том числе в силу меж- и внутриконфессиональных противоречий. Все это чревато ростом напряженности в международных отношениях.

Стратегией акцентируется внимание на том, что защита мира является важнейшей задачей ШОС. В ее решении **приоритет отдается преимущественно политико-дипломатическим средствам.** Поэтому в документе на передний план выдвигаются общие принципы построения в зоне ответственности Организации комплексной, транспарентной архитектуры безопасности и устойчивого роста, основанной на принципах верховенства международного права, неприменения силы или угрозы ее применения, уважения территориальной целостности, государственного суверенитета и независимости стран, открытого, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. В связи с этим, как подчеркивается в Стратегии, «возрастает роль региональных объединений, одним из которых является ШОС»².

Из приведенного в документе анализа логично следует вывод о том, что ШОС вступает в ответственный период своего развития и что в непростых глобальных и региональных условиях она должна в полной мере **использовать свой потенциал для противодействия возникающим вызовам и угрозам.**

Здесь не лишним будет отметить, что в последнее время потенциал Шанхайской организации сотрудничества значительно расши-

рился. По состоянию на начало 2017 г., ее участниками стали 16 стран, в том числе:

постоянные члены: де-юре — Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и де-факто — Индия и Пакистан;

наблюдатели — Афганистан (Исламская Республика Афганистан — ИРА), Иран (Исламская Республика Иран — ИРИ), Монголия и Белоруссия;

партнеры по диалогу — Азербайджан, Армения, Турция, Шри-Ланка, Камбоджа и Непал;

страны, подавшие заявку на участие в форматах ШОС: Бангладеш, Сирия, Египет, Израиль.

Общая территория всех этих стран составляет более 34 млн кв. км, то есть 60 % территории Евразии, **численность населения** — 3 млрд 40 млн человек — почти половина населения планеты, а **совокупный ВВП** оценивается в 30 трлн долл. В составе ШОС — два постоянных члена Совета Безопасности ООН и четыре ядерные державы.

Логично утверждать, что возросший потенциал Организации предполагает и новые возможности по обеспечению интересов участников ШОС, в том числе интересов их безопасности.

Из анализа Стратегии следует и второй, не менее важный вывод, который говорит о том, что комплексный характер вызовов и угроз требует выработки коллективных подходов к борьбе с ними. Именно поэтому государства-участники намерены и далее расширять сотрудничество в целях своевременного и адекватного реагирования на возникающие угрозы и вызовы безопасности.

Примечательно, что безопасность рассматривается в Стратегии развития ШОС в самом широком плане. Здесь перечислены и новые, нетрадиционные вызовы региональной стабильности, и традиционные военные угрозы. Приоритетными задачами ШОС в области обеспечения региональной безопасности и стабильности будут оставаться:

- противодействие терроризму, сепаратизму, экстремизму, чреватым рисками перерастания в прямые **военные угрозы**, а также незаконному обороту наркотиков, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, ядерных и радиоактивных материалов, других компонентов ОМУ;
- противодействие трансграничной организованной преступности;

- обеспечение международной информационной безопасности;
- укрепление безопасности границ;
- совместная борьба с незаконной миграцией и торговлей людьми, отмыванием денег, экономическими преступлениями, коррупцией.

В плане предупредительных мер в Стратегии прописывается, что государства-члены будут на регулярной основе обмениваться информацией по соответствующим вопросам и проводить совместный анализ ситуации в регионе, а также осуществлять учебные и научно-практические мероприятия по линии компетентных ведомств на двусторонней и многосторонней основе.

Особое внимание будет уделяться совершенствованию механизма оперативного реагирования на вызовы, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность, в соответствии с принятым в 2012 г. на Пекинском саммите «Положением о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования ШОС на угрожающие ситуации».

В рамках имеющихся нормативно-правовых документов предусматривается принимать на регулярной основе целевые Программы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, обуславливающие комплекс мер по их предупреждению, выявлению и пресечению, взаимодействию в розыске, задержании, выдаче и передаче лиц, подозреваемых, обвиняемых или осужденных за совершение преступлений, связанных с террористической, сепаратистской и экстремистской деятельностью, проведению совместных оперативно-розыскных мероприятий, взаимному предоставлению технической и материальной помощи.

Должное внимание уделяется в Стратегии и взаимодействию с другими международными организациями и государствами. Страны-члены ШОС будут оказывать всестороннее содействие международному антитеррористическому сотрудничеству по линии ООН, в частности, в реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Важным ресурсом укрепления сотрудничества в сфере безопасности станет привлечение к совместной работе государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС, углубление контактов с заинтересованными странами и международными организациями.

Итак, в Стратегии развития ШОС с достаточной полнотой прописаны вызовы и угрозы безопасности участникам Организации и комплекс мер по их нейтрализации. Но этот комплекс **ограничивается в основном политико-дипломатическими, информационными и иными «мягкосиловыми» мерами, не распространяясь на силовое, военное противодействие возможным угрозам.**

Правда, в документе упоминаются о «механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе», о чем говорилось выше. Но пока недостаточно ясно, что это за механизмы, каким образом и при каких условиях они будут задействованы. Стратегией не предусматривается и создание на базе ШОС какого-либо военно-политического формирования или иного интеграционного объединения с учреждением наднациональных институтов управления.

Не секрет, что одной из злободневных проблем ШОС является отсутствие у нее четких механизмов реагирования на форс-мажорные обстоятельства, возникающие на пространстве Организации. Подтверждение сказанному — это отсутствие эффективной реакции со стороны стран-участниц ШОС на экстраординарные события, возникающие непосредственно на территории ее членов, или же их вовлеченность в другие конфликты. Здесь можно выделить некоторые события, происходившие с непосредственным участием стран-членов ШОС, на которые Организация практически никак не отреагировала. В их числе конфликт в Южной Осетии в 2008 г., беспорядки в СУАР КНР в 2009 г., государственный переворот и межэтнические столкновения в Киргизии, Узбекистане, на Украине и ряд других событий, затрагивающих интересы безопасности того или иного участника ШОС³.

Отсутствие на них реакции ШОС можно объяснить тем, что в настоящее время у Организации не выработан политический инструментарий для адекватного реагирования на подобные вызовы. Основным юридическим документом в плане обеспечения безопасности является «Программа сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Но этот документ не содержит полноценной правовой базы для координации действий государств-членов, а также оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации на пространстве Организации.

В силу этого возникает необходимость активизации в рамках ШОС консультативных и институциональных механизмов, содействующих нейтрализации конфликтов на территории стран-участниц. На Екатеринбургском саммите, состоявшемся в июле 2009 г., государства-члены уже принимали подобный документ, однако он не был реализован. И даже принятое на Пекинском саммите в июне 2012 г. вышеупомянутое «Положение о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе» не побудило участников Организации к совместным практическим действиям по повышению эффективности ШОС в сфере обороны и безопасности.

2. Ситуация на пространстве ШОС

и необходимость консолидации усилий государств-участников по разрешению проблем региональной безопасности

В настоящее время развитие ШОС проходит на фоне стремительного обновления политических систем и режимов на Ближнем Востоке, прилегающем непосредственно к зоне ответственности Организации. Уже очевидно, что «арабские революции» и вмешательство Запада (в первую очередь США и НАТО) в дела расположенных там государств способствуют нарастанию потенциально опасных тенденций, **проявляющихся на пространстве ШОС.**

Во-первых, не ясно, какие в итоге придут силы на смену нынешним арабским режимам. Не исключено, что протестные движения могут выдвинуть на передний план радикальные фундаменталистские силы, приход к власти которых способен негативно повлиять на обстановку в Афганистане, странах Центральной Азии, а также на сопредельных территориях России, Китая и Индии. Усугубить положение может и спонтанная смена власти в Сирии.

Во-вторых, ближневосточные события повышают региональную роль Ирана, являющегося наблюдателем при ШОС, и Турции — ее партнера по диалогу. Сегодня эти две страны являются фактически союзниками России, которая оказывает всестороннюю помощь Сирии в деле сохранения ее единства и территориальной целостности.

сти в борьбе против ИГИЛ (ИГ или ДАИШ запрещена в России) и поддерживающих это псевдогосударство фундаменталистских и других организаций. Таким образом, уже три участника ШОС непосредственно втянуты в ближневосточный конфликт. При этом политика Ирана и Турции на Ближнем Востоке — это отдельный вопрос. Но, очевидно, что арабские события на фоне противоречивых заявлений со стороны новой администрации США в адрес Ирана способны подстегнуть реализацию ядерной программы ИРИ. А смена парламентской формы правления в Турции на президентскую может усилить националистические тенденции в этой стране. Это в свою очередь обострит вопросы безопасности в Евразии — зоне ответственности ШОС. Как отреагирует Организация на эти проблемы? Вопрос пока не имеет ответа.

В-третьих, последствия вмешательства в ближневосточную ситуацию возглавляемой Западом коалиции из более чем 60 стран остаются не до конца просчитанными не только в военно-политическом, но и в экономическом плане. Вполне очевидно, что грядет новый передел углеводородных рынков Ближнего Востока и, возможно, не в пользу некоторых нынешних крупных потребителей. В проекции ШОС, особенно в ее нефтегазовой перспективе, Китай и Индия — основные потребители углеводородов, испытывающие «энергетический голод», могут с выгодой для себя использовать соответствующий потенциал Организации, что даст новый импульс идее «Энергетического клуба» ШОС.

Отдельный острый вопрос — ситуация в Афганистане и отношение к ней полноправных и других участников ШОС. Кабул выражает стремление более тесно интегрироваться в ШОС, уже добившись статуса наблюдателя при ней. Между тем обстановка в ИРА остается весьма сложной: страна по-прежнему является источником многокомпонентного вызова стабильности и безопасности для соседних и даже удаленных от нее государств.

В настоящее время в Афганистан проникла и начала укрепляться террористическая группировка ИГИЛ. Ее боевики, теряя позиции в Сирии и Ираке, активно ищут места для создания новых баз. Если эта группировка лишится власти в той или иной части Ближнего Востока, то ею будут приняты все усилия для проникновения на территорию

стран Среднего Востока и Центральной Азии, где ИГИЛ планировалось создание некоего халифата. В случае успеха подобных замыслов это «потрепанное» на Ближнем Востоке псевдогосударство получит новые возможности для борьбы за реализацию своих замыслов. И, если оно и не заручится прямой помощью Запада, то, по крайней мере, не станет объектом его военной агрессии и за счет этого сможет противостоять России в Центральной Азии, Чечне и Дагестане. Вместе с тем нельзя не видеть, что, если боевикам ИГИЛ удастся инкорпорироваться в афганский баланс сил, то они получают идеальный плацдарм для действий не только против России и центральноазиатских государств, но и против Пакистана, Индии, Ирана и Китая.

В пользу подобного сценария свидетельствуют просочившиеся в прессу сведения о том, что США в Афганистане готовят отряды, в том числе из «игиловцев», для акций против России. А в тренировочных лагерях ИГИЛ на территории ИРА, где рабочим языком является русский, проходят подготовку выходцы из центральноазиатских стран и ряда регионов России. Афганское крыло ИГИЛ однозначно «заточено» на Центральную Азию.

Следует заметить, что в Центральной Азии у ИГИЛ уже имеются готовые союзники. В апреле 2016 г., выступая на 5-й Московской конференции по международной безопасности, заместитель начальника Главного управления Генштаба ВС РФ С. Афанасьев отметил возрастающую угрозу со стороны ИГИЛ на центральноазиатском направлении: «О готовности к совместным с «Исламским государством Ирака и Леванта» действиям заявили отдельные полевые командиры Исламского движения Узбекистана, «Хизб-ут-Тахрир», «Лашкар-и-Тайиба» и Союза исламского джихада. Численность ассоциированных с ИГИЛ бандгрупп, формально сохраняющих свою самостоятельность, составляет около 4,5 тысяч человек»⁴. Не случайно Таджикистан, Туркменистан и даже прежде благополучный Казахстан стали подвергаться атакам со стороны различных террористических группировок.

Партнеры по ШОС понимают всю опрометчивость потворства бесконтрольному развитию событий, и это **создает предпосылки и предполагает необходимость консолидации усилий участников Организации в противодействии нарастающим угрозам их безопасности.**

Подводя итог сказанному в этом разделе, отметим, что на пространстве ШОС и в прилежащих регионах есть немало кризисных точек, создающих или в обозримой перспективе способных создать непосредственную угрозу безопасности участников Организации. Наиболее опасные из них — Ближний Восток, Афганистан, Пакистан, конфликтность ситуации в которых может отразиться на ряде регионов России, Китая, Индии, Ирана и Центральной Азии. Это ставит под угрозу в том числе и план Китая по строительству «Экономического пояса Шелкового пути», и планы по прокладке энергетических магистралей через ИРА, Пакистан и далее в Китай и Индию.

На фоне описанной нами ситуации не лишним будет сказать несколько слов о позиции некоторых из наиболее крупных партнеров России по ШОС и их отношении к роли ШОС по укреплению стабильности на пространстве Организации.

3. Способна ли ШОС стать организацией — надежным защитником интересов безопасности своих участников?

Китай. Ближний Восток рассматривается руководством КНР не только с точки зрения ее экономических интересов, но и как поле приложения усилий, направленных на противодействие исламскому терроризму, угрожающему стабильности как соседних с Китаем стран, так и беспокойного Синьцзяна в самой КНР. Пекин объявил о своем присоединении к борьбе против террористической организации «Исламское государство». Китайские военные корабли стали чаще появляться в водах, омывающих страны Ближнего Востока⁵.

Что касается Сирии, то Китай поддерживает суверенитет и территориальную целостность этой страны, выступает за прекращение насилия и урегулирование сирийского кризиса исключительно политико-дипломатическими средствами. При этом КНР вместе с Россией заблокировала проекты резолюций Совбеза ООН, не исключавшие применение силы в отношении официального Дамаска.

Поддержка, которую оказывал Китай России на заседаниях ООН, когда решалась судьба Сирии, и тот факт, что КНР признала наше право на возврат Крыма — все это создало иллюзию безогово-

рочного одобрения Китаем внешней политики РФ. А его антиамериканская риторика усилила это впечатление настолько, что некоторые российские политологи «записали» Китай в партнеры России по политической и (если потребуется) военной борьбе с Западом.

Конечно, к сближению с Китаем Россию подталкивают незначительность двусторонних противоречий при общности внешних угроз. Искать более тесного военного сотрудничества две страны объективно побуждают обстоятельства в лице нарастающих усилий США и Запада по сдерживанию РФ и Китая.

Нельзя сказать, что против Китая США предпринимают откровенно враждебные шаги. Однако Вашингтон старается дестабилизировать обстановку в тех странах, от которых зависит поступление в Китай сырья и которые играют ключевую роль во внешней торговле КНР. Прежде всего речь идет о Пакистане и Мьянме. Также США активно поддерживают конфликтные ситуации в регионе, например, постоянно эпатируя Северную Корею. Не менее активно США провоцируют страны, имеющие с Китаем территориальные споры (Японию, Вьетнам и Южную Корею).

Поэтому для Китая, так же, как и для РФ, необходим союзник, имеющий значительный военный потенциал. А Россия, кроме того, способна **компенсировать блокаду** Китая по другим направлениям, став как надежным поставщиком сырья, так и транспортным коридором, надежнейшим из всех возможных.

Но Китай не намерен создавать с кем-либо союзы, полагаясь на собственные силы.

Между тем проявившаяся во время предвыборной кампании Д. Трампа враждебная по отношению к КНР риторика в последнее время сходит на нет. В свою очередь Госсовет КНР во впервые опубликованной концепции внешней политики в Азии поставил на первое место в перечне дипломатических задач в АТР отношения с США⁶. Статуса наиболее важного партнера Вашингтон добился, даже несмотря на то, что он выступает резко против попыток Пекина «приватизировать» спорные территории в Южно-Китайском море и размещает в Южной Корее противоракетную систему ТНААД. А новая администрация Белого дома не скрывает своих намерений ужесточить политику в этом вопросе. Тем не менее, в стратегии Госсовета

та отмечается, что отношения с США «оставались стабильными с 2015 г. и даже в определенной степени развивались»⁷.

Отношения с Россией поставлены на второе место. РФ названа просто «крупнейшим соседом и стратегическим партнером». А Шанхайская организация сотрудничества, которая активно позиционируется Москвой как площадка влияния РФ на Азиатский регион, поставлена среди региональных организаций на предпоследнее место по важности. Возможный вклад РФ в борьбу с терроризмом в Азии не отмечен вовсе. Региональная антитеррористическая структура ШОС даже не упомянута. Вероятно, Китай не верит в эффективность ШОС и пробует искать новые инструменты стабилизации в важном для себя регионе. Не случайно в документе подробно описан новый антитеррористический механизм с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана⁸.

Иран, который претендует на роль ключевого союзника России на Ближнем Востоке, сам имеет проект экспансии в Сирию и в постсоветское пространство. Сейчас Иран уже обеспечил оружием ливанскую Хезболлу настолько, что она стала сильнее многих национальных армий. Сформированные иранцами ополчения воюют в Сирии, там же действуют советники из Корпуса стражей исламской революции и иранские добровольцы. Ныне ИРИ тоже открыто воюет в Ираке против ИГИЛ на стороне шиитского правительства.

В части экономической экспансии в Сирию Иран даже опередил Россию. Пока мы даем Сирии оружие, иранцы выкупили крупное месторождение фосфатов, приобрели сеть сотовой связи. Таким образом, на западе иранский экспансионистский проект не только конкурирует с нашими интересами, но еще и выполняется за наш счет. Пока террористы в Сирии сильны, Иран нуждается в нас. Но как только они будут побеждены, Россия может столкнуться с мощнейшим **иранским саботажем** ее интересов и самого ее присутствия.

На севере иранская экспансия идет в **Центральную Азию**. Цель — превращение региона в рынок сбыта и источник ресурсов для иранской промышленности. Иран создал мощную промышленность и сильную экономику. Совершенно очевидно, что он попытается конвертировать эти экономические преимущества в геополитическое влияние.

Что касается отношения Ирана к ШОС, то следует отметить, что в последние годы его интерес к Организации обуславливается появлением новых угроз — радикального исламизма и терроризма, которые разрастаются в государствах-соседах и угрожают распространиться и на ИРИ через ее западные и восточные границы. Обеспокоенность Тегерана вызывают также сепаратизм, трансграничная преступность, наркоторговля, незаконная миграция, транспортировка оружия. В деятельности ШОС, координирующей усилия с ОДКБ, Иран усматривает реальный фактор, способствующий снижению рисков дестабилизации региона, в частности, путем умиротворения ситуации в Афганистане. В этих аспектах интересы иранской стороны по многим параметрам совпадают с интересами России и других членов ШОС⁹.

Общность подходов ИРИ и ШОС наблюдается также в противодействии росту влияния внерегиональных игроков. Вступление Ирана в ШОС будет способствовать повышению международной значимости Организации, которая объединит в своих рядах наиболее влиятельные государства региона — Россию, Китай, Индию и Иран. Это позволит оптимизировать баланс сил вокруг ШОС и выработать совместные подходы по внутрирегиональной и глобальной проблематике.

Афганистан. В настоящее время в ИРА сформирована двухполюсная политическая система, которая вначале казалась стабильной, но, как позже стало ясно, таковой все же не является. Происходит серьезная деградация этой политико-управленческой модели, существенно снизились рейтинги президента А. Гани и премьер-министра д-ра А. Абдуллы. Отсутствие эффективной модели управления, в том числе и силовыми структурами, приводит к тому, что многие боевые операции, которые осуществляют афганские силы безопасности, сопряжены с ненужными потерями.

Кстати, сегодня афганская армия размещается во всех без исключения провинциях Афганистана. Но и талибы присутствуют на 45—50 % территории страны.

Ситуацию в Афганистане усугубляет недостаточность подготовки и оснащенности афганских силовых структур, что не дает им возможности эффективно проводить операции против незаконных воо-

руженных формирований. В результате официальный Кабул оказывается не в состоянии решить задачи по стабилизации политической и социально-экономической обстановки в стране, что усиливает недоверие местного населения к центральной власти.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что проблему нестабильности в Афганистане в обозримый период решить не удастся. Можно ожидать дальнейшее обострение ситуации в ИРА вплоть до установления контроля экстремистов над целыми провинциями, сращивания террористических формирований с организованной преступностью. Это приведет к увеличению производства опиатов и объемов наркотрафика, ухудшению социально-экономического положения афганцев, росту числа безработных, оттоку граждан из страны и усилению политических позиций экстремистских организаций.

Пакистан. Не способствуют региональной стабильности и ситуация с внутривнутриполитическим противостоянием в Пакистане (между правительством Н. Шарифа и пакистанскими военными), а также конфликты на пакистано-афганской и пакистано-индийской границах. По всей видимости, Пакистан еще долгое время будет очагом нестабильности как минимум регионального масштаба, несмотря на обретенный им статус постоянного члена ШОС. Не исключено, что в этой ядерной стране возникнут враждующие между собой анклавы, ибо сепаратистские настроения среди населения и местных элит были присущи всей ее истории и никуда не делись и донныне.

Индия, которая сама сталкивается с различными проявлениями терроризма, готова включиться в борьбу с этим «злом» и на пространстве ШОС. Окончательное присоединение Индии к ШОС в качестве полноправного члена будет выгодно всем участникам. Об этом говорил в своем выступлении на Ташкентском саммите 2017 г. премьер-министр Индии Н. Моди: «Индия вне сомнения получит выгоду от потенциала ШОС в энергетике, природных ресурсах и промышленности. В свою очередь, сильная экономика Индии и ее емкий рынок могут стать драйвером экономического роста в регионе. Возможности Индии в торговле, инвестициях, информационных и коммуникационных технологиях, космической индустрии, науке, сельском хозяйстве, здравоохранении, малом и среднем предпринима-

тельстве могут обеспечить экономическую выгоду странам ШОС». Премьер Индии отметил, что партнерство «защитит наши общества от угроз со стороны радикальных идеологий ненависти, насилия и терроризма»¹⁰. Однако при всем при этом Индия поддерживает самые тесные отношения с США, и это обстоятельство Вашингтон использует в своей антикитайской стратегии.

Таким образом, обстановка на значительной части пространства ШОС остается сложной и конфликтогенной, а политика многих участников Организации довольно противоречива, если не сказать эгоистична. Все это ставит под сомнение эффективность ШОС. Вместе с тем наличие общих интересов центральноазиатских участников ШОС, а также Индии, России и Китая по стабилизации ситуации в обширном регионе, включающем Афганистан, Пакистан и Центральную Азию, потребует самой тесной координации усилий наших стран. Это становится задачей не только национальной безопасности. Ее успешное решение позволит говорить о стабилизации и Центрально-Азиатского региона, и Восточной Евразии в целом. Однако это чрезвычайно сложная задача. И здесь нам нужно развивать различные форматы диалога.

Приход к власти в США администрации Трампа сначала вселял определенную надежду на стабилизацию положения в Восточной Евразии. Но приказ нового американского президента нанести удар крылатыми ракетами по базе сирийских ВВС и требование об отставке президента Сирии Б. Асада ставят под вопрос российско-американское сотрудничество в борьбе против ИГИЛ. Сомнения по поводу успешности американо-российского взаимодействия обусловлены и растущим влиянием высокопоставленных сотрудников американской администрации, не настроенных на сотрудничество с РФ (речь идет о министре обороны Д. Мэттисе и советнике Трампа по национальной безопасности Г. Макмастере).

Особенность рукотворного хаоса в международных отношениях состоит в том, что создать его может одна страна, а вот если остановить, то тогда одного желания Трампа будет недостаточно. Специфика неурядиц на Ближнем Востоке обусловлена тем, что этот регион превратился в «поставщика» нестабильности в близлежащие регионы, включая пространство ШОС. И вполне логично, что ключевой

платформой для координации действий всех стран региона может и должна служить ШОС.

Для Организации обеспечение устойчивости региона станет одной из приоритетных задач на ближайшие годы, причем афгано-пакистанский и ближневосточный векторы сохранят ключевое значение для ее решения. В связи с этим на повестку дня выходит необходимость уточнения статуса ШОС и повышения ее дееспособности в деле обеспечения региональной безопасности. Вариант решения этой задачи изложен в одном из трудов Института Дальнего Востока РАН¹¹.

Примечания

¹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.infoshos.ru ›ru/?id=125>

² Там же.

³ *Изимов Р.Ю.* Актуальные вопросы взаимодействия в рамках ШОС. URL: <http://cc-sauran/kz/gubriki/safeti>

⁴ ИГИЛ в Афганистане: новый проект «империи добра». URL: <http://politrussia.com/world/igil-v-afganistane-890>

⁵ URL: <http://vpoanalytics.com/2017/02/06/o-nekotoryh-aspektah-politiki-kitaya-na-blizhnem-vostoke/>

⁶ URL: <http://expert.ru/2017/01/12/kitaj/>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Подробнее о взаимных интересах ИРИ и ШОС см.: *Мамедова Н.М.* Иран и ШОС // ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС) / под ред. М.Р. Аруновой. М.: ИВ РАН, 2011. С. 42—44; *Мамедова Н.М.* Иран и ШОС // Роль и место Ирана в регионе / под ред. Н.М. Мамедовой, М. Иманипура. М.: ИВ РАН, 2007. С. 69—70.

¹⁰ URL: <https://ria.ru/world/20160624/1451079060.html>

¹¹ См., напр.: *Клименко А.Ф.* Экономический пояс Шёлкового пути и проблема безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике (История и современность). Вып. XXI / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 119—137.

Е.И. Сафронова

СТРАНЫ — УЧАСТНИЦЫ ШОС В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: СПЕЦИФИКА «ПЕРЕКРЕСТНОГО» ЧЛЕНСТВА

Аннотация. В статье характеризуется текущая обстановка в «шосовском» центральноазиатском сегменте ЕАЭС: обстоятельства, ухудшающие кооперативистский климат Союза, а также факторы, благоприятствующие ему. Рассматривается вопрос о том, как особенности отношений стран-членов ЕАЭС (и одновременно ШОС) между собой и с Китаем могут повлиять на статус-кво и перспективы Шанхайской группы.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС, Россия, Китай, Кыргызстан/Киргизия, Казахстан, этапы международной экономической интеграции, конкурентные преимущества, «торговая война», социальная напряженность.

Исходные положения. Членами Евразийского экономического союза являются три государства-члена Шанхайской организации сотрудничества — Россия, Республика Казахстан (РК) и Кыргызская Республика (КР, Киргизия).

Существует мнение, что Шанхайская группа не достигла весомых экономических результатов, поскольку не ставила перед собой цели хозяйственной интеграции как таковой¹. А вот ЕАЭС, в отличие от ШОС, как раз и предназначен для реализации экономических задач, главные из которых — формирование единого интеграцион-

ного пространства, повышение его конкурентоспособности за счет ресурса коллективности, а также его роли в мировом хозяйстве.

Автор позволит себе не согласиться с таким объяснением малой экономической плодотворности ШОС: согласно ее уставным документам, Шанхайская группа тоже имеет целью наращивание экономического компонента. При сравнении двух документарных пакетов следует, что целый ряд хозяйственных задач ЕАЭС и ШОС пересекаются и даже совпадают².

Неразработанность экономической составляющей ШОС можно объяснить целым рядом причин, но стержневая из них — столкновение на центральноазиатском поле хозяйственных интересов в первую очередь России и КНР.

Во многом из-за малой хозяйственной результативности Шанхайской группы Китай (провозгласивший в 2013 г. инициативу «Нового Шелкового пути») и Россия (в 2014—2015 гг. поднявшая на щит создание ЕАЭС во многом в ответ на замысел НШП и лидерство КНР в ШОС) предприняли попытки возглавить политико-экономическую активность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР).

РФ, обладая сравнительными преимуществами в сфере поддержания безопасности, традиционно настроена на оборонное направление Шанхайской группы. А экономически состоятельный Китай с первых лет основания ШОС ратует за усиление ее хозяйственного компонента (в начале 2000-х гг. Китай впервые выдвинул идею создания зоны свободной торговли (ЗСТ) ШОС). Это настороженно воспринимается Россией и странами ЦАР, опасющимися «нависания» над их национальными хозяйствами соседствующего экономического гиганта.

ЕАЭС же воплощает стремление членов ШОС — России, Казахстана и Киргизии расширять коллективные экономические взаимосвязи без (прямого) вмешательства мощного хозяйственного конкурента. Да и РФ, вновь стремясь играть «первую скрипку» на международной арене, не может себе позволить быть рядовым «ингредиентом» чужой кооперационной инициативы.

Членство РФ, РК и Киргизии в ЕАЭС (а точнее, — противоречия между ними) способно оказать заметное воздействие на жизнь всей Шанхайской организации сотрудничества.

* * *

Формирование внутреннего климата в ЕАЭС проходит далеко не просто. Ныне обстановку осложняет проблема транзита киргизской сельскохозяйственной продукции через территорию Казахстана. Важность этой проблемы обусловлена тем, что поставка сельскохозяйственных товаров в РК и Россию является важнейшей статьёй экспорта Киргизии.

Хотя Астана, согласно правилам ЕАЭС, в ноябре 2015 г. официально сняла санитарный контроль на своих границах со странами-членами Союза, однако с 1 января 2017 г. ею было введено ограничение на доставку киргизской мясной, молочной и овощной продукции в РФ и далее на Запад. Некоторые наблюдатели назвали это состояние «торговой войной»³.

Казахстанские власти объясняют свои действия несоответствием киргизской продукции ветеринарным и санитарным нормам и предостерегают о рисках переноса опасных болезней, таких, как ящур, не только на территорию Казахстана, но и далее.

Киргизия же усматривает причину торгового противостояния в неспособности казахстанских производителей конкурировать с «более качественной и менее дорогой продукцией». Бишкек также выражает обеспокоенность затягиванием Астаной ряда процедур, в том числе по техническому регулированию двустороннего товарооборота⁴.

Далеко не все киргизские аграрно-отраслевые компании имеют право поставлять продукцию за рубеж. Неуполномоченные фирмы вынуждены реализовывать товар на месте или отправлять его в сопредельные страны контрабандным путем. В силу режима экономического союза число внутренних административных и таможенных барьеров на пути товаропотока сократилось, посему «технические» возможности для контрабанды расширились, особенно ввиду высокой коррупционности некоторой части центральноазиатской бюрократии. По официальной информации РК, в 2016 г. в РФ через Казахстан была поставлена 121 партия готовой молочной продукции, а в сам Казахстан — 939 партий, что свидетельствует об «оседании» большей части транзитных товаров на казахстанском рынке или же об их ввозе в Россию нерегистрируемыми каналами⁵.

Рост контрабанды, как известно, наносит ущерб бюджетам и экспортирующего, и импортирующего государства, ибо средства от реализации поступают в частные «карманы». Из-за «серых» торговых схем, применяемых в этом секторе центральноазиатского торгового поля, российский бюджет может недополучить примерно 340 млн долл. в год⁶.

С тем чтобы несколько сгладить недовольство Бишкека и ускорить прохождение транзитных грузов, Казахстан пошел на снижение железнодорожных тарифов на перевозку киргизской продукции, а также товаров из Китая, следующих через Киргизию. Эти тарифы сейчас почти в 3 раза ниже средних по стране⁷. Но пока суть да дело, официальный Казахстан «полудобровольно» несет существенные убытки.

Есть мнение, что хозяйственные установки Казахстана обусловлены свойствами «олигархического монополизма»⁸, характеризующего социально-экономический строй в стране. (Надо отметить, что черты «олигархического монополизма» прослеживаются не только в РК, но и у ряда его соседей: в любой стране «олигархат» не очень-то заинтересован в обеспечении широких слоев населения качественной и при этом — недорогой продукцией, полученной в результате реальной конкуренции, поскольку его первоочередная цель — сохранить и преумножить собственные доходы.) Молодой «олигархат» использует все возможности «вздутъ» цену товаров не на считанные проценты, какими, например, довольствуется зрелый западный бизнес, а на 100 % и выше. Особенно это характерно для крупных сетей ритейла по продаже продуктов питания⁹. Такая ситуация бросает вызов интересам мелкого и среднего бизнеса, в целом повышая риски социального взрыва.

Угроза социальной «вспышки» в центральноазиатском сегменте ЕАЭС/ШОС обостряется и тем, что вступление Киргизии в Союз уже привело к падению реэкспорта ею китайских товаров и ухудшению положения крупных оптовых рынков страны. Эти рынки потеряли значительную часть своей клиентуры, а ведь они кормили около 800 тыс. человек с семьями (!). По свидетельству коммерсантов, из-за вступления в ЕАЭС и сопряженного с ним повышения таможенных пошлин китайские товары подорожали в КР в 3—4 раза¹⁰.

Бишкек поднял таможенные ставки на широкий перечень поступающих из третьих стран изделий, по сути, сравнив их со ставками, принятыми в РФ и Казахстане. Результат этого — удорожание лекарств, средств гигиены, электроники, мебели, кондитерских изделий, парфюмерии, предметов роскоши и др.¹¹

Понятно, что повышение цен на потребительские товары — мера крайне непопулярная и вдвойне рискованная, если учесть, что «Киргизия «славится» непредсказуемым характером своих граждан»¹², которые к тому же заметно бедней, чем граждане поставленного в пример Казахстана.

Повышает общественное напряжение и запрет Казахстана на транзитные автоперевозки, вызвавший безработицу среди киргизских и казахстанских дальнобойщиков (а ведь дальнобойщики — люди рисковые).

Угроза социальных трений в центральноазиатском сегменте ЕАЭС может возрасти и потому, что предусмотренная режимом экономического союза свобода перемещения рабочей силы резко увеличит приток трудовых мигрантов в Казахстан (да и в Россию), согласных на небольшую, по меркам РК, заработную плату. В итоге рынок труда Казахстана претерпит серьезные изменения: работодатели предпочтут нанимать кыргызстанцев, тем более, что все граждане ЕАЭС обладают практически одинаковыми социальными правами. Данное обстоятельство облегчает положение «гастарбайтеров», но чревато массовым недовольством среди казахстанских граждан¹³.

Торговая конкуренция между членами ЕАЭС — участниками ШОС ведет к тому, что местные бюрократии предпринимая самостоятельные попытки сохранить контроль над таможенным регулированием, а главное — доступом к административной ренте¹⁴.

Так, Казахстан и Киргизия вводят собственные меры торгового регулирования. В РК наложены ограничения на перевозку товаров физическими лицами (количественное регулирование), а с учетом контрпродуктивности полного запрета автомобильных перевозок начата практика формирования автокараванов, которые идут по территории Казахстана с сопровождением от киргизской до российской границы (нетарифное ограничение) и т. д.

Статья 47 Договора о Евразийском экономическом союзе предусматривает возможность введения в одностороннем порядке мер нетарифного регулирования, но только в отношении третьих стран — нечленов Союза и с разрешения Евразийской комиссии (регулирующего органа ЕАЭС)¹⁵. Поэтому подобные действия государств-участников ущемляют принцип свободного движения товаров, диктуемый режимом таможенного союза, общего рынка и тем более — экономического союза.

Практикует односторонние меры регулирования еще один член ЕАЭС/ШОС — Россия. Казахстанские политологи сетуют, что у РК по-прежнему имеются проблемы с доступом на российский рынок из-за нетарифных ограничений, «которые смогла протолкнуть в договор (о ЕАЭС. — *Е.С.*) Россия и которые теперь защищают ее собственных производителей от конкуренции со стороны других участников интеграции»¹⁶. Например, российские санитарная и фито-санитарная службы уполномочены блокировать ввоз продукции от соседей по ЕАЭС, ссылаясь на ее нормативное несоответствие¹⁷.

Ответные российские санкции, введенные с августа 2014 г. в отношении продовольствия из ЕС, США и ряда других стран, при отсутствии аналогичных решений в Казахстане и Киргизии приводят к еще большему рассогласованию торговой политики стран-партнеров и соответственно — к ущемлению исходного принципа любого экономического союза — свободы торговли внутри интеграционного объединения¹⁸.

Прямая поставка китайских товаров в Казахстан, с устранением этапа киргизского реэкспорта, чревата снижением заинтересованности бизнеса КР в закупках китайской продукции. Таким образом, режим ЕАЭС в его центральноазиатском секторе может уже сейчас задеть торговые позиции Китая. И, видимо, это потребует урегулирования если не материального свойства, то хотя бы на уровне дипломатического этикета.

Если подобные противоречия в ЕАЭС будут сохраняться, то они «подстегнут» китайскую практику прямых двусторонних сделок вне эгиды ЕАЭС и ШОС. К тому же номенклатура коммерческих условий и регламентов, применяемых центральноазиатскими государствами-членами ШОС/ЕАЭС, традиционно разнится в зависимости

от конкретного торгового договора. Нельзя игнорировать обычай центральноазиатского сегмента ЕАЭС/ШОС включать в торговые контракты индивидуальные условия поставки/покупки, которые могут отличаться от диктуемых режимом экономического союза.

Стоит отметить, что в интересах обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, «внутрисоюзных» международных договоров, международных договоров ЕАЭС с третьими странами и решений органов Союза им учрежден Суд ЕАЭС¹⁹. Однако действенные дисциплинарные механизмы, способные побудить выполнять решения Суда, в ЕАЭС отсутствуют: решения Суда носят рекомендательный характер. Иначе, видимо, и быть не может: ЕАЭС — слишком деликатная конструкция, чтобы подвергать ее членов испытанием реальной юридической ответственностью.

В результате, разницей в практике заключения контрактов с третьими странами может нанести ущерб интересам и ЕАЭС, и ШОС, поскольку он ставит «подножку» идее интеграции как таковой.

На самом высоком уровне российская сторона акцентирует тезис, что в ЕАЭС «интеграция имеет наднациональную природу и должна оставаться над национальной или двусторонней повесткой дня»²⁰. И далее: споры между членами ЕАЭС (например, РК и Киргизией. — *Е.С.*) можно расценивать как неприемлемую попытку совершить размен «за общий счет» и «сделать интеграцию в рамках ЕАЭС заложницей двусторонних противоречий»²¹.

Думается, что особая решительность таких утверждений, при всей их юридической обоснованности, смущает центральноазиатских партнеров, весьма болезненно относящихся даже к легким намекам на ущемление их недавно обретенного суверенитета (наднациональность административных структур этого, скажем так, совсем не исключает).

ШОС, в отличие от ЕАЭС, не требует создания наднациональных регулирующих механизмов, и посему страны ЦАР наверняка чувствуют себя комфортнее в ее обстановке необязательной управляемости и юридической «неподсудности».

Имеет значение и внешний фактор, «работающий» на искусственное разобщение государств ЕАЭС/ШОС: американские дипло-

маты, численность которых в Киргизии за минувшие годы заметно возросла, активно общаются с представителями политической элиты страны, запугивая их намерениями России реализовать «имперские» и «советские» устремления и «подчинить» себе постсоветское пространство²².

Педалируется тезис и о том, что членам ЕАЭС придется поступиться суверенитетом и принимать многие решения с оглядкой на Москву. (Можно признать, что в реалиях Кыргызстана членство в Союзе способно повлиять на политические права и свободы, которые носят беспрецедентный характер в ЦАР. Соответствующие тенденции уже имеют место: в Жогорку Кенеше (парламенте КР) рассматривается аналогичный российскому законопроект «Об НПО — иностранных агентах»)²³.

Прослеживается и недовольство, в основном с казахстанской стороны, уровнем «религиозных свобод» в Киргизии, способствующим росту в КР радикальных исламистских организаций, включая запрещенные в Казахстане и России «Джамаат-и-Таблиг» и «Хизб-ут-Тахрир». Активность этих структур угрожает обустройству киргизской «ниши» в Союзе гораздо больше, нежели противоречия «по картофелю, мясу и молоку»²⁴. Она же способна самым непосредственным образом сказаться и на ШОС.

На наш взгляд, некоторые сложности в сотрудничестве возникают и из-за разночтений самого понятия «интеграция». Ныне под международной экономической интеграцией (МЭИ) понимается такая степень интернационализации производства, которая на основе развития устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами стран-партнеров ведет к сращиванию их воспроизводственных механизмов в единый хозяйственный комплекс²⁵. Экономическая интеграция обладает особыми характеристиками, которые отличают ее от других форм хозяйственного сотрудничества, в том числе от кооперации. Это не только устранение ограничений в движении факторов производства (товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов) между странами-участницами, но и сближение национальных законодательств, норм и стандартов; согласование экономической политики; совместное финансирование развития экономики и ее инновационной составляющей и др.²⁶

Но сложилось так, что на экспертном уровне и в ШОС, и в ЕАЭС до сих пор под интеграцией зачастую понимают пусть коллективную, но все же «простую» кооперацию. Двусторонние кооперационные инициативы порой преподносятся как свидетельство процесса интеграции. А ведь интеграция — не просто совместная работа по обмену, согласованию или созданию каких-либо условий и/или материальных ценностей. Это длительное и сложное явление, проходящее несколько стадий и требующее особых обязательных условий. Поэтому принимать за полноценную интеграцию кооперационные усилия не представляется верным ни с концептуальной, ни с политической, ни с практико-экономической точек зрения.

В ШОС Китай пока малоуспешно стремится учредить ЗСТ, которая являет собой первую, начальную фазу МЭИ. Режим зоны свободной торговли обуславливает облегченное перемещение товаров внутри ЗСТ при сохранении таможенных процедур между странами-участницами.

В ЕАЭС же идет работа по совершенствованию таможенного союза (ТС) (второй, более высокий этап интеграции) с элементами общего рынка (ОР) (третий этап), что подразумевает не только свободное перемещение товаров, капитала, услуг, технологий, информации, ликвидацию таможенных процедуры внутри ТС, но и свободную миграцию рабочей силы. К тому же ОР проводит единую внешнеторговую политику относительно третьих стран. А ее в ЕАЭС де-факто нет.

Но надо отметить, что официально продекларированный уровень интеграции в ЕАЭС — выше, чем в ШОС, ибо в Шанхайской группе пока не создана даже зона свободной торговли.

Формирование *наднациональных* структур по регулированию общей внешнеторговой и внутриэкономической политики (за исключением монетарной) есть черта четвертого этапа МЭИ — собственно экономического союза. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) ЕАЭС имеет статус наднационального органа управления, и ее решения обязательны для исполнения на территории стран — участниц ЕАЭС. Поэтому формально ЕАЭС экономическим союзом и называется, хотя он еще не обустроил адекватным образом интеграционные ниши ТС и ОР. И саму ЕЭК пока трудно назвать орга-

ном реального регулирования в свете продолжающихся нарушений режима ЭС со стороны государств-членов.

Высший (пятый) этап МЭИ представлен экономическим и валютным союзом, проводящим единую внешнеэкономическую и скоординированную *внешнюю* политику относительно третьих стран. История знает только один пример ЭВС — Европейский союз. Венцом же интеграционных процессов, по идее, является создание на основе ЭВС Политического союза (общая внутренняя и внешняя политика, единое гражданство), прецедентов чего пока не было²⁷. То есть полновесная политическая интеграция — это вызревшее следствие, а не предпосылка интеграции экономической.

Возможность реальной *экономической* интеграции в рамках ЕАЭС и ШОС не может быть исключена. В мировой экономической науке основополагающими предпосылками для МЭИ называются близость уровня хозяйственного развития стран-участниц, наличие единого географического ареала и традиционно сложившихся экономических связей, взаимодополняемость экономик, общность хозяйственных задач, наличие стран-лидеров интеграции и политическая воля к интегрированию, а также, что особо важно, — наличие единой модели развития²⁸.

Из этого следует, что некоторые условия для экономической интеграции и в ЕАЭС, и в ШОС существуют, однако ныне ей препятствуют разрыв в уровне развития национальных хозяйств стран-участниц; характер производства (во многом сходный у государств ЦА), а также несовпадение моделей развития и политических интересов правящих элит. У многих элит нет истинного желания интегрироваться, ибо интеграция подразумевает не только «разгерметизацию» границ и внутренних политико-экономических режимов, но и реальное делегирование ряда полномочий наднациональным административно-координационным структурам²⁹.

Неприятие наднационального управления иллюстрируется затягиванием процесса согласования нового Таможенного кодекса ЕАЭС, в частности, из-за требования Казахстана разрешить странам-участницам самостоятельно выдвигать смягченные или же более жесткие требования к оформлению ввоза товаров на соответствующих пограничных участках. Понятно, что внесение в Кодекс

подобных положений противоречило бы самой концепции интеграционного объединения³⁰, но невключение этих мер подталкивает страны-члены восстанавливать торгово-протекционистские барьеры в одностороннем порядке.

Успех интеграции обусловливается не только экономическими достижениями, но и наличием если не идеологической, то общей социо-культурной платформы. Представляется справедливым то мнение, что необходимы понятные всем идеи, символы, «способные овладеть умами, сердцами и душами представителей всех народов, населяющих постсоветское пространство. Без этого ЕАЭС рискует превратиться в очередное объединение, коих и без того много...»³¹.

Китай на государственном уровне в рамках ШОС (и не только там) продвигает подходящую идею: идею о совпадении «китайской мечты» со многими другими «национально-географическими» мечтами. (Сама терминология «мечты» не нова: вспомним «американскую мечту», описанную еще в 1931 г. Дж. Адамсом в трактате «Эпос Америки».)

Так, по словам Си Цзиньпина, в процессе реализации «китайской мечты» Китай не только будет развиваться сам, но и станет вносить вклад в развитие всего мира, создавать блага не только для своего народа, но и для народов всего мира³². В такой трактовке концепция «китайской мечты» способна работать как надматериальный фактор интеграционного движения. На реалии Шанхайской группы (как детище Китая) эта скрепа вполне органично переносится, особенно в свете тезиса о сопряжении ШОС и проекта Экономический пояс Шелкового пути, предоставляющего возможности для прогресса всех стран-участниц ЭПШП. А вот ЕАЭС подобной скрепы пока не обрел. Видимо, она не кажется членам Союза важной, а то и достижимой, тем более, что его «стержнеобразующая» страна — Россия ценит сначала геополитическую сторону постсоветской интеграции («собрание земель постсоветского пространства»)³³ и только потом — экономическую и мировоззренческую.

Так или иначе, но с духовной скрепой интеграционные дела пошли бы понятнее и более споро.

Есть и факторы, объективно благоприятствующие ЕАЭС. Очевидно, что это — географическое положение, исторически склады-

вавшиеся многоплановые связи и опыт кооперации. По признанию некоторых политиков из стран ЦАР, эти обстоятельства ставят центральноазиатских членов ЕАЭС в условия, когда ключевым рынком сбыта для них является евразийский рынок, а главным двигателем экономического роста — евразийская интеграция³⁴. И они представляют собой пока не утраченное конкурентное преимущество, которое следует активно использовать силами ЕАЭС и на его пользу.

Рано или поздно, но скептикам ЕАЭС придет осознание тех выгод, которые предоставляет режим Союза. Например, для КНР привлекательность Казахстана и Киргизии как транзитных узлов трансконтинентальной транспортировки китайских товаров ожидаемо возрастет именно в силу становления единого таможенного пространства, облегчающего доставку китайского экспорта в Россию и далее³⁵. То есть Китай от деятельности ЕАЭС и теряет, и выгадывает. Какая из этих двух тенденций окажется сильнее, зависит и от самой КНР. Если она захочет и сумеет использовать территорию ЕАЭС в интересах инициативы ЭПШП, то Союз рискует обрести сервисную функцию относительно китайского мегапроекта. Центральноазиатские члены ШОС/ЕАЭС наверняка отдадут свои предпочтения финансово-экономическому «монстру» ЭПШП, нежели ЕАЭС, положение и перспективы которого пока туманны. Если это произойдет, то России придется очень многое вложить в возврат интереса стран ЦАР к ЕАЭС. Будет ли она обладать достаточными для этого материальными ресурсами?

В последние годы Союз, не успев «расправить крылья», показал падение объемов внутренней торговли. Причины — мировой экономический кризис, непростая хозяйственная ситуация в странах-участницах и ЕАЭС/ШОС, антироссийские торговые санкции, обвал цен на нефть и девальвация рубля (из-за которой торговля внутри Союза снизилась примерно на треть³⁶), падение курса других национальных валют, продуктовая «экспансия»³⁷ российского аграрного сектора, проявляющего активность в условиях импортозамещения.

Тут возникает вопрос: если ослабление курса валют ЕАЭС к доллару так критично, то почему Союз до сих пор не отказался от столь

сильной привязки своих торгово-экономических связей к американской денежной единице? Почему не обсуждается идея введения единой расчетной единицы по принципу переводного рубля СЭВ, тем более, что Договор о ЕАЭС (ст. 64) предоставляет исходную юридическую базу? Ответ пока один — общая неготовность ЕАЭС функционировать на уровне реального, а не продекларированного экономического союза.

Еще одной причиной падения объемов «внутрисоюзной» торговли министр экономики Киргизии А. Кожошев называет спад реэкспорта китайских товаров, которые теперь следуют напрямую из Китая в Казахстан³⁸. Это заявление прямо наводит на мысль о весе и значении двусторонней киргизско-китайской торговли для товарооборота всего ЕАЭС.

Очевидно, что трудности, с которыми сталкивается ЕАЭС, в принципе «льют воду на мельницу» ШОС как более понятного для центральноазиатских стран устоявшегося субъекта кооперационного взаимодействия.

Но вероятно и отрицательное воздействие на Организацию. Так, ситуация в казахстано-киргизских торговых и транспортных отношениях, чреватая протестными настроениями в обществе, может омрачить климат всего ЕАЭС, перекинуться на отношения двух стран в рамках ШОС и составить проблему для всей Шанхайской группы: социальная напряженность, как известно, — обильная питательная среда для «трех зол». (За последние несколько лет активизация «трех зол» (международного терроризма, этнического сепаратизма и религиозного экстремизма) вновь вошла в число ключевых обеспокоенностей ШОС.)

Мультиплицирование же Казахстаном проблем в здравоохранной сфере в свете (гипотетической) угрозы проникновения тяжелых заболеваний из Киргизии на территорию всего Союза из-за ликвидации ветеринарного и санитарного контроля на границах с КР — также небезопасно. Третьи страны могут намеренно использовать предлог «некондиционности» киргизской сельхозпродукции для давления на внешнеэкономическую политику Киргизии и ЕАЭС в целом. Недоверие к продукции центральноазиатских стран ЕАЭС/ШОС не лучшим образом отразится на репутации всей Шанхайской группы.

При всем при том, ШОС не может не сотрудничать с ЕАЭС. Это объясняется не только перекрестным членством в двух структурах ряда стран, но и тем, что именно через ШОС Китай «прикасается» к коллективным интеграционным процессам на центральноазиатском поле. Поскольку в Пекине болезненно воспринимают невключенность КНР в эти процессы, то хотя бы поэтому КНР будет и далее продвигать идею создания ЗСТ «Китай—ЕАЭС».

Хозяйственные проблемы стран-членов ЕАЭС/ШОС неизбежно и ощутимо скажутся на Шанхайской группе, как только ее экономическому компоненту будет придан ощутимый «запал». Парадоксальным образом неразвитость экономического формата ШОС предохраняет ее от обретения новых проблем, заносимых извне.

На базе вышеизложенного можно сделать следующие выводы и обобщения:

1. Для нивелирования многих проблем, возникающих между центральноазиатскими странами ЕАЭС (однотипность производимой продукции и отсюда — нехватка экономической взаимодополняемости, зависимость от внешней рыночной конъюнктуры и от результативности внешней торговли и пр.), необходимо наращивание собственного производственного потенциала Союза. Это первоочередная задача ЕАЭС и то звено, за которое можно вытянуть всю цепь проблем, связанных с хозяйственным ростом этой структуры. Стяжкой и скрепой интеграционных процессов и в ЕАЭС, и в ШОС мог бы стать реальный запуск крупных коллективных инициатив, но для него необходимы и капиталовложения, и отлаженный координационный механизм, и политическая воля. И всего этого как раз и не хватает.

Пока не просматривается перспектива для заключения Союзом инвестиционных соглашений с третьими странами. С Китаем участники ЕАЭС работают на двусторонней основе. (Знаковым событием стало принятие в 2016 г. Казахстаном китайского юаня в качестве резервной валюты³⁹ и валюты инвестирования.)

Ни в двустороннем формате, ни в ШОС китайское руководство не проявляет стремления координировать с Россией его внешнеэкономические усилия в ЦАР⁴⁰. К тому же КНР вряд ли намерена масштабно вкладываться в коллективного конкурента и проекта

ЭПШП, и ШОС. Изыскание же других «третьих» источников капиталовложений в ЕАЭС видится еще более проблематичным.

2. Режим экономического союза, в том виде, который наблюдается ныне в ЕАЭС, не способен заглушить ни индивидуальные хозяйственные интересы входящих в него стран, ни их противоречия. И посему двустороннее соперничество между членами ЕАЭС/ШОС будет не просто проявляться, но, возможно, даже обостряться, например, за доступ к иностранным (китайским или западным) инвестициям или же за политическое влияние. Эта конкуренция есть и будет основным барьером на пути интеграционных процессов и в ЕАЭС, и в Шанхайской группе.

3. Разрыв в уровне экономического развития является ключевым препятствием на пути полноценной МЭИ так же, как и различие моделей социально-экономического развития. В центрально-азиатском сегменте ЕАЭС/ШОС эти модели не совпадают: Казахстан все заметнее переходит от государственного патернализма к уже упомянутому «олигархическому монополизму», а Киргизия тщится проводить курс на экономическую либерализацию. К тому же у государств с преимущественно сырьевым экспортом объективно мало стимулов для интеграционного процесса, ибо стремление извлечь прибыль в кратчайшие сроки довлеет над интересами перспективного планирования⁴¹.

4. Сохранение между странами-участницами ЕАЭС/ШОС острых противоречий экономического и политического свойства препятствует не только формированию полноценного политико-экономического интеграционного альянса государств, но и углублению «простых» кооперационных процессов. И в ЕАЭС, и в рамках ШОС сохраняется ряд противоречий, не допускающих возможность превращения этих формирований в элементы антизападного фронта с едиными внешнеполитическими приоритетами и экономическими устремлениями, не говоря уж об идеологии. Центральноазиатские страны-члены ШОС/ЕАЭС активно идут на экономическое (и не только) взаимодействие с Западом. И поскольку уровень противостояния США и КНР⁴², США и центральноазиатских стран значительно ниже, чем уровень противостояния Соединенных Штатов и РФ, то явный конфликт ШОС и даже ЕАЭС с Запа-

дом маловероятен. Похоже, что в реальном оппонировании мировому диктату США России придется опираться в основном на собственные силы.

Примечания

¹ *Ткаченко А.А.* Интеграционные начала ЕАЭС: проблемы миграции // *Власть*. 2015. № 11. С. 14.

² Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://infoshos.ru/?id=33> и Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203268&fld=134&dst=100053,0&rnd=0.005129628277986409>. См. также: О расширении, свободной торговле и юбилее ШОС. Как за эти годы изменился образ ШОС. URL: <https://kapital.kz/economic/55125/o-rasshirenii-svobodnoj-torgovle-i-yubilee-shos.html>

³ *Балмасов С.* Казахстан и Киргизия: «торговая война» или конфликт частных интересов? URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-05-27--kazahstan-i-kirgizija-torgovaja-vojna-ili-konflikt-chastnyh-interesov-23761>

⁴ *Торбаева М.* Как Казахстан и Киргизия в рамках ЕАЭС спорят из-за молока и мяса. URL: <http://www.dw.com/ru/как-казахстан-и-киргизия-в-рамках-еаэс-спорят-из-за-молока-и-мяса/a-37159300>; *Балмасов С.* Указ. соч.

⁵ *Торбаева М.* Указ. соч.

⁶ *Зуенко И.* Евразийская брешь: кто выиграл от вступления Киргизии в ЕАЭС. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64998>

⁷ URL: <http://www.dw.com/ru/как-казахстан-и-киргизия-в-рамках-еаэс-спорят-из-за-молока-и-мяса/a-37159300>.

⁸ Там же.

⁹ *Торбаева М.* Указ. соч.; *Балмасов С.* Указ. соч.

¹⁰ *Джумакадыров С.* Кыргызстан в ЕАЭС. Первая жертва — торговля. URL: <http://rus.azattyk.org/a/27473262.html>; *Кенжеева А.* Год членства Киргизии в ЕАЭС: как перестраивается рынок. URL: <http://www.dw.com/ru/год-членства-киргизии-в-еаэс-как-перестраивается-рынок/a-19496841>

¹¹ *Иванов А.* Кыргызстан теперь в ЕАЭС, и этим довольны не все. URL: <https://informburo.kz/stati/kirgiziya-v-eaes-dovolny-daleko-ne-vse-10355.html>

¹² Там же.

¹³ URL: <https://informburo.kz/stati/kirgiziya-v-eaes-dovolny-daleko-ne-vse-10355.html>

¹⁴ Зуенко И. Указ. соч.

¹⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе...

¹⁶ Цит. по: *Петровская Г.* Кто ставит барьеры на пути к интеграции в ЕАЭС. URL: <http://www.dw.com/ru/кто-ставит-барьеры-на-пути-к-интеграции-в-еаэс/a-19309983>

¹⁷ Там же.

¹⁸ URL: <http://www.dw.com/ru/кто-ставит-барьеры-на-пути-к-интеграции-в-еаэс/a-19309983>

¹⁹ URL: <http://www.armenianlaw.com/deyatelnost-i-kompetenciya-eaes>

²⁰ Медведев назвал шантажом увязку евразийской интеграции с двусторонними проблемами. URL: <http://tass.ru/politika/4076123> URL: <http://tass.ru/politika/4076123>

²¹ Там же.

²² *Балмасов С.* Указ. соч.

²³ *Иванов А.* Указ. соч.

²⁴ *Балмасов С.* Указ. соч.

²⁵ См.: *Международная экономическая интеграция* / под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Экономика, 2006. С. 10; *Мировая экономика и международные экономические отношения* / под ред. А.С. Булатова, Н.Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2008. С. 51.

²⁶ *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 136—137.

²⁷ См.: *Фроленков В.С.* Указ. соч. С.137—138.

²⁸ Там же. С.138—139.

²⁹ Там же. С.139.

³⁰ URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64998>

³¹ *Петрушков М.* URL: <http://www.ritmearasia.org/news--2017-03-28--tadzhikistan-i-eaes-byli-i-nebylicy-29215>

³² Официальный сайт Посольства КНР в России. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgm/t1077799.htm>

³³ *Зуенко И.* Указ. соч.; *Петровская Г.* Указ. соч.

³⁴ См.: *Панкратов О.* (вице-премьер КР). URL: <http://www.ritmearasia.org/news--2017-02-27--kirgizskij-pljus-ili-evrazijskij-minus-28643>

³⁵ *Зуенко И.* Указ. соч.

³⁶ *Самедова Е.* Развитию ЕАЭС мешают санкции, девальвация рубля и проблемы стран-членов. URL: <http://www.dw.com/ru/развитию-еаэс-мешают-санкции-девальвация-рубля-и-проблемы-стран-членов/a-36361929>

³⁷ URL: <https://informburo.kz/stati/kirgiziya-v-eaes-dovolny-daleko-ne-vse-10355.html>

³⁸ URL: <http://rus.azattyk.org/a/27473262.html>

³⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0115/c31518-9167135.html>

⁴⁰ URL: http://www.region.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=571:2012-07-30-04-55-52&catid=4:politika&Itemid=5

⁴¹ *Фроленков В.С.* Указ. соч. С.139.

⁴² См.: *Сивицкий А.* ШОС, БРИКС и ЕАЭС: большое сопряжение?// Звезда (Минск). 21.07.2015. URL: <http://zvezda.by/ru/news/20150721/1437428626-shos-briks-i-eaes-bolshoe-sopryazhenie>; *Иванов Андрей.* Россия и Китай строят новый миропорядок. Какие перспективы открывают интеграционные проекты в Евразии. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151355/>

Л.Е. Васильев

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ КИТАЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния межгосударственных отношений Китая с государствами Азии, с которыми у него имеются взаимные территориальные претензии. В статье представлена суть территориальных противоречий, проанализированы способы их решения в настоящее время, а также сделан прогноз разрешения ситуации в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Индия, государства АСЕАН, региональная безопасность, межгосударственные отношения в Азии, территориальные конфликты.

В середине прошлого века Китай имел территориальные споры практически со всеми своими соседями: СССР, Японией, Пакистаном, Индией, государствами Центральной и Юго-Восточной Азии и др. Это было обусловлено тем, что находящееся тогда у власти китайское руководство предъявляло претензии на всю бывшую территорию империи Цин (1644—1912 гг.), частью которой была и территория современного Китая. Империя существовала в течение почти трех веков, составив территориальную базу для современного китайского государства. При этом, так называемые утраченные территории (ранее декларируемые как территории империи, но в настоящее время не принадлежащие Китаю) составляют 10 млн кв. км, тогда как современная территория страны — 9,6 млн кв. км.

Следует также отметить, что территориальные претензии к соседним государствам китайским руководством предъявлялись не только умозрительно или на дипломатическом уровне, но и в некоторых случаях с использованием пограничных войск и армии. К таким вооруженным конфликтам на границах можно отнести китайско-индийские пограничные конфликты 1962 и 1967 гг., китайско-советский пограничный конфликт на о. Даманский, китайско-вьетнамскую войну 1979 года, инциденты у японских островов архипелага Сенкаку (китайское название — Дяоюйдао), а также некоторые столкновения в Южно-Китайском море.

В начале наступившего века принципы внешней политики Китая в аспекте территориальных споров с соседними государствами претерпели существенные изменения. Эти проблемы в основном стали решаться за столом переговоров путем взаимных уступок и компромиссов. Так, были урегулированы *все (!)* территориальные споры с центральноазиатскими государствами и Россией, достигнуты серьезные подвижки в урегулировании взаимных территориальных претензий в отношениях с Индией.

Интересен тот факт, что, например, в ходе переговоров о границе с тремя центральноазиатскими государствами — Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном — Китай проявил значительную уступчивость и, в конце концов, мирно урегулировал пограничную проблему. Такая тактика помогла КНР завоевать доверие правительств центральноазиатских государств и заложила основы для будущего ширококомасштабного торгово-экономического взаимодействия. Фактически, если бы в самом начале эти уступки не были сделаны, то Китаю вряд ли удалось войти на нефтегазовый, телекоммуникационный и другие рынки Центральной Азии, затрагивающие его интересы в сфере стратегической безопасности.

Однако далеко не со всеми соседними государствами территориальные споры Китая получили удовлетворяющее обе стороны решение; более того: в ряде случаев решение не было найдено вовсе. Именно эти территориальные споры при определенных условиях, а также при активном участии заинтересованных в их устранении (или сохранении) третьих сторон могут сыграть роль «мины замедленного действия» или мощного катализатора обострения си-

туации в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. К таким конфликтогенным «пунктам» территориальной проблемы Китая, где обстановка может резко обостриться, следует отнести Южно-Китайское море, архипелаг Сенкаку, а также пограничные с Индией районы.

1. Территориальные конфликты в Южно-Китайском море

Самым крупным нерешенным конфликтом в Юго-Восточной Азии является спор вокруг *островов Спратли*, на которые претендуют сразу шесть сторон — Бруней, Вьетнам, Китай, Малайзия, Филиппины и Тайвань. Причем Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины входят в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии — АСЕАН. Архипелаг Спратли включает свыше 100 мелких островов, рифов и атоллов, разбросанных в огромном эллипсоидном районе юго-западной части Южно-Китайского моря (далее — ЮКМ), который имеет протяженность с юго-запада на северо-восток свыше 1000 км. Центр района лежит в 400 км от островов Палаван и Калимантан, в 500 км от побережья Вьетнама и в 1000 км от китайского острова Хайнань.

Значимость архипелага заключается в том, что в его акватории предполагается наличие серьезных запасов энергоресурсов, хотя данные специалистов здесь серьезно разнятся. Согласно оценкам Администрации по энергетической информации США, в Южно-Китайском море залегают приблизительно 11 млрд баррелей нефти и 190 трлн куб. м природного газа. А Геологическая служба США дает иные цифры: 22 млрд баррелей нефти и 290 трлн куб. м природного газа. Оценки китайской компании *Chinese National Offshore Oil Company* значительно более оптимистичны: 125 млрд баррелей нефти и 500 трлн куб. м газа¹.

Однако, как считают некоторые эксперты, истинное значение ЮКМ связано с его ролью как главной артерии мировой торговли, через которую проходит основной объем импорта энергоносителей азиатских экономик и большая часть их экспортного грузопотока в

Европу. Общий товаропоток через Южно-Китайское море составляет 5,3 трлн долл. в год.

Акватория Южно-Китайского моря весьма важна для обеспечения быстрого перемещения военных флотов между Индийским и Тихим океанами. Военное преобладание любой державы в этом регионе будет иметь глобальные последствия. Контролировать регион — значит контролировать морские и воздушные пути ЮКМ. Архипелаг Спратли может использоваться для строительства баз в целях охраны морских коммуникаций как пункт наблюдения за действиями подводных лодок и/или в качестве исходной точки для выброски десантов, а также для наземных атак.

Кроме того, район островов — это, по сути, единственный морской путь для КНР, позволяющий доставлять ее товары в Европу, Африку и на Ближний Восток. Контроль над этой территорией дает возможность регулировать львиную долю китайских морских грузоперевозок. Таким образом, вопрос здесь заключается не в какой-то гипотетической экспансии Китая, а в интересах его национальной безопасности.

В своей борьбе за острова КНР и претендующие на них страны АСЕАН (прежде всего — Вьетнам и Филиппины) стремятся, во-первых, занять удобные точки для потенциального развертывания объектов инфраструктуры, во-вторых — получить право на окружающие их 12-мильные территориальные воды и на 200-мильную исключительную экономическую зону². Идеология решения проблемы была предложена китайской стороной, в частности — в докладе председателя КНР Си Цзиньпина в мае 2014 г. в Шанхае на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Она подразумевает решение любых азиатских проблем внутри самой Азии, а западное влияние при их решении должно быть ограничено. Другими словами, как было заявлено, «все азиатские дела и проблемы безопасности должны решаться самими азиатами»³.

В позиции государств АСЕАН в решении спора вокруг островов Спратли следует отметить ряд обстоятельств. Так, стало очевидно, что взгляды основных акторов (Филиппин, Вьетнама и Малайзии) на ключевые условия урегулирования конфликта кардинально разнятся. Более того, можно с уверенностью сказать, что национальные

приоритеты некоторых государств Ассоциации перевесили коллективные «асеановские» интересы. Это не позволяет АСЕАН составить единый фронт в дискуссии с КНР по проблемам ЮКМ, который мог бы стать залогом их общего успеха. Наглядной иллюстрацией сложившегося положения является то, что министры иностранных дел стран Ассоциации так и не выпустили совместное заявление по итогам их 45-й встречи в июле 2012 г. (хотя им и удалось предварительно согласовать позиции по предлагаемому Кодексу поведения в ЮКМ). Причиной этой неудачи стало несогласие Камбоджи, председательствующей в АСЕАН в 2012 г., с позицией Вьетнама и Филиппин по характеристике ситуации в ЮКМ⁴.

Кроме того, используя трудности в выработке единой точки зрения государств АСЕАН по ЮКМ, Китай постепенно ужесточает свою позицию в деле отстаивания его интересов, а также все чаще прибегает к экономическому и даже военному давлению на отдельные государства региона. Так, после обострения отношений с Филиппинами из-за рифа Скарборо весной-летом 2012 г.⁵ Китай приостановил импорт филиппинских фруктов, а китайские туроператоры отменили несколько авиарейсов на Филиппины. И летом 2012 г. Китайская национальная морская нефтяная компания пригласила иностранный бизнес участвовать в разработке ресурсов, находящихся в зоне территориальных притязаний КНР к СРВ⁶. К этому предложению проявили интерес нефтяные компании Таиланда и Малайзии. Подобные действия КНР еще больше разобщают действия Ассоциации в решении указанного вопроса.

В настоящее время Китай на архипелаге Спратли контролирует более 20 небольших островов и рифов. На 6 из них размещены военные гарнизоны до 1 тыс. человек. Имеются казармы и склады, установлены РЛС и зенитные батареи, сооружены причалы. Постоянно здесь патрулируют от 3 до 20 боевых кораблей, катеров ВМС КНР.

Член АСЕАН — Филиппины претендует на 53 острова, атолла и рифа у берегов провинции Палаван. На восьми островах размещены филиппинские войска численностью до 2,5 тыс. солдат и офицеров, на одном имеется взлетно-посадочная полоса.

Другой главный претендент на архипелаг Спратли и Парасельские острова — Вьетнам. Он контролирует в настоящее время

21 остров и 1 риф. На 20 из них размещены армейские части общей численностью до 1 тыс. человек. На 7 островах построены огневые доты, причалы для катеров, вертолетные площадки.

Тайбэй с 1947 г. содержит на самом крупном острове архипелага — Иту-Аба — военную базу с гарнизоном около 500 человек, при этом последние 20 лет он не проявляет какой-либо активности в расширении сферы контроля в этом районе.

Малайзия подчинила себе остров Сенглу и 8 рифов. На острове имеется станции обнаружения и оповещения. Деятельность этих объектов обеспечивает около ста человек.

Бруней также претендует на остров Луиза, но он не в состоянии разместить там воинский контингент, так как остров периодически затопляется водой⁷.

Арбитражный суд в Гааге 12 июля 2016 г. вынес вердикт по иску Филиппин против Китая, признав Манилу, а с ней и трех других соперников Пекина по территориальным спорам в Южно-Китайском море правыми практически по всем пунктам. Суд счел незаконными территориальные претензии КНР на архипелаг Спратли. В решениях суда говорится, что Китай не имеет права вести там рыболовство, добывать полезные ископаемые, осуществлять хозяйственную деятельность, поскольку ни один из этих островов и рифов не является его эксклюзивной экономической зоной.

Как утверждают эксперты, арбитраж признал, что Китай фактически нарушает один из главных и наиболее древних международных принципов — принцип свободы морей. Официальное мнение КНР состоит в том, что ее суверенитет над островами архипелагов Спратли, Парасельских и Пратас, а также всеми остальными «объектами» ЮКМ неоспорим и подтверждается двухтысячелетней документированной историей их освоения китайскими моряками. Однако следует учитывать, что в 1982 г. Китай участвовал в разработке и ратифицировал Конвенцию по морскому праву, в которой страны отказались от всех «исторических» прав на моря и территории, за исключением бухт и прибрежных районов. Именно на это указал Гаагский суд, сочтя все требования Китая незаконными⁸.

Руководство КНР не признало решение суда и не собирается его исполнять. Более того, как указывают власти Китая, Филиппины,

обратившись в Гаагский суд в 2013 г., нарушили положения Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 г., предписывавшей решать все споры без привлечения внерегиональных акторов.

Следует заметить, что в разрешении конфликтов в Южно-Китайском море существенное значение имеет и позиция США, политика которых в регионе стала обретать с конца 2011 г. новые нюансы⁹. Суть новой политики была изложена в статье бывшей в то время государственным секретарем США Х. Клинтон — «Тихоокеанское столетие Америки». Изменения политики США вызваны, прежде всего, возрастанием экономической мощи Китая и его стремлением использовать свои новые возможности, во-первых, для увеличения его военного потенциала, а, во-вторых — для более эффективного продвижения своих интересов в различных регионах мира.

Суть новой политики США в отношении АТР в целом и ЮКМ в частности состоит в следующем:

- не допустить установления гегемонии КНР в регионе;
- жестко контролировать обстановку в Южно-Китайском море и быстро принимать соответствующие меры в случае ее обострения;
- обеспечить с максимально степенью возможности переориентирование государств АСЕАН на США.

При этом США заявляют, что поддержат своих прямых союзников в регионе для недопущения экспансии Китая в ЮКМ. Америка планирует направить подразделения военного флота и авиации к островам Спратли, чтобы помешать Китаю захватить спорные территории. Об этом говорится в ежегодном докладе Министерства обороны США, посвященном развитию военной сферы и безопасности: «В 2014 г. Китай осуществил большой объем работ по восстановлению земель в районе пяти своих укреплений в архипелаге Спратли. По состоянию на конец декабря 2014 г. Китай образовал около 2 кв. км земли в рамках этих усилий. По завершении этих работ здесь могут быть размещены порты, системы коммуникаций и слежения, материально-технические базы и, по крайней мере, 1 аэродром», — говорится в документе¹⁰.

«КНР активно строит острова, завозя песок на коралловые рифы. На текущий момент китайцы уже создали около 4 кв. км суши. Такие действия нельзя охарактеризовать иначе, как провокационные по отношению к другим государствам региона», — заявил в апреле 2015 г. командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Г. Харрис¹¹. Видимо, в связи с этим США послали в акваторию ЮКМ свой разведывательный самолет *Boeing Poseidon*, вошедший и в 12-мильную зону китайской территории во второй половине мая 2015 г. Кроме того, патрулирование в этой зоне в октябре 2015 г. совершил американский ракетный эсминец *Lassen*.

Помимо этого, министр обороны США Э. Картер заявил, что «Соединенные Штаты продолжают направлять свои корабли и самолеты туда, где это разрешено международным правом, и Южно-Китайское море не станет исключением. Мы это сделаем там и тогда, когда сочтем необходимым»¹². На практике это означает, что ВМС США уже несколько раз осуществляли так называемые операции по обеспечению свободы навигации, проводя свои боевые корабли вблизи занятых Китаем спорных островов, несмотря на протесты Пекина. Следует учитывать также, что в Азиатско-Тихоокеанский регион переброшено 60 % всех ВМС США, а именно — 200 кораблей, 77 подводных лодок, 1,2 тыс. самолетов и вертолетов.

Сейчас у Китая имеется 79 боевых кораблей и 64 подводные лодки. Однако следует учитывать, что КНР быстро сокращает свое отставание. Так, с 2000 по 2014 г. количество ее современных субмарин в зоне ЮКМ выросло с 7 до 45. Кроме того, в Белой книге Народно-освободительной армии Китая за 2015 г. значится, что в скором времени флот страны перейдет от «защиты прибрежных зон» к «действиям в открытых морях»¹³.

В настоящее время представители властей Китая продолжают придерживаться выбранной ранее в отношении решений Гаагского суда тактики: «не принимать, не признавать и не исполнять». Некоторые из них заявляют, что Пекину и Вашингтону необходимо постараться избежать просчетов, уменьшить конфронтацию и урегулировать механизмы кризисного контроля. США должны проявлять сдержанность, избегать использования незаконных судебных решений для оказания давления на Китай, а также объединения с Япони-

ей и другими странами для совместных операций, направленных против Китая¹⁴.

Вторым по значимости конфликтом в Юго-Восточной Азии является спор между Вьетнамом и Китаем о принадлежности *Парасельских островов*, которые находятся на одинаковом расстоянии от территории Вьетнама и китайского острова Хайнань. В 1974 г., после того как войска США были выведены из Вьетнама, Китай захватил эти острова и удерживает их до сих пор, хотя до этих событий острова принадлежали Южному Вьетнаму, который впоследствии был объединен с Северным Вьетнамом в единое государство.

В настоящее время проблема Парасельских островов далека от своего разрешения. Китай 2 мая 2014 г. установил 136-метровую буровую платформу HD-981 государственной нефтяной компании СНООС в исключительной экономической зоне Вьетнама на расстоянии около 220 км от береговой линии СРВ. А 5 мая того же года китайской стороной было заявлено, что КНР начинает добычу нефти и газа в этой зоне. Охрану платформы HD-981 должны были обеспечить китайские корабли, чтобы не допустить в зону бурения иностранные судна ближе, чем на 4,8 км¹⁵. МИД СРВ сразу выступил с официальным протестом, заявив, что место установки китайской буровой платформы находится в исключительной экономической зоне Вьетнама. Руководство вьетнамской государственной нефтегазовой корпорации «Петровьетнам» потребовало «прекратить незаконные действия и убрать китайскую буровую платформу из вод Вьетнама». На что МИД КНР заявил, что «бурение происходит в китайских водах»¹⁶.

Интересно, что во время визита в КНР с 7 по 10 апреля 2015 г. генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг и председатель КНР Си Цзиньпин на официальном уровне договорились о сохранении статус-кво в ЮКМ и совместном поиске приемлемых для двух сторон мер для разрешения территориального спора¹⁷. Таким образом, хотя и маловероятно, что стороны в ближайшей перспективе попробуют разрешить конфликт силовыми методами, однако такое развитие событий не исключено. Кроме того, данный конфликт может быть использован третьей стороной в своих интересах.

Следует учитывать и следующее: после событий 1988 г., когда произошли прямые столкновения между ВМС Китая и Вьетнама в ЮКМ и когда Россия фактически не оказала Вьетнаму ни моральной, ни тем более военной поддержки, последний начал проводить политику диверсификации отношений, что в итоге привело к серьезному сужению отношений с РФ в пользу США и стран Запада. Например, даже место российских нефтегазовых компаний, успешно работающих совместно с вьетнамцами, в СРВ стало подвергаться сомнению. Так, новый контракт на разработку нефтеносных месторождений как раз на островах Спратли Ханой подписал с *British Petroleum*, хотя на него изначально претендовали российские компании¹⁸.

Более того, за последние 25 лет во Вьетнаме сложилось серьезное проамериканское лобби, состоящее, с одной стороны, из чиновников и предпринимателей, связанных с США, с другой — из простых вьетнамцев, получающих помощь от своих родственников в Америке и Австралии. Таким образом, Вьетнам в вопросе разрешения территориальных споров с Китаем может получить серьезную поддержку со стороны США и их союзников, что может серьезно повлиять на обстановку в регионе.

2. Конфликт вокруг архипелага Сенкаку (Дяюйдао)

Суть конфликта такова: после завоевания Японией в 1895 г. острова Тайвань архипелаг, который раньше принадлежал Китаю, был включен в состав Японии. В 1945 г. Япония потеряла все территории, приобретенные ею с конца XIX в. Сенкаку (Дяюйдао) вместе с Окинавой оказались под юрисдикцией США. Но в начале 1970-х гг. США вернули Окинаву Японии, отдав ей и Сенкаку.

КНР с этим решением не согласна, и в 1992 г. она объявила эту территорию «исконно китайской». Интерес к архипелагу усилился после того, как в 1999 г. здесь были обнаружены значительные запасы природного газа, оцениваемые приблизительно в 200 млрд куб. м. В 2003 г. китайцы установили морскую платформу у морской границы с японскими водами и начали бурение. Японская сторона выра-

зила обеспокоенность тем, что КНР может начать добычу газа из залежей, простирающихся под японской территорией. В октябре 2004 г. состоялся 1-й раунд консультаций по проблеме газового месторождения на Сенкаку, в ходе которого стороны договорились решать все вопросы исключительно путем переговоров, не прибегая к использованию силы¹⁹.

Однако в сентябре 2012 г. территориальный конфликт между Китаем и Японией обострился. Токио объявил о процедуре национализации островов через их приобретение у частных владельцев. Этот факт вызвал резкий протест Китая, по всей стране прошла волна антияпонских демонстраций. С тех пор КНР регулярно отправляет к спорным территориям патрульные корабли, вызывая тем самым негодование Японии.

Понятно, почему еще в начале 2013 г. Токио объявил о намерении создать специальное подразделение с целью охраны данных островов в составе нескольких сотен офицеров, а также более десяти патрульных катеров²⁰.

Таким образом, в настоящее время руководство КНР обвиняет Японию в «краже» островов Дяоюйдао, а власти Японии заявляют в ответ, что острова Сенкаку — это исконные японские земли как с исторической точки зрения, так и с точки зрения международного права. При этом обе страны резко увеличили расходы на оборону. Однако, как отмечают многие аналитики, хотя ВМС Китая за последнее десятилетие провели масштабную программу модернизации, они совершенно не готовы напрямую соперничать с японским флотом, а уж тем более с союзником Японии по договору — с Соединенными Штатами²¹.

Конфликт отрицательно сказывается на экономических отношениях между двумя государствами. Следует учитывать, что Китай, как и Япония — страны, ориентированные на внешний рынок. Поэтому ни Токио, ни Пекин, скорее всего, не рискнут поставить на карту свое экономическое благополучие, во многом зависящее от двустороннего экономического сотрудничества. Поэтому, на наш взгляд, проблема с островами Сенкаку (Дяоюйдао) будет решаться еще долгое время, причем «без резких движений» с обеих сторон.

3. Территориальные конфликты между Китаем и Индией

На северо-восточном участке индийско-китайской границы расположена большая часть территорий, вопрос о принадлежности которых до сих пор сторонами не урегулирован. Позиция Индии в этом вопросе не отходит от тех решений, которые были приняты на англо-тибето-китайской конференции в Симле в 1913—1914 гг., когда в соответствии с предложениями Англии восточный участок границы Индии и Тибета устанавливался по так называемой линии Макмагона. В настоящее время Тибет является китайской территорией, и Пекин заявляет о нелегитимности конференции и о непризнании «линии Макмагона» в качестве государственной границы КНР на индийском участке.

Нынешняя ситуация на китайско-индийской границе объясняется тем, что в течение многих столетий этот слабозаселенный горный район служил своего рода буферной зоной между государствами. В настоящее время яблоком раздора стали две территории. Первая — Аксай Чин в западном секторе границы. Этот практически непригодный для жизни регион общей площадью около 38 тыс. км² расположен на высоте 4,5—7 тыс. м над уровнем моря и представляет собой цепь ледников посреди необитаемой соляной пустыни. Вторая — Аруначал Прадеш в восточном секторе границы, штат на северо-востоке Индии площадью около 84 тыс. км² с населением 1,4 млн человек, пересеченный цепью Гималаев и покрытый густыми лесами. Западный участок находится под фактическим управлением Китая, однако Индия оспаривает это, утверждая, что Аксай Чин — часть индийского Ладакха, дистрикта штата Джамму и Кашмир. Восточный участок, наоборот, управляется Индией, но на него претендует Китай. Причем, несмотря на полную бесперспективность Аксай Чина в хозяйственном отношении, для Китая этот район чрезвычайно важен с военной точки зрения: по нему проходит шоссе, связывающее Синьцзян-Уйгурский автономный район с Тибетом²².

Нужно учитывать также, что оба государства долгое время испытывают взаимные опасения стратегического характера. Индия недовольна тесными связями Китая с Пакистаном, а также ростом ки-

тайского влияния на других ее соседей. Со своей стороны КНР с большой настороженностью относится к развитию стратегического партнерства между Индией, США и Японией, которое Пекин считает угрозой для Китая. Кроме того, остроту этому территориальному спору придает наличие у обеих стран ядерного арсенала.

Тем не менее, в апреле 2005 г. во время визита премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Индию по итогам его переговоров с индийским премьер-министром Манмоханом Сингхом сторонами было объявлено об установлении между ними «стратегического партнерства». С целью скорейшего решения проблем Индия и Китай выразили готовность пойти на пересмотр своих позиций, и в качестве первой уступки КНР впервые признала частью Индии Сикким, присоединенный к Индии в 1975 г.

Однако, несмотря на попытки урегулировать конфликт, вооруженные столкновения на линии фактического контроля, которая разделила противостоящие стороны после пограничной войны 1962 г., не прекращались. Последний значимый конфликт произошел в апреле 2013 г., когда взвод китайских солдат нарушил линию контроля и около месяца стоял лагерем на индийской территории. Этот инцидент подтолкнул стороны к подписанию в октябре 2013 г. Соглашения о военном сотрудничестве на границе. Документ заложил принципиально новый механизм урегулирования приграничных конфликтов: теперь их разрешение возлагалось на генералов, а не на высшее политическое руководство двух стран²³.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что по большинству мировых проблем Китай и Индия выступают единым фронтом. Пекин и Дели имеют общее видение многополярного мироустройства, добиваются пересмотра существующей системы международных финансовых институтов, выдвигают схожие требования на многосторонних переговорах в рамках ВТО. В целом их позиции совпадают и по вопросам борьбы с климатическими изменениями, обеспечения энергетической безопасности, приоритизации норм международного права, а также по многим другим глобальным проблемам. Поэтому ныне они во многом выступают в роли естественных союзников, заинтересованных в пересмотре существующего международного порядка²⁴.

Вместе с тем нельзя исключать, что, несмотря на общие стратегические задачи, на границе между двумя странами в любой момент может вспыхнуть вооруженный конфликт. Правда, вероятность его эскалации до полномасштабной войны не так уж велика: руководители Индии и Китая понимают, что это перечеркнет экономические достижения последних лет и нанесет ощутимый вред каждой из сторон.

Примечания

¹ Зачем Китая спорные территории. URL: <http://www.vestifinance.ru/> (дата обращения: 26.11.2014).

² *Кашин В.* Диалог Шангри-Ла и проблема Южно-Китайского моря. URL: <http://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 08.06.2015).

³ Цит. по: *Кокарев К.* О некоторых подходах Китая к вопросам безопасности в Азии. URL: <https://riss.ru/> (дата обращения: 25.05.2016).

⁴ АСЕАН и Кодекс поведения сторон в ЮКМ. URL: <http://irsolo.ru/> (дата обращения: 11.01.2013). ⁵ URL: <http://lenta.ru/> (дата обращения: 11.04.2012).

⁶ АСЕАН и кодекс поведения...

⁷ Территориальные проблемы в АТР. URL: <http://atrinfo.ru/>

⁸ *Коростиков М.* Китай с претензией. URL: <http://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 18.07.2016).

⁹ См.: *Меняющийся Китай в меняющемся мире (Круглый стол в ПДВ) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 53—78.*

¹⁰ Цит. по: *Леонтьева Н.* Переполюс в Южно-Китайском море: на грани серьезной войны? URL: <http://www.notum.info/> (дата обращения: 27.05.2015).

¹¹ Цит. по: *Михайлов С.* Китай расширяет границы // Сайт «Газета.ру». 23.04.2015.

¹² Цит. по: *Басаев С.* Последнее китайское предупреждение № ... URL: <http://asiarussia.ru/> (дата обращения: 27.10.2015).

¹³ Там же.

¹⁴ Сайт «Жэньминь жибао». 12.10.2016.

¹⁵ РИА Новости. 05.05.2014.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Михайлов С.* Указ. соч.

¹⁸ Пентагон готов вмешаться в конфликт между Китаем и Вьетнамом. URL: <http://interpolit.ru/> (дата обращения: 14.05.2015).

¹⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

²⁰ *Василенков С.* Япония нашла «свою землю» и в Китае. URL: <http://www.pravda.ru/> (дата обращения: 30.05.2013).

²¹ *Чувакин О.* Между Китаем и Японией назревает конфликт. URL: <http://www.geopolitics.ru/> (дата обращения: 13.03.2013).

²² *Шикин В.* Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война? URL: <http://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 11.09.2014).

²³ Там же.

²⁴ См., напр.: *Меняющийся Китай в меняющемся мире... // Проблемы Дальнего Востока.* 2011. № 1. С.12.

А.К. Криворотов, А.О. Виноградов

К ИТОГАМ НОРМАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается урегулирование кризиса 2010—2016 гг. в отношениях КНР и Норвегии, возникшего после присуждения Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяобо. Взаимное доверие была восстановлено, прежде всего, путем закрытых дипломатических переговоров. При этом Норвегия подверглась серьезному давлению Китая, который с успехом устанавливает новый тип сотрудничества с зарубежными странами, не приемлющий вмешательства в его широко понятые коренные интересы.

Ключевые слова: Норвегия, КНР, дипломатический кризис, урегулирование, экономическое сотрудничество, Арктика, оценки.

В конце 2016 г. правительства КНР и Норвегии заявили о нормализации двусторонних отношений, разрешив шестилетний дипломатический кризис.

Это стало неожиданностью не только для авторов настоящей статьи, в прошлом выпуске ежегодника выражавших сомнения в скором урегулировании¹, но и для всех заинтересованных наблюдателей. Событие довольно широко комментировалось как пример формирования нового типа отношений Пекина с окружающим миром, и в частности с Западной Европой. Полагаем полезным проанализировать его подробнее как характерный «кейс», по своему символическому значению выходящий за рамки двусторонних отно-

шений, обращая внимание не столько на общеполитические интересы или официальные позиции сторон, рассмотренные в прошлой годней статье, сколько на их дипломатическую тактику (включая роль человеческого фактора).

Краткая история вопроса

Динамичное развитие китайско-норвежских отношений в одночасье прервалось в октябре 2010 г. после присуждения Нобелевской премии мира правозащитнику Лю Сяобо, приговоренному в КНР к 11 годам тюрьмы за подготовку госпереворота. Выбор лауреатов премии мира, среди которых немало диссидентов, не раз вызывал недовольство у властей соответствующих стран. Но китайское руководство едва ли впервые направило свое возмущение на Норвегию как государство, обвинив ее в пособничестве преступникам и потребовав от ее правительства официальных извинений.

Объяснения, что Норвежский нобелевский комитет — негосударственная структура, китайцы отмели, поскольку его членов назначает Стorting (парламент Норвегии). Возникла трудноразрешимая ситуация, где с обеих сторон были затронуты глубинные ценности: у КНР — национальная гордость и неприятие вмешательства во внутренние дела, у Норвегии — демократический независимый имидж и Нобелевской премии, и самой страны. Хельге Люрос, директор Центра международного и стратегического анализа близ Осло, отмечал: «Руки у нас связаны. Для норвежских политиков принести извинения было бы самоубийством — многие норвежцы по-прежнему убеждены, что он (Лю Сяобо) борется за правое дело»².

Официальные контакты двух стран были свернуты, хотя посольства сохранились. Норвегии, единственной в Западной Европе, КНР в конце 2012 г. не облегчила въездного режима. Научные и культурные связи продолжились избирательно.

Сразу после присуждения премии были заморожены переговоры о создании двусторонней зоны свободной торговли (ЗСТ), длившиеся с 2008 г. Но в целом экономические связи двух стран вполне успешно развивались по всем направлениям: поставки товаров, инве-

стиции, туризм и др. Анализируя китайскую торговую политику, норвежский ученый Бьорнар Свердруп-Тюгесон пришел к выводу, что власти КНР, озабоченные прежде всего собственным хозяйственным развитием, избегают ограничительных мер, способных ударить по ним самим. Так, КНР не свернула важного для себя сотрудничества с ФРГ после визита туда Далай-ламы в 2007 г., но год спустя жестко наказала по такому же поводу менее значимую Францию (взаимный товарооборот упал даже на фоне развернувшегося глобального кризиса). Норвегия в этом плане находится в благоприятном положении: она обладает уникальными технологиями, например, в судостроении, без которых Китаю не обойтись³.

В итоге наиболее пострадал норвежский лосось (семга) — товар, не встроенный в китайские производственные цепочки и легко замещаемый, но значимый для скандинавов как статья экспорта и часть национального имиджа. Этот эпизод торговой войны, имеющий параллели и в российско-норвежской практике, стоит описать подробнее.

Китайцы, похоже, воспользовались либерализацией рыбного экспорта из Норвегии. Раньше, чтобы пользоваться престижным брендом NORGE, поставщик обязан был зарегистрироваться в качестве официального экспортера, пройдя сложную процедуру сертификации. Однако в 2005—2011 гг. порядок был поэтапно заменен на уведомительный, что заметно облегчило выход производителей на мировой рынок, но и увеличило риск экспорта недоброкачественной продукции. Это давало китайским властям повод, поймав одного бракодела, «закрывать» импорт из целых губерний Норвегии либо, как в феврале 2015 г., втягивать остальных поставщиков в утомительный процесс сбора все новых справок и сертификатов⁴. Подобная тактика, видимо, эффективнее прямолинейных продовольственных контрсанкций России: она позволяла китайцам, не захлопывая дверь на свой рынок, постоянно держать норвежцев «на крючке», оказывая на них и экономическое, и психологическое давление.

Норвежские рыболовы научились обходить ограничения, поставляя в КНР семгу со своих шотландских, фарерских или чилийских ферм, а также наладив полулегальный реэкспорт через Вьетнам и Гонконг. Хотя «официальная» доля Норвегии на китайском рынке

лосоя за два года упала с 92 % до менее 30 %, по факту она составляла, по оценкам инсайдеров, 50—70 %⁵. Но отсутствие полноценного диалога и явная дискриминация норвежских товаров откровенно беспокоили и политическое руководство, и бизнесменов северной страны.

Власти Норвегии делали в сторону Пекина примирительные шаги: в 2013 г. поддержали придание КНР статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете; в 2014 г., несмотря на резкую критику общественности, отказались официально принять посетившего Осло Далай-ламу; вернули хранившиеся в Норвегии китайские культурные реликвии — семь колонн из старого Летнего дворца в Пекине и долго считавшийся утраченным немой фильм 1927 г. выпуска⁶.

Как сообщила 2 сентября 2014 г. ведущая деловая газета страны *Dagens Næringsliv*, левоцентристский кабинет Йенса Столтенберга, правивший с 2005 г., вел с китайцами закулисные переговоры о нормализации отношений. К 2013 г. на уровне МИД было согласовано, что Норвегия передаст непубличный документ с извинениями Пекину (по слухам, аналогично поступали Дания и Великобритания, приняв у себя Далай-ламу). Однако премьер Столтенберг в последний момент заблокировал этот вариант⁷, видимо, опасаясь утечки. А вскоре его правительство, проиграв парламентские выборы, подало в отставку.

Трудный путь к нормализации

Нынешний правоконсервативный кабинет, придя к власти в Норвегии в октябре 2013 г., отнес нормализацию связей с КНР к числу приоритетных внешнеполитических задач. Однако официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила, что Норвегия должна предпринять «конкретные шаги, создающие условия для улучшения и развития двусторонних отношений», процитировав китайскую поговорку: кто одел на тигра ошейник, тому его и снимать⁸.

Пост министра иностранных дел получил консерватор Бёрге Бренде, уже входивший в правительство в 2001—2005 гг. Одной из главных причин его прихода в МИД сразу назвали китайскую про-

блему: уйдя из политики в 2007 г., Бренде два срока отработал исполнительным директором Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе, а также сотрудничал с Китайским советом по содействию международной торговле. Он наладил хорошие связи с тогдашним премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао⁹, а с его преемником Ли Кэцяном буквально за пару недель до нового назначения встречался на завтраке в честь главы ВЭФ Клауса Шваба в китайском городе Дальянь.

Однако стоило Бренде стать министром, китайцы прервали с ним все неформальные контакты. В узком кругу он признавался, что был поражен их непримиримостью к Норвегии даже спустя три года после нобелевского инцидента. В Осло поняли, что урегулирование отношений возможно лишь при выходе на высшее руководство Китая¹⁰.

Первая встреча Б. Бренде в новом качестве с министром иностранных дел КНР Ван И состоялась в кулуарах министерского форума «Азия — Европа» (Дели, 11—12 ноября 2013 г.). Бренде предложил наладить диалог на уровне дипломатов высокого уровня; через несколько месяцев в очередной беседе в Неаполе Ван И дал положительный ответ. В результате в августе 2014 г. в Праге, в обстановке полной секретности, постоянный замминистра иностранных дел Норвегии Веггер Стрёммен встретился с одним из руководителей европейского направления МИД КНР. Но после упомянутой утечки в *Dagens Næringsliv* контакты были надолго прерваны Пекином, одновременно пригрозившим полностью запретить импорт семги за нарушение санитарных норм.

Норвежское руководство до предела сузило круг посвященных в переговоры, в полном объеме информацией владели лишь премьер, министр иностранных дел и его постоянный заместитель. Через некоторое время начались тайные консультации с тогдашним послом КНР в Норвегии Чжао Цзюнем. А когда в апреле 2016 г. в Осло прибыл новый посол Ван Минь, то уже через несколько дней Б. Бренде и В. Стрёммен приняли его на секретном завтраке в представительском особняке МИД.

Отметим, что послами КНР оба раза назначались маститые дипломаты с опытом работы в сложных «точках»: первый ранее служил

послом в Израиле, а второй шесть лет занимал пост заместителя постоянного представителя КНР при ООН. Норвежскую дипмиссию в Пекине, напротив, бесценно возглавлял Свейн Сэтер: в МИД Норвегии серьезно опасались, отозвав его, не получить агреман для нового посла.

Премьер-министр Э. Сульберг, учитывая негативный опыт своего предшественника, сразу исключила вариант секретных писем. В итоге, по замечанию норвежских аналитиков, «значительная часть дипломатических переговоров состояла, видимо, из попыток слить воедино содержимое ранее предлагавшихся публичного и секретного заявлений в одну взаимоприемлемую, пусть местами и расплывчатую, декларацию»¹¹.

Параллельно с этим официальные представители двух стран встречались «на полях» многосторонних мероприятий вроде сессии Азиатского банка инфраструктурных инвестиций или конференции «Арктические рубежи» в норвежском городе Тромсё. В Осло также призвали в помощь старших европейских союзников по НАТО: перед Си Цзиньпином за Норвегию дважды «замолвила словечко» канцлер ФРГ Ангела Меркель, поднимал эту тему с китайцами и министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус.

По общему признанию, процесс консультаций переживал и подъемы, и спады¹². Лишь спустя три года стороны достигли должного уровня взаимного доверия. Б. Бренде 19 декабря 2016 г. прибыл в Пекин, где его приняли Ван И, а затем и Ли Кэцян. Последний заявил о намерении Китая «открыть новую главу в двусторонних связях, продвигая развитие устойчивых, здоровых и стабильных отношений», подчеркнув высокую взаимодополняемость экономик двух стран¹³. По итогам визита было подписано официальное межправительственное Заявление о нормализации отношений¹⁴.

Завершением процесса стал официальный визит в Китай премьер-министра Норвегии 7—10 апреля 2017 г. — впервые за десять лет. В состав делегации входили Бёрге Бренде, министр торговли Моника Мэланд и большая группа норвежских бизнесменов. Эрну Сульберг приняли (в порядке очередности) Ли Кэцян, председатель ВСНП Чжан Дэцян и Председатель КНР Си Цзиньпин. Она также выступила на двустороннем деловом форуме (где в числе прочих

участвовал симпатизирующий Норвегии глава компании «Алибаба» Джек Ма), посетила Шанхай и Ханчжоу.

Встречи прошли в конструктивном и доброжелательном ключе. Стороны выразили удовлетворение нормализацией отношений, обсудили их перспективы и широкий круг международных проблем. Достигнута договоренность о государственном визите в КНР Короля Норвегии Харальда V. В присутствии двух премьеров главы государственных и коммерческих структур КНР и Норвегии подписали тринадцать соглашений и протоколов о намерениях. Стороны договорились возобновить переговоры о ЗСТ и деятельность смешанной комиссии по экономическому сотрудничеству, возродить или наладить заново связи в сфере науки, здравоохранения, помощи развитию и спорта (включая норвежское методическое содействие в организации зимней Олимпиады-2022 в Пекине).

Э. Сульберг ратовала за развитие деловых и культурных связей, контактов между обычными людьми, включая наращивание китайского туризма в северную страну. Ли Кэцян также приглашал норвежские компании и «нефтяной фонд» расширять взаимовыгодные инвестиции в китайскую экономику¹⁵.

Наиболее скорый экономический эффект ожидается, естественно, в рыбной отрасли. В ходе визита достигнута договоренность о расширении поставок в КНР норвежской семги, соответствующее соглашение было подписано спустя всего две недели¹⁶. По обещаниям норвежских маркетологов рыбы, их доля на китайском рынке лосося, официально упавшая к началу 2017 г. уже до 2 %, за год будет поднята до 65 % (что составит порядка 50 тыс. т рыбы в год стоимостью свыше 500 млн долл. США). В случае же создания ЗСТ экспорт может «расти практически безгранично»¹⁷.

Политические и общественные оценки

Подписанию Заявления в Норвегии придали весьма высокое значение. Уже 20 декабря Э. Сульберг, выступив вне утвержденной повестки, доложила о нем в Стортинге. Представители всех фракций поздравили правительство и дипломатов с крупным успехом¹⁸. Положительные оценки были повторены в ходе ежегодных дебатов в

Стортинге по отчету МИД 7 марта 2017 г., когда депутаты уже ознакомились с текстом Заявления. В обоих случаях отмечались важность полноценного политического диалога с одним из мировых лидеров, широкие перспективы сотрудничества в экономике и по принципиальному для норвежцев вопросу снижения выбросов CO₂ в атмосферу¹⁹.

Однако общественность в Норвегии и за ее пределами восприняла Заявление и результаты визита Э. Сульберг куда более сдержанно. Как отмечал упомянутый Б. Свердруп-Тюгесон, отношения двух государств, с одной стороны, демонстрируют широкую палитру позитивных эффектов от взаимодействия культур и взаимодополняющих экономик. А с другой — «служат ярким примером глубокой дилеммы в отношениях североевропейских стран к Китаю. А именно, как нашим странам следует держаться по принципиальным вопросам, возникающим, когда заявленные китайскими властями “коренные интересы” входят в противоречие с принятыми у нас либеральными принципами»²⁰.

Дискуссии вращались вокруг трех основных тем.

Во-первых, обсуждалась ответственность, принятая Норвегией за решение своего Нобелевского комитета. Для норвежцев действительно принципиально важно, что их правительство не принесло Китаю официальных извинений. Это подтверждает верность тактики Э. Сульберг, позволившей честно заявить в Стортинге: «секретных дополнений» к совместному Заявлению не было.

Но в самом Заявлении, однако, вина за ухудшение двусторонних отношений односторонне возложена на Осло. Более того, правительство Норвегии, обязавшись избегать нанесения им ущерба в будущем, косвенно признало часть вины за собой. В сходном ключе Заявление агентству «Синьхуа» комментировал Ван И: «Норвежская сторона глубоко поразмышляла над причинами подрыва взаимного доверия и серьезно консультировалась с китайской стороной о том, как улучшить отношения»²¹.

Многие комментаторы, признавая явное неравенство сил, все же расценили Заявление как серьезную уступку северян. Причем Норвегия поддалась давлению сильнее, чем несравненно более зависимая от Китая Монголия, которая почти одновременно с нею за-

гладила инцидент с посещением Далай-ламы без извинений и репутационных потерь²².

Во-вторых, критики Заявления отмечали, что в нем нет ни слова о правах человека, хотя внутренняя политика КНР, по их оценкам, ужесточается и Лю Сяобо по-прежнему сидит в тюрьме²³. Члены правительства обещают вернуться к неудобным темам позднее, когда будут установлены достаточно доверительные отношения, а пока важнее наладить диалог как таковой. «В политике, в конечном итоге, считаются результаты, а чтобы донести свою мысль, надо, чтобы тебя слушали», — записала Э. Сульберг в своем блоге²⁴. Она сразу заявила, что в ходе дебютного визита в Пекин не будет поднимать (и действительно не поднимала) права человека. Общее настроение норвежцев по этому поводу, как представляется, выразила ведущая консервативная газета *Aftenposten*: «Между двумя крайностями — не сказать ничего и заявиться столь жестко, что вновь испортить отношения — должна иметься точка, оставляющая норвежскому премьер-министру простор для действий. По премьеру Эрны Сульберг непохоже, что правительство тщательно отыскивало такую точку»²⁵.

Редактор отдела Азии американского журнала *Foreign Policy* Стоун Фиш в связи с этим подчеркнул, что северное королевство является «одной из самых благополучных и стабильных демократий в свете — права человека имеют там даже священный статус одного из трех основополагающих принципов конституции. Когда перед Пекином склоняется такая страна, как Норвегия, она посылает всему миру леденящий сигнал», и ее примеру, видимо, последуют и другие²⁶.

В-третьих, внимание критиков привлекли внешнеполитические аспекты Заявления: Норвегия не только подтвердила свою традиционную политику «одного Китая», но и заявила, что «всцело уважает суверенитет и территориальную целостность» КНР, что в текущей обстановке может трактоваться как поддержка позиции Пекина по спорным островам в Южно-Китайском море²⁷. А Норвегии, как отметил шесть лет проживший в Китае ученый Хеннинг Кристофферсен, крайне важно не оказаться «зажатой» в потенциальном конфликте вокруг островов между США, своим главным союзником, и КНР, своим крупнейшим перспективным рынком²⁸. Так что норвежцам остается лишь надеяться на мирное разрешение проблемы.

По совокупности изложенного наблюдатели задаются общим вопросом, не слишком ли высокой оказалась политическая цена нормализации. «Приняв требования Китая, Норвегии пришлось очень сильно «прогнуться». А выгода от этого почти символическая»²⁹, — заявил профессор Оксфордского университета норвежец Стейн Ринген, автор острокритической монографии о внутренней политике КНР³⁰. Полемизируя с такими оценками, профессор Норвежского института оборонных исследований Ойстейн Туншё возразил, что Заявление, хотя и неприятно для Норвегии, все же мягче аналогичных китайско-французского и китайско-датского документов. При этом его критики не выдвигают никакой разумной альтернативы, учитывая, что Норвегию никто не поддержал в ее принципиальном, но одиноком противостоянии с КНР³¹.

Отмечается также, что интерес к нормализации отношений был взаимным. Урегулирование состоялось в драматический для мировой политики момент — между избранием и вступлением в должность нового президента США Дональда Трампа. В ходе предвыборной кампании он не раз критически высказывался в адрес КНР и не исключал отхода от политики «одного Китая». У Пекина имелся поэтому резон срочно заручиться официальной поддержкой возможно большего числа союзников США по НАТО (и знаменательно, что верная идеям атлантизма Норвегия такую поддержку оказала). Дополнительным фактором были выборы в Стортинг в сентябре 2017 г., которые могли обернуться для Пекина необходимостью начинать все с нуля уже с новым правительством.

Столь же важно для обеих стран, с их открытыми экономиками, сохранить и по возможности расширить либеральный режим мировой торговли. Не случайно Э. Сульберг особо благодарила Си Цзиньпина за твердую приверженность идеалам свободной торговли и режима ВТО, заявленную на форуме ВЭФ в Давосе. Как отмечал, комментируя сближение с Норвегией, руководитель Отдела исследований Европы при Китайском институте международных исследований Цуй Хунцзянь, КНР беспокоит угроза того, что «в Европе поднимется волна протекционизма и повредит китайско-европейским торгово-инвестиционным отношениям. Китай должен активнее продвигать свободу торговли после того, как Дональд Трамп вы-

играл президентские выборы в США с протекционистской повесткой»³². Создание двусторонней ЗСТ «Китай—Норвегия» может быть полезным шагом в данном направлении.

Наконец, Китай активно проникает в Арктику, о чем уже не раз рассказывал наш ежегодник³³. В беседе с Э. Сульберг председатель КНР подтвердил интерес страны к Северу Европы, особо упомянув связи с Норвегией в сфере полярных исследований. Стороны поддержали развитие двустороннего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь»³⁴, причем норвежка особо подчеркивала преимущества экспорта китайских товаров по Севморпути³⁵.

Отметим, что руководитель КНР принимал в Пекине норвежского премьера сразу после собственного возвращения с первой встречи с Д. Трампом, элегантно заключенной им в арктические «скобки». Перед посещением Флориды Си Цзиньпин нанес визит в Финляндию, с 2017 г. председательствующей и в Северном, и в Арктическом совете. По итогам его переговоров с финским президентом Саули Ниинистё принято Совместное заявление, где заявлено намерение строить сотрудничество в рамках нацеленного в будущее партнерства нового типа, в том числе по арктическим вопросам³⁶. В комментарии агентства «Синьхуа» отмечалось, что визит призван дать импульс сотрудничеству КНР не только с Суоми, но и с Северной Европой в целом³⁷. А после Трампа председатель КНР по пути домой остановился в Анкоридже, где имел обстоятельную беседу с губернатором Аляски Биллом Уолкером о перспективах сотрудничества Китая с заполярным штатом США³⁸.

Нормализация отношений с Норвегией вписывается в это русло, особенно учитывая ее технологический задел, широкий выход в Северный Ледовитый океан и наличие легкодоступного арктического архипелага Шпицберген, где с 2003 г. уже действует китайская полярная станция.

Выводы и прогнозы

Можно сказать, что обе стороны восстановили полезные для себя отношения, используя известную асимметричность своих под-

ходов: норвежцам удалось не поступиться формой, китайцам — добиться желаемого содержания.

Китайско-норвежский кризис и его разрешение — характерный пример новой, достаточно жесткой внешней политики Пекина, применяемой к странам различных «весовых категорий», от Литвы и Монголии до Франции и ФРГ. Суть его в том, что сотрудничество с КНР (привлекательность которого растет вместе с экономической мощью страны) допускается лишь при жестком условии невмешательства во внутренние дела Китая, круг которых определяет он сам³⁹. При этом Пекин все чаще подчеркивает разницу в культурном менталитете и исторических традициях Китая и западных, прежде всего европейских, стран, в том числе в понимании прав человека. Критика европейцев по поводу ужесточения внутренней политики Пекина показывает скорее их недостаточное знакомство с подлинными процессами внутри страны и именно так воспринимается китайской общественностью.

Знаменательны слова Си Цзиньпина на встрече с Э. Сульберг: «Мы верим в широкие перспективы наших отношений и практического сотрудничества, куда Китай и Норвегия будут следовать принципу взаимного уважения и равноправия, уважая и учитывая коренные интересы и озабоченности друг друга»⁴⁰. По оценке ряда наблюдателей, маленькую безобидную Норвегию выбрали для «показательной порки» по древнему китайскому принципу: зарезать курицу, чтобы напугать обезьяну⁴¹.

Норвежцы, видимо, будут теперь держаться с КНР осторожнее. Свидетельством тому откровенные мемуары «Секретарь мира»⁴², которые выпустил Гейр Лундестад — крупный ученый, четверть века (1990—2015 гг.) проработавший секретарем Норвежского нобелевского комитета и главой его аналитической структуры. Он рассказал, что в 2010 г. тогдашний министр иностранных дел, ныне лидер парламентской оппозиции Йонас Гар Стёре уже оказывал беспрецедентное давление на Нобелевский комитет, убеждая его не присуждать премии Лю Сяобо во избежание обострений с Китаем⁴³.

Хорошо организованная и политически активная общественность Норвегии, несомненно, продолжит давление на правительство, требуя поднимать перед китайцами правозащитную проблематику.

ку — тем более, что представитель МИД КНР заверял о готовности к такому диалогу. Но дело едва ли пойдет дальше отдельных расплывчатых формулировок в совместных документах, позволяющих, как Заявление 2016 г., каждой стороне истолковывать их согражданам в выгодном для себя свете.

В такой политике нет ничего нового. Известные отечественные скандинависты Л.Д. Градобитова и Ю.В. Пискулов, анализируя в чем-то сходный норвежско-испанский дипломатический кризис еще 1946 г., отмечали, что сами норвежцы восприняли его как свидетельство ограниченности возможностей малых стран и «формирования внешней политики правительством совместно с союзами предпринимателей при некотором учете общественного мнения»⁴⁴. Норвегия отошла от этих принципов в 1970-х — начале 1990-х гг., начав активнее действовать на мировой арене. Но разворачивание глобализации, похоже, вновь принуждает ее строго слушаться мировых лидеров (пусть их состав и меняется со временем).

КНР же, в свою очередь, уже сегодня рассматривает себя как мировую державу, претендующую на участие в глобальном управлении. В рамках сформулированной нынешним китайским руководителем концепции «китайской мечты» одной из главных текущих целей является возрождение «великой китайской нации». Китай претендует не только на самостоятельное решение вопросов своей внутренней политики, но и на решающую роль в определении правил игры на международной арене, предлагая собственную повестку дня⁴⁵.

В этом контексте вся Европа рассматривается скорее как часть глобальной стратегии Пекина в XXI веке и не более чем одно из направлений стратегического противостояния с США⁴⁶. Европа во все большей степени (особенно после финансового кризиса 2008 г., имевшего крайне тяжелые последствия для ЕС) воспринимается не как субъект, а как объект политики, постепенно теряющий самостоятельность в международных делах. Тем более это относится к сравнительно небольшой Норвегии, где проживает чуть более 5 млн человек — население всего одного, далеко не самого крупного китайского города. В этом плане реакция китайцев на нормализацию отношений с Норвегией (из тех, кто вообще считал нужным на нее откликнуться) была вполне предсказуемой, особенно в блогосфере.

Будущие двусторонние контакты, вероятно, сосредоточатся на практических направлениях, прежде всего в экономике: ЗСТ, нефтегазовая промышленность, научно-техническое и культурное сотрудничество, транспортное освоение Арктики в контексте проекта «Один пояс, один путь».

Этот процесс создает потенциальные возможности и для России — единственной страны, для которой и КНР, и Норвегия являются соседями и традиционными партнерами. Имеет смысл рассмотреть варианты трехстороннего взаимодействия, особенно в сфере транспорта с учетом общего интереса к нашему Севморпути. Отметим, что в конференции «Арктика — территория диалога» (Архангельск, 29—30 марта 2017 г.) приняли участие и крупная китайская делегация во главе с вице-премьером Ван Яном, и Б. Бренде, что стало первым визитом члена норвежского правительства в Россию после крымских событий.

Описанный инцидент представляет для России интерес и в более широком смысле — как свидетельство способности КНР добиваться уважения своей позиции даже от стран, не являющихся его единомышленниками, эффективно сочетая свою притягательность как торгового партнера, «мягкую силу» и гибкий, изобретательный, но неустанный экономический нажим.

Примечания

¹ *Криворотов А.К., Виноградов А.О.* Текущее состояние и перспективы нормализации китайско-норвежских отношений // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXI: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 201—217.

² *Karacs S.* Norway running short of options as it tries to improve ties with China // South China Morning Post. September 30, 2014.

³ *Sverdrup-Thygeson B.* The Flexible Cost of Insulting China: Trade Politics and the "Dalai Lama Effect" // Asian Perspective. 2015. Vol. 39. No. 1. P. 101—123; *Kløvstad Langberg Ø.* Fredsprisen ga ikke Kina-sjokk i norsk økonomi // Aftenposten. 17. juni 2014.

⁴ *Storbråten Gjendem C.* — Dette er en fantastisk nyhet for alle som driver med norsk laks. URL: <http://e24.no/makro-og-politikk/dette-er-en-fantastisk-nyhet-for-alle-som-driver-med-norsk-laks/23436792>; *Storbråten Gjendem C., Wolden Fredriksen*

A., *Midsjø L.* Sjømat Norge etter Kina-avtale: — Fortsatt stor usikkerhet. URL: <http://e24.no/makro-og-politikk/sjoemat-norge-etter-kina-avtale-fortsatt-stor-usikkerhet/23436856>.

⁵ *Xianwen Chen., Garcia R.J.* Economic sanctions and trade diplomacy: Sanction-busting strategies, market distortion and efficacy of China's restrictions on Norwegian salmon imports // *China Information*. 2016. Vol. 30. No. 1. P. 29—57.

⁶ *Sewell Chan.* Norway and China Restore Ties, 6 Years After Nobel Prize Dispute // *New York Times*. December 19, 2016.

⁷ *Skard K.* Stanset hemmelig Kina-løsning // *Dagens Næringsliv*. 2 september, 2014.

⁸ *Beam C.* Why Is China Snubbing Norway? URL: http://www.realclearworld.com/articles/2013/10/28/why_is_china_snubbing_norway.html

⁹ *Hegvik G.K., Skarvøy L.J.* Henter Brende hjem for å løse Kina-floke // *Verdens gang*. 14 oktober 2013.

¹⁰ *Johnsen A.B.* Angela Merkel ga Norge Kina-hjelp // *Verdens gang*. 22 desember 2016.

¹¹ *Sverdrup-Thygeson B., Lanteigne M.* China and Norway: Unpacking the Deal. The normalization of China-Norway ties is the result of years of quiet diplomacy. URL: <http://thediplomat.com/2016/12/china-and-norway-unpacking-the-deal>.

¹² Full normalisering av forholdet til Kina. URL: https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/pm_kina/id2524797.

¹³ China, Norway agree on normalization of ties (далее China, Norway...). URL: <http://en.people.cn/n3/2016/1220/c90000-9156744.html>.

¹⁴ Statement of the Government of the People's Republic of China and the Government of the Kingdom of Norway on Normalization of Bilateral Relations. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/ud/vedlegg/statement_kina.pdf.

¹⁵ *Hu Yongqi.* Beijing, Oslo to resume free trade negotiations // *China Daily*. 2017, April 4.

¹⁶ Norge og Kina undertegnet avtale om import og eksport av matvarer. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-og-kina-undertegnet-avtale-om-import-og-eksport-av-matvarer/id2550199/>

¹⁷ *Mikalsen K.-E.* Erna Solbergs Kina-besøk kan sende norsk lakseeksport til himmels igjen // *Aftenposten*. 2 april 2017.

¹⁸ Stortinget — Møte mandag den 19. desember 2016. Ad Norges politiske og diplomatiske relasjoner til Kina. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Referater/Stortinget/2016-2017/refs-201617-12-19/?m=0>.

¹⁹ Stortinget — Møte tirsdag den 7. mars 2017. Sak nr. 1. Utenriksministerens utenrikspolitiske redegjørelse. URL: <https://www.stortinget.no/no/Saker-og-publikasjoner/Publikasjoner/Referater/Stortinget/2016-2017/refs-201617-03-07?m=1>

²⁰ *Sverdrup-Thygeson B.* «Forbrytelse og straff» Forholdet mellom Norge og Kina // Internasjonal politik. 2016. Årg. 74. Nr. 3. S. 1—12.

²¹ China, Norway...

²² Jichang Lulu. The costs of normalisation: Norway and Mongolia respond to Chinese sanctions. URL: <https://cpianalysis.org/2017/02/22/the-costs-of-normalisation-norway-and-mongolia-respond-to-chinese-sanctions>.

²³ Venner med Kina igjen // Dagbladet. 20 desember 2016; *Lohne J.* Kinas leder sørger for stadig verre forhold for dissidenter — mandag møter han Erna Solberg // Aftenposten. 10 april 2017.

²⁴ Forholdet Norge og Kina — starten på et nytt kapittel. URL: <https://erna.no>

²⁵ Norge må være gjenkjennelig i møte med Kina // Aftenposten. 4. april 2017.

²⁶ Did Oslo Kowtow to Beijing? A ChinaFile Conversation, December 21, 2016. (далее Did Oslo Kowtow?). URL: <https://www.chinafile.com/conversation/did-oslo-kowtow-beijing>

²⁷ *Bentzrud I.* Må Norge knele for Kina? // Dagbladet. 7 januar 2017.

²⁸ *Finstad Vestheim T.M.* Norge i klem mellom Kina og USA. URL: <http://www.dagsavisen.no/verden/norge-i-klem-mellom-kina-og-usa-1.923867>

²⁹ *Rønneberg K.* — Avtalen med Kina er ydmykende for Norge // Aftenposten. 20 desember 2016.

³⁰ *Ringen S.* The Perfect Dictatorship: China in the 21st Century. Hong Kong: HKU Press, 2016. 193 pp.

³¹ Did Oslo Kowtow?

³² *Wei Qi.* Norway and China resume diplomatic ties after 2010 row over Nobel peace prize going to dissident // South China Morning Post. December 20, 2016.

³³ *Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.* Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XX: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 173—191; *Криворотов А.К.* Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 158—192 и др.

³⁴ President Xi meets Norwegian PM to enhance mutual trust (далее President Xi...). URL: <http://english.cctv.com/2017/04/10/ARTIDMNDTrD41v8sP92govrH170410.shtml>

³⁵ *Solberg E.* The challenging Arctic and Sino-Norwegian Collaboration. Speech given at SIIS in Shanghai. 08.04.2017. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/th-e-challenging-arctic-and-sino-norwegian-collaboration/id2549224>; Interview: Norway's

PM eyes new opportunities for stronger cooperation with China. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-04/07/c_136189881.htm

³⁶ Joint Declaration between the Republic of Finland and the People's Republic of China on Establishing and Promoting the future-oriented new-type cooperative partnership (April 5, 2017, Helsinki). URL: <http://www.tpk.fi/public/default.aspx?contentid=360378&nodeid=44809&contentlan=2&culture=en-US>

³⁷ Significance of Xi's Finland visit for bilateral ties and beyond. URL: <http://english.cctv.com/2017/04/06/ARTI1xkV2a851eO32kmYBjCf170406.shtml>

³⁸ *Lee Falsey J.* A surprise guest: Chinese president makes Anchorage stopover, meets Gov. Walker and takes in some sights. URL: <https://www.adn.com/alaska-news/2017/04/07/chinese-president-makes-surprise-visit-to-alaska-following-summit-with-trump>

³⁹ *Ai Jun.* Spending power backs China's influence in world arena // *Global Times*. January 9, 2017.

⁴⁰ President Xi...

⁴¹ *Lanteigne M., Sverdrup-Thygeson B.* Towards the Thaw: Seeking Clarity in China-Norway Relations // *The Diplomat*. January 16, 2016.

⁴² *Lundestad G.* Fredens sekretær. 25 år med Nobelprisen. Oslo: Kagge forlag, 2015.

⁴³ Секретаря Норвежского нобелевского комитета обвинили в разглашении секретов. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/22/lundestad/>; Norway's government tried to dissuade committee from awarding Chinese dissident Liu Xiaobo Nobel Peace Prize, official alleges. URL: <http://www.scmp.com/news/china/policies-politics/article/1859030/norways-government-tried-dissuade-committee-awarding>

⁴⁴ *Градобитова Л.Д., Пискулов Ю.В.* Экономика и политика стран Скандинавии. Экономический фактор во внешней политике Швеции, Норвегии, Дании. М.: Международные отношения, 1986. С. 33—34.

⁴⁵ См.: *Виноградов А.О.* Новый тип отношений и новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XX: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 69—87.*

⁴⁶ *Виноградов А.О.* Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 132—142.*

В.Б. Кашин, А.С. Королев, А.С. Пятачкова

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОМОЩИ ЗАРУБЕЖНЫМ СТРАНАМ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ*

Аннотация. В статье анализируются концептуальные основы китайской помощи внешнему миру, проводится оценка ее эффективности на примере стран Африки и Юго-Восточной Азии как главных реципиентов китайского содействия. Также в статье приводятся рекомендации по использованию Россией соответствующего опыта Китая в целях улучшения имиджа РФ как страны-донора.

Ключевые слова: зарубежная помощь, Китай, Африка, Юго-Восточная Азия, Россия.

Зарубежная помощь является неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии Китая, направленной на укрепление его позиций на мировой арене. Еще в 1950 г. КНР приступила к оказанию экономической помощи КНДР и Северному Вьетнаму, находившимся под управлением дружественных коммунистических режимов. В обоих случаях экономическое содействие Китая являлось дополнением к его более важной военной и военно-технической помощи. (В контексте «холодной войны» целью даже чисто экономических проектов было решение военно-политических задач в Азии.)

* Статья подготовлена при содействии Российского научного фонда: грант № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

По мере роста политических амбиций руководства КНР и появления у Пекина претензий на лидерство среди развивающихся стран китайские подходы к оказанию помощи стали претерпевать изменения. Начиная с 1955 г., вскоре после проведения первой Конференции стран Азии и Африки, Китай начал предоставлять помощь не-социалистическим странам, в частности, государствам Африканского континента.

Концептуальные основы китайской помощи

В истории китайской политики зарубежной помощи выделяются два периода — до и после начала курса на экономические реформы, взятого в конце 1978 г.¹ В период до начала реформ китайская помощь была направлена, главным образом, на решение политических и идеологических задач. Пекин продолжал бороться за роль главного выразителя интересов развивающихся стран и одновременно вел борьбу с СССР за влияние в мировом коммунистическом движении. Классическим примером крупной программы помощи, целиком направленной на достижение влияния на социалистические страны и мировое коммунистическое движение, но мало отвечающей экономическим интересам самой КНР, можно считать китайскую помощь Албании в 1960-е — начале 1970-х гг. (поставки продовольствия, помощь в строительстве индустриальных объектов и т. п.), оказываемую благодаря общности линии правящих партий обеих стран на противостояние «советскому ревизионизму»².

Принципиальным отличием второго этапа является отход от сугубо идеологической и политической мотивации оказания помощи зарубежным странам (то есть от лозунгов о необходимости борьбы с гегемонизмом, колониализмом и «советским ревизионизмом») и постепенный переход к осознанию ее экономической целесообразности для создания благоприятных предпосылок ускоренной социально-экономической модернизации КНР.

В 1990-х гг., в процессе активного перехода к экономике с «китайской спецификой», Китай принял ряд мер по реформированию механизма предоставления помощи зарубежным странам, сделав ак-

цент на диверсификации источников и средств финансирования³. В 1993 г. был создан Фонд помощи для реализации совместных проектов со странами-реципиентами в сфере производства и услуг. Следующим шагом стало основание в 1994 г. Экспортно-импортного банка Китая, после чего последовали структурные изменения форм оказания помощи, прежде всего финансовой. Доля грантов и беспроцентных займов уменьшалась в пользу средне- и долгосрочных льготных кредитов.

Важным драйвером проведения КНР активной политики помощи зарубежным странам в 1980—1990-е гг. служила развернувшаяся в те годы дипломатическая борьба за достижение как можно более полной дипломатической изоляции Тайваня.

Всего в период с 1950 по 2012 г., по собственным оценкам, изложенным в Белой книге «Помощь Китая зарубежным странам — 2014», КНР предоставила внешнему миру помощь в размере 56 млрд долл. В частности, за период 2010—2012 гг. Китай оказал помощь в размере 14,5 млрд долл. С 2004 г. по 2009 г. ежегодный прирост объемов помощи КНР в среднем составлял 29,4 % (25,8 % в период с 2010 по 2012 г.)⁴.

И доныне цели политики Китая по оказанию помощи зарубежным странам носят комплексный характер и обусловлены стремлением содействовать как социально-экономическому развитию стран-реципиентов, так и реализации собственных интересов в сфере экономики и политики.

К числу стратегических целей в этой сфере Китая можно отнести: усиление позиций КНР на мировой арене, в том числе — в сообществе доноров; построение многополярного мира в качестве противовеса Западу; продвижение китайских духовных и мировоззренческих ценностей и идеалов; гарантирование себе поддержки по наиболее чувствительным для Китая вопросам регионального и глобального управления; противодействие усилиям Тайваня установить новые связи и присоединиться к международным институтам развития; укрепление сотрудничества со странами-реципиентами в целях продвижения собственных экономических инициатив («Один пояс, один путь»); получение доступа к минеральным ресурсам и рынкам сбыта в странах-реципиентах.

В Китае не существует нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление помощи. В то же время, по официальным китайским заявлениям, в основе китайской политики по предоставлению помощи лежат «пять принципов мирного сосуществования», сформулированные в 1953 г. премьером Госсовета Чжоу Эньлаем и скорее касающиеся китайской внешней политики в целом⁵. Как известно, к «пяти принципам» относятся взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга; взаимное ненападение; взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование.

Особенности китайской помощи развитию

Зарубежная помощь Китая обладает рядом особых черт, что позволяет рассматривать ее как уникальный феномен, отличающийся от других по структуре и форме. Эти черты таковы:

- двойственный характер участия в процессе международной помощи: Китай-донор и Китай-реципиент. Несмотря на официально подтвержденное увеличение объемов предоставляемой помощи, КНР, будучи крупнейшей в мире развивающейся страной, сама выступает в роли реципиента по линии сотрудничества «Север—Юг»;
- осознанный выбор в пользу большего использования двусторонних, а не многосторонних каналов предоставления помощи, поскольку адресный подход наиболее эффективен с точки зрения достижения политических целей. Согласно Белой книге, помощь по многосторонним каналам составляет лишь 10—15 % от всей помощи Китая внешнему миру⁶;
- отсутствие как единого государственного органа, ответственного за предоставление зарубежной помощи, так и системы контроля над ходом ее оказания и оценки ее эффективности. Так, предоставление помощи входит в компетенцию 23 центральных министерств и ведомств, включая Госсовет, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции и другие органы⁷. Характерной чертой является конкуренция между

правительственными учреждениями за право координировать процессы содействия международному развитию;

- отсутствие транспарентности процессов и объемов предоставляемой помощи. Китай не является членом Комитета помощи развитию ОЭСР и, соответственно, не предоставляет этой организации данные относительно объемов оказываемой помощи. Кроме того, Китай руководствуется собственной методологией и классификацией помощи, которые значительно шире принятой в ОЭСР концепции «официальная помощь развитию» (ОПР)⁸. Китай включает в определение зарубежной помощи не только ее традиционные формы, но и различные финансово-экономические механизмы — коммерческие кредиты Эксимбанка и других банковских учреждений, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), введение нулевых импортных тарифов. В силу сложной и непрозрачной структуры китайской помощи для оценки ее параметров можно использовать лишь нерегулярно публикуемые данные китайского правительства и расчетные показатели;
- относительно низкие объемы помощи по направлениям, которые свойственны большинству других стран-доноров, прежде всего западных (гуманитарная помощь, поставки продовольствия, программы по преодолению бедности и др.);
- задействование Китаем механизмов предоставления помощи с целью получения прав участия в процессах региональной интеграции в Юго-Восточной Азии и на постсоветском пространстве;
- ориентация на наименее развитые государства. При этом большинство из них интересуют Пекин как поставщики сырья или «узлы» транспортных коридоров по транзиту китайских товаров на рынки других стран.

Основные виды китайской помощи

Практика предоставления зарубежной помощи Китая демонстрирует многообразие ее форм, видов и направлений. Наибольшая часть (45 %) выделяемых Китаем средств и ресурсов приходится на

создание экономической инфраструктуры (транспортные магистрали, порты, промышленное производство, добывающая промышленность и т. д.). Далее следует поддержка в создании социальной инфраструктуры (28 %) и товарная/материальная помощь (15 %)⁹. Показательно, что на содействие развитию промышленного производства в странах-реципиентах приходится лишь 3,6 % китайской помощи, а сельского хозяйства — 2 %. Подавляющая же часть помощи — это то, что производят собственно китайские предприятия и что далее передается стороне-реципиенту. Зарубежная помощь тем самым дает КНР дополнительную возможность загрузить китайские производственные мощности, избыточность которых становится в последнее время все более заметной¹⁰.

Обращает на себя внимание и относительно малая доля китайских вложений в человеческий капитал (образовательные программы, подготовка технических специалистов, подготовка волонтеров) стран-реципиентов (менее 6 % от всего объема помощи) и крайне незначительная по объемам гуманитарная помощь (0,4 %)¹¹.

В основном китайская помощь предоставляется в форме грантов, беспроцентных займов и льготных кредитов. Льготное кредитование является наиболее распространенной формой. Его доля в общем объеме помощи Китая увеличилась с 28,7 % в 1950—2009 гг. до 55,7 % в 2010—2012 гг.¹² Это увеличение обусловлено ориентацией Пекина на реализацию масштабных инфраструктурных проектов, нацеленных на развитие стран-реципиентов в нужном для КНР направлении и на загрузку китайских промышленных мощностей.

Второй по значимости формой помощи является предоставление грантов, доля которых составляет 36,2 % от общего объема помощи. Подавляющая доля грантов предоставляется для строительства объектов социальной инфраструктуры (школы, больницы, музеи, спортивные сооружения и т. д.), и лишь небольшая часть выделяется на развитие людских ресурсов и помощь в преодолении последствий чрезвычайных ситуаций.

Доля беспроцентных займов составляет 8,1 % от общего объема китайской помощи внешнему миру. Данная форма главным образом используется для улучшения качества жизни населения стран-реципиентов (программы по искоренению нищеты и борьбе с голодом,

предоставление чрезвычайной гуманитарной помощи, повышение уровня образования в странах реципиентах и др.)¹³.

Далее основные принципы оказания Китаем помощи будут рассмотрены на примере наиболее значимых ее реципиентов — стран Африки и ЮВА.

Помощь странам Африканского континента

Африка является приоритетным направлением и получателем китайской помощи. Согласно данным Белой книги «Помощь Китая зарубежным странам—2014», за период 1950—2012 гг. Китай предоставил странам Африканского континента 27,5 млрд долл. (49 % общего объема помощи КНР зарубежным странам)¹⁴. О значимости Африки для китайской политики говорит тот факт, что именно на Африканском континенте (в Джибути) в конце 2015 г. началось строительство первой китайской зарубежной военной базы¹⁵.

В целом следует выделить несколько обстоятельств экономического и политического характера, определяющих рост китайской помощи государствам Африки:

- Китай, предоставляя экономическую помощь африканским странам, облегчает себе доступ к минеральным ресурсам, что является основным мотивом его растущего интереса к континенту. Около 70 % китайской экономической помощи оказывается государствам, обладающим богатыми запасами минеральных ресурсов, — Анголе, Нигерии, Эфиопии и Южному Судану¹⁶;
- создавая дополнительные объекты инфраструктуры в Африке, Пекин решает проблему занятости у себя дома, что в условиях стремительного удорожания рабочей силы на внутреннем рынке приобретает стратегическое значение;
- Африка занимает важное место в китайской инициативе «Один пояс, один путь». Подтверждением стратегического статуса «Черного континента» является решение Пекина, достигнутое в 2015 г. в ходе Форума сотрудничества «Китай—Африка», предоставить безвозмездную помощь странам региона в размере 60 млрд долл.¹⁷;

- Китаю важна политическая поддержка стран-реципиентов по вопросам, затрагивающим его внешнеполитические интересы. В частности, политическое влияние на африканские страны, приобретаемое за счет помощи, нередко используется КНР для решения практических задач внешней политики, например, при важных голосованиях в ГА ООН;
- Китай продвигает сотрудничество по линии «Юг—Юг» с целью повышения собственной значимости в решении проблем глобального и регионального управления, а также для формирования своего имиджа как ответственного донора.

По официальным китайским данным за 2014 г., на страны Африки приходится 51,8 % зарубежной помощи КНР¹⁸. Она распределяется между подавляющим большинством из находящихся на континенте 62 государств и территорий. Рост помощи африканским странам происходит по мере активизации китайской внешней политики в регионе, получившей новый импульс после африканского турне председателя КНР Ху Цзиньтао в 2004 г.

Проекты помощи нередко увязываются китайской стороной с возможностью получения китайскими инвесторами доступа к важным для КНР сырьевым проектам в рамках сделок, получивших название «нефть в обмен на инфраструктуру». Как правило, подобные соглашения предполагают выделение Китаем значительных льготных кредитов по государственной линии на строительство инфраструктурных объектов в обмен на согласие допустить инвестора (китайскую госкомпанию) к тому или иному проекту на выгодных для Пекина условиях.

Большинство китайских проектов получает финансирование в виде связанных кредитов государственных банков КНР, экспортных кредитов либо в виде грантов китайского правительства. При этом финансируемые Китаем инфраструктурные инициативы реализуются с широчайшим привлечением китайской рабочей силы. Наибольшего размаха подобные проекты достигли в Анголе, где в 2014 г. находилось более 200 тыс. граждан КНР, получивших визы с правом на работу¹⁹. Инфраструктурные и жилищные проекты в Анголе наряду с проектами по развитию специализированной инфраструктуры нефтяной отрасли финансируются главным образом за счет кре-

дитов Экспортно-импортного банка Китая, а также Китайского банка развития.

Американские попытки подсчета китайской помощи Африке на основе критериев ОЭСР позволяют обозначить ее объем на уровне 31,5 млрд долл. за период 2000—2013 гг. Это более чем в 3 раза меньше объема помощи, оказанной США странам континента за тот же период (104,8 млрд долл.)²⁰. Однако, если пользоваться китайскими критериями подсчета, включающими в себя практически все финансирование по государственным каналам, то КНР лишь немногим уступает США по ее объему помощи (94,3 млрд долл.). Различие также и в том, что помощь, попадающая под критерии ОЭСР, выделяется в основном на проекты, реализуемые в беднейших странах региона. Китай же осуществляет финансирование и проектов в беднейших странах Африки, и проектов, имеющих для него большое значение с точки зрения реализации политических и экономических интересов. В целом исследователи китайской политики помощи в Африке подчеркивают ее крайне запутанный и непрозрачный характер²¹.

Содействие строительству инфраструктуры и объектов промышленности (энергетика, транспорт, сельское хозяйство, телекоммуникации, социальное жилье) занимает центральное место в китайской стратегии помощи Африке, чему во многом способствует Форум сотрудничества «Китай—Африка» (ФСКА), официально учрежденный в 2000 г. Как уже отмечалось, в основном Китай оказывает экономическую помощь в виде льготных кредитов. Так, в 2009—2012 гг. Китай предоставил льготных кредитов африканским странам на сумму 10 млрд долл. Как правило, Пекин предоставляет такие кредиты только платежеспособным странам (Ангола, ЮАР, Маврикий, Намибия)²².

Весьма эффективным видом зарубежной помощи, способствующим укреплению стратегических позиций Пекина в странах Африканского континента, является техническое содействие. В большинстве своем оно предоставляется по таким направлениям, как сельское хозяйство, подготовка местных кадров в сфере промышленного производства, безвозмездная передача технологий строительства объектов промышленности и инфраструктуры, передача китайских технологий получения альтернативной энергии, здравоохранение и

образование. В частности, в 2012 г. Китай объявил о запуске программы развития африканских талантов, предусматривающей обучение 30 тыс. сотрудников из различных сфер в течение трех лет и выделение 18 тыс. государственных стипендий африканским студентам на обучение в вузах КНР. По состоянию на 2014 г., в странах Африканского континента действует 60 Институтов и классов Конфуция²³.

Наконец, еще одной важной формой сотрудничества КНР со странами Африки является предоставление гуманитарной помощи, как правило, в виде содействия в преодолении последствий чрезвычайных ситуаций. В большинстве случаев она носит экстренный характер и оказывается по двусторонним каналам на безвозмездной основе. Так, в 2012 г. Пекин направил чрезвычайную продовольственную помощь (рис, пшеница, мука, растительное масло) в Чад, Мали и Нигер в объеме 13 млн долл.²⁴

Помощь странам ЮВА

Юго-Восточная Азия также имеет большое значение для китайской политики оказания помощи из-за непосредственной близости региона к КНР, а также его теснейших экономических, культурных и человеческих связей с Китаем. В политическом отношении Юго-Восточная Азия является ареной нарастающей политической и военной конкуренции между КНР, с одной стороны, и США и Японии — с другой.

В отношении стран АСЕАН проводится сильно диверсифицированная политика помощи с учетом местных политических и экономических особенностей, в том числе по уровням развития. Можно утверждать, что благодаря предоставлению помощи и использованию других экономических рычагов Китаю к настоящему времени удалось добиться доминирующего политического влияния на наиболее бедные и слабые государства Ассоциации — Камбоджу и Лаос. КНР с успехом использует свое влияние для подрыва единства АСЕАН по важному для себя вопросу о территориальных спорах в Южно-Китайском море. Существенным является китайское влияние и на ряд других стран региона (Мьянма, Таиланд).

Активная фаза сотрудничества между Китаем и АСЕАН в деле содействия развитию наступила в 2002—2003 гг. — после подписания соглашения о создании зоны свободной торговли и формирования отношений стратегического характера. Китай в основном предоставляет странам АСЕАН экономическую помощь. Подавляющая ее часть направлена на содействие инфраструктурному строительству (что позволяет дозагрузить китайские производственные мощности) и борьбу с нищетой в странах-реципиентах.

В период с 2000 по 2005 г. Китай предоставил АСЕАН экономическую помощь и льготные кредиты на общую сумму в размере 3 млрд долл., из которых около 1 млрд пришлись на поддержку малого и среднего бизнеса²⁵. В последующие годы Китай регулярно увеличивал объемы экономической помощи. С 2005 по 2008 г. Пекин выделил 5 млрд долл. в виде льготных кредитов на поддержку инвестиционных проектов в странах АСЕАН²⁶. Крупнейшим на сегодняшний день пакетом экономической помощи в отношении АСЕАН является льготный кредит в размере 20 млрд долл., предоставленный в 2014 г. в результате встречи руководителей Китай—АСЕАН в формате 10+1²⁷. Основная доля выделенных средств была направлена на активизацию инфраструктурного строительства и модернизацию энергосистемы в странах Ассоциации.

Еще одной важной сферой двустороннего взаимодействия является помощь в обеспечении продовольственной безопасности стран региона за счет развития сельского хозяйства. В частности, Китай оказывает содействие в строительстве промышленных и сельскохозяйственных производственных предприятий. Так, с 2010 г. Китай принял участие в создании 20 опытных станций по производству улучшенных сортов сельскохозяйственных культур. Кроме того, Китай построил 3 сельскохозяйственных технологических центра в странах АСЕАН и направил 300 специалистов в сфере сельского хозяйства, чтобы обеспечить техническое руководство²⁸.

Основными получателями китайской помощи являются страны бассейна р. Меконг (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, Таиланд). В целом можно назвать 3 приоритетные установки Китая в отношении субрегиона Большого Меконга (СБМ):

1) китайское присутствие в СБМ является важным элементом внешнеполитической стратегии Пекина, направленной на продвижение «политики соседства» и формирование «Сообщества единой судьбы» с региональными партнерами;

2) Пекин высоко заинтересован в строительстве транспортных сетей и наземных маршрутов, соединяющих Юго-Западный Китай и Юго-Восточную Азию. Инфраструктурное строительство будет способствовать межрегиональной взаимосвязанности, достижение которой является приоритетной задачей Китая в регионе, а также придаст импульс социально-экономическому подъему слаборазвитых провинций на юго-западе Китая;

3) КНР путем расширения сотрудничества со странами бассейна р. Меконг стремится обеспечить контроль над его водными ресурсами и организовать крупномасштабное инфраструктурное строительство.

С 2012 г. по настоящее время Китай предоставил более 13 млрд долл. в виде льготных кредитов странам бассейна р. Меконг для улучшения состояния объектов инфраструктуры и развития промышленного производства, а также для борьбы с нищетой²⁹. Дополнительные пакеты экономической и технической помощи осуществляется через Фонд сотрудничества «Китай—АСЕАН». В частности, ежегодно Китай выделяет около 5 млн долл. на покупку сельскохозяйственной техники, предоставляет государственные стипендии для обучения в магистратуре по программам государственного управления, а также безвозмездно передает социальные и технологические навыки, необходимые для социально-экономического развития стран-реципиентов³⁰.

Оценивая эффективность китайских программ зарубежной помощи, следует отметить, что Китай смог превратить оказание помощи в достаточно эффективный инструмент его политики в развивающихся странах. Опираясь на этот инструмент, КНР уже сейчас решает целый ряд важных задач: это формирование лояльной Пекину политико-экономической клиентелы, зависимой от предоставления различного рода содействия; создание новых рабочих мест в странах-реципиентах и повышение уровня квалификации их рабочей силы; продвижение интересов крупных китайских компаний

(прежде всего, ресурсодобывающих и строительных) в странах Африканского континента и Юго-Восточной Азии; обеспечение международной поддержки китайских инициатив, прежде всего ЭПШП, и позиций по международным вопросам (в том числе по острым проблемам Тайваня и Южно-Китайского моря).

В связи с этим усиление связей Китая с развивающимися странами вызывает беспокойство на Западе. Наиболее критично настроенные эксперты пишут о том, что Китай использует финансовые инструменты для «подкупа» режимов, существующих в принимающих странах, и облегчения доступа к ресурсам для своих компаний, действующих за рубежом (то есть имеет место скорее взятка, чем целенаправленная политика содействия развитию).

С точки зрения России, опыт Китая как донора помощи зарубежным странам интересен, прежде всего, тем, что он представляет собой наиболее заметные и относительно успешные наработки предоставления помощи, проводимой незападной развивающейся страной, которая длительное время сама являлась и продолжает оставаться реципиентом помощи со стороны развитых стран. Это во многом роднит Китай и Россию: обе страны не относятся к западному сообществу, не являются развитыми капиталистическими странами и не входят в ОЭСР. Обе осуществляли во второй половине XX в. политику помощи с учетом реалий «холодной войны» и коммунистических идеалов, а в дальнейшем столкнулись с необходимостью перевода своей политики на прагматические рельсы, поставив ее на службу экономическим и внешнеполитическим, а не идеологическим интересам. При этом опыт Китая остается уникальным мировым явлением в том смысле, что другой незападной развивающейся страны, которая проводила бы столь активную политику зарубежной помощи, пока не существует.

Было бы также целесообразно присмотреться к китайскому опыту задействования «политики вспомоществования» как инструмента собственного экономического развития. Такое «целевое использование» помощи зарубежным странам присуще КНР гораздо больше, чем странам Запада, больше рассчитывающим на свое политическое влияние. Причем Китай содействует своей экономике не только благодаря политике оказания помощи (подавляющая ее

часть представляет собой сооружение объектов инфраструктуры силами самих же китайцев за счет предоставленных КНР льготных кредитов), но и тем, что эта помощь нацелена на последующее расширение китайского экспорта. Напрямую это к России неприменимо, однако имеет смысл подумать о том, чтобы посредством помощи в форме связанных льготных кредитов создавать в иностранных государствах ниши для собственного экспорта.

Примечания

¹ Иностранная помощь / Л.М. Капица, А.А. Абалкина, А.В. Абрамова, А. Габарта, Д.А. Дегтерев, Е.А. Дегтерева и др. / под ред Л.М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 610.

² Сю Вэйчжун. Чжунго дуй фэй юаньчжу цзици мяньлинь дэ синь тяочжан : [Помощь КНР странам Африки и связанные с этим новые вызовы]. URL: <http://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Download/Kidou/>

³ Национальные стратегии содействия международному развитию: учеб.-метод. пособие / А.Б. Векшина, И.А. Гречухина, О.В. Есаулова, Ю.К. Зайцев, М.В. Ларионова, В.А. Нагорнов, О.В. Перфильева, М.Р. Рахмангулов, А.П. Шадрикова, Е.А. Швец; отв. ред. М.В. Ларионова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 280.

⁴ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014. URL: <http://ssc.undp.org/content/dam/ssc/dgspaces/China/files/China%202nd%20White%20Paper%20on%20Foreign%20Aid%202014.pdf>

⁵ United Nations. Treaty Series. India and People's Republic of China: Agreement (With Exchange of Notes) On Trade and Intercourse Between Tibet Region of China and India. P. 70. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf>

⁶ China's Foreign Aid. URL: http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-04/21/c_13839683.htm

⁷ Иностранная помощь... С. 610.

⁸ Чжан Яньбин, Хуан Ин. Чжунго хэ сифан цзай дуйвай юаньчжу диняньшан дэ чаисин бяньши : [Анализ различий китайских и западных подходов к понятию «зарубежная помощь»]. URL: <http://www.cicir.ac.cn/UploadFile/files/201301141019483.pdf>

⁹ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

¹⁰ Fan R. China's Excess Capacity: Drivers and Implications // Stewart and Stewart. 2015. Т. 12. URL: <http://www.stewartlaw.com/Content/Documents/China%20s%20Excess%20Capacity%20-%20Drivers%20and%20Implications.pdf>

¹¹ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

¹² Ibid.

¹³ China's Foreign Aid...

¹⁴ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

¹⁵ China Military to Set Up First Overseas Base in Horn of Africa. URL: <https://www.ft.com/content/59ad20d6-f74b-11e5-803c-d27c7117d132>

¹⁶ China's Trade and FDI in Africa. URL: <http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Working%20126.pdf>

¹⁷ China Pledged to Invest \$60 Billion in Africa. Here's What That Means. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/01/07/china-pledged-to-invest-60-billion-in-africa-heres-what-that-means/?utm_term=.fdfe3a14f47e

¹⁸ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

¹⁹ Thousands of Chinese Workers Come and Stay in Angola. URL: <http://english.cntv.cn/2014/05/10/VIDE1399673042754253.shtml>

²⁰ Tracking Chinese Development Finance — BETA. URL: <http://china.aidata.org/>

²¹ Иностранная помощь... С. 610.

²² China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

²³ China's Confucius Institutes Aren't Perfect but Have Much to Offer Africa. URL: <http://theconversation.com/chinas-confucius-institutes-arent-perfect-but-have-much-to-offer-africa-51596>

²⁴ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

²⁵ *Chung, C. P.* China's Multilateral Co-operation in Asia and the Pacific: Institutionalizing Beijing's «Good Neighbour Policy». Routledge. 2010. 168 p.

²⁶ Ibid.

²⁷ China Pledges Loans of Over \$20 Billion to Southeast Asia: Xinhua. Available at: URL: <http://www.reuters.com/article/us-myanmar-asean-china-loans-idUSKCN0IX19L20141113> (accessed 05.12.2016).

²⁸ China 2nd White Paper on Foreign Aid 2014...

²⁹ *Zhenming, Zhu.* China's Economic Aid to CLMV and Its economic Cooperation with Them. Chiba, Institute of Developing Economies-Japan External Trade Organization, 2009. 38 p.

³⁰ Japan—ASEAN Cooperation. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/relation/dimens.html>

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

М.В. Александрова

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИИ: ОТРАСЛЕВОЙ СРЕЗ

Аннотация. В последние годы китайские инвесторы в РФ открыли для себя новые сферы приложения капитала. На примере электроэнергетического комплекса автор рассматривает китайский опыт вложения капитала, при этом отмечается, что китайцы совершенно не готовы к серьезным проектам, прежде всего с технической точки зрения. А на примере автомобилестроения проанализированы несколько китайских проектов создания собственного промышленного производства в России, которые преследует череда неудач, из чего автор делает вывод, что перед принятием важных инвестиционных решений предприниматели из КНР не проводят серьезных маркетинговых исследований. Отдельно поднимается вопрос найма российских граждан на китайские предприятия, где отсутствует понятие о технике безопасности, охране труда, уважении российского трудового законодательства и др.

Ключевые слова: электроэнергетика, ТЭЦ, межправительственная комиссия, ГЭС, ветроэлектростанция, гелиоэнергетика, транспортная инфраструктура, Северный морской путь, «Белкомур», морской порт, автомобилестроение, *Great Wall, Lifan*, отверточная сборка, крупноузловая сборка, локализация производства, объем инвестиций, автомобильное стекло, законодательство.

Вследствие изменений экономических реалий в XXI в. «простые» формы экономического сотрудничества (торговля) стали отходить в мирохозяйственной жизни на второй план. Подобные тенденции прослеживаются и в экономических отношениях России и КНР, где ныне предпринимаются попытки перенести акцент на инвестиционное сотрудничество, производственную кооперацию, совместные технологические разработки.

Тем не менее, пока российские инвестиции в китайскую экономику не достигли значимых объемов, и, хотя в последние 7–8 лет здесь отмечено некоторое оживление, его, однако, трудно заметить, опираясь только на статистические данные (диаграмма 1).

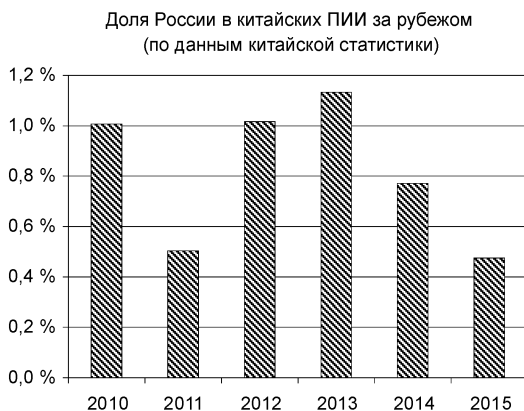

Диаграмма 1. Источник: ГСУ КНР и Министерство коммерции КНР

Хотя и китайские инвестиции в российской экономике выглядят очень скромно в абсолютном выражении (о чем свидетельствует диаграмма 2), тем не менее, КНР в 2015 г. попала в число 5 «топовых» иностранных инвесторов по количеству реализуемых проектов в России наряду с Германией (36 проектов), США (29), Франция (20), Италия и Китай (по 12), а также в число 5 стран-лидеров по числу созданных в РФ рабочих мест — США (почти 3 тыс.), Германия (чуть больше 2 тыс.), Япония (1,5 тыс.), Китай (1,35 тыс.) и Польша (950 рабочих мест)¹.

Диаграмма 2. Источник: URL: <http://www.cbr.ru>

В настоящее время российско-китайское инвестиционное сотрудничество распространилось на такие сферы, как энергетика, инфраструктура, автомобилестроение, горнодобывающая отрасль, металлургия, химическая промышленность, деревоперерабатывающая промышленность и сельское хозяйство.

Отдельно следует поговорить об отраслях, к которым китайская сторона стала проявлять интерес в последние годы, прежде всего это **электроэнергетика**. В ходе официального визита председателя КНР Си Цзиньпина в РФ в марте 2013 г. было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве между российской *Группой СИНТЕЗ* и *Государственной электросетевой корпорацией Кумая (ГЭК) (State Grid Corporation of China)*. Стороны договорились развивать двустороннее долгосрочное сотрудничество в электроэнергетике и изучать возможности партнерства в инвестировании в энергетическую отрасль, проектировании, строительстве и эксплуатации энергетических объектов, техническом обмене, а также экспорте электроэнергии в Китай. Приоритетным направлением сотрудничества будет модернизация существующих и строительство новых объектов электро- и теплогенерации — ОАО «ТГК-2» в Архангельской, Вологодской, Костромской и Ярославской областях. Суммарная установленная

мощность 6 модернизируемых объектов должна составить примерно 600 МВт, суммарная мощность 5 новых объектов — около 1000 МВт. Общий объем капитальных вложений Группы СИНТЕЗ и ГЭК оценивается почти в 70 млрд руб.², а объем китайских прямых инвестиций — в 1,1 млрд долл. Данное соглашение оказалось жизнеспособным.

Первым проектом, куда китайцы были допущены для проведения серьезных работ в сфере проектирования и строительства «под ключ», стала *Ярославская ТЭЦ*. В 2011 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между «*Территориальной генерирующей компанией № 2*» (ТГК-2) и *China Huadian Corporation (Корпорация «Хуадянь»)* в рамках строительства теплоэлектростанции «Хуадянь-Тенинская ПГУ-ТЭЦ» мощностью 450 МВт. В соответствии с соглашением, ТГК-2 получила 51 %, *Huadian* — 49 % доли в СП «Хуадянь-Тенинская ТЭЦ». Примерно 70 % затрат должны были быть покрыты за счет кредита банка ICBC на 399,8 млн долл.³ Запуск ТЭЦ планировался еще в 2013 г. Но, как сообщала ТГК-2, срок не раз сдвигался из-за отсутствия газовой инфраструктуры и проблем со строительством тепловой магистральной сети⁴.

В ходе проверки Ростехнадзора в декабре 2016 г. было выявлено **около 500 нарушений** (!), связанных с отклонениями от утвержденного Главгосэкспертизой проекта. Претензии касались промышленной безопасности (не выполнен монтаж модульной установки азота, части опорных конструкций), отсутствия документации на некоторое оборудование (например, котлы-утилизаторы), безопасности газораспределительных сетей. Также после монтажа не было проведено техническое освидетельствование паропровода и трубопровода линии конденсата⁵. Исходя из сути вышеизложенных претензий, можно предположить, что строители данной ТЭЦ потратят на исправлении ситуации от 6 мес. до года.

Несмотря на эти проблемы в Ярославской области, в ноябре 2014 г. ОАО «ТГК-2» и та же злополучная *Huadian* заключили Соглашение о реализации инвестиционных энергетических проектов в Архангельской области. Подписание документа состоялось в рамках проведения Форума «Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества» (АТЭС) в Пекине в присутствии Президента России и

Председателя КНР⁶. Тем самым подписанты обеспечили себе высокий уровень покровительства. В мае 2016 г. в рамках Межправительственной российско-китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству стороны поддержали реализацию инвестпроекта ТГК-2 и *Huadian* в электроэнергетике Архангельской области. А 25 августа 2016 г. в присутствии губернатора Архангельской области был подписан договор о *переходе собственности на ТЭЦ* от ОАО «ТГК-2» к российско-китайской компании ООО «Хуадянь-Архангельская ТЭЦ»⁷.

Но китайские амбициозные планы на этих двух проектах не заканчиваются. В последние 2 года все больше энергетических компаний приходят в европейскую часть России с предложениями построить разные виды электростанций.

Так, китайская государственная энергетическая корпорация *Sinomec* построит за 1,1 млрд руб. объекты электросетевого хозяйства для двух Белопорожских ГЭС в *Карелии*. За строительство линий электропередачи 220 кВ, которые будут связывать Белопорожские ГЭС с линией федеральной сетевой компании, и открытого распределительного устройства-220 кВ будет отвечать китайская компания *Sinomec*. Проект строительства малых гидроэлектростанций «Белопорожская ГЭС-1» и «Белопорожская ГЭС-2» реализует компания АО «Норд Гидро—Белый порог»⁸. В связи с этим 3 апреля 2017 г. состоялось подписание кредитного договора между Евразийским банком развития, Международным инвестиционным банком и ООО «Норд Гидро — Белый порог» о финансировании в размере 8,15 млрд руб. этого проекта. Организатором финансирования, кредитным агентом и управляющим залоговой суммой является Евразийский банк развития. Инвесторами проекта выступили Российский фонд прямых инвестиций совместно с ведущими ближневосточными суверенными фондами, а также китайской государственной корпорацией *Sinomec*⁹.

Но, даже не начав строительство вышеназванных двух ГЭС, правительство Карелии поспешило реализовать совместный с *Sinomec* проект по строительству морской ветроэлектростанции в Кемском районе всего за 9 млрд руб. Электростанция будет иметь мощность 60 МВт; сроки реализации проекта — 2017—2020 гг., период окупаемости — 15 лет¹⁰. Проект предполагает использование оборудования российского производства в объемах, превышающих 65 % парка,

создание высококвалифицированных рабочих мест, в том числе более 200 на этапе строительства и порядка 30 на этапе эксплуатации. Во время строительства ветроэлектростанции планируется привлечь преимущественно местные подрядные организации¹¹.

Не только в центральной и северо-западной России китайские энергетики пытаются скупать активы и получать доли в собственности. Незаметно для всех на российском энергетическом рынке закрепились хэйлунцзянская «Амур-Сириус». Их первый проект на территории России был осуществлен еще в 2006 г.: специалисты КОО Энергооборудование «Амур-Сириус» в составе компании КОО «Сириус-энерго» совместно с ФСК ЕЭС построили линию электропередачи-220 кВ от подстанции «Сириус» в г. Хэйхэ до подстанции «Амур» в г. Благовещенске¹².

Начав с простых подрядных работ, «Амур-Сириус» решила захватить часть рынка новой энергетики России. Солнечная энергетика, как и другие виды энергетики на возобновляемых источниках, в России пока не получила бурного развития, хотя стараниями олигарха В. Вексельберга в его личных интересах и были созданы благоприятные условия для солнечной энергетики. Так, с 2016 г. минимальный размер участия российских компаний в новых проектах в секторе солнечной энергетики в РФ должен был составлять не менее 70 %. Как предполагалось, этот «порог» должен был стать непреодолимым барьером для иностранных компаний. Однако в случае китайских партнеров это не получилось: «Амур-Сириус» создал российскую «дочку» «Солар Системс»¹³. ООО «Солар Системс» было учреждено в марте 2014 г. с целью строительства и эксплуатации солнечных парков на территории России. И результатов не пришлось ждать долго: уже в 2015 г. на «Солар» пришлось **19 % проектов в области гелиоэнергетики** на территории России¹⁴.

В настоящее время компания реализует проекты на территории Самарской и Астраханской областей. В ближайшие 3 года запланировано строительство солнечных парков в Волгоградской области, Ставропольском крае и в Республике Калмыкия. За счет введения в эксплуатацию 11 солнечных парков общая установленная мощность энергосистем данных регионов увеличится на 255 МВт. Суммарный объем инвестиций — более 33,5 млрд руб.¹⁵ В 2017 г. «Солар» приобр-

рела в Астраханской области 2 солнечных электростанции (СЭС) «Заводская» и «Промстройматериалы» по 15 МВт каждая, находящиеся в стадии строительства. Объем инвестиций в строительство солнечного парка в Астраханской области — около 3 млрд руб.¹⁶ Следующим инвестиционным проектом «Солара» стала СЭС под Самарой. Строительство Самарской СЭС обойдется в 10,4 млрд руб. Из них 30 % (3,1 млрд руб.) должны составить собственные средства компании «Солар Системз», а 70 % (10,3 млрд руб.) — заемные средства. Общая установленная мощность генерирующего оборудования этой СЭС достигнет 75 МВт¹⁷.

Но не только «Амур-Сириус» пытается занять солидные позиции на российском рынке гелиоэнергетики. Китайская компания **ZTE** инвестирует в энергетику Дагестана. В ее ближайших планах — возведение 2 солнечных станций в г. Каспийск и Хунзах. Намерения были закреплены соответствующим меморандумом. Установленная мощность каждой станции — 5 МВт. Суммарный годовой объем производства электроэнергии при 100%-ной загрузке оборудования составит 16 млн кВт·ч¹⁸.

Следует отметить, что из всех намеченных проектов пока только ярославский близок к завершению, но и то не очень понятно, как будет функционировать эта ТЭЦ.

В последние годы китайские инвесторы усматривают целесообразность в направлении капиталовложений в транспортную инфраструктуру РФ. Сооружение китайцами транспортных «артерий» в России — вопрос не новый. Еще до революции при строительстве железной дороги на Мурманск было привлечено порядка 10 тыс. китайских рабочих¹⁹. Но сегодня китайцам не интересно вести «примитивные» подрядные работы: им нужно что-то более значимое и глобальное. И поэтому на смену стратегии «выхода вовне» пришла инициатива «Нового Шелкового пути» с планами его соединения с Северным морским путем (СМП). КНР давно интересовалась возможностью использования СМП в ее интересах. Бесспорно, что главная причина повышения китайского интереса к Арктике — тоже экономическая. Китаю как важному мировому экспортеру арктический маршрут дает возможность сэкономить время и деньги. Китайцы не скрывают, что «после полного открытия Арктического фарва-

тера СМП будет стимулировать возрождение северо-восточного района Китая». И Китай заблаговременно готовится к этому. Например, он арендует несколько портов на восточном побережье КНДР с целью подготовки транспортных узлов на пути перспективных перевозок по СМП²⁰.

С возрождением активного судоходства по СМП и осуществлением масштабных проектов освоения ресурсных месторождений возникает необходимость развития наземной инфраструктуры на арктических и более южных широтах России.

Важным трендом в современных планах по строительству дорог, причалов, аэропортов в Арктике является развитие инструментов государственно-частного партнерства. При этом значительная часть богатой ресурсами арктической зоны РФ отличается полным отсутствием многих объектов стратегической инфраструктуры, которые нужно создавать с нуля. Это же касается и транспортного «статус-кво» Арктического региона.

По своим транспортно-экономическим и техническим параметрам почти все арктические порты не соответствуют современным требованиям и отстают от возросших возможностей арктического флота, особенно в области транспортно-технологических систем, транспортной логистики и систем управления движением судов.

Специфика природно-климатических зон обуславливает масштабность инвестиции в инфраструктурные проекты районов Крайнего Севера и необходимость задействования потенциала международной экономической кооперации. Так, к примеру, в настоящее время осуществляется крупный *международный инфраструктурный проект «Белкомур»*²¹, который включен в Транспортную стратегию РФ до 2030 г. и Стратегию развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 г. «Белкомур» представляет собой железнодорожную магистраль «Архангельск—Сыктывкар—Соликамск (Пермь)». Новая магистраль напрямую свяжет Урал, Республику Коми с незамерзающими портами Архангельска, Мурманска и Северной Европы.

Проект предполагает строительство новой железнодорожной магистрали протяженностью 1161 км (712 км — новое строительство, около 450 км — реконструкция существующих участков пути). Проектная мощность создаваемой линии — около 35 млн т грузов в

год. В основном это будут уголь, минеральные удобрения, нефтяные и лесные грузы, руды, строительные материалы, контейнеры.

Поиск инвестора для этого проекта велся ни один год. О своем желании участвовать в строительстве объявили «Внешэкономбанк», турецкие консорциум *KALEM ENERJI* и холдинг STFA, Китайская гражданская инженерно-строительная корпорация (*CCECC*), а также компания *Deutsche Bahn International GmbH*²².

В результате, в ноябре 2012 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между *ОАО МК «Белкомур»* и *Китайской корпорацией по строительству инженерных сооружений гражданского назначения (China Civil Engineering Construction Corporation)*. Возможность участия китайцев в строительстве «Белкомура» была подтверждена в начале 2013 г. За период 2013—2014 гг. между организациями было заключено два соглашения о намерениях и взаимопонимании по вопросам сотрудничества в рамках реализации проекта «Белкомур». Но почему-то в 2015 г. появился новый инвестор — китайская компания *Poly Technology*. В сентябре 2015 г. было подписано соглашение о совместной реализации проекта строительства железнодорожной магистрали «Белкомур» между *ОАО МК «Белкомур»* и китайской корпорацией *Poly Technology, Inc.* Инвестор готов вложить в проект до *5,5 млрд долл.*²³ Согласована предварительная финансовая модель проекта, в которой кредиты с китайской стороны покрывают 80—85 % требуемых капитальных затрат²⁴.

Начата подготовка трехстороннего Соглашения между *ОАО МК «Белкомур»*, *ОАО «РЖД»* и *Poly Technologies, Inc.*, которое будет определять принципы совместной работы по реализации проекта и дальнейшей эксплуатации дороги, в том числе и вопросы вхождения *ОАО «РЖД»* в уставной капитал специальной проектной компании и подготовки проекта концессионного предложения.

Реализация проекта «Белкомур» юридически будет базироваться на концессионном соглашении, обуславливающим механизм частной концессионной инициативы между специальной проектной компанией, представляющей консорциум российских и китайских организаций и банков, и Российской Федерацией. Концессионное предложение по железнодорожной магистрали «Белкомур» будет подготовлено и внесено в правительство РФ уже в 2017 г.

Комплекс работ, который предстоит провести в ближайшее время, разбит на четыре основных блока: финансовый, юридический, технический, маркетинговый. Китайские партнеры планируют привлекать своих специалистов по всем направлениям работы. Это необходимо и для согласования условий концессионного предложения, и во избежание разногласий на этапе рассмотрения концессионного соглашения уполномоченным органом власти РФ²⁵.

По предварительной информации *по условиям концессионного соглашения, Россия в течение 25 лет будет расплачиваться с Poly Technologies, полностью учитывая те затраты, которые понесет компания: китайской корпорации будет выплачиваться 10,8 млрд руб. ежегодно и суммарно — около 225 млрд в течение 21 года (2021—2041 гг.)*. После этого магистраль станет собственностью России²⁶.

Та же самая китайская корпорация *Poly International Holding Co.* в октябре 2016 г. заключила соглашение о намерениях с АО «Арктический транспортно-промышленный узел «Архангельск» (АТПУ)» по строительству нового глубоководного района *Архангельского морского порта*²⁷.

Проект разрабатывался в рамках единой концепции межрегионального развития совместно с проектом «Белкомур». Для освоения перспективной грузовой базы планируется строительство шести морских терминалов: минеральных удобрений, генеральных грузов, металла, навалочных грузов, нефтепродуктов и газового конденсата, леса, пиломатериалов и лесотехнических грузов. Реализация проекта также предполагается на принципах государственно-частного партнерства по схеме заключения концессионного соглашения (механизм частной концессионной инициативы). Общий объем инвестиций в объекты порта составляет 146,7 млрд руб. в ценах соответствующих лет, из которых *40 млрд руб.* может быть инвестировано китайцами²⁸.

В 2017 г. стороны планируют определиться с условиями предоставления денежных средств финансовыми институтами КНР. Полученные от китайских банков деньги пойдут на создание объектов береговой и причальной инфраструктуры глубоководного района, подходного канала, компоновку терминальных мощностей по обра-

ботке грузов, прокладку подъездных авто- и железнодорожных путей и т. д.²⁹

Помимо архангельского порта китайская сторона заинтересовалась и мурманским. С этой целью между *Poly International Holding Co.* и российской ФКУ «Ространсmodernизация» в октябре 2016 г. состоялись переговоры по сотрудничеству в рамках развития проекта «**Комплексное развитие Мурманского транспортного узла**» в части строительства угольного терминала «Лавна», в ходе которых было подписано соглашение о сотрудничестве между ПАО «ГТЛК», осуществляющим реализацию проекта строительства угольного терминала «Лавна» на западном берегу Кольского залива за счет внебюджетных средств, и китайской компанией *Poly International Holding Co. Ltd*³⁰. Основные инвестиции, которые сможет привлечь в проект *Poly International*, будут направлены на строительство инфраструктуры нового угольного порта, а также на закупку оборудования для перевалки угля³¹. В продолжение этого вопроса в марте 2017 г. в рамках форума «Арктика — территория диалога», который проходил в Архангельске, правительство Мурманской области и китайская *Poly International Holding Co.* заключили соглашение о сотрудничестве³².

Но для того, чтобы груз пришел в тот же Мурманск, китайской стороне нужны новые выходы к Тихому океану: все китайские порты перегружены и зачастую не успевают в срок обрабатывать поступающие грузы. Таким новым «окном во внешний мир» для КНР могут стать порты Приморского края. Уникальное географическое положение Приморского края и его соседство с северо-восточными провинциями Китая составляют конкурентные преимущества для развития макрорегиона и предоставляют существенные возможности для взаимовыгодной торговли с Китаем. Необходимость развития МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» отмечена в ходе выступления президента В.В. Путина на II Восточном экономическом форуме 2—3 сентября 2016 г. во Владивостоке³³. Китайская сторона присматривается к этим проектам, но пока не понятно, будут ли она инвестировать в МТК. Сомнительные расчеты и выкладки, к которым постоянно апеллирует Минвостокразвития, не способствуют пониманию реальной ситуации³⁴. Не очень понятно, что дадут эти проекты Приморскому краю в перспективе, но руководство края

прилагает все возможные усилия, чтобы китайцы инвестировали в МТК: так, в марте 2017 г., по сообщениям прессы, власти Приморского края готовились к заключению с китайскими инвесторами концессионного соглашения, предусматривающего компенсацию инвестиций и дивиденды от дохода³⁵.

Многие китайские проекты в России кажутся совершенно не продуманными, и это прежде всего стоит отнести к *автомобилестроению*. В 2005 г. первые китайские автомобили стали официально продаваться в России. С 2005 по 2007 г., всего за 3 года, объемы продаж увеличились в 8,5 раз — с 6,7 тыс. до 56,9 тыс. автомобилей, но затем, вплоть до 2013 г., тенденция стала развиваться аналогично тренду всего российского авторынка: в 2013 г. на фоне падения рынка наметилась общая для большинства европейских регионов России тенденция роста покупок продукции китайского автопрома. По целому ряду марок рост составил 30—50 %, но это была лишь временная тенденция. Уже через один год (в 2015 г.) рынок показал реальное место импорта китайских автомобилей в России (диаграмма 3).

Продажа китайских легковых автомобилей в России

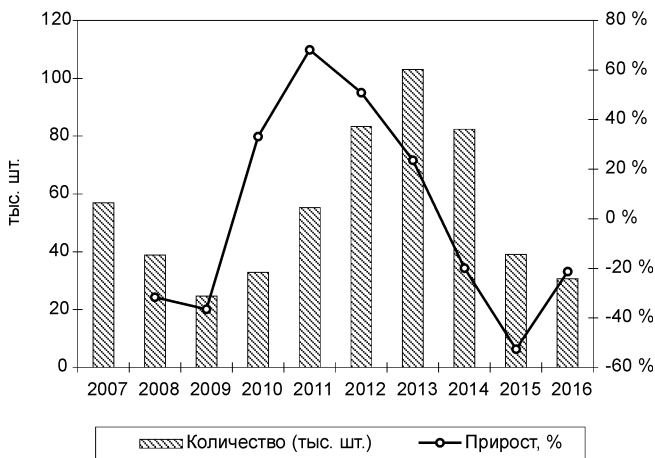

Диаграмма 3. Источник: URL: <https://www.aebrus.ru/ru/>

Практически все крупные китайские фирмы пытались основать производство в нашей стране, поскольку в этом случае они могли рассчитывать на статус производителя готовой промышленной продукции, что позволило бы ввозить комплектующие с нулевой пошлиной.

Еще в 2005 г. *Great Wall Motors* хотела создать производственные мощности в России. Пробная сборка была запущена на калининградском «Автоторе». Чуть позже появились планы по созданию завода в РФ с мощностью 50 тыс. автомобилей в год. Однако Минпромторг не стал подписывать соглашение с этой компанией, высказав недоверие к бизнес-плану китайцев. Также был наложен еще ряд ограничений, которые сделали сборку китайских машин в России невыгодной затеей, а импортируемые машины необоснованно дорогими³⁶.

Если *Great Wall* («Великая стена») пыталась зайти официальным путем на российский рынок автомобилестроения, то *Chery* не побрезговала использовать незаконные схемы. В 2007 г. калининградский «Автотор» начал собирать на своих мощностях китайские автомобили Chery Amulet. «Автотор», пользуясь своим положением резидента особой экономической зоны Калининградской области, мог беспощинно завозить комплектующие, ограничиваясь массовой «отверточной» сборкой китайских моделей и не организуя сварку и окраску кузовов. И это в то время, когда другие предприятия для получения льгот должны были инвестировать в производство полного цикла с постепенным увеличением степени локализации производства комплектующих³⁷. Это позволило *Chery* почти беспощинно ввозить готовые машинокомплекты, быстро преобразовывать их на «Автоторе» в автомобили и продавать по очень привлекательной цене. Из-за своей низкой цены эти автомобили составили мощную и весьма успешную конкуренцию АвтоВАЗу. В итоге, под давлением российского автомобильного лобби производство *Chery* в Калининграде было прекращено³⁸.

Но китайцы проявили настойчивость и нашли новую «дверь» в российский автопром. Пресловутая *Great Wall* наладила отношения с российской фирмой «Ирито», на тот период занимавшейся исключительно дистрибуцией легковых автомобилей. Площадка в Гжели у

«Ирито» появилась в 2008 г.: китайцы и российская сторона вложили **25 млн долл.** в компанию Гжельский завод «Электроизолятор», где наряду с керамическими изделиями они начали осуществлять крупноузловую сборку китайских внедорожников. Кузовные панели окрашивались на черкесском заводе Derways, а затем доставлялись в Гжель на линию сварки и сборки. Это позволяло обойти особую пошлину на импорт готовых кузовов в 5 тыс. евро, которая имела целью прекратить импорт готовых автомобилей под видом разукomплектованных, а также составляла дополнительную преграду для автопроизводителей с низкой локализацией производства. В 2014 г. была запущена первая очередь автомобильного завода «Ирито» в Липецкой области, где была собственная линия окраски и куда из Подмоскoвья был перенесен цех сварки³⁹. Из-за разлада с «Ирито» в 2015 г. *Great Wall* ушла с российского рынка: партнеры не смогли договориться о закупочных ценах на машинокомплекты для локальной сборки⁴⁰. Но история ее присутствия на нашем авторынке на этом не закончилась, о чем речь пойдет чуть ниже.

О самом «удачном» опыте ввода китайских автопроизводителей на российский рынок стоит поговорить отдельно. Таким «проводником»-производственной площадкой стала карачаево-черкесская фирма ООО «Автомобильной компанией ДЕРВЕИС» (Derways). В рамках стратегического сотрудничества китайской фирмы *Lifan* с ООО «Автомобильной компанией ДЕРВЕИС» (Derways) в 2008 г. в Черкеске открылся автосборочный завод Lifan полного производственного цикла с мощностью в 50 тыс. автомобилей в год. В 2009 г. на предприятии Derways открылась сварочная линия *Geely* мощностью 20 тыс. кузовов в год. На следующий, 2010 г., начинается выпуск автомобилей *Haima-3* в кузове седан и хэтчбек⁴¹. И именно на завод в Черкесск в 2017 г. пришла *Great Wall* с двумя моделями DW Hower H3 и DW Hower H5, что, по мнению аналитиков, произошло не случайно. Черкесский завод на протяжении нескольких лет занимался сваркой и окраской кузовов для автомодели Hower, которые потом отправлялись на гжельский завод компании «Ирито», где и собирали готовые машины. Судя по всему, Derways воспользовалась старыми связями и выкупила у китайцев лицензию на производство весьма востребованных внедорожников. Машины черкесской сборки

уже не будут нести марку *Great Wall*: их станут продавать под собственным брендом завода Derways. Пришлось незначительно изменить и название модели: не Hover, а Hower⁴².

Хотя кроссоверы *Great Wall* пока выпускаются в Черкесске, компания не оставляет навязчивой идеи иметь полностью свое предприятие в России. В мае 2014 г. между правительством *Тульской области*, Корпорацией развития Тульской области и китайским автоконцерном *Great Wall Motors* было заключено соглашение о строительстве в Тульской области завода по выпуску автомобилей Naval. В сентябре 2015 г. *Great Wall Motors* приступила к строительству предприятия в индустриальном парке «Узловая» Тульской области. Общий объем инвестиций в проект составляет 500 млн долл. Предприятие будет включать в себя цех штамповки, сварки, окраски, сборки, производства запчастей. На заводе будет создано 2,5 тыс. рабочих мест. Проектная мощность завода позволит выпускать до 150 тыс. автомобилей в год⁴³. Первоначально утверждалось, что первые автомобили сойдут с конвейера в 2017 г., однако все затянулось.... По информации дочерней компании китайского автоконцерна ООО «Хавейл Мотор Мануфэкчуринг Рус», смещение даты открытия автозавода с 2017 на 2018 г. связано с увеличением сроков адаптации проектно-сметной документации к требованиям российского законодательства⁴⁴. Затем выяснилось, что строительство китайского автозавода *Great Wall Motors* на территории Узловского индустриального парка задерживается по объективным причинам, а именно из-за «провала грунтов». Как сообщил председатель правительства Тульской области Ю. Андрианов: «У нас угольный регион, и на том месте, где должен был появиться цех, оказались карстовые провалы, потребовались дополнительные изыскания»⁴⁵.

Видимо, для того, чтобы укрепить грунты под строительство цехов, неожиданно стали укреплять свайное поле. Как отмечается на одном из сайтов: «в период до 2-го квартала 2017 г. будет забито около 33 тыс. свай под фундаменты производственных цехов и офисных зданий»⁴⁶. Это хорошо, что вопрос о грунтах стал на стадии строительства фундамента, а не позже.

Так что же с запуском предприятия *Great Wall*? Как сообщил губернатор Тульской области А. Дюмин на оперативном совещании с

членами регионального правительства 24 апреля 2017 г.: «*Great Wall Motor Corporation Ltd.* взяла обязательство — в 2019 г. осуществить первый выпуск»⁴⁷.

Что же российская фирма «Ирито», которая так много сделала для продвижения *Great Wall* в России и с которой она была вынуждена расстаться в 2015 году? Руководство российской компании не растерялось: на промышленных площадях, где планировалось производство *Great Wall* осенью 2016 г. начался выпуск кроссоверов Changan. Мощности предприятия в Краснинском районе Липецкой области рассчитаны на выпуск 30 тыс. машин в год. В 2017 г. производство кроссоверов будет ниже проектного уровня, ибо станет зависеть исключительно от спроса на модель. В партнерских планах «Ирито» и китайского автоконцерна — расширение выпускаемого модельного ряда Changan и 50 %-ная локализация собираемых машин в течение ближайших 4—5 лет⁴⁸. Пока предприятие Changan работает по принципу крупноузловой сборки. В настоящее время на предприятии собираются только компактные кроссоверы CS35⁴⁹.

В Липецкой области также планировалось строительство завода компании *Lifan*.

Хотя *Lifan* собирался в Карачаево-Черкесии почти 10 лет, китайцев, видимо, не удовлетворял тот вариант, что у них нет отдельного завода. Стоит отметить, что из продаваемых сегодня в России китайских автомобилей, именно у *Lifan* бизнес идет наилучшим образом, о чем наглядно свидетельствует статистика (диаграмма 4).

Так, если в 2008 г. на *Lifan* приходилось чуть более 12 % продаж китайских автомобилей в России, то в 2016 г. — практически 57 %. При «катастрофическом» падении продаж у ряда китайских брендов (к примеру, у *Geely* на 61 %, *Haima* — 71 % в 2016 г.) у машин марки *Lifan* отмечен пусть небольшой, но прирост на 15 %.

И что же у такого «удачного» бренда происходит с созданием собственного предприятия в России? Сначала *Lifan* думала построить завод в Калуге. Производство, согласно планам *Lifan*, на первом этапе должно было обеспечить выпуск нескольких десятков тысяч автомобилей в год. Затем мощности нового завода планировали довести до выпуска 100 тыс. автомобилей ежегодно. В проект китай-

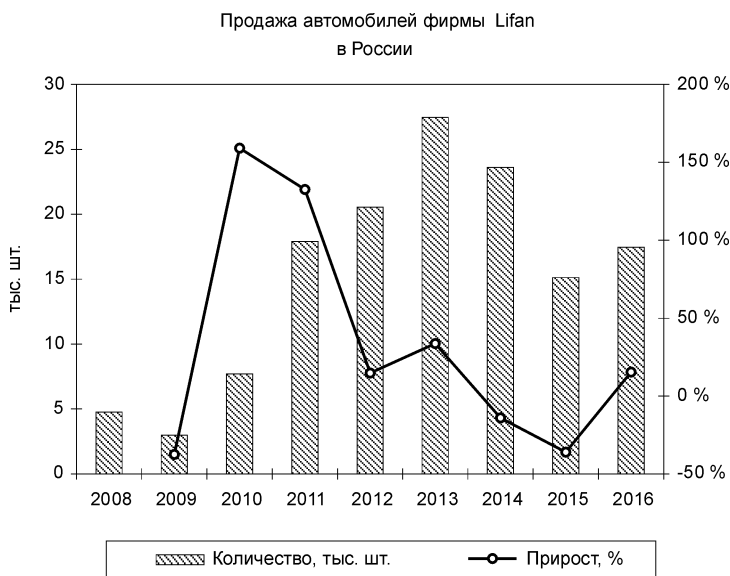

Диаграмма 4. Источник: URL: <https://www.aebrus.ru/ru/>

ская сторона намеревалась инвестировать 150 млн долл. Но после переговоров с правительством Калужской области *Lifan* отказалась от этого вложения⁵⁰: обе стороны пришли к выводу, что строительство завода в данном регионе является нерентабельным и принесет одни убытки.

Завод решили строить в Липецкой области, и можно предположить, что, как и фирма «Ирито», и «Великая стена», *Lifan* выбрала Липецкую область, поскольку совсем рядом располагается Новолипецкий металлургический комбинат — производитель листового проката. Планы были громадные: так, на сайте ОЭЗ «Липецк» было сообщение, что «в октябре 2014 г. губернатор Липецкой области Олег Королев и председатель правления *Lifan Industrial (Group) Co, Ltd.* Инь Миншань подписали соглашение о реализации инвестиционного проекта по строительству автомобильного завода *Lifan* на территории ОЭЗ «Липецк». Завод станет первой собственной производственной площадкой полного цикла китайского автоконцерна *Lifan*

в России. Общий объем инвестиций составит около **300 млн долл.** На предприятии, которое разместится на площади 60 га, будет **создано 1,5 тыс. новых рабочих мест.** Автозавод планирует выпускать весь модельный ряд китайского бренда со сваркой и окраской кузовов. Первоначальная проектная мощность предприятия — 60 тыс. автомобилей в год»⁵¹.

В июле 2015 г. в ОЭЗ «Липецк» состоялась церемония закладки первого камня завода по производству автомобилей китайской компании *Lifan*. Но далее, как это случилось в свое время и с *Great Wall*, создание *Lifan* собственного производства застопорилось. При этом, как это видно из статистики, в 2015 г. объем продаж автомобилей марки *Lifan* снизился на 8 тыс. ед. Затем появились сообщения о том, что строительство завода начнется в 2016 г., а с середины 2017 г. будет начат выпуск автомобилей, но, исходя из сегодняшней ситуации на рынке, сборка машин может стартовать в лучшем случае лишь в начале 2018 г. По словам представителей *Lifan*, основная причина задержки — падение продаж автомобилей в России. Причем аналитики в ближайшем будущем не предвещают даже стабилизации продаж, а не то что их увеличения⁵².

Еще один многопрофильный китайский автогигант питает надежды относительно российского рынка, а именно — цзилиньский «Первый автомобильный завод» (FAW). Это компания разделила Россию на две зоны. Так, *производство кроссоверов* в режиме полного цикла будет запущено в Калининграде на площадях «Автотора». Проект планируется реализовать в два этапа. С 2018 г. начнется крупноузловая сборка на мощностях, где ранее производились автомобили компании *General Motors*. В настоящее время собираются кроссоверы Besturn X80, и на заводе производится сборка машин из поставляемых из Китая кузовов и 3000 деталей. Далее ожидается, что локализация производства составит не менее 30 %. Она начнется до введения новых корпусов сварки и покраски. Для сборки будут поставляться российские диски, резина и аккумуляторы.

Затем планируется создать сварочный цех и цех покраски, что позволит в 2020 г. начать производство автомобилей по полному циклу. Мощности обеспечат сборку до 50 тыс. автомобилей ежегодно. Инвестиции в проект будут совместными. На первом этапе

они составят 750 млн руб. Всего проект предполагает *инвестиции в размере 10 млрд руб.* (Китайский автоконцерн вел переговоры о сборке кроссоверов FAW Besturn X80 и FAW D60 на «Автоторе» с лета 2016 г.⁵³)

И на востоке России в Приморском крае FAW тоже имеет планы открытия предприятия по производству грузовиков: по планам совместное российско-китайское предприятие должно было начать работу уже весной 2017 г. В январе 2017 г. приморский завод получил от местных властей идентификационный код на право выпускать грузовики, а теперь ему предстоит получить «Одобрение типа транспортного средства — ОТТС». Объем инвестиций на первом этапе проекта составляет 28 млн руб. с перспективой создания 52 рабочих мест. Сборка грузовых автомобилей FAW будет осуществляться на площадях техцентра «Сумотори», расположенного в Артеме. Проект планируется осуществлять в 3 этапа. Первый уже реализован: создано совместное предприятие, и в сентябре 2016 г. была продана первая партия грузовиков FAW. В 2017 г. компания приступит ко второму этапу: сборка готовых автомобилей из импортируемых из Китая шасси и надстроек. Третий этап предусматривает увеличение локализации, сборку крупных узлов автомобилей, создание нового завода. Линейка продукции представлена четырьмя моделями: самосвал 6×4, самосвал 8×4, автобетоносмеситель 6×4, бензовоз 6×4. Плановый объем производства на старте проекта составляет до 2 тыс. тяжелых грузовых автомобилей в год⁵⁴.

Помимо собственно сборки автомобилей, китайские инвесторы пошли дальше: в 2013 г. в Калуге — крупнейшем российском автомобилестроительном центре запущен завод по выпуску *автомобильного стекла* (инвестор — *Fuyao Glass Industry Group*). Сумма долгосрочных *инвестиций составит 200 млн евро*. налажен выпуск ламинированного и каленого автомобильного стекла. Пока *создано не более 300 рабочих мест*. Планировавшаяся мощность завода — 3 млн ед. автомобильного стекла в год, из которых 2/3 будет экспортироваться в Европу⁵⁵. С 2015 г. российско-китайский завод по производству автомобильного стекла «Фуяо Стекло Рус» начал поставки своей продукции в Бельгию, Германию, Францию, Испанию.

С одной стороны — очень хорошо, что в нашу страну пришел известный производитель автостекла и теперь многим зарубежным предприятиям, собирающим машины в России, не будет необходимости его импортировать. Но с другой стороны, стоит задуматься, а нужен ли нам такой работодатель? «Фуяо» в Калуге стало именем нарицательным: если посмотреть материалы кадровых агентств и сайт отзывов сотрудников о работодателях, то оказывается, что это китайское предприятие — одно из нежелательных мест трудоустройства. Процитируем лишь некоторые высказывания (их орфография и пунктуация сохранены): «подавляющая часть китайских сотрудников (вплоть до высших менеджеров и Генерального Директора) не говорят не на английском не уж тем более на русском. Ситуацию, возможно, могли бы спасти переводчики, но их катастрофически не хватает из-за огромной текучести кадров»⁵⁶. Вот еще отзывы бывших сотрудников: «в цехах никакой вентиляции. Летом жара, зимой холодно. На стенах плесень. Раздевалки холодные и тесные. Нет четких должностных инструкций. Много работы не относящейся к специальности на которую устроился. Про технику безопасности ни кто из китайцев не слышал. Сами работают с нарушениями и русских заставляют так же поступать. Про российские законы и права работников китайцы тоже слышать не хотят. На некоторых участках очень вредные условия труда (работа с вредными хим. веществами), а вытяжек нет, либо они не работают, как положено»⁵⁷. И при этом ни одного положительного отзыва!

Из-за всех вышеперечисленных проблем текучесть людей на предприятии огромная, кадровые агентства постоянно переполнены объявлениями о наборе сотрудников на «Фуяо», причем не только простых рабочих, но и инженеров, программистов, контролеров технологического процесса, начальников участков. И это в кризис!

Конечно, не стоит драматизировать ситуацию, и хотелось бы надеяться, что существуют китайские инвесторы, готовые с уважением относиться к российским законам. Думается, что к существующим проблемам должна прислушаться и Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству, которая больше всех должна быть заинтересованной в положительном опыте совместных инвестиций.

В заключение хотелось бы отметить положительные тенденции, имеющие место в работе межправительственной комиссии. **В рамках мер по развитию двустороннего инвестиционного взаимодействия в 2016 г. были получены следующие результаты:**

1. Достигнута договоренность о создании инвестиционной интернет-платформы в целях обновления в режиме реального времени сведений о ходе реализации одобренных Комиссией инвестиционных проектов и размещения информации об условиях ведения бизнеса в России и Китае.

2. Одобрены направления дальнейшего развития потенциала двух стран в области электронной коммерции, стимулирования кооперации по созданию площадок электронной торговли, развитию логистики и информационных услуг.

3. В целях поддержания положительного импульса, заданного уже ведущейся реализацией совместных проектов, определены **66 значимых проектов сотрудничества** (49 перенесены из прежнего перечня, в котором было 58 проектов, и 17 вновь добавлены).

4. В целях устранения ограничений для взаимных инвестиций ратифицированы поправки к соглашению об избежании двойного налогообложения, в соответствии с которыми выплачиваемые проценты не будут облагаться налогом у источника выплаты.

5. Банком России принято решение о включении юаня в перечень валют, в которых могут быть оплачены доли уставных капиталов российских юридических лиц, и завершается работа по плану развития сотрудничества в сфере страховой деятельности на 2016—2018 гг. между Банком России и Комиссией по регулированию страховой деятельности Китая.

Примечания

¹ URL: <http://www.rbc.ru/economics/16/06/2016/57625f2a9a7947d845c25a15>

² URL: <http://www.tgc-2.ru/cgi/prdb/rus/full.cgi?Id=1239>

³ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/11/18/617294-tgk-2-shtraf>

⁴ URL: www.valve-industry.ru/pdf_site/102/102_44-53_afanasieva.pdf

⁵ URL: <https://kommersant.ru/doc/3194946>

⁶ URL: <http://old.tgc-2.ru/cgi/prdb/rus/full.cgi?Id=1520>

⁷ URL: <https://region29.ru/2016/08/25/57bf0c282817caeb3a00834d.html>

⁸ URL: <http://tass.ru/tek/3788798>

⁹ URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2017/04/0403_28.html

¹⁰ URL: <http://eurasiatx.com>

¹¹ URL: <http://m.energsovet.ru/news.php?zag=1480408833>

¹² URL: <http://rcest.ru/amur-sirius.php>

¹³ URL: <http://energoberejenie.org/stati/putin-ukreplyaet-rossijsko-kitajskie-svyazi-dlya-razvitiya-voznovlyayemykh-istochnikov-energii>

¹⁴ URL: <http://www.profile.ru/economics/item/107137-solntse-vmesto-nefti>

¹⁵ URL: <http://renen.ru/solar-power-plant-100-mw-will-appear-in-the-stavropol-region>

¹⁶ URL: <https://punkt-a.info/news/politika-i-jekonomika/kitayskaya-kompaniya-kupit-nedostroennye-ses-v-astrakhani>

¹⁷ URL: <http://www.vkonline.ru/content/view/170403/pervuyu-ochered-solnechnoj-elektrostantsii-zapustyat-v-2017m>

¹⁸ URL: <http://news.sputnik.ru/promyshlennost/da1c2d1d61fa7c0d236648e77cc9592ced1b6adc>

¹⁹ URL: http://www.kolamap.ru/library/doc/zh_d.html

²⁰ Чэн Хунцзе. Стратегия Северного морского пути: сотрудничество и конкуренция // Символ науки. 2016. № 4—4 (16). С. 230—235

²¹ Проект имеет более чем столетнюю историю. Первые официальные упоминания о планах строительства железнодорожной магистрали, которая должна соединить промышленные районы Урала с Белым морем относятся к 1912 г. Начало реализации проекта — строительство участков Архангельск — Карпогоры и Вендига — Микунь пришлось на 1947—1954 гг., когда было построено более 400 км железной дороги.

Название «Белкомур» (Белое море — Коми — Урал) проект получил в 1995 г., когда было начато строительство на двух участках будущей магистрали. Для управления и реализации проекта в 1996 г. было создано одноименное акционерное общество.

В начале 1998 г. компания «Белкомур» приступила к строительству Северного участка новой железной дороги одновременно с двух направлений: со стороны Архангельской области на перегоне Карпогоры — Шарда длиной 22,2 км и со стороны Коми на перегоне разъезд Ертом — Вендинга длиной 17,85 км. На этом серьезное строительство завершилось.

В 2008 г. «Белкомур» был включен в транспортную стратегию России до 2030 г. и стратегию развития железнодорожного транспорта до 2030 г. Проект хо-

тели финансировать из средств Инвестиционного фонда России. В 2011 г. проект включен в стратегию развития Северо-Западного федерального округа (Источник: URL: http://www.belkomur.com/news/index.php?ELEMENT_ID=2917).

²² URL: <http://www.pppi.ru/news/belkomur-postroyat-po-koncessii>

²³ URL: http://www.belkomur.com/news/index.php?ELEMENT_ID=2917

²⁴ URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1339714&archive=2016.06.08>

²⁵ URL: <http://tass.ru/ekonomika/4225887>

²⁶ URL: http://www.belkomur.com/news/index.php?ELEMENT_ID=2917

²⁷ URL: <https://region29.ru/2017/02/21/58ac332c2817ca614200834d.html>

²⁸ URL: <https://rg.ru/2017/03/30/reg-szfo/port-arhangel'sk-stanet-glubokovodny-m.html>

²⁹ URL: <https://regnum.ru/news/economy/2244022.html>

³⁰ URL: <http://ppp-transport.ru/ru/event/v-pekine-sostojalis-peregovory-rukovo>

³¹ URL: <http://portnews.ru/news/235564/>

³² URL: <http://www.b-port.com/news/item/198863.html>

³³ URL: <http://www.primorsky.ru/news/117269>

³⁴ На основе проведенных исследований, потенциал переключения грузопотока способен вырасти, по осторожным оценкам, до 45 млн т в год к 2030 г., в том числе 23 млн т зерновых (кукуруза, рис, соя) и 22 млн т контейнерных (или 1,8 млн TEU — контейнеров в 20-футовом эквиваленте). Выручка компаний по реализуемым проектам в 2030 г. может составить 91 млрд руб. в год, в том числе:

выручка портам — 40 млрд руб.;

выручка ж/д — 11 млрд руб.;

выручка транспортным компаниям — 30 млрд руб.;

выручка по автодорогам — 10 млрд руб.

По прогнозным оценкам, вклад в рост ВВП Приморского края к 2030 г. составит в ценах 2015 г. около 30 млрд руб. в год, рост налоговых поступлений — 5 млрд руб. в год и создаст до 4 тыс. новых рабочих мест (URL: <http://government.ru/info/27262/>).

³⁵ URL: <http://vladnews.ru/2017/03/15/123879/primorskij-kraj-kompensiruet-ra-shody-investorov-na-stroitelstvo-mtk-primore-1-i-primore-2.html>

³⁶ URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/prigreli-sosedey>

³⁷ URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=718829&archive=2008.04.02>

³⁸ URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/prigreli-sosedey>

³⁹ URL: <http://izvestia.ru/news/589953>

⁴⁰ URL: <https://autoreview.ru/news/vnedorozhniky-great-wall-hover-vernutsya-v-rossiyu-pod-novym-brendom>

⁴¹ URL: <http://www.derways.ru/?id=3>

⁴² URL: <https://autoreview.ru/news/vnedorozhniki-great-wall-hover-vernutsya-v-rossiyu-pod-novym-brendom>

⁴³ URL: <http://www.metainfo.ru/ru/news/93039>

⁴⁴ URL: <http://www.tsn24.ru/zavod-great-wall-v-tulskoj-oblasti-dostroyat-pozzhe-zaplanirovannogo.html>

⁴⁵ URL: <http://tulactive.ru/news/54260>

⁴⁶ URL: <http://www.metainfo.ru/ru/news/popup?id=89067>

⁴⁷ URL: <https://www.tulapressa.ru/2017/04/avtozavod-great-wall-v-uzlovoj-nachnet-rabotat-v-2019-godu-dyumin>

⁴⁸ URL: <http://www.vedomosti.ru/auto/news/2016/09/20/657832-changan-nachal-vipusk-v-lipetskoj>

⁴⁹ URL: <http://avto24tv.ru/news/2016/11/24/pervaya-partiya-changan-cs35-sobrannyh-na-predpriyatii-v-lipetskoj-oblasti-postupila-v-prodazhu>

⁵⁰ URL: <http://lifan-russia.ru/news/276-lifan-otkazalsya-ot-idei-postroit-zavod-v-kaluzhskoy-oblasti.html>

⁵¹ URL: <https://sezlipetsk.ru/news/otkrytie-kitayskogo-avtozavoda-lifan-v-oez-lipetsk-zaplanirovano-na-2017-god>

⁵² URL: <http://www.avtozglyad.ru/avto/avtoprom/2016-08-30-lifan-otkazalsja-ot-proizvodstva-avtomobilej-v-lipetske>

⁵³ URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/news/2017/04/28/688055-avtotor-faw-i-nvestiruyut>

⁵⁴ URL: <http://primorsky.ru/news/115835/>; URL: <http://www.gudok.ru/news/press/detail.php?ID=1358677>

⁵⁵ URL: <http://www.glassnews.info/?p=5487>

⁵⁶ URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:7aqXq8p-9b_UJ;URL:https://antijob.net/black_list/ooo_lauo_fuyao_steklo_rusrauo____fuyao_glass_rus_co__ltd/+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

⁵⁷ URL: <http://pravda-sotrudnikov.ru/company/ooo-fuyao-steklo-rus>

Сюй Гуанмяо

**К ВОПРОСУ О ПОДКЛЮЧЕНИИ ПРОЕКТА РАЗВИТИЯ
СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ
К КИТАЙСКОМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНУ
«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»
(ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ, ПРЕПЯТСТВИЯ
И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ)**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодополняемости проекта развития Северного морского пути и китайского стратегического проекта/плана «Один пояс, один путь», а также препятствия и возможные направления/формы включения проекта развития СМП в китайскую инициативу. Автор приходит к выводу, что условия для официального включения еще не созрели. Однако начать обсуждение его перспектив и возможных форм — вполне реально. Одним из возможных путей здесь может стать участие отдельных предприятий и региональных правительств в проекте развития и использования СМП. В случае достижения первых положительных результатов следует перейти к следующему этапу — заключению договоров на уровне правительств двух стран. Заключительный этап — реализация запланированных проектов.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь (СМП), Китай, «Один пояс, один путь», российско-китайское сотрудничество.

В последние годы внимание разных стран все более и более обращается к Арктике. Китай, не являясь арктической страной, уважает суверенные права России в этом регионе. В то же время процессы, происходящие в Арктике, оказывают большое влияние на климат и экологическую среду Китая. Как заинтересованная сторона Китай также имеет свои задачи в Арктике, которые в основном сосредоточены в биологической, экономической, научно-исследовательской и политической сферах. В частности, самыми важными для Китая являются экономические интересы. Арктика открывает Китаю большую возможность в области роста экономики, реализовать которую можно только опираясь на коммерческое развитие Северного морского пути. Таяние арктических льдов позволит Китаю активно использовать эту транспортную магистраль. Кроме того, Китай сможет в будущем выступать на данном маршруте как страна-инвестор, страна-производитель и страна-участница строительства.

28 марта 2015 г. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР, Министерство иностранных дел КНР и Министерство коммерции КНР совместно обнародовали документ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». Это стратегический план, в котором перечисляются принципы, структура, приоритеты и механизмы сотрудничества по строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» в целях укрепления региональных связей и совместного построения прекрасного будущего¹. В идейные рамки данного документа не входил маршрут Северного морского пути, однако принципы и коннотационное значение у них совпадают, если учитывать то, что концепция «Один пояс, один путь» основана на принципах «мира и сотрудничества, открытости и толерантности, взаимного обучения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», что также подразумевает в перспективе большие возможности для расширения сфер деятельности. Ожидается, что включение проекта модернизации Северного морского пути в комплексный план развития «Один пояс, один путь» осуществится в обозримом будущем при наличии условий для развития судоходства.

«Северный морской Шелковый путь»: дополнительный план китайской стратегии

Китай, будучи крупнейшим потребителем и экспортером энергоресурсов, в значительной степени зависит от их морской транспортировки (источник более 40 % ВВП страны — судоходство и судостроение). Китай испытывает острую необходимость в евроазиатском транспортном коридоре, что отражено в вышеуказанном документе. Два из трех основных маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути» проходят из Китая через Евразию до Европы (до Балтийского и Средиземного морей), а также одно из двух основных направлений «Морского Шелкового пути 21-го века» проходит от прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы². По сравнению с этими маршрутами преимущество Северного морского пути главным образом заключается в трех сферах. Во-первых, он представляет собой кратчайший коридор между Северо-Восточной Азией и Западной Европой. Во-вторых, вдоль маршрута располагаются многочисленные перспективные месторождения энергоносителей. В-третьих, прибрежное государство — Россия — характеризуется единством и политической стабильностью.

Маршрут Северного морского пути является кратчайшим между Китаем и Западной Европой, даже по сравнению с Малакка-Суэцким маршрутом, на который пока приходится 75 % импортируемой Китаем нефти (Северный маршрут способен сэкономить до 13 суток навигации, будучи в три раза короче). Это означает, что, используя СМП, теоретически возможно сократить издержки судоходства, хотя в настоящее время они пока во многом определяются ледовыми и метеорологическими условиями, а также расходами на проводку судов. В советское время Северный морской путь не был открыт для иностранных пользователей. А в последние годы со смягчением правил судоходства, развитием технологий и продлением навигационного периода СМП становится все более привлекательным для Китая.

Китай в настоящее время является одним из крупнейших государств-потребителей углеводородов в силу демографического фак-

тора, а также ввиду ускоренного роста инфраструктуры в стране. Доля импортной нефти в настоящее время в общем объеме ее потребления составляет почти 60 %, и, по прогнозу экспертов, этот показатель к 2030 г. возрастет до 70 %. Доля импортируемого газа к этому времени должна составить 40 %. Главные страны-поставщики энергоресурсов находятся на Ближнем Востоке и в Африке: на их долю приходится 70 % импортируемой Китаем нефти³. При этом большая часть ресурсов транспортируется через Южно-Китайское море и Малаккский пролив. Однако из-за нестабильного политического положения в традиционных странах-поставщиках и повышения рисков при транспортировке по обычному маршруту (речь идет о тенденции к укреплению военных и оборонных взаимодействий стран Юго-Восточной Азии с США) энергетическая безопасность Китая ныне находится в нестабильном состоянии. Русская Арктика богата энергетическими ресурсами, а таяние льдов в районе арктических маршрутов, тем более на участке Северного морского пути, предоставляет Китаю возможность доступа к дополнительному источнику ресурсных месторождений и еще один путь транспортировки. В связи с этим в перспективе Китай может стать главным потребителем энергоресурсов Арктики, а также пользователем и участником Северного морского пути.

Концепция «Северного морского Шелкового пути» неоднократно выдвигалась китайскими учеными⁴ и российскими государственными деятелями. В частности, как отмечал глава Минвостокразвития А. Галушка в 2015 г. в интервью ТАСС: «Северный морской путь можно называть Северным морским Шелковым путем, если китайским партнерам это нравится. Когда мы говорим о проекте Экономического пояса Шелкового пути, то речь не идет о буквальном воспроизведении той узкой полоски, которая много лет назад существовала. Предполагается формирование экономически рациональных современных транспортных коридоров, связывающих мир и его различные части»⁵. Эта позиция в значительной степени совпадает с идеями, изложенными в Принципах совместного строительства «Одного пояса, одного пути»⁶, — «открытость и сотрудничество, гармония и толерантность».

Китайская стратегия «Один пояс, один путь» поможет преодолеть трудности развития СМП

В последние годы в России непрерывно выдвигаются проекты различных программ, связанных с развитием Северного морского пути, который является российской национальной морской транспортной магистралью. В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.», утвержденной президентом России В. Путиным 20 февраля 2013 г., СМП характеризуется как «единая национальная транспортная магистраль России в Арктике»⁷. Благодаря повышению значения Северного морского пути и его приоритетному статусу в арктической зоне, а также активному продвижению данной правительственной стратегии, в 2010—2013 гг. наблюдалось бурное развитие грузооборота и транзитного судоходства по СМП. Если в 2010 г. грузооборот СМП составлял около 2 млн т⁸, то в 2013 г. он вырос до 39 млн т. Если в 2010 г. по СМП транзитом прошло 2 судна, то в 2013 г. — уже около 70. На этом фоне перспективы развития СМП видятся многообещающими. В. Путин в 2013 г. обозначил стратегическую цель превращения Северного морского пути в мировую морскую коммуникацию, конкурентоспособную по отношению к Малакка-Суэцкому маршруту.

Однако в связи с резким падением мировых цен на нефть мировая судоходная отрасль находится в кризисном состоянии, что тоже привело к резкому сокращению судоходства по Северному морскому пути после его возрождения в 2010—2013 г. По данным, опубликованным 17 февраля 2016 г. администрацией Северного морского пути, в 2015 г. по СМП транзитом прошло лишь 18 судов, а грузооборот составил только 39,6 тыс. т⁹.

Россия надеется на новое возрождение маршрута и реализацию своих великих целей и задач в сфере его развития. В 2015 г. правительством РФ был разработан «Комплексный проект развития Северного морского пути». Хотя проект не опубликован ввиду содержащихся в нем сведений ограниченного доступа, но основные его цели очевидны: обеспечение безопасности мореплавания, развитие

морских портов и повышение надежности транзитных перевозок¹⁰. Однако из-за высокой себестоимости освоения СМП и пока еще непростого положения в стране в настоящее время довольно сложно рассчитывать на средства из государственного и регионального бюджетов. Поэтому реализация проекта развития СМП нуждается и в привлечении иностранных инвестиций. В последние годы из-за украинского кризиса усилилось напряжение в отношениях РФ со странами Арктического региона. В силу этого Россия все более склоняется к сотрудничеству со странами, не входящими в эту зону. Китай может стать хорошей кандидатурой при выборе партнеров.

Китай имеет большой опыт в сфере проектирования и строительства специальных судов и портовой инфраструктуры. В 2015 г. был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с уставным капиталом в 100 млрд долл., где доля Китая составила 25 %, а чуть ранее — в конце 2014 г. был учрежден Фонд Шелкового пути, куда было вложено 40 млрд долл. Большая часть этих капиталов инвестируется в инфраструктурное строительство в рамках стратегического планирования «Одного пояса, одного пути». Сотрудничество с Китаем может способствовать не только привлечению в развитие СМП необходимых инвестиций, но и модернизации портов и ресурсных месторождений вдоль маршрута, укреплению транспортной связи между регионами Крайнего Севера и традиционными промышленными базами России и стимулированию экспорта арктических энергоресурсов в отдаленные регионы.

Развитие СМП с опорой на китайскую стратегию «Пояс и путь» предоставляет самому маршруту новый шанс. Хотя включенные в китайскую стратегию три евро-азиатских коридора (два наземных и один морской) и могут стать серьезными конкурентами транзитного судоходства по СМП¹¹, однако возможное включение проекта развития СМП в китайскую стратегию, да и сами планы его модернизации позволят смягчить риски острого соперничества и найти пути преодоления трудностей развития. Так что можно считать, что у проекта развития Северного морского пути и стратегического плана «Один пояс, один путь» есть черты взаимодополняемости.

Препятствия для включения проекта развития СМП в стратегический план «Один пояс, один путь»

Несмотря на то, что стратегические интересы и насущные требования российского развития СМП и китайской концепции «Один пояс, один путь» пересекаются и дополняют друг друга, в концептуальные рамки документа «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» маршрут Северного морского пути на настоящем этапе не включен. Ни китайское, ни российское правительства пока не выразили явного стремления к такому включению или к стратегической стыковке двух начинаний. Обе стороны имеют свои собственные стратегические соображения, а также некоторые опасения относительно друг друга.

Северный морской путь не является полностью коммерциализированным морским транспортным маршрутом, преимущества и издержки которого по сравнению с традиционными мировыми маршрутами пока точно не определены. Массированный грузооборот и полномасштабное использование потенциала коммерческой навигации никогда не были отличительными чертами СМП: они лишь ожидаются. Из-за тяжелых ледовых условий, высокого тарифа ледокольного сопровождения и отсталой инфраструктуры как в портах, так и в сфере гидрометеорологического обеспечения, Северный морской путь пока не может конкурировать с другими евроазиатскими транспортными маршрутами, даже при его сравнительных преимуществах по расстоянию и времени навигации. Заметное сокращение издержек в значительной степени зависит от совершенствования инфраструктуры вдоль маршрута и снижения тарифа ледокольного обеспечения.

Так что первоначальное вложение в инфраструктуру СМП будет довольно большим, а отдача от него пока не совсем ясна, и быстрого эффекта за короткие сроки тоже не ожидается. Во-первых, проблема в коротком навигационном периоде, свободном от проводки ледоколами. Без ледокольного обеспечения навигация по СМП возможна только в летние месяцы, а в восточном секторе ледоколы необходимы почти круглогодично. Во-вторых, из-за нехватки объемов обрат-

ных отгрузок издержки судоходства также увеличиваются. В-третьих, функциональность портов вдоль СМП пока низка из-за крайней недостаточности необходимых капитальных вложений на техническую модернизацию. В большинстве из 20 российских арктических портов отсутствует соответствующее нормативам оборудование по приему и утилизации судовых отходов и ликвидации аварийных разливов нефти¹². Только 4 арктических порта связаны с национальной железнодорожной сетью¹³. В-четвертых, практически все атомные ледоколы требуют замены в течение ближайших 5—7 лет¹⁴. Все вышперечисленные проблемы снижают перевозочные мощности и конкурентоспособность Северного морского пути. В обстановке неясности перспектив коммерческого использования СМП Китай пока занимает выжидательную позицию по включению СМП в стратегию «Один пояс, один путь».

Опыта и технологий для работы в арктических условиях у Китая пока недостаточно. Хотя Китай и имеет богатый опыт в сфере проектирования и строительства специальных судов и портовой инфраструктуры (российской Арктике особенно необходимы контейнеровозы и соответственно оборудованные причалы), однако сооружение инфраструктуры в Арктике — не его профиль, не говоря уже о строительстве ледоколов и судов ледовых категорий. Поэтому китайское участие в освоении СМП для России не является насущно важным.

Россия также опасается рисков, связанных с вероятностью китайского вызова российской юрисдикции над СМП и захватом китайской стороной ведущей роли в освоении Арктики. Россия придает огромное значение своим суверенным правам и юрисдикции, обладание которыми для РФ является особым преимуществом в освоении арктического морского маршрута. Можно сказать, что при эксплуатации природных ресурсов на арктическом шельфе без СМП не обойтись. Поэтому Россия твердо настаивает на своей юрисдикции над СМП и на суверенных правах в акватории данного маршрута, несмотря на то, что США несколько раз возражали против этого.

Хотя в своей практике Китай всегда соблюдает именно те правила, регулирующие судоходство по СМП, которые установлены Россией, и китайское правительство уважает российскую юрисдикцию

над СМП, в научных кругах высказывается мнение о применимости транзитного прохода судами других стран по СМП. Так что, если развитие маршрута будет включено в китайский стратегический план, российские опасения перед возможностью китайского вызова российской юрисдикции над СМП становятся понятными. Россия осознает, что для того, чтобы договориться о сотрудничестве между двумя державами на платформе «Один пояс, один путь», ей не обойтись без некоторых уступок ее прав на арктическую деятельность.

Следует также отметить, что Китай пока не разработал официальных документов, обосновывающих его арктическую политику, и это и привело к обеспокоенности России китайскими намерениями участвовать в освоении Арктики.

Перспективы и возможные формы включения СМП в стратегический план Китая «Один пояс, один путь»

Условия для включения проекта развития Северного морского пути в китайскую стратегию «Один пояс, один путь» пока не созрели. Однако начать обсуждение перспектив и возможных форм данного включения — вполне реально. Одним из его вероятных путей может стать участие отдельных предприятий и региональных правительств в проекте развития СМП, пока минуя обсуждение его включения в китайский стратегический план на государственном уровне.

В этом случае не будет необходимости в разработке высоких официальных документов о включении и не потребуются привлечения усилий правительств двух стран. Китайские предприятия и региональные правительства непосредственно связываются с российскими компаниями, местными административными учреждениями, занимающимися делами по освоению СМП, обсуждают вопросы сотрудничества по освоению СМП и продвигают его. Данный шаг необходим, чтобы избежать столкновений интересов на государственном уровне.

На этом этапе уже началась реализация нескольких проектов по строительству инфраструктуры по маршруту СМП с участием китайских предприятий. В частности, в сфере модернизации портов на

СМП китайские компании в 2013 г. выразили готовность инвестировать средства в проект строительства глубоководного порта в Архангельске¹⁵. А в сфере использования СМП уже в 2010 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (СНПС) договорилась с российской судоходной компанией «Совкомфлот» об использовании нескольких участков СМП для транспортировки нефти и газа¹⁶. Китайская судоходная компания «Чжунюань» совершила свою первую навигацию по СМП в 2013 г. Она стала символом подключения данного пути к потребностям Китая. Летом 2016 г. были отправлены еще 6 судов этой компании для транзитного прохода по СМП.

Китайские провинциальные правительства и портовые предприятия также отметили возможность включения СМП в свои проекты, состыкованные с концепцией ЦК КПК «Один пояс, один путь». В частности, в 2015 г. в опубликованном в провинции Цзилинь «Генеральном плане о районе комплексного экологического преобразования и развития» была выдвинута идея о «намерении использовать северо-восточный проход вдоль острова Сахалин, полуострова Камчатка, через Берингов пролив, вдоль побережья Русского Севера через Северный Ледовитый океан до Северной и Западной Европы, чтобы превратить провинцию Цзилинь и весь Северо-Восточный район Китая в стратегическую опору государственного плана «Морской Шелковый путь 21-го века». В плане также выражено намерение развивать совместное инвестирование и сотрудничество Китая и России в строительстве порта Зарубино, расположенного на Дальнем Востоке РФ¹⁷.

В том же самом году, после опубликования ЦК КПК документа «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века», Объединение порта Далянь провинции Ляонин также выдвинуло идею разработки плана «Новый Северо-Восточный Шелковый путь». В ней была обозначена цель «формирования северного морского транспортного маршрута, начинающегося с порта Далянь, а также международного транспортного коридора по системе смешанных железнодорожно-морских перевозок и коммерческого центра Далянь — Северо-Восточная Азия». Одновременно с этим выражалась надежда на реконфигурацию промыш-

ленных центров страны благодаря развитию и использованию СМП, и в первую очередь — на возрождение Северо-Восточного промышленного центра¹⁸.

После получения первых результатов участия предприятий и региональных правительств в развитии и использовании СМП следует перейти к следующему этапу — документальному включению проекта развития СМП в стратегию «Один пояс, один путь». С развитием и углублением сотрудничества и взаимодоверия в арктической деятельности благодаря успехам первого этапа обе стороны ищут основания для разработки рамочного соглашения о включении проекта развития СМП в стратегию «Один пояс, один путь». При определении принципов включения следует, во-первых, учитывать коренные интересы России и принцип уважения суверенитета и суверенных прав РФ в Арктике, а также принцип соблюдения существующей системы правил, регулирующих судоходство по СМП. Во-вторых, необходимо придерживаться принципа совместного строительства, изложенного в документе «Концепция и план действий по содействию совместному строительству “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”, который включает положения о том, что следует «полагаться на цели и принципы Устава ООН, руководствоваться принципами открытости и доверия, гармонии и толерантности, рыночной экономики, взаимовыгодного сотрудничества»¹⁹.

Поскольку для широкого коммерческого использования СМП необходимо продвижение большого количества программ и масштабные капиталовложения, то **после документально подтвержденного включения СМП в план «Один пояс, один путь» следует немедленно инициировать переговоры по конкретным отраслевым вопросам, чтобы разработать и утвердить программы и проекты в рамках включения.** Беря за основу сферы, в которых имеет место взаимодополнение сторон (в частности, строительство портовых инфраструктур, судов ледового класса, железных дорог, связывающих национальную железнодорожную сеть с арктическими портами, арктический туризм и т. д.), две страны найдут точки соприкосновения и для совместного освоения СМП.

Арктические порты СМП имеют ключевое значение в обеспечении внешней торговли и перевозок грузов, но они до сих пор являются самым слабым звеном маршрута из-за их низкого уровня модернизации. В связи с малой пропускной способностью и замедленным контейнерооборотом коммерческое судоходство по СМП развивается не так быстро. Китай имеет богатый опыт и владеет высокими технологиями, необходимыми для строительства контейнерных причалов и создания оборудования для обработки контейнеров, поэтому он может вложить капиталы и предоставить необходимые технологии в портах СМП, имеющих потенциал для развития. Китай также преуспел в сфере проектирования и строительства специальных судов, тем более — контейнеровозов. В связи с этим две стороны смогут в рамках включения учитывать интересы совместного строительства контейнерных судов ледового класса, приспособленных для плавания в акватории СМП.

Что касается совместного строительства инфраструктуры, связывающей арктические порты с национальной железнодорожной сетью, то здесь первый совместный план уже существует. Китайский инвестор запланировал вложить капиталы и предоставить соответствующие технологии для строительства Беломоро-Коми-Уральской железнодорожной магистрали (Белкомур). Используя совместно строящийся в Архангельске глубоководный порт в качестве места стыковки морского и наземного путей, данная магистраль способна сократить расстояние между Сибирью и Северной Европой до 800 морских миль²⁰. Участие в строительстве железнодорожных магистралей, связывающих арктические порты, Транссибирскую железнодорожную магистраль и ее ответвления до Китая, будет не только способствовать экспорту товаров с Северо-Востока Китая на Русский Север и в Северную Европу, но и предоставит мощную опору для судоходства по СМП, формирования в Арктике транспортной сети и разработки экономических преимуществ данного региона.

Кроме того, в последнее десятилетие в связи с продлением навигационного периода по СМП арктический туризм стал развиваться в таких российских северных регионах, как Мурманск, Ямало-Ненецкий автономный округ, республика Якутия, Чукотский автономный округ и т. д. Появилось несколько новых туристических маршрутов,

в частности — плавание на ледоколе к Северному полюсу и экскурсии по архипелагам Российского Севера. Из Китая за рубеж ежегодно выезжает огромное количество туристов. Будучи соседней страной с богатыми туристическими ресурсами, Россия может совместно с Китаем развивать туристические ледокольные маршруты из китайских портов до Мурманска. По мере модернизации арктических портов также станет возможным расширять туристические центры, что в дальнейшем поспособствует коммерческому развитию портов и территорий вдоль маршрута.

Примечания

¹ Китай опубликовал план действий по реализации инициатив о строительстве «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» // Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0329/c31521-8870617.html>

² *Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации*. Китай опубликовал план действий по строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1251070.htm>

³ *Ян Цзянь*. Бэйцзи ханюнь юй чжунго бэйцзи чжэнцэ динвэй : [Арктическое судоходство и ориентация китайской политики в Арктике] // Гоцзи гуаньча. 2014. № 1. С. 123—137.

⁴ *Цзян Чжэньцзюнь*. Чжунэ гунцзянь «идайилу» юй шуанбянь цзинмао хэцзо яньцзю : [Китайско-российское совместное строительство «Одного пояса, одного пути» и двустороннее экономическое и торговое сотрудничество] // Элосы дуноу чжуня яньцзю. 2015. № 4. С. 41—47.

⁵ *Новости мира Арктики*. Модель развития Северного морского пути обсудят на Восточном экономическом форуме. URL: http://www.forumarctic.com/conf2015/press-center/news-digest/ekonomika-i-promyshlennost-/model--razvitija-s-evernogo-morskogo-puti-obsud-at-na-vostochnom-ekonomicheskom-forume_1453936025/

⁶ *Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации*. Китай опубликовал план действий по строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1251070.htm>

⁷ *Котляр В.* Использование ледоколов в акватории Северного морского пути для обеспечения безопасности мореплавания судов под иностранным флагом: правовые основы и сложившаяся практика. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6700#top-content.

⁸ *Журавлев П.С.* Арктика в системе международного сотрудничества и соперничества. Архангельск: Уральское отделение РАН, 2015. С. 88.

⁹ Данные администрации Северного морского пути. URL: http://www.arctic-liaison.com/docs/nsr/transits/Tansits_in_2015.pdf

¹⁰ *Правительство Российской Федерации.* Справка о Комплексном проекте развития Северного морского пути. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/18405/>

¹¹ *Фэн Шуай.* Лици хансянь, цзюйлэбу упинь юй бэйфанхайхандао кайфа чжаньлуэ чжуаньсин дэ луцзин сюаньцзэ: игэ чжунфан шицзяо : [«Нишевый» маршрут, клубные продукты и меры по трансформации стратегии развития Северного морского пути: подход китайской стороны] // Элосы яньцзю. 2016. № 1. С. 79—103.

¹² *Николаева А.Б.* Состояние инфраструктуры Северного морского пути // Северный морской путь: развитие коммуникаций в глобальной экономике. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2015. С. 50—52.

¹³ *Зерщикова Н.И.* Модернизация морских портов в развитии арктических коммуникаций // Северный морской путь: развитие коммуникаций в глобальной экономике. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2015. С. 36—38.

¹⁴ *Николаева А.Б.* Указ. соч. С. 50—52.

¹⁵ Чжу Элосы лянбан цзиншан каньчу: Чжунго цие ни тоуцзы цзяньшэ аэрханьгэрсыкэ шэньшуйган цзяньшэ сяньму : [Экономический и коммерческий советник Посольства Российской Федерации: Китайская компания намерена инвестировать капитал в проект глубоководного порта в Архангельске]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/m/201304/20130400098986.shtml>

¹⁶ *Tom Roseth.* Russia's China policy in the Arctic. Statistic analysis. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/09700161.2014.952942>.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

²⁰ *Цзян Чжэньцзюнь.* Указ.соч. С. 41—47.

А. Ч. Мокрецкий

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ» КАК МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ КИТАЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Аннотация. 2017 год — юбилейный год для стран Содружества Независимых Государств и их отношений с Китайской Народной Республикой. Ровно четверть века назад одна за другой постсоветские страны установили дипломатические отношения с Китаем, и в течение 25 лет их двустороннее сотрудничество с КНР поступательно развивается. Пекин, весьма заинтересованный в поиске новых возможностей для реализации собственных задач, комплексно «осваивает» территорию СНГ, увязывает свое развитие с развитием каждой из постсоветских стран. В рамках данной статьи автор рассматривает шесть постсоветских государств (Беларусь, Молдова и Украина и Закавказье — Азербайджан, Армения и Грузия) в плане оценки влияния китайского фактора на их развитие в ходе реализации инициативы «Один пояс, Один путь».

Ключевые слова: Китай, Беларусь, Молдова, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, Экономический пояс Шелкового пути.

2017 год — юбилейный год для стран Содружества Независимых Государств и их отношений с Китайской Народной Республикой. Ровно четверть века назад одна за другой постсоветские страны установили дипломатические отношения с Китаем, и в течение 25 лет их сотрудничество с КНР поступательно развивается. Пекин, макси-

мально заинтересованный в поиске новых возможностей для реализации собственных задач (и особенно через мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»), комплексно «осваивает» территорию СНГ, увязывая собственное развитие с развитием каждой из постсоветских стран.

Страны СНГ рассматриваются в Пекине как отдельно, так и в качестве членов международных организаций. Особую значимость представляет собой развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС) России, Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. В рамках данной статьи охарактеризуем китайские интересы в отношении шести постсоветских государств: трех стран европейского сектора — Беларуси, Молдовы и Украины, а также трех государств Закавказья — Азербайджана, Армении и Грузии. Очевидно, что заинтересованность Пекина в расширении контактов с государствами, граничащими с важным партнером КНР — Российской Федерацией — растет. Поэтому рассмотрение влияния китайского фактора на бывшие государства СССР представляет особый интерес.

Инициатива «Один пояс, один путь»

Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР в марте 2015 г. опубликовали План действий «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского шелкового пути 21-го века”». Документ называет инициативу «Один пояс, один путь» «великим делом на благо народов всех стран мира»¹.

Согласно Плану, китайская инициатива «нацелена на формирование и укрепление взаимосвязанности в материках Азии, Европы и Африки и в омывающих их океанах»². В статье, опубликованной печатным органом ЦК КПК «Жэньминь жибао», эта идея интерпретируется еще шире: «Пояс и путь» «уже доказывает свою эффективность в рамках построения трансконтинентальной экономической стратегии, так как связывает в единое целое Азию и Европу сухопутным и морским путем. Аналогичные разноцветные «гирлянды» мог-

ли бы соединить между собой и остальные континенты, включая ... Антарктиду, так как время активного освоения этого белого пространства стремительно приближается»³. Некоторые ученые называют инициативу «Пояс и путь» платформой для «глобализации нового типа», или «китайской глобализации». «Кроме Азии и Европы, Африка и Латинская Америка могут стать продолжением китайской идеи. А если учитывать важные государства Океании, китайский проект становится глобальным»⁴.

Вспомним озвученные Си Цзиньпином во время визитов в страны Центральной (Казахстан) и Юго-Восточной (Индонезия) Азии в сентябре и октябре 2013 г. пять приоритетов сотрудничества: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами⁵.

Политическая координация («чжэньцэ гоутун»). Здесь имеется в виду укрепление межправительственного сотрудничества, создание многоуровневых механизмов взаимодействия (расширение форматов Китай—Африка, Китай—Латинская Америка, Китай—страны Центральной и Восточной Европы, Китай—арабские страны и др.), интеграция интересов, содействие политическому взаимодоверию.

Взаимосвязь инфраструктуры («шэши лянътун»). Ключевым понятием здесь является «стыковка» («дуйцзе»): стыковка планов по формированию системы технологических стандартов, международных магистралей и сети инфраструктуры, соединяющей Азию, Европу и Африку (например, строительство железных дорог между КНР и Монголией, КНР и Таиландом и т. д.).

Бесперебойная торговля («маои чантун»). Это подразумевает создание благоприятных условий для торговли, устранение инвестиционных и торговых барьеров в регионе и в каждой стране, проведение активных переговоров по созданию сети зон свободной торговли (ЗСТ) со странами и районами вдоль «Пояса и пути» (Азиатско-Тихоокеанская ЗСТ, переговоры по всестороннему региональному экономическому партнерству).

Свободное передвижение капитала («цзыцинь жунтун»): углубление финансовой кооперации, создание стабильной валютной системы, финансово-инвестиционной и кредитно-рейтинговой системы

(развитие Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Банка развития БРИКС, учреждение Фонда Шелкового пути, углубление практического сотрудничества в рамках межбанковского объединения Китай—АСЕАН, включение юаня в международную валютную корзину специальных прав заимствования). Другими словами, начинается «время обеспечения глобальных интересов Китая через создание самостоятельной финансовой системы и неподконтрольных Западу торговых объединений»⁶.

Укрепление близости между народами («миньсинь сянтун»): формирование прочной социальной базы для углубления двустороннего и многостороннего сотрудничества, приумножение духа дружбы и взаимодействия Шелкового пути (культурные, научные обмены, обмены кадрами, сотрудничество СМИ, а также контакты по линии молодежных, женских и волонтерских организаций).

За 3 года существования инициативы «Пояс и путь» ее активно поддержали более 100 государств и международных организаций, более 40 из которых подписали с КНР соглашения о сотрудничестве. «Круг друзей» «Пояса и пути» постоянно расширяется. 14—15 мая 2017 г. в Пекине состоялся форум международного сотрудничества в аспекте этого мегапроекта, где была создана площадка для обсуждения существующих проблем мировой и региональной экономики.

Итак, рассмотрим отношения КНР с шестью постсоветскими странами через призму пяти перечисленных выше приоритетов сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь».

Политическая координация

Страны региона считают китайское направление одним из приоритетных в их внешней политике и международной торговле. Пекин предлагает широкий ассортимент услуг и товаров, продвигая свою глобальную стратегию «Пояс и путь», не выдвигая при этом никаких политических условий и не вмешиваясь во внутренние дела других государств.

Китай поддерживает партнерские связи разного уровня с теми, кто признает его коренные интересы, уважает государственный суве-

ренитет и территориальную целостность КНР. Все рассматриваемые постсоветские страны подтверждают свою приверженность политике «одного Китая» по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. В ответ на это КНР не вмешивается в региональные конфликты (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Гагаузия, Приднестровье, Крым, Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика), призывая к решению территориальных споров исключительно путем политических консультаций и дипломатических переговоров согласно Уставу ООН и международному праву. В частности, Китай подтверждает свою готовность оказать содействие в вопросе урегулирования карабахского вопроса исключительно мирным путем⁷, а также призывает обе стороны проявить «сдержанность» и «спокойствие»⁸.

Пекин внимательно следит за развитием украинского кризиса, похожего на Гордиев узел. В прессе КНР появляются комментарии о том, что пришло «время, когда все политические силы Украины должны поставить интересы народа превыше всего», чтобы «достичь единства по продвижению внутренних реформ и всестороннему выполнению Минских договоренностей»⁹. Вместе с тем подчеркивается важность поддержки процесса урегулирования на Украине со стороны международного сообщества. «Страны, способные повлиять на политическую конфигурацию Украины, обязаны приложить дипломатические усилия». То есть по вопросу кризиса на Украине китайское правительство придерживается позиции «справедливости и объективности»¹⁰.

Наблюдается повышение динамики *политических контактов* на высоком и высшем уровнях. 24—28 марта 2015 г. Пекин посетил президент Армении С. Саргсян, а 8—11 декабря 2015 г. — президент Азербайджана И. Алиев. Член ПК Политбюро ЦК КПК, вице-премьер Госсовета КНР Чжан Гаоли нанес официальный визит в страны Закавказья в начале июня 2016 г. (в Азербайджан, Грузию и Армению).

17 января 2017 г. на полях Всемирного экономического форума в Давосе председатель КНР Си Цзиньпин провел переговоры с президентом Украины П.А. Порошенко.

А перед проведением форума «Пояса и пути» в Пекине в мае 2017 г. заместитель МИД КНР Ли Баодун отметил, что все участники желают «внимательно выслушать выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия»¹¹. Китай принял примерно 1500 гостей. Во время форума прошел государственный визит президента Беларуси А.Г. Лукашенко (13—16 мая 2017 г.). В работе форума также приняли участие представители Азербайджана (министр экономики Ш. Мустафаев), Армении (министр экономического развития и инвестиций С. Караян и министр связи и транспорта В. Мартиросян), Грузии (министр экономики и устойчивого развития Г. Гахария, вице-премьер и министр финансов Д. Кумсишвили), Молдовы (вице-премьер, министр экономики О. Калмык) и Украины (министр экономического развития и торговли С. Кубив).

Большинство рассматриваемых в данной статье стран представлено в региональных организациях. В частности, на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Уфе 10 июля 2015 г. было принято решение о расширении представительства ряда из них: статус Беларуси в ШОС был повышен с партнера по диалогу до наблюдателя, а Азербайджан и Армения были приняты в ШОС в качестве новых партнеров по диалогу¹².

Укрепляются *межпартийные и межпарламентские контакты*. Ведущие политические партии стран СНГ и Грузии наносят визиты в китайские города. Председатель Партии коммунистов Молдовы (ПКРМ) В. Воронин встретился с послом КНР в этой стране Чжан Инхуном 4 июля 2016 г., а очередная делегация ПКРМ с 18 по 27 сентября 2016 г. побывала с официальным визитом в Китае.

Углубляются *связи на региональном уровне*. Одним из важных факторов развития двусторонних отношений являются региональное сотрудничество и побратимские связи. Башкан Гагаузии И. Влах встретила 24 мая 2016 г. с членами правительственной делегации китайской провинции Хэйлунцзян. А 13 апреля 2017 г. состоялась встреча главы белорусского государства А.Г. Лукашенко и секретаря комитета КПК провинции Хунань Ду Цзяхао.

По данным посольства Республики Беларусь в КНР, на сегодняшний день существует три уровня белорусско-китайских экономических и побратимских связей: уровень «область—провинция»

(9 случаев установления связей), уровень «город—город» (19) и уровень «отделение Белорусской торгово-промышленной палаты — отделение Китайского комитета по содействию международной торговли» (10)¹³.

Взаимосвязь инфраструктуры

Каждая из шести рассматриваемых постсоветских стран надеется стать важным транзитным элементом в инициативе «Пояс и путь» и соответственно — извлечь достойную выгоду из своего географического положения.

В частности, президент РБ А.Г. Лукашенко неоднократно заявлял об «интеграции интеграций» (в связи с нахождением страны между мощными экономическими игроками в лице Китая, стран ЕАЭС и Европейским союзом на пересечении дорог к Балтийскому и Черному морям): Беларусь как «страна, открытая всем геополитическим и экономическим ветрам» должна «стать одной из узловых платформ нового Шелкового пути в Евразийском регионе». Другими словами, «максимально использовать все стимулы», которые предоставляет КНР: «колоссальные средства в развитие ... государств, через которые проляжет Шелковый путь»¹⁴. В этих целях президент РБ ставит перед губернаторами страны амбициозную задачу «о ежегодном привлечении в каждую область не менее 100 млн долл. прямых китайских инвестиций».

Украина продвигает проект Транскаспийского транспортного пути в обход России. Экспериментальный контейнеровоз с украинскими товарами был отправлен в путь в январе 2016 г. Он прошел от станции Изов на границе Украины и Польши до станции Достык на границе Казахстана и КНР. В дальнейшем грузы были отправлены в крупные промышленные города КНР — Чжэнчжоу, Чунцин, Ляньюньган. При этом Китай положительно оценил данную инициативу Киева¹⁵. Несмотря на скептическое отношение российских экспертов к данному проекту¹⁶, стремление Украины появиться «на карте Шелкового пути Китая как логистический хаб»¹⁷ становится реалистичнее.

Компании из Китая заинтересованы в установлении с властями и фирмами из Молдовы государственно-частного партнерства для реализации крупных проектов по ремонту и строительству дорог общей стоимостью, превышающей 700 млн долл. США¹⁸: автотрассы Унгены—Кишинев—Одесса по территории Молдовы (протяженность трассы составит примерно 220 км, она будет иметь 4 полосы движения) и реконструкции объездной дороги в Кишиневе. Кроме того, крупные инвесторы из КНР готовы вложиться в сооружение небольшой атомной электростанции, способной закрыть импортные потребности РМ в электроэнергии объемом 3,5—4 млрд кВт·ч¹⁹.

Китайская сторона активно присматривается к инфраструктурным проектам в странах Закавказья: строительству порта Алят в Азербайджане, железнодорожных магистралей Иран—Армения²⁰, Баку—Тбилиси—Карс²¹, проекту реабилитации аэродрома в регионе Гурия²², «Шелковой железной дороги» с крайнего востока Китая в Европу через Казахстан, Азербайджан и Грузию²³, развитию Потийской свободной индустриальной зоны²⁴, автомобильным дорогам Север—Юг в Армении²⁵. Как полагает директор ИРВЕЦА КАОН Ли Юнцюань, «осуществление нового проекта невозможно представить без участия Южного Кавказа, который может сыграть важную роль в обеспечении эффективности данной инициативы»²⁶.

Бесперебойная торговля

Пристальное внимание уделяется *торгово-экономической кооперации* на двустороннем уровне. Пекин, унаследовав установки предыдущих поколений руководителей КНР, продолжает системную, глубоко эшелонированную «экспансию» в постсоветские страны. Пекин проводит жесткий и настойчивый курс, создает асимметричные модели торговой кооперации, то есть идет на формирование пассивного для себя баланса товарооборота с постсоветскими государствами, дабы сфокусировать их коммерческие интересы на себе, широко использует географическое положение этих стран как эко-

номические и логистические плацдармы на европейском рынке, предоставляет кредиты под конкретные проекты, а также гранты для реализации совместных программ.

КНР проводит международные выставки-ярмарки, например, «Китай—Евразия ЭКСПО» в Урумчи. 5-я выставка состоялась 20—25 сентября 2016 г.²⁷ При этом, китайские власти уделяют серьезное внимание тому, чтобы СУАР становился «центральной зоной» ЭПШП для политических и деловых обменов между Китаем и его западными и южными соседями. В рамках 5-й выставки прошли 15 форумов на уровне министров, обсуждались вопросы кооперации в 16 областях, в том числе научно-технологическое сотрудничество, финансы, борьба с бедностью, промышленность и торговля, транспорт, логистика, сельское хозяйство, туризм, культура и др. Были подписаны соглашения на сумму 18 млрд долл.

Пекин системно инвестирует в развитие сельского хозяйства за рубежом и увеличение экспорта экологически чистой продукции из постсоветских стран. Китай считает **Украину** «страной с уникальными географическими преимуществами и большим потенциалом развития»²⁸. По итогам 2016 г., китайско-украинский товарооборот превысил 6,5 млрд долл.²⁹; быстрыми темпами растет объем поставок украинского агропрома в КНР: с 2011 по 2015 г. он увеличился в 12 раз и достиг 1,24 млрд долл. Киев рассматривает возможность поставок черешни, яблок и голубики³⁰ и планирует увеличить в 2017 г. экспорт на 2 млрд долл. В свою очередь, компания *China National Complete Engineering Corporation* заинтересована в создании китайского модернизированного сельскохозяйственного парка и проведении двустороннего агрофорума в Пекине и Киеве³¹.

За 25 лет сотрудничества между КНР и **Азербайджаном** товарооборот увеличился в 500 раз, достигнув 770 млн долл.³² Пекин является одним из пяти крупных торговых партнеров Баку, полагая, что Азербайджан обладает «богатými природными ресурсами» и «благоприятными почвенно-климатическими условиями»³³. Есть большой потенциал для взаимодействия двух стран в области земледелия, переработки сельскохозяйственной продукции, в том числе шелководства (Азербайджан намерен производить шелк, закупив у Китая личинки тутового шелкопряда, и 1,6 млн тутовых саженцев³⁴). В Азерб-

байджане же производятся высококачественная фруктово-овощная продукция, способная заинтересовать Китай.

Увеличивается экспорт алкогольной продукции из **Молдовы** и **Закавказья**. В рамках поощрения бренда «Made in Azerbaijan» начат экспорт вина в Китай³⁵. Только за январь—апрель 2017 г. **Грузия** экспортировала в КНР около 2,4 млн бутылок (рост 207 %) этого натурального продукта³⁶. Кроме того, страны принимают активное участие в международных выставках на территории Китая: на крупнейшей ярмарке напитков и продовольствия China Food and Drink Fair 2017 в Чэнду были представлены почти 200 брендов алкогольной продукции Молдовы.

Важно отметить развитие формата бизнес-контактов. 25 апреля 2017 г. в Киеве состоялся украино-китайский бизнес-форум, в ходе которого стороны определили перспективные направления взаимовыгодного сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь». В августе 2016 г. в Баку состоялась встреча представителей Азербайджанского фонда поощрения экспорта и инвестиций (*AZPROMO*) и Совета поощрения международной торговли Китая (*CCPIT*). Проводятся заседания в рамках азербайджано-китайской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Правительство Армении в феврале 2017 г. приняло решение об учреждении должности торгового атташе в Китае³⁷ в целях расширения торгово-экономических связей.

Примечательно, что КНР активно стремится к созданию сети зон свободной торговли в постсоветских странах. Так, Грузия является первым государством в Закавказье, с которым Китай оформил соглашение о ЗСТ³⁸. Подписание состоялось на форуме «Пояс и путь» 15 мая 2017 г. Для Тбилиси открывается рынок, охватывающий более 1,4 млрд потребителей; кроме того, примерно 94 % грузинской продукции освобождается от таможенных пошлин. Вице-премьер, министр экономики Молдовы О. Калмык, выступая на форуме «Пояс и путь», также заявил о скором подписании подобного соглашения с его страной³⁹. Поступает информация о том, что Китай заинтересован в создании ЗСТ с Украиной⁴⁰ и Азербайджаном⁴¹.

Свободное передвижение капитала

Расширяется *финансовое сотрудничество*. Крупнейшая китайская корпорация *China Energy Company Limited (CEFC)* и компания *Eurasian Invest LLC* откроют банк для развития Грузии⁴². Официальная церемония подписания декларации, предусматривающая основание банка, состоялась в Пекине 14 мая 2017 г. Основной капитал нового банка составит 1 млрд долл., а накопительный — 300 млн.

Пекин активно скупает украинские облигации. Как заявил советник по торгово-экономическим вопросам посольства КНР на Украине Лю Цзюнь, Китай инвестировал более 7 млрд долл. в украинские облигации⁴³. Средства направляются на проекты в сельскохозяйственной, энергетической, инфраструктурной и других сферах экономики. В частности, в Черниговской области 4 года работает крупный китайский инвестор — компания «Фанда», которая намерена создать современный агрокомплекс⁴⁴. Общий объем инвестиций, предположительно, составит более 50 млн долл. Основными направлениями работы «Фанда» являются молочное животноводство, свиноводство, а также выращивание зерновых культур, кормовых трав, овощей и фруктов. Под эти цели компания взяла в аренду на 25 лет 3000 га земли.

КНР приобретает украинские банки: компания *Bohai Commodity Exchange* купила на аукционе 99,9 % акций Украинского банка реконструкции и развития⁴⁵.

По оценкам Министерства экономического развития и торговли Украины, общий объем совместных государственных инвестиционных проектов превышает 7 млрд долл.⁴⁶ В частности, госкорпорация *CNBM International Corporation* намерена направить до 2 млрд долл. на модернизацию энергетических предприятий Украины. А компании *China National Complete Engineering Corporation* и *Golden Concord Holdings Limited* планируют вложить 1 млрд долл. в строительство солнечных электростанций в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС.

Что касается Азербайджана, то в первом квартале 2016 г. правительство Китая инвестировало в различные сферы экономики страны 419 млн долл.⁴⁷ Баку направил инвестиции в 59 проектов, реализованных в Китае; общий объем этих капиталовложений составил

7,8 млн долл. Китайские компании участвуют в Азербайджане в 12 проектах стоимостью свыше 640 млн долл.⁴⁸ В стране действует 77 компаний с китайским капиталом. Двустороннее сотрудничество развивается в транспортном и энергетическом секторах. В Нахичевани на китайских технологиях производятся автомобили, продукция начала диверсифицироваться⁴⁹.

Азербайджанская нефтяная компания *SOCAR* 15 лет сотрудничает с Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (*CNPC*), у которой она закупила оборудование для нефтехимической сферы на сумму более 500 млн долл. Во время форума «Пояса и пути» компании подписали меморандум о взаимопонимании в рамках проекта *SOCAR GPC*, а также договор о предварительном детальном проектировании газоперерабатывающего завода и полиэтиленового нефтехимического комплекса⁵⁰. В рамках проекта *GPC* планируется создать газоперерабатывающий и нефтехимический комплекс в 15 км от Баку, мощность которого составит около 10 млрд куб. м газа в год, а также целый ряд газоперерабатывающих установок. Стоимость проекта *SOCAR GPC*, по первоначальным оценкам, составляет приблизительно 4 млрд долл.

Китай предоставляет различное материально-техническое и финансовое содействие постсоветским странам, в частности, он выделил кредитную линию на сумму около 15 млрд долл. на реализуемые в Беларуси проекты⁵¹ (строительство социального жилья, предоставление инспекционно-досмотровых комплексов автодорожным пунктам Брестской таможни и др.); для Армении — 200 машин «скорой помощи» (стоимостью 9,8 млн долл.) и 4 мобильных кинотеатра (около 48 тыс. долл.); а также 23,5 тыс. новых компьютеров украинским школам и оборудование для 3 лингафонных кабинетов в Киевской гимназии восточных языков № 1.

Укрепление близости между народами

Наблюдается наращивание *взаимодействия в области науки и технологий*. В XXI в. КНР не только активно ассимилирует и поглощает иностранные технологии, создавая собственные продукты, но

также начинает распространять технологии в других государствах, и страны бывшего СССР не являются исключением. Так, китайская корпорация *Huawei* подписала меморандум с Министерством транспорта, связи и информационных технологий Армении о создании «умного города». *Huawei* 15 лет работает на белорусском рынке. За это время стороны реализовали немало совместных проектов, в том числе «Семена будущего» (данный проект призван привлечь белорусскую молодежь к изучению новых технологий). Идет и интенсивная работа над глобальным проектом «Умный дом»⁵².

В 2016—2020 гг. Украина и Китай намерены реализовать 71 совместный проект в области космических исследований⁵³. Причем большая часть проектного пакета будет нацелена на создание ракетно-космической техники с учетом реализации Китаем Лунной программы и миссии по исследованию планет Солнечной системы. Кроме того, украинская и китайская стороны планируют наладить сотрудничество в области создания новых материалов и дистанционного зондирования Земли.

Национальный научный фонд Китая готов профинансировать исследовательские группы из стран Шелкового пути, в том числе из Грузии⁵⁴. Самые интересные проекты китайская сторона выберет вместе с Национальным научным фондом им. Шота Руставели. Таким образом, научный фонд КНР намерен создать эффективную международную информационную платформу для разработки инноваций в области естествознания, инженерии и здравоохранения.

Активно расширяется *гуманитарное сотрудничество*. Проводятся презентации книг и журналов. Организуются дни и недели национальных культур, поэзии, кино, живописи, скульптуры и др. Совместно проводятся встречи традиционных праздников, например, китайского Нового года (по лунному календарю). Запускаются сайты на китайском языке, например АзерТадж (и реализация с *Huawei* проекта «Красивый Азербайджан»). Открываются культурные центры (Центр сотрудничества Молдова-Тайцан) и музеи (музей-галерея Тараса Шевченко в Пекине). Фильмы из постсоветских стран получают специальные призы («Гара бах» А. Мамиева и «Маяк» Ф. Ахмедова). Растет количество интернациональных браков (создаются белорусско-китайские семьи⁵⁵).

Популяризируется изучение китайского языка. Проводятся различные конкурсы (например, конкурс китайской песни в Баку в 2017 г.), открываются летние лингвистические лагеря. Китайские вузы выделяют квоты для студентов из стран СНГ и Грузии (пять стипендий для молдаван на 2017—2018 учебный год, кроме этого, 10 белорусских студентов отправятся на двухнедельную стажировку в Китай для изучения IT-технологий). В свою очередь, языки постсоветских стран начинают преподаваться в Китае как отдельные дисциплины (армянский язык в Пекинском институте иностранных языков). На территории стран бывшего Советского Союза открываются институты и классы Конфуция. По официальным данным Государственной канцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, в настоящее время в рассматриваемых странах действует 13 институтов и 13 классов Конфуция, в том числе на Украине — 5 и 1, в Беларуси — 3 и 7, в Молдове — 1 и 1, в Азербайджане — 2 Института, в Армении и Грузии — по 1 Институту, плюс в Армении — 3 школы, а в Грузии — 1⁵⁶.

Активно развивается туристическая отрасль. В частности, Ассоциация индустрии гостеприимства Украины провела в Киеве специализированный форум⁵⁷, в ходе которого эксперты отметили, что китайцев может заинтересовать культура, история, гастрономия и так называемый «дарк»-туризм, то есть посещение Чернобыля, мест, связанных со Второй мировой войной, или индустриальных объектов. Устанавливаются безвизовые режимы (с 12 февраля 2017 г. вступил в силу указ президента РБ, разрешающий безвизовый въезд гражданам 80 стран мира) или упрощенный порядок въезда (с 20 июня 2016 г. в киевском аэропорту «Борисполь» и с 1 октября в аэропорту «Одесса»), открываются прямые авиарейсы (Урумчи—Пекин—Тбилиси).

* * *

Китай продолжает проводить глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную» «экспансию» в постсоветские страны, активно используя контекст «Пояса и пути» и его составляющей — ЭПШП. Вместе с тем поддерживаемый элитой этих государств мега-

проект «Пояс и путь» вызывает беспокойство среди простого населения. Происходят уличные манифесты в Грузии (конфликт во время строительства железнодорожного тоннеля⁵⁸ был вызван убеждением грузинского населения в том, что китайцы отбирают работу и ведут себя неподобающим образом), молдавские экологи высказывают опасения по поводу возведения в Молдове атомной электростанции⁵⁹, а жители Беларуси возмущены строительством китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень», поскольку считают его закрытой для них территорией — неким «Чайна тауном»⁶⁰.

Однако следует отметить, что Пекин внимательно отслеживает реакцию на свои инициативы в странах-партнерах и старается принимать оперативные меры по разрешению возникающих недопониманий и конфликтов.

Возможное влияние китайского фактора на постсоветские страны в ходе намечающейся реализации инициативы «Один пояс, один путь» впредь потребует подробного, постоянного анализа, в том числе в интересах прогнозирования российско-китайских отношений.

Примечания

¹ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути 21-го века. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2015. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 16.03.2017).

² Там же.

³ Жэньминь жибао. 28.02.2017.

⁴ Хуаньцю шибао. 12.12.2016.

⁵ Прекрасные перспективы и практические действия...

⁶ *Тавровский Ю.В.* Дональд Трамп — ученик Си Цзиньпина? // Независимая газета. 27.02.2017.

⁷ Новости-Армения. 15.04.2016.

⁸ Вести Кавказа. 05.04.2016.

⁹ Жэньминь жибао. 21.02.2016.

¹⁰ Зеркало недели. 21.04.2017.

- ¹¹ Официальный сайт МИД КНР. 11.05.2017. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1460710.shtml> (дата обращения: 14.05.2017).
- ¹² Жэньминь жибао. 11.07.2015.
- ¹³ URL: http://china.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/regional/ (дата обращения: 15.05.2017).
- ¹⁴ Послание к белорусскому народу и Национальному собранию, 21 апреля 2017. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059/ (дата обращения: 14.05.2017).
- ¹⁵ Inews.az. 25.01.2016.
- ¹⁶ См., напр.: Взгляд. 01.02.2016.
- ¹⁷ Жэньминь жибао. 27.04.2017.
- ¹⁸ noi.md. 02.11.2016.
- ¹⁹ ИА ИНФОТАГ. 14.04.2017.
- ²⁰ ИА АРКА. 19.02.2016.
- ²¹ Жэньминь жибао. 17.10.2014.
- ²² Новости-Грузия. 06.04.2017.
- ²³ Грузия Online. 13.12.2015.
- ²⁴ Вести Кавказа. 16.01.2017.
- ²⁵ Жэньминь жибао. 09.12.2015.
- ²⁶ Inews.az. 15.05.2015.
- ²⁷ URL: <http://ru.caeeexpo.org/xwew/74841.jhtml> (дата обращения: 15.05.2017).
- ²⁸ Зеркало Недели. 27.04.2017.
- ²⁹ Жэньминь жибао. 03.02.2017.
- ³⁰ Жэньминь жибао. 27.04.2017.
- ³¹ Жэньминь жибао. 28.04.2017.
- ³² Inews.az. 30.03.2017.
- ³³ Inews.az. 06.04.2017.
- ³⁴ Вести Кавказа. 30.10.2016.
- ³⁵ ИА Vesti.az. 30.01.2017.
- ³⁶ Бизнес Грузия. 05.05.2017.
- ³⁷ ИА АРКА. 02.02.2017.
- ³⁸ Грузия Online. 13.05.2017.
- ³⁹ noi.md. 15.05.2017.
- ⁴⁰ Зеркало недели. 07.11.2016.
- ⁴¹ ИА Trend. 03.05.2017.

-
- ⁴² Грузия Online. 14.05.2017.
- ⁴³ Зеркало недели. 26.04.2017.
- ⁴⁴ Жэньминь жибао. 20.04.2017.
- ⁴⁵ Вести Кавказа. 30.11.2016.
- ⁴⁶ Жэньминь жибао. 03.02.2017.
- ⁴⁷ Inews.az. 30.03.2017.
- ⁴⁸ Вести Кавказа. 20.08.2016.
- ⁴⁹ Вести Кавказа. 12.08.2016.
- ⁵⁰ ИА Trend. 15.05.2017.
- ⁵¹ Советская Белоруссия. 28.04.2017.
- ⁵² Советская Белоруссия. 11.05.2017.
- ⁵³ Жэньминь жибао. 09.04.2016.
- ⁵⁴ Sputnik-Georgia. 24.04.2017.
- ⁵⁵ Советская Белоруссия. 12.05.2017.
- ⁵⁶ URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 14.05.2017).
- ⁵⁷ Жэньминь жибао. 17.03.2017.
- ⁵⁸ Новости-Грузия. 03.11.2016.
- ⁵⁹ Sputnik Moldova. 11.07.2016.
- ⁶⁰ Bel.biz. 10.09.2015.

С.Л. Сазонов

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ

Аннотация. В статье констатируется, что проект создания Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) был разработан руководством Китая в качестве долгосрочной стратегии сопряжения транспортных сетей Китая и стран Центральной Азии с перспективой их последующей трансформации в евразийский транзитный транспортный коридор. Автор полагает, что наиболее тесное взаимодействие в русле реализации этой стратегии осуществляется между Китаем и Казахстаном, когда транзитные потоки из стран АТР, формируемые в КНР, передаются Казахстану для дальнейшей маршрутизации в страны Центральной Азии и Европы. В доказательство этого положения в статье приводится анализ логистических систем, форм и методов трансграничной передачи транзитных экспортных грузов в китайско-казахстанском транспортном коридоре.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), транспортная стратегия, международный транзитный коридор, логистическая цепочка, перевозка грузов, транзитный потенциал, транспортная инфраструктура.

Вследствие непригодности дальневосточных портов РФ для обработки значительных объемов транзита, способных обеспечить рентабельную загрузку Транссиба, Китай воспользовался возможностью стать не только основным «впускным клапаном», но и «гене-

ральным диспетчером» евразийских внутриконтинентальных транзитных потоков. Ныне он определяет количество и направление маршрутов транзитных грузов через свою территорию, пополняя их за счет немалых объемов собственной продукции. Кроме того, учитывая преимущества своего геополитического положения в АТР и близость Центральной и Южной Азии, Китай приступил к формированию альтернативных железнодорожных и автомобильных коридоров «Азия—Европа».

Как известно, в «золотом сентябре» (по образному сравнению китайской прессы) 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин поочередно совершил государственные визиты в Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан, где обсуждал перспективы укрепления евразийской экономической интеграции. За 10 дней поездки был подписан ряд документов, в том числе о выведении отношений со всеми странами ЦА на уровень «стратегического партнерства».

Во время этого визита китайский лидер, выступая в Астане с лекцией в Университете им. Н. Назарбаева, выдвинул инициативу по совместному созданию Китаем и странами Центральной и Юго-Восточной Азии «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» (инициатива «Один пояс, один путь»). А в официальном документе Госкомитета по делам развития и реформ (ГКРР), Министерства иностранных дел и Министерства коммерции КНР, детализировавшем предложение Си Цзиньпина и опубликованном в марте 2015 г., основным направлением проекта «Один пояс, один путь» названо создание нового континентального моста между Европой и Азией и обеспечение взаимосвязи инфраструктуры участвующих сторон¹.

Инициатива Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), насущно важная именно для стран ЦА в силу их внутриконтинентального положения, предусматривает решение ряда стратегических задач, среди которых «усиление политического взаимодействия, расширение строительства железнодорожных и автомобильных магистралей, которые свяжут страны Центральной Азии и Китай, содействие взаимовыгодной торговле, стимулирование взаимных инвестиций, расширение использования национальных валют во

внешнеторговых расчетах, создание зон свободной торговли и укрепление взаимопонимания»². *В перспективе объединенная транспортная сеть позволит сформировать транспортный коридор от стран АТР до стран Западной Европы, объединив 18 азиатских и европейских стран общей площадью 50 млн кв. км с населением в 3 млрд человек*³.

Отсюда следует, что главную тяжесть усилий по формированию альтернативных железнодорожных и автомобильных коридоров «Азия—Европа» должен принять на себя проект ЭПШП (*Сычоу чжилу цзинци дай*). Однако он не исключает и «частных», двусторонних инициатив и усилий, направленных на достижение генеральной задачи строительства трансконтинентального моста, и не сводится к решению лишь транспортных проблем: его реализация позволит обеспечить усиление экономического и, следовательно, политического влияния Китая в странах Центральной, Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, Закавказья, Восточной Европы.

Центральная Азия является первым по очередности и весьма важным направлением ЭПШП. Активное внедрение Китая в Центральную Азию (ЦА) стало результатом признания потенциала этого региона как ключевого звена евразийского транспортного коридора. Географическая близость к КНР и общая с ней граница протяженностью более 3,3 тыс. км, относительная внутривнутриполитическая стабильность, расположенность к созданию транспортных коридоров в силу проводимого центральноазиатскими государствами курса на диверсификацию экспортных поставок — все это делает регион Центральной Азии (ЦАР) чрезвычайно привлекательным для КНР в плане реализации ее инфраструктурных задач.

Китай граничит с Казахстаном (протяженность общей границы 1,7 тыс. км), Кыргызстаном и Таджикистаном и отдален небольшим расстоянием от Узбекистана и Туркменистана⁴. К настоящему времени КНР является главным торговым партнером Казахстана и Туркменистана⁵, вторым по объему товарооборота для Кыргызстана⁶ и Узбекистана⁷ и третьим — для Таджикистана⁸.

На 13-м заседании глав правительств ШОС (Астана, декабрь 2014 г.) премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что именно **Казахстан** становится для Китая «основными транспортными воротами» в Центрально-Азиатский регион и рассматривается руково-

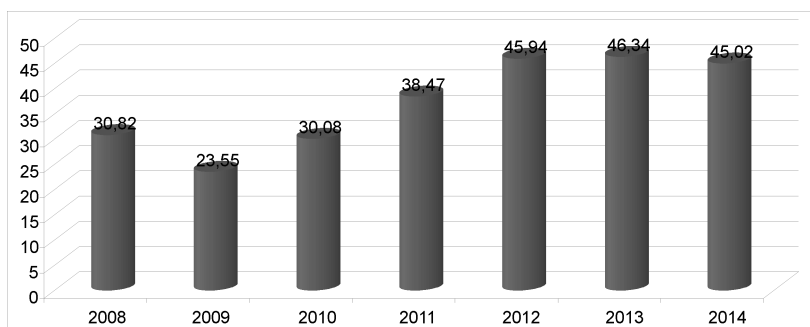

Рис. Объем торговли КНР с пятью странами Центральной Азии, млрд долл.

Источник: China-Central Asia trade accelerates. URL: http://english.people.com.cn/90883/84262_20.html; Чжунхуа жэньминь гунхэго гоця тунцицизюй : [Государственное бюро статистики КНР]. URL: <http://data.stats.gov.cn/workspace/index?sessionId=480C0531DF8743FA75E0E19A32729B5A?m=hgnd>

дством КНР в качестве главного звена будущей евроазиатской трансконтинентальной транзитной магистрали⁹. Очевидно, что и Казахстан стремится привлечь к себе подавляющую часть континентального грузопотока «Азия—Европа» и увеличить объемы транзитных перевозок с 80 млн т (в 2015 г.) до 170 млн т в 2020 г.¹⁰, наращивая доходы от евроазиатского транзита с нынешних 800 млн долл.¹¹ до 2 млрд в 2020 г. и 10 млрд в 2050 г.¹²

В настоящее время начата работа по сопряжению китайской инициативы ЭПШП и казахстанской государственной программы инфраструктурного развития «Нурлы жол» («Светлый путь»). В мае 2015 г. в г. Сиань состоялся первый международный таможенный форум, на котором представители 70 стран обсуждали перспективы развития проекта ЭПШП. В рамках форума Китай и Казахстан договорились о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) в крупных городах вдоль железных дорог, проходящих вдоль Пути¹³.

В 2016 г. Казахстан в рамках ШОС занял 1-е место по объемам привлеченных китайских ПИИ. В 2016 г. общий объем китайских ПИИ в более чем 40 крупных проектов в Казахстане составил 20 млрд долл., причем большая часть инвестиций была направлена именно на сооружение и реконструкцию транспортной инфраструктуры¹⁴.

В ходе сопряжения ЭПШП и проекта «Нурлы жол» сотрудничество между Китаем и Казахстаном будет расширяться и далее. В марте 2017 г. местные власти округа Тачэн (СУАР) и правительство Казахстана пришли к соглашению о начале строительства железной дороги Тачэн—Аягоз (Казахстан). Железная дорога протяженностью 265 км пересечет китайско-казахстанскую границу на контрольно-пропускном пункте (КПП) Бакту и соединится в Аягозе с железнодорожной веткой, идущей из Центральной Азии в Сибирь, и далее состыкуется с Транссибирской магистралью¹⁵. Таким образом, будет сформирован новый международный железнодорожный маршрут, который свяжет Азию и Европу.

Сопредельной Казахстану китайской территорией и важнейшим средоточием всех евразийских транзитных маршрутов КНР является СУАР, а основными коммуникационными «узлами» — контрольно-пропускные пункты на китайско-казахстанской границе Алашанькоу и Хоргос, через которые транспортные потоки направляются в более 30 стран Евразии. В СУАР уже функционируют 111 международных автомобильных и железнодорожных логистических маршрутов в 5 соседних стран — Монголию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Пакистан, в том числе 54 международных пассажирских линии и 57 международных грузовых линий.

В 2016 г. объем грузооборота СУАР достиг 3,46 млн т¹⁶. Ввиду успешности развития международной торговли в Синьцзяне разрабатываются планы по учреждению в Урумчи международного регионального финансового центра и последующего создания ЗСТ «Китай—Центральная Азия», аналогичной модели сотрудничества «Китай—АСЕАН»¹⁷.

В 2016 г. объем внешней торговли Автономного района с 5 странами Центральной Азии превысил 20 млрд долл. и составил около 70 % от общего внешнеторгового оборота СУАР¹⁸. Крупнейшим торговым партнером СУАР в 2016 г. оставался Казахстан, на долю которого пришлось 28,5 % объема внешней торговли автономного района¹⁹ (в стоимостном выражении — 7,88 млрд долл.)²⁰. В 2016 г. грузооборот между двумя сторонами составил 8,3 млн т²¹, а в 2017 г. он должен возрасти до 10,99 млн т²².

Передача китайского груза в Казахстане производится на пограничном КПП Алашанькоу (СУАР КНР) — Достык (ранее — Дружба), который начал функционировать в 1992 г. Через этот пограничный пункт проходит и автомобильный транзит грузов из Китая в страны ЦАР. В последние годы руководство СУАР стало уделять внимание перепрофилированию этого КПП на перевалку железнодорожных грузов. Китайская сторона постоянно модернизирует свой сектор железнодорожного пограничного перехода Алашанькоу—Достык. Так, с 2003 г. Министерство железных дорог КНР инвестировало по 500 млн юаней в реконструкцию КПП, строительство новых станционных и складских помещений, расширение приемоотправочных путей, предназначенных для замены колесных пар или перегрузки вагонов²³. Объемы контейнерных перевозок, осуществляемых через КПП Алашанькоу, ныне значительно превышают показатели других китайских пограничных железнодорожных переходов.

Здесь стоит отметить, что прямое железнодорожное сообщение КНР с Россией, Казахстаном, Монголией, КНДР и Вьетнамом осуществляется всего через 12 пограничных железнодорожных переходов. Работа пограничных станций во многом осложнена разницей ширины колеи. Если в КНР она составляет 1435 мм, в России — 1520, в Монголии — 1524, то во Вьетнаме — 1535 и 1000 мм. Поэтому приходится производить перегрузку либо в отдельных случаях осуществлять перестановку вагонов на колесные пары другой ширины, что приводит к задержкам при пересечении границы, а время обработки составов попадает в зависимость от мощности перегрузочного оборудования.

В 2016 г. ГКРР определил КПП Алашанькоу в качестве важнейшего пропускного пункта грузоперевозок между КНР и странами Европы²⁴. КПП превратился в крупнейший в Китае сухопутный международный порт: за 20 лет после открытия его мощности по обработке грузов увеличились со 160 тыс. т в 1991 г. до более 28 млн т в 2016 г.²⁵

В течение долгого времени КПП Алашанькоу—Достык оставался единственным железнодорожным переходом на китайско-казахстанской границе. Но в 2013 г. был достроен 293-километровый

участок железной дороги из Казахстана Жетыген—Алтынколь—Хоргос, и казахстанская железная дорога соединилась с 286-километровой железнодорожной магистралью Цзинхэ—Инин—Хоргос, где был оборудован второй железнодорожный пункт пропуска — КПП Хоргос. Он стал воротами нового дублирующего железнодорожного транзитного маршрута на запад через казахстанскую территорию, позволил в 2016 г. обеспечить обработку около 20 млн т транзитных грузов²⁶. КПП расположен в 378 км от Алматы и обладает более явными географическими преимуществами по сравнению с КПП Алашанькоу, поскольку позволяет значительно сократить маршрут транспортировки грузов из провинций Западного Китая до крупнейшего города Казахстана. В 2015 г. статус железнодорожного КПП Хоргос—Алтынколь был повышен с двустороннего до международного²⁷.

К 2020 г. КПП Хоргос обеспечит увеличение объема транзита по казахстанской территории до 50 млн т²⁸. Его открытие как второго китайско-казахстанского железнодорожного пограничного перехода позволяет на 500 км сократить расстояние транспортировки от Китая до южных областей Казахстана и стран Центральной Азии. Дублирующий международный железнодорожный коридор даст Китаю возможность освоить среднеазиатский рынок с населением 60 млн человек и закрепиться на западноазиатском и европейском рынках²⁹.

С ноября 2016 г. грузовые поезда Китай—Центральная Азия стали пересекать границу Китая ежедневно, а всего по этому маршруту с 2014 г. до начала 2017 г. в Алматы проследовало 328 поездов³⁰. С февраля 2017 г. из Урумчи (СУАР) в Алматы стали отправляться скоростные грузовые поезда, пересекающие границу в КПП Хоргос вместо КПП Алашанькоу, что позволило сократить время транспортировки грузов по маршруту Урумчи—Алматы на 25 % до 30 часов³¹. Этот маршрут был продлен до Ирана и Турции, и сегодня грузовые поезда из Урумчи в западном направлении следуют до Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, России, Польши и Германии. СУАР самостоятельно формирует составы, направляющиеся в страны Европы. В 2016 г. через КПП Алашанькоу и Хоргос из СУАР было отправлено

223 грузовых составов в страны ЕС, а в 2017 г. это количество возрастет до 500³².

Успешно продвигается и ряд других транспортных проектов. Так, стартовавшее в апреле 2014 г. в СУАР сооружение железнодорожной ветки Каратай—Тачэн увенчало стремление Китая получить третью железную дорогу в районе китайско-казахстанской границы, где, как уже указывалось, действуют пока две железнодорожные магистрали, пересекающие китайско-казахстанскую границу на КПП Алашанькоу и Хоргос. На западе железная дорога Каратай—Тачэн будет состыкована с маршрутом Тачэн—Аягоз и уже действующими железнодорожными линиями в Казахстане. Так появится еще один транспортный коридор в Центральную Азию и Европу и будет сформирован новый транзитный маршрут, который позволит странам Европы и ЦА получить выход к Бохайскому заливу³³.

С 2014 г. действует прямой маршрут из г. Чанша в Ташкент. Грузовые поезда пересекают китайскую границу на погранпереходе Эрэн-Хото³⁴. В 2015 г. стали регулярными грузовые перевозки между Ланьчжоу и Алматы³⁵, а в июле 2016 г. открылся новый грузовой маршрут между Баотоу (АРВМ) и Астаной³⁶. В ноябре 2016 г. был пущен в эксплуатацию международный грузовой железнодорожный маршрут, связывающий г. Шицзуйшань (Нинся-Хуэйский автономный район — НХАР) с Казахстаном. Новый маршрут позволит сократить расстояние грузовых перевозок между НХАР и странами Центральной Азии, повысит конкурентоспособность металлургической продукции автономного района на рынке ЦА³⁷.

20 ноября 2016 г. состоялось открытие нового маршрута из г. Уланчаб (АРВМ) в Алматы протяженностью 4,532 тыс. км³⁸. Грузовой состав из 41 вагона, груженный оборудованием и строительными материалами, пересек северные и северо-западные районы КНР, КПП Хоргос и через 8 дней прибыл в пункт назначения. Из Алматы грузы будут распределяться по городам центральной и западной Азии³⁹.

В феврале 2017 г. новый скоростной маршрут железнодорожных перевозок связал Сиань (Шэньси) с Ташкентом, а время транспор-

тировки контейнеров из Синьчжу в Сиане до столицы Узбекистана было сокращено с 18 до 15 дней⁴⁰.

Несмотря на очевидные успехи в деле расширения международной транспортной сети в ЦА, есть и обстоятельства, препятствующие планам формирования надежных транзитных коридоров в странах региона.

Так, амбициозные устремления центральноазиатских властных элит порой заглушают общие интересы региональной экономической интеграции. В рамках ШОС зачастую имеет место несогласованность в расстановке приоритетов в очередности планируемых инфраструктурных и других экономических проектов. В ЦА велика коррумпированность государственных чиновников, ответственных за реализацию проектов, к тому же значительная часть местных руководителей обладает недостаточным опытом и экономическими знаниями.

Неразвитость и разрозненность транспортных сетей в Центральной Азии становится еще одним препятствием на пути транзитно-транспортной интеграции КНР и стран региона. Неудовлетворительность состояния железнодорожной сети свойственна даже Казахстану, являющемуся главным перевалочным узлом китайского грузопотока. Это ограничивает рост транзитных перевозок из Китая и стран АТР в Европу. В последние годы объем транзита по территории Казахстана составлял около 18 млн т, тогда как в конце 1980-х гг. он превышал 100 млн т. При этом на железнодорожный транспорт приходится лишь 5 % этого объема⁴¹. (В 2014 г. из КНР в 13 ведущих стран Европы было поставлено 110 млн т экспортных грузов. Однако лишь 1,6 млн т, или около 1 % общего объема этого экспортного грузопотока, составили континентальные железнодорожные перевозки. Китайская сторона могла бы предоставить для транспортировки 80 млн т грузов, однако железнодорожные мощности транзитера — Казахстана оказались недостаточными для обработки таких объемов)⁴².

По оценкам китайских специалистов Госсовета КНР, для приведения в надлежащее состояние инфраструктуру стран ЦА, прилегающих к Поясу, в период 2016—2020 гг. потребуются совместных инвестиций в объеме более 11 трлн юаней⁴³. А аналитики АБР пола-

гают, что в период до 2022 г. для модернизации всей транспортной инфраструктуры стран ЦА понадобится около 3 млрд долл.⁴⁴

Но как бы то ни было, но к 2015 г. общее количество грузовых железнодорожных маршрутов из КНР в страны Центральной Азии и Европы составило 62⁴⁵, увеличившись на 17 маршрутов по сравнению с предыдущим годом⁴⁶. В 2015 г. по этим маршрутам прошло в общей сложности 815⁴⁷ грузовых составов, которые перевезли 47,4 тыс. контейнеров⁴⁸. А в 2016 г. 1702 грузовых поезда по 40 международным евразийским железнодорожным линиям⁴⁹ перевезли около 100 тыс. контейнеров с грузом на общую сумму 18 млрд долл.⁵⁰ С начала перевозок (в марте 2011 г.) и до мая 2017 г. по континентальному маршруту «Китай-Европа» в общей сложности было осуществлено свыше 3700 рейсов⁵¹. В 2017 г. континентальные транзитные железнодорожные маршруты связывали 27 городов КНР с 28 городами 11 стран Европы⁵². Это самые короткие континентальные железнодорожные транспортные коридоры между Азией и Европой: они на 2,1 тыс. км короче маршрута Транссибирской магистрали от российских дальневосточных портов⁵³.

Согласно планам ГКРР, количество транзитных поездов на континентальных евроазиатских маршрутах в рамках реализации проекта ЭПШП должно возрасти до 5 тыс. в 2020 г.⁵⁴ В среднем время транспортировки товаров из КНР в страны Европейского союза по суше уже сократилось на 75 % по сравнению с морскими перевозками, а стоимость железнодорожного транзита стала на 65 % ниже стоимости перевозки авиатранспортом⁵⁵. Подавляющая часть грузов приходится на малогабаритную электронику с высокой добавленной стоимостью, производимую в таких крупных высокотехнологичных центрах КНР, как Чунцин, Чэнду, Чжэнчжоу и Сучжоу⁵⁶.

Формирование Китаем коридоров через имеющееся соединение с центральноазиатской железнодорожной сетью (в которой Казахстан играет особую роль) позволяет КНР диверсифицировать направления континентальных транзитных железнодорожных потоков. Если раньше Россия считалась единственным транспортным коридором между Европой и Азией, то сегодня появились конкурентные маршруты, которые в перспективе способны отвлечь от РФ подавляющую часть евроазиатского транзита. Велика вероятность, что в условиях санк-

ций, постоянного сокращения финансирования на цели развития как транспортной сети ОАО «РЖД», так и мощностей дальневосточных портов увеличивающийся грузопоток пойдет из Китая по альтернативным транспортным маршрутам в обход России.

Примечания

¹ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». Документ Госкомитета по делам развития и реформ, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции КНР (издано с санкции Госсовета КНР). 28.03.2015. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

² *Zhao Shengnan, Zhao Yinan, Mo Jingxi*. Pacts to boost economic cooperation. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-11/29/content_17139294.htm; Xi's statements on the Belt and Road Initiative. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-04/15/content_28940829.htm

³ New Silk Road. URL: http://www.bjreview.com.cn/This_Week/2016-01/25/content_593103.htm

⁴ «Belt and Road» Initiative turning point for Chinese economy. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-04/05/content_35249612.htm

⁵ *Zhao Shengnan, Zhao Yinan, Mo Jingxi (China Daily)*. Pacts to boost economic cooperation. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-11/29/content_17139294.htm

⁶ China, Kyrgyzstan enhance cooperation on production capacity, security. URL: http://news.xinhuanet.com/english/video/2016-11/03/c_135802780.htm

⁷ За 25 лет сотрудничество между Китаем и Узбекистаном получило всестороннее развитие — посол Сунь Лицзе. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-01/04/content_40033325.htm

⁸ China-Central Asia trade accelerates. URL: <http://english.people.com.cn/90883/8426220.html>

⁹ Premier Li attends 13th prime ministers' meeting of SCO. URL: http://en.ce.cn/main/latest/2014/12/15/t20141215_4126509.shtml

¹⁰ Countdown to Belt and Road, China aims high for shared prosperity. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/14/content_28930395.htm

¹¹ Cargo train linking central Asia, east China begins operation. URL: http://www.chinadaily.com.cn/m/xinjiang/urumqi_toutunhe/2017-04/22/content_17250086.htm

¹² Why is the world so interested in Silk Road economic belt?. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/8505124.html>

¹³ КНР и Казахстан создадут зону свободной торговли в крупных городах вдоль железных дорог. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0602/c31518-8900903.html>

¹⁴ China, Kazakhstan to bolster economic, industrial capacity co-op. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/07/content_20650989_2.htm; Китайские инвестиции в экономику Казахстана достигают 20 млрд долл. — генконсул КНР в Алматы. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1230/c31518-9161030.html>

¹⁵ В фокусе внимания Китая: Китай и Казахстан планируют вместе работать над созданием нового трансевразийского транспортного коридора. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0329/c31518-9196358.html>

¹⁶ СУАР становится логистическим узлом на Экономическом поясе Шелкового Пути. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-04/14/content_40622668.htm

¹⁷ Xinjiang aims for financial hub on economic belt. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201611/09/t20161109_3874142.shtml; *Ren Qi*. Countries look to extend economic cooperation. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/23/content_28650979.htm

¹⁸ Объем торговли с пятью странами ЦА составил 70 % общего внешнеторгового оборота Синьцзяна. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2015-11/25/content_31304664.htm; В январе—феврале товарооборот китайского Синьцзяна с Казахстаном вырос на 77,9 %. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-03/31/content_40536317.htm

¹⁹ Казахстан остался крупнейшим торговым партнером китайского Синьцзяна. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0306/c31519-9186280.html>

²⁰ *Ma Jingjing*. Banking sector in Xinjiang steps up funding to support Belt, Road projects. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1034597.shtml> (Source: Global Times Published: 2017/2/23); Обобщение: инициатива «Пояс и путь» придает новый толчок развитию китайско-казахстанского сотрудничества. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-04/14/content_40622248.htm

²¹ Xinjiang foreign trade soars 70 % in first two months. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/31/content_28760174.htm

²² Казахстан и Китай увеличат объем железнодорожных перевозок на 33 % в 2017 году. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0306/c31519-9186222.html>

²³ China's largest inland port foreign trade up. URL: <http://english.people.com.cn/90778/7728814.html>

²⁴ Xinjiang launches daily cargo train service to Central Asia. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-12/01/content_39824695.htm

²⁵ Alataw Pass: Largest land port on Kazakhstan border in Xinjiang. URL: <http://www.ecns.cn/visual/hd/2016/09-29/106807.shtml>

²⁶ Xinjiang's Horgos sees booming border trade. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/12/content_28892824.htm

²⁷ China-Kazakhstan trade center sees surge in visitors. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-11/14/content_39696677.htm; в 2016 г. МЦПС «Хоргос» на китайско-казахстанской границе посетило более 5 млн человек. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-01/06/content_40052764.htm

²⁸ Xinjiang's Horgos opens new customs office. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-08/19/content_26538046.htm

²⁹ *Чжан Чуньсянь*. В Синьцзяне началась реализация стратегии «Один пояс, один путь». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-03/04/content_34950827.htm; China opens Horgos railway port in Xinjiang. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-06/08/content_25653257.htm

³⁰ Xinjiang launches daily cargo train service to Central Asia. URL: http://www.china.org.cn/business/016-12/01/content_39824695.htm

³¹ Сборочный центр железнодорожных рейсов в Урумчи отправил первый грузовой состав в направлении погранперехода в Хоргосе. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-02/26/content_40360617.htm

³² Faster train links Xinjiang to Kazakhstan. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-02/26/content_40361798.htm

³³ Xinjiang to promote Silk Road economic belt. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2016-01/16/c_133051160.htm

³⁴ Запущен маршрут перевозки товаров из Центрального Китая в Минск. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2017-01/20/content_40146751.htm; Mongolia vows to enhance China-Europe rail freight. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/08/content_28843059.htm

³⁵ Lanzhou-Almaty freight train service launched. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0706/c90883-8915837.html>

³⁶ New freight train links Inner Mongolia, Kazakhstan. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-11/21/content_39750361.htm

³⁷ Открыт маршрут международных железнодорожных грузовых перевозок Шицзуйшань (Нинся)—Казахстан. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1117/c31518-9143195.html>

³⁸ New freight train links Inner Mongolia, Kazakhstan. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201611/21/t20161121_17978346.shtml

³⁹ Из Внутренней Монголии в Казахстан отправился грузовой состав. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-11/20/content_39747305.htm

⁴⁰ Cargo train launched between Xi'an, Uzbekistan. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-02/26/content_40361944.htm

⁴¹ China's largest inland port foreign trade up. URL: <http://english.people.com.cn/90778/7728814.html>

⁴² China-Europe rail prospers as alternative to sea, air cargo. URL: http://www.china.org.cn/business/2014-12/13/content_32939165.htm

⁴³ *Deng Yaqing*. A Shared Path. While all concerned countries hope to benefit from the Silk Road Economic Belt, China needs to take on the role of coordinator. URL: http://www.bjreview.com/business/txt/2014-07/07/content_628061_3.htm

⁴⁴ China, ADB can tap «belt and road» potential. URL: http://www.china.org.cn/business/2015-02/22/content_34868884.htm

⁴⁵ «Healthy» Silk Road leads to healthier int'l cooperation. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1029811.shtml> // Xinhua. 2017/1/20.

⁴⁶ Rail capacity boosted under new operational plan. URL: http://www.china.org.cn/wap/2017-05/17/content_38468747.htm

⁴⁷ China-Europe freight trains bring vitality to ancient Silk Road. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201607/23/t20160723_14091364.shtml; Шелковый путь строится на рельсах. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1116/c31518-9142397.html>; Железнодорожное сообщение «Китай—Европа» содействует строительству «Одного пояса, одного пути». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-04/18/content_40640394.htm

⁴⁸ China—Europe cargo trains create wealth. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201701/15/t201701/15_14879898.shtml

⁴⁹ Xi offering nations 'ride' on Silk Road. URL: http://www.china.org.cn/business/2016-12/18/content_39115896.htm; Railroads forecast to top 3 billion trips. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/04/content_27856853.htm

⁵⁰ Объем перевозок по маршруту Азия — Европа по территории Казахстана, России, Беларуси вырос в 2 раза — АО «ОТЛК». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/1231/c31519-9161500.html>; Mongolia vows to enhance China—Europe rail freight. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-04/08/content_28843059.htm

⁵¹ China-Europe train services see robust growth. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-04/21/content_40666978.htm

⁵² *Hu Weijia*. China's B&R initiative to stimulate global growth with Europe rail connections. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1041976.shtml> (Source: Global Times Published: 2017/4/11); Железнодорожное сообщение «Китай—Европа» содействует строительству «Одного пояса, одного пути». URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-04/18/content_40640394.htm

⁵³ Faster train links Xinjiang to Kazakhstan. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-02/26/content_40361798.htm

⁵⁴ 5,000 China-Europe cargo trains expected by 2020. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2016-10/18/content_39513862.htm; *Hu Weijia*. China's B&R initiative to stimulate global growth with Europe rail connections. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1041976.shtml> (Source: Global Times Published: 2017/4/11).

⁵⁵ CPEC's concept of «one corridor with multiple passages» realized. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201611/15/t20161115_17815213.shtml

⁵⁶ Forbes praises China's Belt and Road for reviving trans-continental rail transport. URL: <http://www.ecns.cn/2016/01-30/197694.shtml>

Н.А. Замараева

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР — ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается комплекс мероприятий первого этапа реализации Китайско-пакистанского экономического коридора, основные маршруты, пролегающие по территории провинции Белуджистан; особенности тестового торгового каравана от китайского Кашгара до пакистанского порта Гвадар; вызовы и перспективы китайской инициативы «Один пояс, один путь» на примере участка КПЭК.

Ключевые слова: Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), транспортная инфраструктура, Белуджистан, федеральная армия Пакистана, порт Гвадар.

Инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) с 2013 г. позиционируется Китаем как инновационная модель регионального сотрудничества, благодаря которой откроются новые горизонты для дальнейшего развития стран Азиатского континента¹.

Китай рассматривает территорию Пакистана, как и стран Центральной Азии, в качестве «секции» ЭПШП. В перспективе ввод в эксплуатацию всех сегментов Китайско-пакистанского экономического коридора позволит Пекину развивать инфраструктуру Экономического пояса в разных направлениях. В северо-западном направлении проект ЭПШП нацелен на достижение полной транс-

портной интеграции Центральной Азии, Южной Азии и Ближнего Востока.

Проект в совокупности с портом Гвадар рассматривается как мощный механизм создания сухопутной связи с новой инициативой «Морской Шелковый путь 21-го века» и «моста», способного экономически и логистически соединить страны Азии, Африки и Европы с их населением в 3 млрд человек.

Соответствующие стратегические задачи Пекина, отвечающие в первую очередь национальным интересам КНР, были поставлены еще в начале XXI в.: построить сухопутный мост для дальнейшего продвижения товаров и услуг на рынки Африки, Европы, стран Персидского залива.

Первым зарубежным проектом в рамках ЭПШП заявлен КПЭК. Пакет соглашений был подписан в апреле 2015 г. и представляет собой 15-летний план модернизации, в первую очередь энергетического сектора и транспортно-дорожной инфраструктуры Пакистана в течение 2015—2030 гг. Основные его функции на *этапе реализации* были оглашены премьер-министром ИРП Миан Мухаммадом Наваз Шарифом на международном форуме в Пекине 13—14 мая 2017 г. Во-первых, это формирование площадки для межрегиональной торговли, а во-вторых — обеспечение каналов транзита². Транспортный канал должен соответствовать стандартам в плане безопасности, высокой экономической эффективности, а также иметь потенциал для *скоординированного развития транспортных режимов в Западном Китае и Пакистане*³.

Осознавая революционный характер китайских инвестиций в инфраструктуру и энергетический сектор ИРП, Исламабад видит суть проекта как «...содействие экономическому возрождению и достижению экономической самодостаточности» страны⁴. Сразу после подписания инвестиционного пакета в 2015 г. Исламабад приоритетной задачей провозгласил обеспечение внутренней безопасности⁵ с целью защиты КПЭК. Поднебесная, анонсировав на начальном этапе объем предоставляемых капиталовложений в 46 млрд долл., стала крупнейшим за последнее время источником прямых иностранных инвестиций в Пакистан⁶. КНР также является ведущим торговым партнером ИРП с объемом двусторонней торговли в 19 млрд долл.

В ноябре 2016 г. пилотный торговый караван прошел по одному из запланированных маршрутов коридора. 60 контейнеров с китайскими и пакистанскими товарами проследовали от китайского Кашгара (Синцзян-Уйгурский автономный район КНР) через Гилгит-Балтистан, далее Кветту (административный центр провинции Белуджистан) и через пустыню — резко на юг до Гвадара на побережье Ормузского пролива. После перевалки в порту контейнеры уже морским путем отправились в страны Ближнего Востока и Северной Африки. С 13 ноября 2016 г. маршрут эксплуатируется на постоянной основе. Безопасность грузов обеспечивает компания *Frontier Works Organisation (FWO)*, аффилированная со Ставкой федеральной армии Пакистана. Транспортная и логистическая эффективность маршрута требует дальнейшей оценки, ибо во время прохождения пилотного каравана не все участки пути были построены или отремонтированы. Тестовый прогон имел, в первую очередь, политическое значение.

Стратегический и экономический эффект от использования КПЭК огромен. Задействован один из активов Пакистана — территория. Протяженность наземного маршрута от Кашгара до Гвадара при использовании КПЭК сокращается в 5 раз и составляет примерно 3 тыс. км (до ноября 2016 г. использовался обходной торговый трек протяженностью 16 тыс. км). Это значительно снижает время в пути, транспортные и логистические расходы. Таким образом, Китай направляет часть своих товаров в страны Персидского залива (ежегодный торговый оборот с которыми в 2016 г. составил 4 млрд долл.), Западной Азии и Африки в обход Малаккского пролива в Индийском океане.

Другим, не менее важным преимуществом является то, что благодаря КПЭК Пекин получает статус страны, имеющей выход к двум морям одновременно. В Ормузском проливе китайские корабли уже швартуются у причалов новой военно-морской базы в Гвадаре.

Самое начало пакистанскому сегменту ЭПШП положил проект развития порта Гвадар с пакетом инвестиций в 280 млн долл. Ввод в эксплуатацию в 2007 г. первых причалов произвел генерал-президент П. Мушарраф.

Строительство КПЭК-ЭПШП стартовало 5 июля 2013 г. во время визита в Китай вновь избранного в мае 2013 г. премьер-министра ИРП Н. Шарифа. В те дни были подписаны Меморандум о Долгосрочном плане и Плане действий сторон. С пакистанской стороны координационным центром и ведущим агентством КПЭК было назначено Министерство планирования, развития и реформ.

12 ноября 2015 г. на 5-м заседании Совместного комитета по сотрудничеству (СКС) сторонами в целом был одобрен единый транспортно-логистический маршрут, имеющий несколько «артерий». Он и получил название Китайско-пакистанский экономический коридор. Его цель — содействовать социально-экономическому развитию Пакистана, преодолеть нехватку электроэнергии и модернизировать транспортную инфраструктуру, в первую очередь в западных и северо-западных регионах страны, сосредоточить внимание на строительстве необходимых участков автомагистралей, железных дорог, аэропортов, на расширении глубоководного порта Гвадар. Тогда же был разработан двусторонний механизм коммуникации и координации деятельности сторон по реализации проекта КПЭК.

Комплекс (суб)проектов КПЭК планировалось осуществлять поэтапно в соответствии с поставленными задачами и требованиями. Краткосрочные проекты предусматривают реализацию и пуск в эксплуатацию в 2017—2018 гг., среднесрочные — до 2020 г. и долгосрочные — в период с 2025 по 2030 г. Единый сверстный план КПЭК не предусматривался изначально. Исламабад объявляет только о тех проектах, технико-экономическое обоснование (ТЭО) и финансирование которых согласованы обеими сторонами.

В декабре 2016 г. на 6-м заседании СКС Пекин и Исламабад подвели краткие итоги первого этапа реализации проекта КПЭК по основным направлениям:

- энергетика, транспортная инфраструктура (автомобильные, железные дороги, аэропорты), портовые и городские проекты Гвадара и индустриальные парки;
- автомобильная и железнодорожная инфраструктура, модернизация железнодорожного полотна;
- промышленное сотрудничество и развитие особых экономических зон (ОЭЗ);

- меры по предотвращению природных бедствий и смягчению их последствий;
- обеспечение безопасности КПЭК⁷.

Забегая вперед, отметим, что вопрос об индустриальных парках, предварительных условиях и ориентировочных сроках их создания, по мнению обеих сторон, требует доработки. В то же время провинциальные правительства предварительно определили 27 потенциальных участков кооперации. В долгосрочной перспективе просматриваются и другие области взаимодействия, в том числе сельское хозяйство, промышленность, туризм, развитие людских ресурсов, финансовое сотрудничество и т. д.

Энергетические проекты КПЭК

Пакистан — энергодефицитная страна, и с учетом этого из первоначального пакета китайских инвестиций в размере 46 млрд долл. на энергетические проекты было выделено 35 млрд долл. (и только 11 млрд долл. — на инфраструктурные (дорожные) проекты).

Энергетическая система в Пакистане сталкивается с вызовами двух уровней: во-первых, она устарела и крайне изношена (в этом одна из причин огромных потерь на линиях); во-вторых, энергии просто не хватает. Совокупный энергодефицит в стране достигает 10 тыс. МВт. Веерное отключение электричества (до 16 часов в сутки) в прошлом было обычным явлением, обострявшим социальную напряженность, поскольку толпы людей стихийно собирались в многочисленные демонстрации и громили офисы энергетических компаний.

Проект замены линий электропередач стал одним из первоочередных в списке энергетических проектов, и он активно продвигается. Среди требующих срочной замены — линии электропередач от Митиари до Лахора и Матиари до Фейсалабада.

В рамках Китайско-пакистанского экономического коридора приоритетными названы следующие проекты: сооружение электростанции (на угольном топливе) порта Касим 2x660 МВт, электростанции Сахивал (на угольном топливе) 660 МВт, электростанции

(на угольном топливе) на месторождении угля Тар 4×330 МВт, ветряной станции Давуд 50 МВт, установки на солнечных батареях им. Каид-и-Азам в Бахавалпуре 900 МВт, ветряной станции Джимпир 100 МВт, ветроэлектростанции Сашал 50 МВт, гидроэнергетический проект Карот 720 МВт⁸. В 2015—2017 гг. велось их активное строительство, и в совокупности они будут производить более 5 тыс. МВт. Но даже при такой энергоподаче разрыв между спросом и предложением останется огромным. В среднесрочной и долгосрочной перспективе предусмотрена реализация еще 16 энергетических проектов. Большие надежды возлагаются на гидроэнергетические проекты плотины Диамер-Бхаша⁹ и дамбы Дасу. Китайская фирма *China Gezhouba Group* выиграла два тендера и в марте 2017 г. заключила контракты на строительство плотины и гидротехнические стальные конструкции (MW-01) на сумму 115 млрд рупий, а также на строительство подземного энергетического комплекса, тоннелей и гидротехнических сооружений (MW-02) стоимостью 64 млрд рупий (MW-01). Проект Дасу имеет большое значение, так как ввод в эксплуатацию первой фазы дамбы позволит генерировать более 4 тыс. МВт, второй — 2,16 тыс. МВт¹⁰.

В общей сложности уже к 2018 г. национальная энергосистема получит дополнительно 8,13 тыс. МВт энергии благодаря целевым инвестициям, превышающим 16 млрд долл.¹¹

Инфраструктурные проекты

ТЭО приоритетных проектов в рамках КПЭК разрабатывалось в течение 3 лет. Очевидно, что накал дискуссий даже при первоначальном его обсуждении был высочайшим. Это стало вызовом и испытанием для властей страны, стремящихся достичь политического консенсуса всех заинтересованных сторон. Основные треки, а их было предусмотрено два, планировались параллельно с севера на юг, и на карте они географически выглядели как западный и восточный маршруты. Соответственно и население Пакистана разделилось на тех, кто поддерживал «восточный» маршрут (провинции Панджаб и Синд), и тех, кто ратовал за «западный» (провинции Белуджистан

и Хайбер—Пахтунхва). Посольству КНР в Пакистане даже пришлось выпустить специальный пресс-релиз¹², в котором говорилось о едином треке и отрицалось наличие двух названных западного и восточного маршрутов. Китайская дипломатия «мягкой силы» сыграла свою роль: трения стихли, а карты прокладки маршрутов остались. В 2015—2016 гг. приоритетным оставался так называемый западный трек КПЭК, по нему и прошел первый торговый караван. Восточный трек ставил целью улучшение автомагистрального сообщения севера и юга.

В рамках КПЭК планируется построить **2700 км** автомобильных дорог, железнодорожное полотно и проложить трубопроводы для прокачки сырой нефти и природного газа (вопрос о нефти/газопроводе остается открытым в 2017 г.). Приоритетным стало строительство шоссейных дорог в 2015—2017 гг.: секций автомагистрали М8 в провинции Белуджистан, Фазы II Каракорумского шоссе (участок Хавелиан—Тхакот) протяженностью 120 км, автомагистрали Карачи—Лахор (участок Суккур—Мултан) протяженностью 392 км. Продолжалась разработка ТЭО других 6 проектов.

Железнодорожные проекты также стали неотъемлемой частью КПЭК. Модернизации в первую очередь подлежит участок ML-I от Пешавара до Карачи (запланирован к пуску в 2018 г.).

Проект оптико-волоконной связи также является важным компонентом КПЭК. В первую очередь кабель будет проложен от Гилгит-Балтистана, Хайбер-Пахтунхва и далее — в Исламабад-Равалпинди. Второй проект — прокладка кабеля от Равалпинди до Хунжерба. Обсуждаемым проектом остается установка терминала и прокладка трубопровода протяженностью 700 км для прокачки сжиженного газа в Гвадар-Навабшах.

Белуджистан в проекте КПЭК. Большая часть так называемого западного маршрута проходит по территории Белуджистана. Именно в этой провинции в 2015—2017 гг. активно развернулось строительство инфраструктурных объектов.

Единственным до недавнего времени крупным строящимся объектом был порт Гвадар. В проекте КПЭК этот порт стыкует сухопутный ЭПШП и морской маршрут, создавая логичную связку между **Поясом** и **Путем**. В перспективе власти планируют не ограничивать

портовый город функцией транспортного хаба. Они видят его в качестве экономического центра Белуджистана. К 2017 г. из 10 приоритетных проектов в портовом городе уже были построены начальная школа, сооружается площадка для свободной экономической зоны и т. д.

Строительство порта Гвадар стимулировало развитие сети автодорог в Белуджистане, в первую очередь — вдоль побережья. Береговая линия провинции протяженностью 771 км имеет многочисленные естественные гавани.

Макранская береговая автомагистраль протяженностью 650 км — одна из первых дорог, которая соединила Гвадар с Карачи — экономической столицей страны, расположенной на побережье Индийского океана. Строительство этой дороги началось еще в июле 2000 г. и было завершено к сентябрю 2004 г. Оно осуществлялось *FWO* — инженерно-строительной кампанией, аффилированной со Ставкой федеральной армии Пакистана. (Время в пути вместо прежних 48 ч к настоящему времени сократилось до 7 ч.) Спустя два года, в 2006—2007 гг., шоссе от Гвадара была продлена на запад в сторону Ирана до небольшого городка Дживани. И в июне 2011 г. она вплотную подошла к иранской границе в местечке Габд, тем самым создав вторую трансграничную магистраль с Ираном (первая — автомагистраль Кветта—Захидан).

Позднее, уже в рамках КПЭК, перед *FWO* при поддержке инженерных войск пакистанской армии была поставлена задача проложить сеть автомагистралей для «подключения» глубоководного порта Гвадар к внутренним районам Белуджистана. В рамках реализации «западного маршрута» из запланированных 873 км дорожной сети 632 км дорог были введены в эксплуатацию с конца 2014 г. по 2016 г. включительно¹³.

Западный маршрут начинается от местечка Бурхан на автомагистрали Пешавар—Исламабад, далее поворачивает в Белуджистан, пролегает через Дера Исмаил Хан, Жоб, Кветту, Сураб, Хошаб, заканчиваясь в Гвадаре. Большинство проектов этого трека планируется завершить к 2019 г. Одним из долгосрочных проектов является расширение (до 4 полос) ныне двухполосной дороги Дера Исмаил Хан—Кветта протяженностью 533 км.

Наиболее сложный с точки зрения технических и климатических условий — это 193-километровый участок Хашаб—Турбат—Гвадар автомагистрали М-8. Построенная пакистанской армией, эта секция была торжественно открыта премьер-министром страны 3 февраля 2016 г. М-8 стартует из района Дашт, что буквально переводится как «пустыня». Пакистанские СМИ часто приводят притчу о гибели войска Александра Македонского, согласно которой сокрушительное поражение (в октябре 325 г. до н.э.) это войско потерпело не от более сильного врага, а от знойного и сурового климата. Это район природных аномалий, где многолетняя засуха сменяется крайне редкими, но мощными наводнениями. Воды несутся с Центрального Макранского хребта и Прибрежного хребта, устремляются вниз и впадают в Аравийское море. Одно из таких наводнений, согласно легенде, в полночь смыло спящее войско Александра, когда оно расположилось большим лагерем на сухом месте русла реки, чтобы остаться рядом с питьевой водой.

Приоритетными проектами остаются секции шоссе Гвадар—Кветта (N-85) и шоссе Гвадар—Инд (M-8). Шоссе N-85 берет начало в местечке Хошаб и движется на север, пролегает мимо Панджур-Бесина и Сораб, где соединяется с действующим участком дороги Карачи—Кветта (N-25) в направлении Калата. 448 км трассы пролегают через отдаленные города внутреннего Белуджистана, обеспечивая прямую, кратчайшую дорогу между портом и столицей провинции. Строительство этого участка стало испытанием из-за суровых климатических условий, сложного рельефа местности, а также атак вооруженных сепаратистов. Ныне *FWO* мобилизовала свои ресурсы в 14 секциях автомагистрали для завершения проекта в текущем 2017 г.

М-8 — первая автомагистраль провинции, соединяющая Гвадар с Индским шоссе. Дорога проходит от Гвадара до Турбата, далее движется к Хошабу, Аварану, Хуздару и Раттодеро (около Ларканы), пересекая внутреннюю территорию Белуджистана. До ноября 2016 г. грузовые траки, идущие в глубь страны, пролегли вдоль побережья из Белуджистана в Карачи и только оттуда поворачивали на север — во внутренние районы Пакистана. Подобный маршрут увеличивал логистические издержки. Новый, прямой маршрут автомагистрали

М-8 от Гвадара до Индского шоссе сократил путь почти на 400 км. Секция Гвадар—Тербат—Хошаб автомагистрали М-8 является жизненно важной частью КПЭК, соединяя фактически все транспортные артерии.

FWO в рамках КПЭК в настоящее время ведет сооружение 873 км дорог в Белуджистане.

Интенсивное строительство и ввод в эксплуатацию основной автомагистрали, а также сети шоссежных дорог заметно активизировали экономическую и социальную жизнь провинции. Многие в Пакистане сходятся во мнении об окончании изоляции Белуджистана.

Реализация проектов КПЭК в провинции еще на стадии проектирования сталкивалась с внутренними и внешними вызовами. Один из них — активные действия белуджских сепаратистов и различных группировок местных и иностранных боевиков не только во внутренних районах, но и на границе с Ираном.

Пограничный корпус осуществлял в провинции мероприятия по улучшению ситуации в плане обеспечения правопорядка и законности. И, несмотря на то, что официально Пограничный корпус подчинялся руководству МВД, он выполнял приказы Ставки федеральной армии, которая и разработала комплекс мер по наведению порядка в провинции.

В 2015—2016 гг. провинция сталкивалась со множеством вызовов, среди которых:

- столкновения на этнической и религиозной почве (одна из причин — дефицит профессиональных полицейских из-за многочисленных отказов служить в провинциальном отделении МВД);
- сепаратистские настроения и акты местных повстанцев из «Объединенной армии Белуджистана», «Белуджского фронта освобождения», «Освободительной армия Белуджистана», «Белуджской республиканской армии», «Объединенной белуджской армии», организации «Лашкар-и-Белуджистан» и др.¹⁴;
- нарушения законности и правопорядка;
- разногласия провинциальных и центральных властей по вопросу о «западном» маршруте КПЭК, претензии правительст-

ва Белуджистана к федеральным властям о «несправедливом распределении его природных ресурсов»¹⁵.

Причин для такого положения называлось много, среди них — отсутствие развитой инфраструктуры, крайняя нищета, нехватка образовательных и медицинских учреждений, безработица. Исламабад утверждал, что положение дел осложняется иностранным вмешательством.

Обстановка усугублялась тем, что с началом военной операции «Удар меча» в июне 2014 г. в соседнем с Белуджистаном агентстве Северный Вазиристан федерально управляемых племенных территорий в провинцию хлынул поток боевиков-террористов, умножив, тем самым, антифедеральные выступления. Несколько раз ответственность за теракты брала на себя отколовшаяся от организации «Движение Талибан Пакистана» группировка «Джамаат уль Ахрара».

Перед лицом этих вызовов командование пакистанской армии сформировало Специальный отдел безопасности для защиты сухопутного маршрута КПЭК¹⁶, а также дислоцировало в провинции 9 армейских батальонов и военизированных силовых подразделений для охраны строящихся объектов.

Федеральные власти осознавали, что потенциал Белуджистана в качестве регионального центра энергетики и торговли, что предусмотрено проектом КПЭК, можно реализовать только в случае согласованности действий центральной/провинциальной администраций и военного руководства страны. Основной объем строительных работ проекта КПЭК по традиции проводили инженерно-строительные войска. Учитывая ситуацию в провинции, они действовали по двум направлениям: поддерживали режим безопасности и активно участвовали в социально-экономических проектах провинции.

В свою очередь «поддержание режима безопасности» генералитет также проводил по двум направлениям: военные операции по ликвидации антифедеральных элементов и осуществление политики примирения. Силы безопасности, Пограничный корпус при поддержке подразделений федеральной армии провели 1840 разведывательных операций и арестовали более 8 тыс. боевиков¹⁷. (Политика примирения предусматривает амнистию и дальнейшую социализа-

цию в гражданское общество боевиков, добровольно сложивших оружие.) В июне 2015 г. более 100 повстанцев отказались от вооруженной борьбы и сдались. Немногим позднее, 14 августа 2015 г., в День независимости Пакистана 400 сепаратистов в Белуджистане перешли на сторону федеральных властей. Акция одновременно состоялась в нескольких городах: Кветте, Хуздаре, Дера Бугти. Политика примирения получила продолжение, и уже в сентябре 2015 г. более двух десятков боевиков сложили оружие в районе Ношки. Большинство из них принадлежали к запрещенной «Белуджской республиканской армии». Определенный прогресс в процессе примирения в Белуджистане был достигнут, но дальнейшее урегулирование ситуации затормозилось в силу ряда объективных причин.

В 2015 г. политика установления и поддержания правопорядка проводилась в Белуджистане при благоприятном социальном климате: федеральные власти приступили к строительству нескольких крупных объектов (дамба Манги, Белуджский сельскохозяйственный университет и эстакада на Смунг-роуд). Это очень воодушевило местное население. В тот же год началось финансирование первых проектов в рамках КПЭК.

Развитие порта Гвадар как многофункционального экономического и транспортно-логистического хаба поставило перед военно-морскими силами страны новую задачу по отражению нападений на порт с моря и воздуха.

Будучи структурой безопасности сухопутного и морского векторов «Пояса и пути», ВМС Пакистана были наделены функцией по защите транспортных торговых потоков, а также по обеспечению безопасности морских перевозок. С экономической точки зрения Индийский океан является одной из ключевых мировых линий транспортировки углеводородов. По разным оценкам, более 80 % транзита сырой нефти проходит через Индийский океан; из них 40 % — через Ормузский пролив, 35 % — через Малаккский пролив и 8 % — через Баб-эль-Мандебский пролив.

Проблемы обеспечения морской безопасности в Индийском океане являются многомерными и многогранными. ВМС Пакистана вместе с военно-морскими силами других стран традиционно участвуют в борьбе с торговлей наркотиками, контрабандой людьми,

транспортировкой оружия, терроризмом и пиратством в открытом море. В настоящее время регион и ИРП, в частности, сталкиваются с новыми геостратегическими вызовами. Растущая зависимость от морских путей с их колоссальными экономическими выгодами остро ставит вопросы поддержания режима безопасности в акватории порта Гвадар и соответственно — перед ВМС Пакистана.

В формирующемся новом региональном сценарии особое внимание уделяется защите морских путей ввиду жесткой конкуренции между Индией, Китаем, США и Японией и их военно-морскими силами в Индийском океане. Нью-Дели всячески противодействует реализации КПЭК. В мае 2016 г. министр обороны Пакистана поставил вопрос о необходимости контролировать растущую военную мощь Индии, подчеркнув, что Пакистану не останется выбора в случае, если восточный сосед продолжит курс на гонку вооружений. Так, США и Индия совместно разработали систему слежения за перемещением китайских подводных лодок в зоне Аравийского моря. С этой же целью в 2017 г. Вашингтон одобрил продажу Индии многоцелевого патрульного противолодочного самолета Boeing P-8I. ВМС США, Индии и Японии каждый год проводят совместные трехсторонние учения, включающие отработку противолодочных операций.

По заявлению начальника штаба ВМС Пакистана адмирала М. Закаулла в июне 2016 г., «окружающая среда по-прежнему находится в «переходном» состоянии, появляются новые центры силы... растет понимание важности морского потенциала Пакистана, так как национальное процветание и безопасность неразрывно связаны с развитием морского сектора... с тем, чтобы вооруженные силы были способны и готовы реагировать на весь спектр угроз»¹⁸. В силу ключевой роли ВМС Пакистана в современной геополитической ситуации наращивание потенциала пакистанского флота разворачивается по трем направлениям: повышение боевой мощи для ведения войны на море в период радикальной трансформации и изменения значения военно-морских сил в XXI в., совершенствование возможностей ВМС по обеспечению как режима безопасности торговых караванов, так и режима повышенной безопасности в акватории в период строительства и эксплуатации КПЭК.

В последние годы отмечена тенденция роста военных расходов Пакистана: например, в 2015—2016 финансовом году на 11,6 % до 781 млрд рупий.

В конце 2016 г. с целью обеспечения безопасной и надежной морской среды ВМС Пакистана сформировали военно-морские силы специального назначения Task Force-88 (TF-88) для отражения обычных и нетрадиционных угроз. TF-88 взаимодействует с спецподразделения федеральной армии.

Зона ответственности ВМС Пакистана — обеспечение безопасности морского судоходства и порта Гвадар, его инфраструктуры, китайского персонала, работающего в порту и гавани.

Ставка сухопутных войск, Министерство обороны и Министерство оборонной промышленности во второй декаде XXI в. запустили программу модернизации всего комплекса ВМС Пакистана. В ноябре 2016 г. в эксплуатацию была введена новая военно-морская база Хамид близ Карачи. Объект полностью оснащен средствами низкочастотной связи, что важно для мониторинга перемещения подводных лодок.

Штаб ВМС Пакистана впервые поставил вопрос о формировании собственной эскадрильи истребителей для защиты национальных морских интересов в западном и юго-западном регионе. (На протяжении почти 40 лет Пакистан имеет военно-морскую авиацию, но ее функции ограничены: в случае возникновения нештатной ситуации подключается боевая авиация.)

Один из важных компонентов морской обороны и безопасности — это непрерывный *мониторинг акватории порта*. Установлена новейшая система для обнаружения воздушных, морских и наземных объектов — сеть радаров, электрооптические датчики. Были смонтированы береговые станции и, наконец, учрежден Объединенный морской информационный координационный центр (ОМИКЦ) для сбора и систематизации информации, связанной с морской безопасностью. В настоящее время ОМИКЦ координирует действия 35 организаций на территории Пакистана и ряда его партнеров.

В последние годы Пакистан увеличил закупки для ВМС. Турция стала одним из ведущих контрагентов Пакистана в сфере ВТС —

третьим после Китая и США и первым конкретно для ВМС. В июне 2016 г. ВМС Пакистана подписали с турецкой компанией *STM* контракт стоимостью 350 млн долл. на модернизацию 3 подводных лодок типа «Халид» класса «Агоста 90Б». С компаниями *Aselsan* and *Havelsan* также были заключены оборонные контракты. В сотрудничестве с турецкой *STM* под контролем Министерства оборонной промышленности и ВМС Пакистана был построен военный корабль водоизмещением 17 тыс. т.

Исламабад является одной из самых заинтересованных сторон в области обеспечения морской безопасности Аравийского моря: он ратует за свободу судоходства и порядок на морях. Ввиду этого, на постоянной основе проводятся военно-морские учения ВМС Пакистана с Китайской морской флотилией, совместные военно-морские учения «PASSEX» с Ираном.

Национальная транспортная политика. Интенсивное строительство автомагистралей в Пакистане в 2015—2016 гг. подтолкнуло власти к разработке в феврале 2017 г. Национальной транспортной политики и более масштабного проекта — генерального плана (НТПГП)¹⁹, который предусматривает модернизацию/строительство железных дорог, автомагистралей, портов, развитие авиасообщения и расширение номенклатуры логистических услуг. Проект направлен на создание безопасной, эффективной и устойчивой транспортной системы в рамках реализации концепции «Видение Пакистана 2025».

НТПГП направлен на повышение экономической активности страны и имеет амбициозную цель ввести Пакистан в число региональных центров торговли и бизнеса. Этот проект осуществляется под руководством Азиатского банка развития (АБР) и частично финансируется им. Планируется модернизация/строительство дорог в Белуджистане, Хайбер-Пахтунхва и Панджабе (не вошедших в проект КПЭК).

Хорошо спланированная, безопасная, достойно поддерживаемая и регионально значимая транспортная инфраструктура (задача создания которой была сформулирована в соответствующих проектах) является ключом к раскрытию международного потенциала Пакистана и к экономическому росту страны. НТПГП дополнит усилия прави-

тельства ИРП по совершенствованию транспортной и торговой инфраструктуры. Неэффективность в работе транспортного сектора обходится экономике Пакистана, по разным оценкам, ежегодными потерями в размере 4—6 % его ВВП. В прежние годы АБР и другие партнеры помогали Пакистану преодолевать проблему недостаточности транспортной инфраструктуры, но эти усилия необходимо было подкреплять институциональными усовершенствованиями и постоянной поддержкой властей.

Предполагается, что реализация НТПГП гарантирует согласованность подхода государственных институтов к планированию и содержанию транспорта, повысит безопасность дорожного движения, сократит число дорожно-транспортных происшествий. Другими ключевыми целями инициативы являются *совершенствование программ безопасности дорожного движения*, систем управления дорожными активами, пополнение ресурсов для улучшения проектирования и содержания дорог и поддержка мультимодальных перевозок в целях облегчения внутренней и внешней торговли Пакистана и соседних с ним стран.

Основной ожидаемый эффект Китайско-пакистанского экономического коридора — это стабилизация национальной экономики ИРП, поскольку проект предусматривает выработку требуемого дополнительного объема электроэнергии, развитие инфраструктуры, модернизацию промышленности и интеграцию страны в региональную экономику.

Исламабад, крайне заинтересованный в КПЭК, заявляет, что реализация этого проекта даст толчок экономическому развитию страны, дальнейшему расширению региональной торговли и коммуникаций, а в целом — процессам интеграции регионального и трансрегионального уровня.

Заключение. Современный этап международных отношений характеризуется нарастанием гонки вооружений между государствами — стратегическими конкурентами и остротой вопросов безопасности. По оценке военных Пакистана, во-первых, это ведет к изменению прежней конфигурации партнерства на международной арене и формированию в ближайшей перспективе новых военных союзов; во-вторых, в Исламабаде подчеркивают, что только подго-

товленные в военном отношении страны станут участниками формирования нового глобального политического ландшафта. Основными мировыми акторами Исламабад видит Китай, США, Россию и Евросоюз.

Мировая экономика переживает череду кризисов, сопровождающихся перемещением мировых центров экономического развития в Азию с ее быстрыми темпами роста, 40 % мирового ВВП, половиной населения земного шара и огромным потенциалом развития. Исламабад видит XXI столетие веком Азии. И в силу изменений во внешней политике ведущих держав международный курс Пакистана тоже переживает процесс обновления. В отличие от 1989—1990 гг. (времени вывода советских войск из Афганистана и ослабления внимания США к региону) во второй декаде XXI в. Исламабад постепенно отходит от США как от стратегического партнера и концентрирует внимание на региональных связях и проблемах. Необходимо отметить, что в 2016 г. он сделал заявление о стратегическом уровне отношений с КНР, а экономическая и военно-политическая скоординированность Исламабада с Пекином заложена в основных принципах внешней политики Пакистана.

КПЭК способствует созданию новой модели регионального сотрудничества, которая имеет целью дальнейшее инфраструктурное объединение территорий. Очевидно, что в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» следующим «пунктом назначения» и адресатом КПЭК станут страны Центральной Азии. В иерархии приоритетов внешней политики Пакистана государства ЦА стоят с 2015 г. на втором месте после Китая. Высокий уровень делегационного обмена с Казахстаном, Кыргызстаном Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном стимулировал расширение взаимодействия Пакистана со странами ЦАР. Но эффективность развития связей с центральноазиатскими государствами остается низкой в силу ряда объективных и субъективных причин. Поэтому возлагаются особые надежды на урегулирование внутриафганского кризиса: лидеры государств ЦА осознают, что КПЭК — ключевой экономический маршрут, предоставляющий им выход к морю, и после подключения к нему Афганистана продолженная автомагистраль Гва-

дар—Кветта станет прямой дорогой от побережья Индийского океана в Таджикистан, Узбекистан и Киргизию.

Таким образом, КПЭК рассматривается как инструмент создания сухопутной и морской зоны, в которой Пакистан, Китай и другие региональные страны смогут проводить конвергентную/схожую экономическую политику, «надежно привязанную» к физически существующей инфраструктуре и фундированную реальными торговыми и финансовыми потоками.

Примечания

¹ URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=MjczMw> (дата обращения: 20.04.2015).

² URL: <https://www.dawn.com/news/1333084/geo-economics-must-take-precedence-over-geo-politics-pm-says-in-beijing> (дата обращения: 14.05.2017).

³ URL: <http://www.cpecinfo.com/cpec-search-detail.php?id=ODQ0>

⁴ URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=Mzg1Mg> (дата обращения: 09.06.2016).

⁵ URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=MzM0Ng> (дата обращения: 21.12.2015).

⁶ URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbqx/t1399220.htm> (дата обращения: 21.09.2016).

⁷ URL: <http://cpec.gov.pk/news/19>; URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbqx/t1399220.htm> (дата обращения: 21.09.2016).

⁸ URL: <http://www.cpecinfo.com/energy-generation>

⁹ URL: <http://nation.com.pk/national/09-Feb-2017/twelve-cpec-energy-generation-projects-to-be-completed-by-2018>

¹⁰ URL: <https://www.dawn.com/news/1319342/chinese-firm-awarded-dasu-dam-contracts> (дата обращения: 08.03.2017).

¹¹ URL: <http://cpec.gov.pk/energy>

¹² URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbqx/t1403590.htm> (дата обращения: 05.10.2016).

¹³ URL: <http://nation.com.pk/national/03-Feb-2016/coas-inspects-cpec-roads-in-balochistan> (дата обращения: 03.02.2016).

¹⁴ URL: <http://www.dawn.com/news/1185401/situationer-whos-who-of-baloch-insurgency> (дата обращения: 01.06.2015).

¹⁵ URL: <http://nation.com.pk/columns/25-May-2015/cpec-and-the-baluchistan-factor> (дата обращения: 25.05.2015).

¹⁶ URL: <http://nation.com.pk/columns/12-Dec-2016/cpec-expanding-role-of-pak-navy>

¹⁷ URL: <http://www.dawn.com/news/1207343/more-than-8000-suspected-militants-arrested-balochistan-govt> (дата обращения: 16.09.2015).

¹⁸ URL: https://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=3354 (дата обращения: 06.06.2016); URL: https://www.ispr.gov.pk/front/main.asp?o=t-press_release&id=3342 (дата обращения: 27.05.2016).

¹⁹ URL: http://pc.gov.pk/web/events/get_event/26 (дата обращения: 17.02.2017).

В.А. Матвеев

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КНР В ГАЗОВОЙ СФЕРЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Аннотация. В статье анализируются причины выдвижения газовой промышленности КНР на позиции одного из стратегических приоритетов современной энергетической политики страны. Отмечено, что диверсификация каналов импорта газа и рост инвестиций в разработку сланцевых залежей призваны нивелировать увеличивающийся в среднесрочной перспективе дефицит газа в Китае. Анализируются мотивы заинтересованности КНР в заключении крупнейшей сделки между Газпромом и CNPC по доставке российского газа в Северо-Восточный Китай (Дунбэй).

Ключевые слова: природный газ, энергетическая политика, стратегическое развитие, трубопроводы, Китай, Дунбэй, Восточная Сибирь.

Развитие альтернативных видов энергии получило мощный импульс во многих странах мира, в том числе и в Китае, однако базовым посылом является то, что на ближайшие десятилетия углеводороды останутся основным источником энергии. И в целом роль природного газа (ПГ) как наиболее чистого ископаемого топлива будет расти как в страновых балансах энергопотребления, так и во внешней торговле энергоресурсами. По прогнозам, объемы мировой добычи ПГ увеличатся более чем на треть, а доля в общем мировом

энергобалансе дойдет почти до четверти, вплотную приблизившись к долям угля и нефти, что сделает природный газ основным энергоносителем¹.

Естественно, состояние и перспективы мирового энергетического рынка чрезвычайно важны для такого его ведущего игрока, как Китай. Конъюнктура этого рынка влияет и на расстановку приоритетов в собственной модели развития страны, и на «иерархию» внешних поставщиков углеводородов, и на интенсивность сотрудничества с ними.

Отличительной особенностью современного периода развития Китая является то, что перед страной продолжает стоять стратегический выбор оптимальной национальной энергетической стратегии: либо в направлении более полного самообеспечения энергоносителями, либо в направлении ускоренной газификации страны, во многом за счет роста импорта газа, либо сочетание этих двух векторов.

В процессе освоения углеводородных ресурсов на территории Китая выяснилось преимущественное наличие ПГ в продуктивных горизонтах нефтегазовых месторождений. В связи с этим в стране происходит настоящий газовый переворот, сопровождаемый реализацией весьма капиталоемких проектов. Это, во-первых, массивное вложение средств в геологоразведку, разработку месторождений и широкомасштабное строительство магистральных газопроводов; во-вторых, развитие инфраструктуры регазификации и снабжения сжиженным природным газом (СПГ) таких сфер, как энергетика, химическая промышленность и металлургия преимущественно в южных, восточных и северо-восточных провинциях КНР; в-третьих, активизация китайского участия в разведке и разработке газовых ресурсов по всему миру и их транспортировке в КНР; в-четвертых, интенсивное развитие газораспределительной инфраструктуры, в частности сооружение подземных газохранилищ и сетей.

В настоящее время собственная добыча газа в Китае уже не покрывает растущие потребности его народного хозяйства, и поэтому страной взят курс на значительное увеличение инвестиций в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности, что позволяет укрепить энергетическую

безопасность страны и оптимизировать ценовую конкуренцию между экспортерами газа.

Ныне Китай стоит перед широким выбором источников традиционного и альтернативных видов газа. По предварительным подсчетам Института экономики и технологии Китайской национальной нефтегазовой корпорации, собственная добыча ПГ в Китае в 2016 г. достигла 134,1 млрд куб. м, в то время как реальный объем потребления газа в КНР составил 204 млрд куб. м, увеличившись на 6,5 % по сравнению с 2015 г. При этом за 2016 г. (в сравнении с 2015 г.) темп роста потребления газа (2,4 %) существенно превысил темп роста его добычи (1,4 %) и растущая разница в объемах была покрыта за счет увеличения *импорта газа*. Китай в 2016 г. импортировал 35,2 млрд куб. м трубопроводного газа и 25 млн т СПГ (около 34,7 млрд куб. м). При этом темп роста потребления СПГ почти в 2 раза превысил темп роста потребления трубопроводного газа (соответственно 27,2 и 15,6 % по сравнению с 2015 г.)².

Ожидается, что в текущем 2017 г. потребление ПГ в Китае вырастет на 5,9 % до 216,2 млрд куб. м, а доля газа в общем объеме потребления первичных энергоресурсов увеличится до 6,2 %³.

В ближайшей перспективе на 13-ю пятилетку (2016—2020 гг.) Государственное управление по делам энергетики КНР планирует существенное увеличение в энергобалансе страны доли газа и возобновляемой энергетики (с учетом ГЭС): с 5,9 до 10 % и с 12 до 15 % соответственно по сравнению с 2015 г.⁴ При этом доля угля, главного китайского энергоресурса, в рамках политики по сокращению выбросов и борьбе с изменением климата должна снизиться с 64 до 58 %⁵. Однако доля газа в топливно-энергетическом балансе страны все равно остается крайне незначительной по сравнению с энергобалансами других промышленных держав, где она составляет не менее 25—35 %.

Выдвигается множество разнообразных прогнозов развития газовой отрасли Китая на период до 2020 г. — и китайских, и зарубежных. Они носят как пессимистичный, так и оптимистичный характер, но практически во всех из них прогнозные величины объемов потребления газа в стране в 2020 г. ожидаются на уровне 340—360 млрд куб. м. При этом предполагается, что основные государст-

венные стратегические планы по изменению внутреннего газового баланса Китая должны быть полностью реализованы к 2030—2035 гг.⁶

Согласно докладу «Развитие газовой отрасли Китая — 2016», подготовленному Государственным управлением по делам энергетики, Центром по изучению проблем развития при Госсовете Китая и Министерством земельных и природных ресурсов, наиболее близким к реальности показателем объема потребления в 2020 г. ожидается 340 млрд куб. м газа. Покрывать этот спрос Пекин собирается, прежде всего, за счет роста собственной добычи до 220 млрд куб. м, из которых традиционный газ даст 170 млрд, сланцевый — 30 млрд, а остальное — шахтный метан (из угольных пластов). Соответственно, ниша для импорта может вырасти с нынешних 69,9 до 120 млрд куб. м. В соответствии с долгосрочными стратегическими планами, к 2030 г. Китай может увеличить импорт газа еще более чем в 2 раза — до 270 млрд куб. м⁷.

При этом властями страны, так же как и в нефтяной сфере, поставлена задача форсирования геолого-разведочных работ с тем, чтобы к 2020 г. разведанные запасы ПГ достигли 16 трлн куб. м⁸. Главное, чтобы эти запасы подпали под категорию доказанных, которые, как предполагается, будет экономически целесообразно извлекать из открытых месторождений. При этом корректность оценки таких запасов во многом зависит от общих ценовых трендов мирового энергетического рынка и восточноазиатского рынка, в частности.

В настоящее время власти Китая большие надежды связывают с разработкой нового нетрадиционного источника ПГ — сланцевых залежей. В связи с этим планируется широкое развертывание геолого-разведочных работ в целях доведения разведанных запасов сланцевого газа до 1,5 трлн куб. м⁹. Именно сейчас фиксируется бурный прирост добычи сланцевого газа. Если в конце 2014 г. совокупная добыча сланцевого газа двух ведущих нефтегазовых корпораций *Sinopeс* и *PetroChina* составляла 1,7 млрд куб. м, то к началу 2016 г. — уже 6,2 млрд куб. м, то есть прирост добычи увеличился более чем в 3 раза¹⁰. Успехи текущих лет говорят о явной вероятности реализации оптимистичного сценария и быстром росте добычи сланцевого

газа к 2020 г. до 60—100 млрд куб. м. В пользу этого свидетельствует то приоритетное внимание, которое уделяется добыче сланцевого газа правительством Китая. Для этого используются различные стимулирующие механизмы, в частности установлены субсидии для поощрения добычи, а главное — проведена либерализации рынка сланцевого газа в плане расширения прав собственности на добытый газ и отказа от государственного регулирования цен на него. Это начиная с 2016 г. привлекло к разработке сланцевых месторождений и иностранные компании. В конечном итоге, согласно данным *BP*, к 2035 г. основная часть сланцевого газа будет добываться именно в Китае, и это при том, что доля СГ составит четверть от общей добычи газа в мире¹¹.

Таким образом, во избежание дефицита природного газа правительство Китая решило задействовать все возможные внутренние и внешние его источники. Понятно, что наиболее быстро дополнительные объемы газа могут быть получены по каналам импорта. Так, сооружены 3 нитки газотранспортной магистрали «Центральная Азия» общей мощностью 55 млрд куб. м газа (в 2015 г. по ней в Китай было поставлено около 30 млрд куб.м), в первую очередь из Туркменистана¹². Также построен газопровод из Мьянмы мощностью 12 млрд куб. м.

Альтернативой поставкам трубопроводного газа является развитие инфраструктуры по импорту СПГ. И Китай активно закупает СПГ. На данный момент КНР законтрактовала поставки СПГ в объеме около 50 млрд куб. м в год, к 2019 г. этот показатель может вырасти до 60 млрд куб. м (включая 4,8 млрд куб. м с проекта «Ямал СПГ»). В настоящее время Китай этот объем не выбирает, потребляя около 35 млрд куб. м СПГ в год. Данные поставки могут обеспечить потребности страны в импорте газа до 2020 г., причем у китайских компаний еще останется возможность покрывать пики потребления за счет закупок СПГ на спотовом рынке¹³.

Однако из-за разноскоростного движения ценовых трендов на газ у разных экспортеров, Китай встал перед необходимостью оценки эффективности различных направлений доставки газа потребителям. Так, известно, что транспортировка центральноазиатского газа по системе китайских газопроводов «Запад-Восток» убыточна, а

газотранспортным компаниям из государственного бюджета Китая предоставляются скидки и дотации в целях повышения эффективности дальней транспортировки газа на восточное и южное побережья Китая. Сверхдальняя транспортировка центральноазиатского газа на расстояние более 7 тыс. км явно неэффективна. Мало того, центральноазиатский маршрут требует значительных затрат на сооружение газоперерабатывающих заводов на промыслах в целях очистки газа от сероводорода и других примесей, и это ведет к существенному удорожанию поставки. В конечном итоге доставленный в Шанхай или Гуанчжоу центральноазиатский ПГ становится неконкурентоспособным по сравнению с импортным СПГ. Все это ограничивает область его использования только высокоэффективными отраслями народного хозяйства, как-то: производство минеральных удобрений, высокотехнологичные производства либо отрасли с регулируемыми ценами (коммунально-бытовое хозяйство).

В итоге сейчас используется не больше половины мощности газотранспортной системы «Центральная Азия». По сообщениям СМИ, Китай приостановил строительство четвертой очереди этой газотранспортной системы через Таджикистан и Киргизию.

В то же время такие удаленные от моря старопромышленные регионы Китая, как Дунбэй и ряд центральных регионов страны, испытывают серьезную нехватку экологически чистых энергоносителей, главным образом ПГ. Дело в том, что близрасположенные районы добычи нефти и газа (например, промыслы Дацина) близки к истощению основной части их запасов, крупномасштабная же доставка импортных ресурсов Центральной Азии достаточно дорога, особенно для использования в таких массовых производствах, как металлургия, машиностроение, химическая промышленность. И этот негативный процесс с течением времени будет только усугубляться.

Данным обстоятельством, на наш взгляд, в основном объясняется то, что Китай проявил заинтересованность в заключении в 2014 г. крупнейшей сделки с Россией по доставке восточносибирского газа в Китай. Это можно считать большим плюсом для перспектив реконструкции промышленности Дунбэя.

Автор разделяет ту точку зрения, что сделка между Газпромом и CNPC носит несомненный обоюдovýгодный характер. Тем не ме-

нее, сейчас у Китая нет высокой необходимости в российском газе, и ему требуется определенное время для соответствующей подготовки инфраструктуры газового хозяйства: газораспределительных сетей среднего и низкого давления, подземных хранилищ, переналаженного под газ энергооборудования и пр.

В настоящее время, согласно договору между Газпромом и CNPC, Газпром продолжает строительство газотранспортной системы «Сила Сибири» мощностью 61 млрд куб. м, по которому газ с месторождений Восточной Сибири будет поставляться как на внутренний российский рынок (через Хабаровск до Владивостока), так и на экспорт в Китай.

Контракт на поставки российского газа в Китай по газопроводу «Сила Сибири» вступил в силу в мае 2015 г. В документе зафиксирован срок фактического начала поставок газа — от 4 до 6 лет после вступления контракта в юридическую силу. Таким образом, начало поставки газа в Китай может прийти на период с мая 2019 г. по май 2021 г.¹⁴ Сейчас же построено около четверти длины магистрала.

Помимо строящегося «восточного маршрута» (газопровод «Сила Сибири») и планируемого на перспективу «западного маршрута» (газопровод «Сила Сибири-2» через Горный Алтай), Газпром и CNPC рассматривают и третий маршрут транспортировки газа в КНР с Киринского и Южно-Киринского месторождений проекта «Сахалин-3» путем сооружения газопровода-перемычки от Хабаровска до Белогорска (Амурская область), где от газотранспортной системы «Сила Сибири» должен начинаться газопровод-отвод на Китай. Этот путь поставок сахалинского газа был закреплен в меморандуме о взаимопонимании несколько позже остальных — осенью 2015 г. Однако сооружен указанный маршрут может быть даже раньше двух основных. Согласно меморандуму, объем поставок газа с проекта «Сахалин-3» может составить от 25 до 38 млрд куб. м в год¹⁵. Актуальность маршрута поставок газа с Дальнего Востока России была подтверждена во время недавней встречи председателя Газпрома А. Миллера с первым вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли в апреле 2017 г.¹⁶ Но многое зависит и от долгосрочного тренда мировых цен на газ.

Согласно источникам, близким к подписанию контракта между Газпромом и CNPC, цена на газ тогда находилась на уровне 350 долл. за 1000 куб. м на российско-китайской границе. Формула цены закладывалась на базе азиатской корзины нефтепродуктов и сжиженных углеводородных газов¹⁷. Причем Газпром ныне не видит оснований для пересмотра цены поставок газа в КНР по «Силе Сибири». Как сообщил зампреда правления компании А. Медведев, возможность для пересмотра цен остается как за продавцом, так и за покупателем. «Но повода для пересмотра цен мы не видим»¹⁸.

В целом текущий уровень цен на газ достаточно низок. Так, по информации «Интерфакса» за февраль 2017 г., цена экспортируемого с «Сахалин-2» СПГ на рынки АТР, и прежде всего на главный рынок сбыта — Японию, упала до примерно 188 долл. за 1000 куб. м или более чем в 3 раза по сравнению с периодом энергетического кризиса в Японии, разразившегося вследствие аварии на АЭС «Фукусима»¹⁹. При этом аналитики ожидают сохранения в ближайшие годы сравнительно низких цен на СПГ.

Кроме того, потребности народного хозяйства КНР в газе и формирование цен на него находятся в высокой зависимости от масштабов потребления газа, поэтому реализация поэтапной реформы по повышению внутренних китайских цен на газ до мирового уровня, на наш взгляд, может способствовать оптимизации баланса спроса и предложения, включая и спрос на импортный газ.

Учитывая проведенную корректировку сроков, можно констатировать, что газопровод «Сила Сибири-1» будет введен в эксплуатацию не позднее 2020 г. с постепенным (по мере готовности компрессорных станций и самих потребителей газа в Дунбэе) наращиванием объемов транспортировки газа начиная с 5 млрд куб. м до 38 млрд. Китайский участок стартует в приграничном городе Хэйхе и заканчивается в Шанхае, пересекая восемь регионов КНР. Протяженность участка составляет 3170 км, включая существующий газопровод протяженностью 1800 км. Вдоль китайского участка газопровода построят девять подземных хранилищ газа (ПХГ). Целевым рынком для этого газопровода являются Пекин, Тяньцзинь, провинция Хэбэй, дельта р.Янцзы и северо-восточные территории Китая²⁰.

Знаковое решение по реформе цен на газ было принято на пленуме ЦК КПК еще в ноябре 2013 г. Тогда отмечалось, что партия намерена двигаться к «укреплению роли рынка в определении цены на ресурсы». Тем самым было подтверждено продолжение курса на дерегулирование экономики, снижение административных барьеров и резкое сокращение номенклатуры регулируемых государством внутренних цен, прежде всего на энергетические ресурсы²¹.

Это решение стало реакцией на заявление трех крупных нефтегазовых компаний Китая (*PetroChina*, *Sinopec* и *China National Offshore*) о необходимости повышения цен на газ из-за быстрого роста его потребления, высокой стоимости разведки, добычи и транспортировки, а также ввиду заметного давления на китайские компании, оказываемого их иностранными акционерами.

Правительством Китая было принято решение о постепенном повышении внутренних цен на газ до мирового уровня. Параллельно должны быть реализованы решения по резкому сокращению энергоемкости народного хозяйства и снижению экологической нагрузки предприятий. Кроме того, совершенствуются методология ценообразования на газ, а также отладка механизмов предоставления преференций нефтегазовым компаниям для стимулирования эффективной разработки национальных газовых ресурсов. Все это свидетельствует об обретении газовой промышленностью статуса стратегического приоритета в современной энергетической политике КНР. И Россия может помочь Китаю в реализации стратегической задачи совершенствования его газовой отрасли.

Кроме того, в двух китайских регионах (провинция Гуандун и Гуанси-Чжуанский автономный район) продолжается пилотный проект по либерализации цен на газ. Установленные для двух провинций цены определены по формуле, привязанной к ценам на нефть и углеводородным газам. Потребители в городах провинции Гуандун до сих пор платили за 1000 куб. м не более 433 долл., а в Гуанси — не более 406 долл.²² И если Газпром войдет на китайский рынок распределения газа, то это, естественно, сделает последний более привлекательным, причем не только для России, и побудит Пекин занять позицию, более гибкую и отзывчивую на конструктивное сотрудничество.

Для китайско-российского взаимодействия принципиально важен следующий момент: складывающийся в среднесрочной перспективе (после 2020 г.) дефицит газа проявится по регионам Китая неравномерно. Исходя из направлений развития газотранспортной системы КНР, факта строительства множества терминалов по приему СПГ, потенциала роста потребления газа в провинциях Китая, можно утверждать, что основные потребители российского трубопроводного газа будут располагаться в Дунбэе и отчасти — в центральном районе КНР. При этом для Дунбэя в целях реализации объявленной программы модернизации старой промышленной базы потребуются значительные объемы газа. Так, по расчетам аналитиков, объемы потребления газа в Дунбэе в перспективе будут расти чрезвычайно высокими темпами, и если в 2009 г. потребление газа составляло только 6,2 млрд куб. м, то к 2020 г. оно увеличится до 50—70 млрд²³. Понятно, что внутренних запасов газа будет недостаточно, поэтому потребность в импортном газе еще больше возрастет. И здесь надо отметить, что российский газ является наиболее конкурентоспособным.

Китаем была инициирована подготовка ряда документов об основных направлениях российско-китайского сотрудничества в газовой сфере. Эти договоренности предусматривают не только поставку в КНР российского газа, но и совместную разработку нефтегазовых месторождений в Китае, создание там газотранспортных и газораспределительных систем, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа, а также взаимодействие в области геолого-разведки, добычи, транспортировки и реализации газа.

В этих условиях реализация газа с месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока в КНР по льготной цене, на которой настаивает Китай, видится вполне реальной, но только при условии допуска российских компаний к распределительным активам китайских газовых компаний. Доступ российских поставщиков газа к конечным потребителям в КНР является особым условием, повышающим эффективность подачи газа по данному направлению. Такой доступ возможен как через совместное российско-китайское предприятие, так и через покупку Газпромом активов государственных компаний-владельцев газораспределительных сетей КНР при усло-

вии их приватизации. Окончательное решение в выборе того или иного варианта доступа Газпрома остается за властями Китая.

Газпром же хотел бы и на китайском направлении реализовывать ту стратегию прямого доступа к конечному потребителю, которую он применяет в Европе. Ввиду того, что конечные цены на газ у потребителей зачастую более чем в 2 раза превышают цены продажи газа газотранспортным фирмам, эффективность компаний, контролирующих всю цепочку прохождения газа от места добычи до розничного потребителя, оказывается гораздо более высокой, чем у компаний — «простых» производителей. На наш взгляд, без доступа к цепи поставки Газпром вряд ли пойдет на значительные капиталовложения в масштабный проект создания нового газотранспортного коридора из России в Китай.

Ныне обсуждается вопрос не только о расширении поставок российского газа в КНР, но и об активном участии китайских компаний в освоении газовых месторождений Сибири. Так, например, подписан договор о поставке СПГ с газоконденсатных месторождений полуострова Ямал в Китай. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) имеет через свое дочернее предприятие 20%-ную долю в проекте «Ямал СПГ» по освоению Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения, включая строительство завода по сжижению природного газа. Инвестиции в проект на стадии планирования оценивались в 1 трлн руб.²⁴ Стратегические проекты партнерствующих компаний могут касаться совместного участия в сферах добычи, транспортировки и маркетинга газа, а также в электроэнергетике. Например, 25 июня 2016 г. Газпром и CNPC подписали меморандум о взаимопонимании в области подземного хранения газа и газовой электрогенерации на территории КНР²⁵.

Заслуживает внимание поступающая информация об активности на китайском газовом рынке и других российских компаний — Роснефти, Новатэка и др.

Поскольку из-за монополии Газпрома на экспорт российского газа прямой выход других отечественных компаний на газовый рынок Китая невозможен, то Роснефть вынуждена прибегать к сложным, многоходовым комбинациям. Так, в конце 2016 г. Роснефть заключила договор с китайской компанией *Beijing Gas Group Company*

о сотрудничестве в газовом бизнесе. Роснефть ведет переговоры с *Beijing Gas Group* о поставках газа в Китай с Среднеботуобинского, Верхнечонского или Юрубчено-Тохомского месторождений в Восточной Сибири²⁶.

Это соглашение гарантирует Роснефти доступ к крупнейшему рынку природного газа Китая и замыкает глобальную интегральную цепочку: добыча газа вне России — торговля СПГ на мировом рынке — продажа природного газа на рынке Китая. При этом «глобальные интегральные цепочки» — это особая стратегия развития, которую продвигает Роснефть. Здесь главной задачей компании является создание международных объединений производителей и потребителей энергоносителей. Эти объединения гарантируют инвестиции в развитие производства и сбыт производимой продукции²⁷.

Заключение

В процессе освоения углеводородных ресурсов на территории Китая было установлено преимущественное залегание ПГ в продуктивных горизонтах нефтегазовых месторождений. В связи с этим в стране происходит настоящая газовая революция, сопровождаемая инициацией весьма капиталоемких проектов в газовой сфере.

В настоящее время собственная добыча газа в Китае уже не покрывает растущие потребности народного хозяйства, и в условиях их резкого роста значительные средства направляются в импорто-ориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности. Это «работает» на интересы энергетической безопасности Китая и оптимизацию ценовой конкуренции экспортеров газа.

Поскольку наблюдается и параллельный рост затрат на доставку газа конечным потребителям в Китае, то становится насущно необходимым адекватное повышение конечных цен реализации газа. Правительством КНР осуществляется установка на постепенное увеличение внутренних цен на газ до мирового уровня. Параллельно должны быть исполнены решения по резкому сокращению энергоёмкости народного хозяйства и снижению экологической нагрузки

предприятий. Кроме того, совершенствуется методология ценообразования на энергоносители и установления оптимальных соотношений цен на уголь и газ. Также ведется отладка механизмов предоставления преференций нефтегазовым компаниям для повышения эффективности разработки национальных газовых ресурсов.

Все это свидетельствует о позиционировании газовой отрасли как одного из стратегических приоритетов современной энергетической политики КНР.

В силу этого для Китая резко возрастает и значение международного сотрудничества в газовой сфере. Китаем совместно с Россией реализуется широкая программа взаимодействия в соответствующей области. Помимо начинаний, уже указанных выше, следует упомянуть и тот факт, что сторонами было достигнуто соглашение о координации действий на рынках третьих стран, о формировании совместных предприятий для реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере. Это можно считать продолжением масштабного стратегического партнерства ведущих нефтегазовых корпораций РФ и Китая. В связи с этим надо констатировать, что в обозримой перспективе Газпром планирует занять устойчивые позиции на рынке КНР и Республики Корея, поставляя газ не только до границ этих стран, но и участвуя во всей цепочке его распределения. А трансконтинентальная газотранспортная система между Китаем и Россией может стать основой будущей газотранспортной системы Азии.

Примечания

¹ Текслер А. Энергетика будущего // Известия. 17.07.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/670767>

² URL: http://www.ngv.ru/news/gazoprovod_tsentralnaya_aziya_kitay_perekachal_170_mlrd_kub_m_gaza/?sphrase_id=6882431

³ Там же.

⁴ Барсуков Ю., Коростиков М. Китай переходит на газ // Коммерсантъ. 19.01.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3195636>

⁵ URL: http://www.pro-gas.ru/persp/persp_full/

- ⁶ URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2016-11/3>
- ⁷ URL: <http://neftegaz.ru/news/view/156514-Kitay-usilenno-razvivaet-svoyu-gaz-ovuyu-otrasl-promyshlennosti-no-rech-ob-otkaze-ot-importnogo-gaza-ne-idet>
- ⁸ URL: <http://neftegaz.ru/news/view/157462-Kitay-provozglasil-borbu-s-import-ozavisimostyu.-Strana-namerena-razvivat-sobstvennuyu-dobychu-nefti-i-gaza>
- ⁹ URL: <http://burneft.ru/archive/issues/2016-11/3>
- ¹⁰ URL: http://www.eia.gov/beta/international/analysis_includes/countries_long/China/china.pdf
- ¹¹ URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2016-04/01/content_38155044.htm
- ¹² URL: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-07-23--kitaj-ne-sobiraetsja-otkazyvatsja-ot-4-j-nitki-gazoprovoda-iz-centralnoj-azii-24847>
- ¹³ URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=2042351
- ¹⁴ URL: <http://tass.ru/ekonomika/4056774>
- ¹⁵ URL: <http://www.oilcapital.ru/transport/284108.html>
- ¹⁶ URL: <https://ria.ru/economy/20170412/1492056785.html>
- ¹⁷ URL: <http://www.rbc.ru/economics/21/05/2014/57041d169a794761c0ce9fa5>
- ¹⁸ URL: <https://ria.ru/economy/20170302/1489083728.html>
- ¹⁹ *Мордюшенко О.* Сахалинский СПГ подешевел // Коммерсантъ. 03.04.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3260409>
- ²⁰ URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/74783>
- ²¹ URL: <http://www.finam.ru/analysis/newsitem690A6/default.asp>
- ²² URL: <http://www.yktimes.ru/tek/reformyi-ryinka-gaza-kitaya-shansyi-gazproma/>
- ²³ URL: <http://pandia.ru/text/78/162/67985-3.php>
- ²⁴ URL: <http://www.nakanune.ru/news/2014/5/15/22352839>
- ²⁵ URL: <http://topneftegaz.ru/news/view/113089/>
- ²⁶ URL: <http://www.rbc.ru/business/19/05/2016/573d779f9a79474b61282000>
- ²⁷ *Ильин Г., Тодорова М.* Роснефть стала крупнейшим независимым производителем газа // Известия. 16.02.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/665144>

А.В. Кутелева

СТРАТЕГИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ: ВЗГЛЯД ИЗ КАНАДЫ

Аннотация. В данной статье предложен краткий обзор канадской научно-экспертной литературы по вопросам энергетической безопасности Китая, а также рассматриваются основные изменения в канадско-китайском сотрудничестве в области энергетики в период с 2006 по 2017 г.

Ключевые слова: энергетическая политика Китая, китайско-канадские отношения, сотрудничество между Китаем и Канадой в сфере энергетики.

Энергетическая политика Китая уже давно является предметом пристального внимания и жарких дискуссий в международном сообществе. Особый интерес Китай вызывает в Канаде ввиду того, что она богата энергетическими ресурсами и является одним из крупнейших производителей и экспортеров нефти в мире. Кроме того, Канада позиционирует себя как лидера в области международной охраны окружающей среды, а разработка стратегий решения глобальных энергетических проблем является одной из важнейших сфер канадской внешней политики. При этом, хотя Канада и не создает новые тренды в глобальной политике, она хорошо интегрирована в систему международных отношений. В силу этого восприятие и оценка перемен, происходящих в энергетической политике Китая,

представителями канадского научно-экспертного сообщества и политической элиты весьма репрезентативно иллюстрирует позицию «средних» западных держав и экспортеров ресурсов, таких, как Австралия и Новая Зеландия.

Стратегия энергетической безопасности Китая в оценках канадских экспертов

Подавляющее число канадских исследователей в своем анализе энергетической политики Китая концентрирует внимание на внешнем выражении энергетических потребностей Китая. Основное внимание в научной литературе и экспертных докладах сосредоточено на том, как Китай будет обеспечивать свою энергетическую безопасность за счет поиска новых надежных и безопасных поставщиков энергетических ресурсов за рубежом. При этом, главным образом канадских исследователей волнует то, как Китай будет решать проблему растущего внутреннего спроса на нефть¹. В данном контексте серьезный интерес вызывает активизация китайских компаний на мировом энергетическом рынке как одно из направлений стратегии «выхода вовне».

Анализируя развитие сотрудничества между Китаем и богатыми энергетическими ресурсами развивающимися странами Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки, канадские эксперты отмечают, что для многих из них Китай постепенно становится не только крупным инвестором и надежным покупателем, но и *стратегическим союзником*². При этом, канадское научно-экспертное сообщество еще не сформировало единого мнения о том, какое влияние Китай оказывает на мировой энергетический рынок. Ряд экспертов видит потенциальную угрозу в китайской стратегии «выхода вовне» как таковой. По их мнению, в перспективе Китай перекроет остальным потенциальным покупателям доступ к нефти и другим стратегически важным природным ресурсам³. Другие специалисты, напротив, уверены, что приток китайских инвестиций поможет расширить конкурентную среду на рынке энергоресурсов⁴. Несмотря на неоднозначную трактовку действий КНР на мировом энергетиче-

ском рынке, канадские эксперты уверены в том, что развитие сотрудничества с Китаем в сфере энергетики должно стать одной из главных задач канадского правительства.

На данный момент Канада является пятым по величине мировым производителем и одним из крупнейших экспортеров нефти. Однако практически вся канадская нефть идет на экспорт в США. В связи с этим канадские эксперты видят в китайско-канадском сотрудничестве в первую очередь возможность диверсификации энергетического экспорта, столь важного для экономики Канады⁵. Кроме того, они видят в Китае перспективного и активного инвестора, настроенного на долгосрочное сотрудничество⁶. Но, отмечая растущую заинтересованность Китая в канадском энергетическом секторе, эксперты подчеркивают, что Канада по-прежнему не является приоритетным направлением международной активности Китая. Это одновременно вызывает у них и облегчение, и беспокойство. Из-за настороженного отношения к китайским государственным компаниям, которые являются главным источником потенциальных инвестиций, большинство экспертов заявляет о необходимости избирательного и осторожного подхода к выбору партнеров в Китае. Однако в то же время канадские эксперты единодушно признают, что конкуренция за китайские инвестиции растет и поэтому Канада не может позволить себя выдвигать слишком жесткие требования к китайским инвесторам.

Очевидно, что канадские исследователи рассматривают энергетическую политику Китая через призму традиционного подхода к энергетической безопасности, который подразумевает, что приоритетной задачей государства является предотвращение резких падений коммерческой и физической доступности углеводородных энергетических ресурсов (и в особенности нефти) для внутреннего рынка. Вопросы, связанные с энергосбережением, с недостаточностью электроснабжения отдельных регионов Китая, широкомасштабной деградацией окружающей среды и другими актуальными проблемами в сфере энергетической безопасности, зачастую остаются за пределами внимания канадских специалистов.

Лишь недавно канадские исследователи в анализе китайской энергетической политики начали выходить за рамки традиционного

подхода к энергетической безопасности. В последние годы появляется все больше исследований, которые указывают на необходимость содействовать формированию взаимовыгодных канадско-китайских обменов технологиями в области возобновляемых источников энергии, а также декларативно поддерживать Китай в деле совместного экономического развития, основанного на энергосбережении.

Так, например, эксперты *China Institute*⁷ уверены, что в последние десятилетия энергетическая политика Китая наглядно демонстрирует, что в ближайшем будущем страна будет продолжать вкладывать значительные средства в возобновляемые источники энергии и чистые технологии. Специалисты уверены, что, несмотря на недавнее замедление экономического роста в Китае, данная тенденция сохранится, и подчеркивают, что дальнейший рост сектора возобновляемых источников Китая будет оказывать все большее экономическое, социальное и политическое влияние на развитие данной отрасли в мире в целом. По их мнению, китайский рынок экологически чистых технологий отличается большим потенциалом и привлекательностью для западных компаний, которые обладают необходимыми технологиями, ресурсами и опытом.

Кроме того, эксперты *China Institute* обращают внимание на то, что китайские производители возобновляемой энергии заметно повышают свою конкурентоспособность на мировом рынке. В частности, они указывают, что в недалеком прошлом в секторе ветроэнергетики Китая доминировали иностранные компании, но в последние годы они начали уступать свои позиции китайским конкурентам. Этот тренд присущ не только ветроэнергетике: схожая ситуация начинается складываться и в других областях.

Эксперты *Asia Pacific Foundation of Canada*⁸ высоко оценивают успехи Китая по адаптации и локализации новых технологий и рыночных стратегий и в таких областях, как солнечная и ядерная энергетика и «зеленый» транспорт. Они называют Китай «архитектором крупнейшей в мире системы возобновляемой энергии» и подчеркивают, что китайские лидеры (так же как и лидеры других восточно-азиатских стран) «хорошо осведомлены как об экологических, так и об экономических ограничениях будущего экономического роста»⁹.

Канадские специалисты отмечают, что государственные субсидии, преференции и налоговые льготы в ближайшее годы, вероятно, останутся механизмами стимулирования развития сектора возобновляемой энергетики в Китае. Тем не менее, они также подчеркивают, что китайское правительство стремится выстроить новую отрасль на основе «зеленой» энергетики, которая в будущем станет визитной карточкой Китая и определит его ведущую роль в мировой экономике. Иными словами, совершенствование китайской возобновляемой энергетики путем укрепления внутренних инноваций, в отличие от использования субсидий, преференциальной политики и налоговых льгот, постепенно становится первоочередным вопросом в повестке дня китайского правительства.

Наконец, канадские эксперты отмечают, что за десятилетиями быстрого интенсивного роста сектора альтернативной энергетики последует период «корректировки политики». То есть в среднесрочной перспективе китайское правительство переключится с разработки новых экспериментальных технологий возобновляемых источников энергии на создание и внедрение системы тщательной оценки рыночного потенциала уже существующих проектов.

В целом, канадское экспертное сообщество видит в действиях китайского руководства амбициозный и перспективный план уже в ближайшем будущем сделать Китай лидером на глобальном рынке «зеленой» энергетики. Кроме того, сегодня канадские эксперты начинают усматривать в Китае не только «жадного дракона», охотящегося за нефтью, но и современный, чрезвычайно перспективный и высококонкурентный рынок альтернативной энергетики. Они убеждены, что «китайский смог пахнет новыми возможностями» для канадских и других западных компаний¹⁰.

Вплоть до 2015 г. действия канадского правительства на международной арене не вызывали в научно-экспертном сообществе страны большого энтузиазма. Канадские исследователи считают, что правительство, сформированное в 2006 г. Консервативной партией, упускало стратегические возможности в развитии сотрудничества с Китаем в нефтяной сфере, а также практически не использовало естественные конкурентные преимущества Канады для создания но-

вых направлений сотрудничества в области «зеленой» энергетики. На данный момент они возлагают большие надежды на новое правительство, которое возглавляет Либеральная партия, получившая большинство голосов на выборах 2015 г.

Китайско-канадское энергетическое сотрудничество: история, проблемы и перспективы

После того, как в 1968 г. пост премьер-министра Канады занял лидер Либеральной партии Пьер Трюдо, в китайско-канадских отношениях была открыта новая страница. В 1970 г. Канада первой среди западных стран установила дипломатические отношения с Китаем. В конце 1990-х гг. стремление Канады диверсифицировать экспорт энергоресурсов и получить новые инвестиции для развития ее нефтедобывающего сектора идеально сочеталось с целью Китая диверсифицировать его импорт энергоресурсов и найти еще один надежный объект для долгосрочных вложений. В 1997 г. Канада и Китай объявили о намерении развивать «всеобъемлющее партнерство» в XXI в., определив энергетику и торговлю природными ресурсами в качестве основных областей сотрудничества. Однако, несмотря на позитивный старт и очевидный взаимный интерес, десятилетие спустя китайско-канадское сотрудничество в области энергетики зашло в тупик.

На протяжении почти 40 лет после установления дипломатических отношений с Китаем правительство Канады уделяло особое внимание укреплению торговых связей с КНР, прагматично отделяя экономику от политики и активно используя методы «тихой дипломатии»*. Ситуация изменилась кардинальным образом в 2006 г. после победы на выборах Консервативной партии. В отличие от своих предшественников лидер консерваторов и новый премьер-министр

* «Тихая дипломатия» основана на использовании «мягкой силы» и подразумевает отказа от открытой идеологической конфронтации и наиболее острых политических противоречий ради развития экономического сотрудничества. «Тихая дипломатия» строится путем закрытых двусторонних переговоров и развития личных контактов на уровне министров иностранных дел и лидеров государств.

Канады Стивен Харпер не имел внешнеполитического опыта и был больше заинтересован в повышении своего рейтинга внутри страны, нежели в развитии международного сотрудничества. Внешнеполитическая программа Консервативной партии, представленная во время избирательной компании в 2005 г., была перегружена популистской риторикой и строилась на агрессивной критике Либеральной партии. Консерваторы утверждали, что их оппоненты «скомпрометировали демократические принципы, потакаая диктаторам»¹¹. Взамен консерваторы обещали сделать внешнюю политику инструментом выражения таких основополагающих канадских ценностей, как «свобода, демократия, верховенство закона, права человека и свободный рынок»¹².

В первые годы на посту премьер-министра С. Харпер активно использовал популистскую внешнеполитическую риторику, и главной ее мишенью стал Китай. В 2006 г. С. Харпер заявил, что он продолжит требовать от Китая соблюдения прав человека, даже если это поставит под угрозу дальнейшее экономическое сотрудничество между Китаем и Канадой. «Канадцы хотят, чтобы мы развивали международную торговлю — и мы это делаем, однако, я не думаю, что канадцы хотят, чтобы мы предали важнейшие канадские ценности»¹³, — подчеркнул С. Харпер в интервью канадским журналистам. Несмотря на критику со стороны сотрудников Министерства иностранных дел и международной торговли Канады, а также представителей научно-экспертного сообщества, правительство С. Харпера методично наносило удары по самым уязвимым для их китайских партнеров местам (публичная поддержка последователей движения «Фалуьнгун», организация официальных встреч с Далай-ламой XIV, обвинения в государственном коммерческом шпионаже и т. д.), зачастую демонстративно пренебрегая дипломатическим этикетом¹⁴.

Канадский политолог Чарльз Бертон объясняет резкую политику китайско-канадских отношений стремлением консерваторов создать свой собственный политический бренд в отношениях с Китаем и максимально дистанцироваться от наследия Либеральной партии. Кроме того, Бертон отмечает, что «в силу своих идеологических особенностей, консерваторы чувствуют себя комфортнее, раз-

вивая связи с демократическими режимами» и что они изначально рассматривали более тесное сотрудничество с Индией, Бразилией и Южной Африкой как альтернативу дальнейшему расширению связей с Китаем¹⁵.

Тем не менее, очень скоро стало очевидно, что политизация отношений с Китаем приносит Консервативной партии только краткосрочные и весьма сомнительные внутривнутриполитические дивиденды. Как справедливо отметил Дэвид Малруни, бывший посол Канады в Китае (2009—2012), правительство С. Харпера «говорило громко, но имело маленькую палку»¹⁶. Антикитайская риторика консерваторов, построенная на демократическом популизме, никак не подкреплена реальными достижениями. Правительство С. Харпера не имело рычагов давления на руководство Китая и не было способно влиять на внутреннюю политику Китая, а громкие публичные заявления премьер-министра лишь усложняли работу канадских дипломатов.

Что еще более важно, консерваторы были вынуждены признать, что стратегия экономического развития, построенная с учетом участия страны в глобальной экономике лишь опосредованным образом через американские компании и производственные сети, — неэффективна. Правительство С. Харпера активно позиционировало Канаду на международной арене как «энергетическую сверхдержаву»: согласно заявлениям С. Харпера, успешная разработка битуминозных (нефтяных) песков в провинции Альберта на западе страны привела к неизбежному изменению статуса Канады на международной арене¹⁷. В этом контексте он определял энергетическую сверхдержаву как «надежного производителя энергоресурсов в неустойчивом и непредсказуемом мире»¹⁸, который предлагает своим партнерам «прозрачную систему регулирования и приверженность открытому рынку»¹⁹. Однако в свете финансового кризиса 2008 г. стало очевидным, что Канада не может претендовать на статус «энергетической сверхдержавы», не используя потенциал взаимовыгодного сотрудничества с Китаем.

В 2009 г. правительство С. Харпера резко изменило свою политику в отношении Китая. С. Харпер впервые посетил Китай в конце 2009 г. и сделал ряд публичных заявлений, которые ясно обозначили

готовность его правительства возобновить конструктивный диалог с Китаем.

Реакция Китая не заставила себя ждать. Китайские компании начали активно направлять инвестиции в экономику Канады и, в особенности, в нефтяной сектор провинции Альберта. Уже в конце 2009 г. *PetroChina* инвестировала 1,9 млрд долл. в приобретение 60%-ной доли участия в двух проектах по добыче нефтеносных песков, принадлежащих компании *Athabasca Oil Sands Corp.* В 2010 г. *Sinopet* приобрела 9,03 % акций *Syncrude Canada* стоимостью 4,65 млрд долл. Далее, *CNOOC* поглотила компанию *Opti Canada*, приобретя 35%-ную долю в совместном проекте *Nexen-Opti* по добыче нефтеносных песков в Лонг-Лейк в провинции Альберта. В общей сложности, к 2010 г. провинция Альберта получила китайских инвестиций на сумму более чем 15 млрд долл.²⁰

Изменение китайского курса правительства Канады и последовавший рост интереса к канадскому энергетическому сектору со стороны китайских инвесторов были восприняты с оптимизмом не только многими канадскими политиками, но и представителями научно-экспертного сообщества²¹. Однако, когда в июне 2012 г. *CNOOC* заявила о намерении приобрести канадскую компанию *Nexen* за 15,1 млрд долл., стало очевидным, что Канада видит в сотрудничестве с Китаем не только новые возможности, но и большие риски.

Покупка *Nexen* была не первой попыткой *CNOOC* расширить бизнес в Северной Америке: в 2005 г. компания пыталась купить калифорнийскую *Unocal* за 18,5 млрд долл., но сделка была заблокирована правительством США из «соображений национальной безопасности». Поглощение *Nexen* должно было стать крупнейшим в истории Китая вложением в иностранные энергетические активы и реабилитировать *CNOOC* после ее «поражения» с *Unocal*.

Несмотря на то, что в конечном итоге сделка по приобретению *Nexen* увенчалась успехом, процесс ее согласования оказался чрезвычайно сложным. Предложение *CNOOC* было воспринято негативно представителями как «левого», так и «правого» политического сектора Канады, включая сторонников Консервативной партии. Парламентарии от Новой демократической партии назвали перво-

начальное решение правительства С. Харпера одобрить сделку «безответственным» и «опасным». В первую очередь их беспокойство вызвал тот факт, что *CNOOC* является государственной корпорацией и, соответственно, находится под влиянием правительства Китая. В частности, депутат парламента Канады от Новой демократической партии Элен Ле-Бланк утверждала, что *CNOOC* не сможет следовать «принципам свободного предпринимательства», так как является «частью экономики, в которой не существует свободного рынка»²². Наиболее агрессивные критики сделки среди официальной оппозиции заявляли, что *CNOOC* является инструментом недемократичного политического режима. Так, например, по мнению еще одного представителя новых демократов Джейми Николса, *CNOOC* не должна была получить разрешение на покупку *Nexen* потому, что она «полностью контролируется коммунистическим и тоталитарным правительством»²³. Он подчеркнул, что «проблема заключается не в том, что *CNOOC* является китайской компанией, а в том, что *CNOOC* принадлежит правительству Китая и является его продолжением»²⁴. Кроме того, другие парламентарии от Новой демократической партии обвинили *CNOOC* в уклонении от налогов, а также в пренебрежении экологическими стандартами и трудовыми нормами во время разработки нефтяных месторождений в Бирме²⁵.

Схожие опасения озвучивали и представители Консервативной партии. Роб Андерс, консерватор из провинции Альберта, заявил, что «попытки любого государства получить контроль над канадскими жесткими активами* должны вызывать беспокойство, но, когда дело касается Китая, причин для беспокойства становится еще больше»²⁶. Среди прочего, Р. Андерс также выразил обеспокоенность тем, что инновационные разработки по добыче битуминозных (нефтяных) песков, которыми знаменита его провинция, окажутся в руках китайской государственной компании. Наконец, ряд представителей Либеральной партии высказали сомнения в том, что сделка *CNOOC-Nexen* поможет канадским компаниям получить симметричные условия при выходе на китайский рынок.

* Жесткие активы (hard assets) — материальные активы, такие, как земля, здания и производственное оборудование.

Результатом противодействия сделке со стороны официальной оппозиции стало продление сроков ее оценки правительством Канады на полгода — до декабря 2012 г. На протяжении этого времени китайская сторона должна была доказать, что, даже став частью китайской государственной компании, *Nexen* будет продолжать не только приносить прибыль Канаде, но и соблюдать канадское законодательство. Для этого руководство *CNOOC* пообещало разместить акции своей компании на фондовой бирже Торонто, сохранить существующую команду менеджеров и действующие программы корпоративной ответственности *Nexen*, а также перенести головной офис для зарубежных операций в Калгари — административный и коммерческий центр «нефтяной» провинции Альберта.

Когда после длительных переговоров и дебатов правительство С. Харпера приняло решение одобрить предложение *CNOOC*, китайская сторона объявила, что «в итоге дружественных переговоров» был сделан «важный взаимовыгодный шаг» для Китая и Канады²⁷. С. Харпер, напротив, однозначно дал понять, что данную сделку следует рассматривать не как прецедент, а как исключение. По его словам, несмотря на то, что Канада открыта для иностранных инвестиций и последовательно поддерживает либерализацию международных торгово-инвестиционных режимов, она «не выставлена на продажу для других государств» и его правительство не позволит другим государствам контролировать экономику страны²⁸.

Тем не менее, в целом канадские политики, вне зависимости от их партийной принадлежности, приветствуют приток китайских капиталов в национальную экономику Канады и считают необходимым создавать более благоприятные условия для китайских инвесторов. Однако, как показывает история сделки *CNOOC-Nexen*, когда вопрос касается ресурсного сектора, попытки Китая выйти на международные рынки, и в частности получить активы в Канаде, воспринимаются как угроза. Основной причиной недоверия к китайским компаниям и источником сомнений в целесообразности более активного сотрудничества с ними в области добычи энергоресурсов для большинства канадских политиков является тесная связь между бизнесом и государством в Китае. В стремлении Китая укрепить национальную энергетическую безопасность за счет выхо-

да китайских компаний на международный энергетический рынок они видят потенциальную опасность и намек на экспансионизм, а также попытку Китая получить дополнительный рычаг политического и экономического давления на страны-экспортеры энергоресурсов.

Несмотря на то, что активные инвестиции Китая в добычу энергоресурсов за рубежом не вызывают у большинства канадских политиков энтузиазма, действия, предпринимаемые китайским правительством в области развития альтернативных источников энергии и «зеленых» технологий, получают очень высокую оценку. Находясь в официальной оппозиции, представители Либеральной и Новой демократической партий, подчеркивая растущий интерес Китая к «зеленым» технологиям, не раз критиковали правительство С. Харпера за пренебрежение этим интересом. По их мнению, тот факт, что и Китай, и Канада заинтересованы в изменении своей энергетической политики и развитии производства экологически чистого топлива, открывает новые перспективы для энергетического сотрудничества между двумя странами²⁹. Кроме того, представители официальной оппозиции нередко ставили Китай в пример правительству Харпера. Так, например, Брюс Хайер, представитель Зеленой партии, заявил, что «красный» и «коммунистический» Китай успешно зарабатывает, создавая «зеленые» технологии и «зеленые» рабочие места, лишая Канаду ее естественного конкурентного преимущества в области развития возобновляемых источников энергии³⁰. Очевидно, что в области развития альтернативной энергии многие канадские политики видят в Китае потенциального конкурента, чей опыт необходимо изучать и использовать, а также желанного политического и экономического партнера.

В 2015 г. на посту премьер-министра С. Харпера сменил лидер Либеральной партии Канады Джастин Трюдо, сын Пьера Трюдо. Дж. Трюдо провел переговоры с председателем Си Цзиньпином уже во время своей первой заграничной командировки в качестве премьер-министра во время саммита G-20 в Турции в ноябре 2015 г. В следующем году Дж. Трюдо вновь встретился с Си Цзиньпином во время своего официального визита в Китай. Вероятнее всего, Дж. Трюдо продолжит курс предыдущего поколения либералов на

развитие взаимовыгодного экономического диалога с Китаем и не позволит внутренней политике влиять на ход экономического сотрудничества между двумя странами. К тому же, важной частью не только предвыборной программы, но и первых политических инициатив Дж. Трюдо в качестве премьер-министра стали вопросы охраны окружающей среды и противодействия потеплению климата. Все это дает основание полагать, что в ближайшем будущем Канада сосредоточит свои усилия на расширении сотрудничества с Китаем в области развития «зеленой» энергетики. Официальное начало этому сотрудничеству было положено в феврале 2016 г., когда Канада и Китай подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в области экологически чистых технологий.

В целом, изменение официальной позиции канадского правительства в отношении энергетического диалога с Китаем является частью международного тренда: конструктивное стратегическое сотрудничество с Китаем в области энергетики — уже не выбор, а экономическая и политическая необходимость для большинства государств-энергоэкспортеров. Канада, однако, еще не готова воспринимать Китай как надежного и ответственного партнера, настроенного на взаимовыгодное и продуктивное взаимодействие во имя общего гармоничного развития. Это становится особенно заметно, когда вопросы сотрудничества затрагивают главную экономическую отрасль и стратегический ресурс Канады — нефтяной сектор. Очевидные политические и идеологические различия между двумя странами мешают канадской стороне установить более доверительные отношения с Китаем. Канадское научно-экспертное сообщество видит в Китае сложного с политической точки зрения, но весьма перспективного в экономическом плане партнера, успешное развитие энергетического сотрудничества с которым необходимо для дальнейшего роста канадской экономики. Они ждут от нового правительства Канады решительных действий и нейтральной с политической точки зрения стратегии в отношениях с Китаем, которая позволит Канаде получить наибольшую выгоду от взаимодействия с ним. Последние изменения в политике Канады в отношении Китая позволяют говорить о том, что правительство Дж. Трюдо намерено прислушаться к мнению экспертов.

Примечания

¹ См., напр.: *Jiang, W.* Fuelling the dragon: China's rise and its energy and resources extraction in Africa // *The China Quarterly*. 2009, 199; *MacIsaac, D., & C. D. MacIsaac.* The Prospective Interdependency of China's and Canada's Energy Security // *Canadian Military Journal*. 2014, 15(1); *Zweig, D., & Hao, Y.* Sino-US Energy Triangles: Resource Diplomacy under Hegemony. — Routledge, 2015.

² См., напр.: *Jiang, W.* China's emerging strategic partnerships in Africa // *China into Africa: Trade, Aid, and Influence*. 2008, 50—64. *Jiang, W.* China's energy engagement with Latin America // *China Brief*. 2006, 6 (16). *Rosales, A.* Deepening extractivism and rentierism: China's role in Venezuela's Bolivarian developmental model // *Canadian Journal of Development Studies*. 2016, 37(4). Taylor, I. Chinese interest in Nigeria's oil and the American context // *Canadian Journal of African Studies*. 2015, 48 (3).

³ *Zweig, D. & Bi, J.* China's hunt for global energy // *Foreign Affairs*. 2005, 84(5).

⁴ *Moran, T. H.* Chinese Foreign Direct Investment in Canada: Threat or Opportunity? / Canadian Council of Chief Executives, 2012. URL: <http://www.ceocouncil.ca/wp-content/uploads/2012/03/Chinese-Foreign-Direct-Investment-in-Canada-Theodore-H-Moran-March-2012.pdf>

⁵ *Jiang, W.* Seeking a strategic vision for Canada-China relations // *International Journal*. 2009, 64 (4).

⁶ См., напр.: *Ares, M.* Le Canada superpuissance energetique? L'affaire Nexen et la credibilite de la politique conservatrice envers la Chine // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2014, 20 (1); China Institute. Building a Long Term Energy Relationship between Alberta and China/China Institute at the University of Alberta, 2011. URL: <https://www.ualberta.ca/china-institute/research/other/energy-reports/2011/december/building-a-long-term-energy-relationship-between-alberta-and-china>

⁷ China Institute. China's Renewable Energy & Clean-Tech Market /China Institute at the University of Alberta, 2016. URL: <https://cloudfront.ualberta.ca/-/media/china/media-gallery/research/energy-reports/2016cleantechrenewableenergy.pdf>

⁸ См. напр.: The Asia Pacific Foundation of Canada. Scoping Paper: A Study of China's Energy Commitments / The Asia Pacific Foundation of Canada, 2016. URL: https://www.asiapacific.ca/sites/default/files/filefield/china_energy_report.pdf

⁹ *Kim, S.-Y.* Asia's Clean Tech Transition: Balancing Green Development and New Market Growth /The Asia Pacific Foundation of Canada, 2017. URL: <https://www.asiapacific.ca/canada-asia-agenda/asias-clean-tech-transition-balancing-green-development-and>

¹⁰ *Loh, J.* When Smog Smells Like Opportunity // OpenCanada.org, 2013. URL: <http://www.opencanada.org/features/when-smog-smells-like-opportunity/>

¹¹ Conservative Party of Canada. Stand up for Canada: Conservative Party of Canada federal election platform 2006. URL: http://www.cbc.ca/canadavotes2006/leadersparties/pdf/conservative_platform20060113.pdf

¹² Ibidem.

¹³ CBC. Won't "sell out" on rights despite China snub: PM. *CBC News*. 2006.

¹⁴ *Nossal, K.R., & Sarson, L.* About face: explaining changes in Canada's China policy, 2006—2012 // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2014, 20(2). P. 147—150.

¹⁵ *Burton, C.* Canada's China policy under the Harper government // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2015, 21(1). P. 48.

¹⁶ *Mulroney, D.* Speak loudly and carry a small stick // *Policy Opinions*, 2015. URL: <http://policyoptions.irpp.org/magazines/is-it-the-best-of-times-or-the-worst/mulroney/>. См. также: *Mulroney, D.* Middle power, middle kingdom: What Canadians need to know about China in the 21st century. Penguin Canada. 2015.

¹⁷ *Harper, S.* Speech to the Economic Club of New York, 2006. URL: <http://pm.gc.ca/media.asp?=1327>

¹⁸ *Harper, S.* Address by the Prime Minister at the Canada-UK Chamber of Commerce, 2006. URL: <http://pm.gc.ca/media.asp?=1247>

¹⁹ *Harper, S.* Notes for an address by the Right Honourable Stephen Harper, Prime Minister of Canada to the APEC Business Summit, 2007. URL: <http://pm.gc.ca/media.asp?=1814>

²⁰ *Jiang, W.* China Leaps Back into the Canadian Energy Sector // *China Brief*. 2011, 11(17).

²¹ China Institute. Building a Long Term Energy Relationship between Alberta and China. China Institute at the University of Alberta, 2011. URL: <https://www.ualberta.ca/china-institute/research/other/energy-reports/2011/december/building-a-long-term-energy-relationship-between-alberta-and-china>

²² *LeBlanc, H.* Canada. Parliament. House of Commons, 10.11.2012 [p.12570]. URL: <http://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/41-1/house/sitting-187/hansard#Int-7820170>

²³ *Nicholls, J.* Canada. Parliament. House of Commons, 10.12.2012 [p.13091]. URL: <http://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/41-1/house/sitting-195/hansard#Int-7846178>

²⁴ Ibidem.

²⁵ *Liu, L.* Canada. Parliament. House of Commons, 10.12.2012 [p.13105]. URL: <http://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/41-1/house/sitting-195/hansard#Int-7846745>

²⁶ *Fekete, J.* Battle over CNOOC's proposed Nexen takeover heats up in Ottawa // Financial Post, 2012. URL: <http://business.financialpost.com/2012/09/17/battle-over-cnoocs-proposed-nexen-takeover-heats-up-in-ottawa/?lsa=b3de-436b>

²⁷ XINHUANET.com, 2012. URL: http://news.xinhuanet.com/energy/2012-12/08/c_124066939.htm

²⁸ *Payton, L.* Government OKs foreign bids for Nexen // CBC News, 2012. URL: <http://www.cbc.ca/news/business/story/2012/12/07/cnooc-nexen-takeover.html>

²⁹ См., напр.: *Hon. Brison, S.* Parliament. House of Commons. 30.10.2010 [p. 6639]. URL: <http://www.ourcommons.ca/Content/House/403/Debates/107/HAN107-E.PDF#page=47>

³⁰ *Hyer, B.* Parliament. House of Commons. 2014.05.26 [p.5620]. URL: <http://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/41-2/house/sitting-89/hansard#Int-8374176>

О.А. Тимофеев, В.С. Ронжина

СОПРЯЖЕНИЕ ПРОГРАММ «СДЕЛАНО В КИТАЕ — 2025» И INDUSTRIE 4.0 КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И ГЕРМАНИИ

Аннотация. Статья посвящена инновационному сотрудничеству между Китаем и Германией. Авторы приводят подробное сравнение германской стратегии Industrie 4.0 и китайской инициативы «Сделано в Китае — 2025». Проанализирован ход имплементации соглашений о сопряжении инновационных стратегий двух стран, его влияние на общие тенденции в китайско-германских отношениях. Авторы приходят к выводу о вероятности качественного скачка в инновационном развитии КНР в случае успешной реализации указанной стратегии.

Ключевые слова: Industrie 4.0, «Сделано в Китае — 2025», инновации, четвертая промышленная революция.

В течение последних лет Китай и Германия подписали ряд соглашений о сопряжении инновационных стратегий двух стран. Пекин и Берлин разделяют мнение о том, что их кооперация в области «интеллектуального производства», а также создания сетей новых производственных процессов внесет вклад в индустриальное развитие обоих государств.

Германия располагает всеми технологиями, необходимыми для реализации инновационной программы Industrie 4.0, поэтому мож-

но сказать, что соответствующее сотрудничество Китая и Германии способно принести ощутимые плоды, укрепив позиции КНР на мировой экономической арене.

Китай в рамках своей программы «Сделано в Китае — 2025» активно работает над технологиями оцифровки производственных процессов и создания интеллектуальных сетей, но он находится на более низком технологическом уровне, и именно поэтому германское партнерство может оказаться весьма выгодным для КНР.

1. Четвертая промышленная революция и германская программа Industrie 4.0

В Германии тема Industrie 4.0 является одной из наиболее популярных на практической и научной дискуссионной площадках. Термин «Industrie 4.0» был введен в 2011 г., когда сообщество представителей бизнеса, политических и академических кругов Германии выдвинуло инициативу, направленную на повышение конкурентоспособности германской промышленности¹. В том же году Industrie 4.0 была провозглашена ключевой стратегией развития Германии в области инновационных технологий. Федеральные власти Германии объявили и о том, что она станет составной частью правительственной стратегии в области высоких технологий под общим названием *Die Hightech-Strategie 2020 fur Deutschland*, цель которой — добиться к 2020 г. мирового лидерства в области технологических инноваций².

Industrie 4.0 привлекает большое внимание специалистов по двум причинам: во-первых, для компаний и исследовательских институтов создаются возможности для активного участия в формировании технологий будущего и извлечения выгод из своих разработок. Во-вторых, ожидается, что влияние на экономику обусловленной этой программой промышленной революции будет огромным, поскольку Industrie 4.0 обещает качественное повышение эффективности эксплуатируемых мощностей, а также закладывает базу для возникновения абсолютно новых бизнес-моделей, услуг и продуктов. Согласно некоторым исследованиям, к 2025 г. данная программа позволит увеличить ВВП Германии на 78 млрд евро³.

За реализацию программы Industrie 4.0 ответственны четыре основных актора:

- правительство Германии, представленное Федеральным министерством образования и научных исследований и Федеральным министерством экономики и технологии;
- объединение институтов прикладных исследований;
- Немецкая академия технических наук совместно с Немецким центром исследований искусственного интеллекта.
- частный сектор представлен тремя торговыми ассоциациями — BITCOM от сферы IT, VDMA от производственных отраслей и ZVEI от сферы электроники⁴.

По сути, Industrie 4.0 подразумевает новую промышленную революцию, начало которой просматривается уже сейчас.

За свою историю человечество пережило три промышленные революции. Первая была связана со внедрением оборудования для механического производства; она началась во второй половине XVIII в. и охватила весь XIX в. (эпоха «угля и пара»). Далее, начиная с 1870-х годов, произошел переход ко второй промышленной революции (эпоха нефти, газа и электричества). Начало третьей промышленной революции пришлось на 1970-е годы. Она названа «цифровой революцией», ибо активное развитие электроники, происходящее в ее рамках, способствовало и способствует широкой автоматизации производственных процессов.

Но сегодня мир находится на пороге четвертой промышленной революции, которая объединит все стадии и отрасли производства в единый «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT).

О вероятности успеха Industrie 4.0 можно говорить в силу двух причин: Германия играет ведущую роль на мировом рынке продукции обрабатывающей промышленности, и она же является лидером в области промышленных исследований, нацеленных на повышение эффективности производства. Проект Industrie 4.0 предоставляет стране возможность утвердиться в роли мирового лидера в сфере поставок промышленной продукции высокой добавленной стоимости.

Программа Industrie 4.0 — сложная, масштабная и многоуровневая система, которая базируется на идее интеграции в единое материально-информационное пространство физических и интеллекту-

ально-программных операций и процессов. Данная программа состоит из шести подсистем:

- 1) управление жизненным циклом изделия;
- 2) поддержка масштабных баз данных;
- 3) строительство «умных» заводов;
- 4) формирование киберфизических систем;
- 5) создание «Интернета вещей» — IoT;
- 6) достижение функциональной совместимости «узлов».

Таким образом, Industrie 4.0 — это совокупность технологий, позволяющих создать эффективную бизнес-модель предприятия. Высокая эффективность достигается главным образом за счет рационального управления системами автоматизации производственных операций и сопутствующих процессов, интегрированных в единый информационный «ареал». Положение Германии как лидера в области разработки и внедрения инновационных технологий говорит в пользу достижимости задачи по формированию киберфизических систем, способных объединить реальный мир с виртуальным.

Возможность для различных компонентов «общаться» через Интернет или локальные сети открывает невероятные перспективы. На «умных производствах» машины смогут передавать информацию друг другу по единому сетевому протоколу, а также направлять ее логистическим и бизнес-системам потребителей и поставщиков. Оборудование и аппаратное обеспечение, получая сведения об изменении требований, смогут самостоятельно вносить коррективы в рабочий процесс, а производственные системы получат способность к самодиагностике.

Industrie 4.0 будет способствовать формированию массового производства, осуществляемого по индивидуальным заказам, и это позволит снизить цену продукции благодаря гибкости и адаптивности, обеспечиваемой киберфизическими системами. Уже сегодня наблюдается устойчивая тенденция к переходу от жесткого централизованного управления производственными процессами к децентрализованной модели сбора, обработки информации и принятия решений. Причем уровень автономности производственных и сопутствующих процессов непрерывно растет.

2. Программа «Сделано в Китае — 2025» — Industrie 4.0 с китайской спецификой?

В декабре 2014 г. в КНР была выдвинута стратегия «Сделано в Китае — 2025», официально включенная в 13-й пятилетний план развития КНР⁵ и заложившая принципы развития обрабатывающей промышленности Китая на грядущее десятилетие.

Данная программа, рассчитанная на рост инновационных производственных отраслей Китая, имеет основной целью не просто развитие обрабатывающей промышленности, но и достижение уровня и качества производства в ведущих мировых индустриальных державах. Среди китайских ученых и экономистов-практиков распространено мнение, что она будет содействовать модернизации производства в КНР и ускорит переход от принципа «Сделано в Китае» к стратегии «Сделано в Китае на основе интеллектуальных технологий».

Программа была разработана Министерством промышленности и информатизации КНР при участии более 20 смежных министерств (комитетов), а также 50 ученых высшего академического ранга.

Согласно программе, Китай достигнет указанной выше стратегической цели, пройдя «три этапа». Первым этапом будет достижение к 2025 г. уровня производства устойчиво индустриальных стран. Вторым этапом станет выход к 2035 г. на уровень мировых индустриальных государств высокой степени развития. И третий этап должен увенчаться к 100-летию образования КНР обретением страной стабильных позиций в рядах мировых держав — безусловных производственных лидеров.

Официально были определены основные стратегические задачи и ключевые направления работы для достижения названной стратегической цели:

- создание Инновационного центра по развитию отечественных производственных отраслей;
- развитие «интеллектуального производства»;
- повышение базовой конкурентоспособности обрабатывающей промышленности;

- формирование экологического производства;
- внедрение инноваций в сфере производства высокотехнологичного оборудования.

По мнению члена Совета экспертов Китайской федерации машиностроительной промышленности Цюй Сяньмина, к 2025 г. производственная отрасль Китая будет являться не только крупнейшей по масштабам, но и одной из сильнейших в мире. «Цель поставлена на основе научного анализа и прогнозирования. Если только в международной политической и экономической архитектонике не произойдут резкие изменения, при условиях сохранения нынешнего процесса индустриализации и тенденций экономического роста в развитых странах и Китае, достижение поставленной цели вполне вероятно»⁶.

За последние годы производственная отрасль Китая демонстрирует позитивную динамику развития. Так, например, добавленная стоимость в промышленности в 2012—2016 гг. выросла с 20,9 до 24,8 трлн юаней, превысив совокупный показатель США, Японии и Германии вместе взятых⁷.

Тем не менее, существуют и проблемы, затрудняющие экономический рост Китая: в результате мирового финансового кризиса темпы роста экономики страны замедлились, увеличивается стоимость рабочей силы, сокращается количество заказов от иностранных компаний, некоторые заводы-производители или «сборщики» были перемещены в другие страны или вообще закрыты.

В то же время, по мнению целого ряда известных исследовательских структур, несмотря на то, что Китай и называют мировой фабрикой, производство в стране, при всей значительности его масштабов, весьма зависимо от внешней и внутренней экономической ситуации. Это признают и руководители Китая. На 3-й сессии ВСНП 12-го созыва премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в Докладе о работе правительства заявил, что китайская производственная отрасль «крупная, но не сильная» (*да эр бу цян*), и это главным образом проявляется в трех моментах: недостатке первичных инноваций, недостатке ключевых технологий и в пренебрежении социальной ответственностью. Он также отметил, что нынешняя производственная отрасль, характеризующаяся низким технологическим уровнем, де-

централизацией и высоким потреблением энергии, приводит к серьезному загрязнению окружающей среды и приносит все больше социальных проблем⁸.

После обнаружения программы «Сделано в Китае — 2025» как СМИ, так и профессиональные экономисты стали называть ее китайской версией стратегии Industrie 4.0⁹.

Industrie 4.0 является предвестником и символом четвертой промышленной революции, и тот, кто сможет реализовать эту программу, займет высокотехнологичную производственную «нишу» и завладеет инициативой на рынке соответствующей продукции на ближайшие 10—20 лет. Поэтому сопряжение собственных проектов с этой программой создает «прорывной» шанс для китайского инновационного производства.

Если сопоставить две вышеназванные стратегии Германии и Китая, то становится очевидным, что в обеих акцент делается на «интеллектуальном производстве». Стратегия «Сделано в Китае — 2025» отличается от промышленного курса Германии лишь методами.

По мнению заместителя директора исследовательского института при Государственном банке развития КНР Цзоу Лисина, стратегии Германии и Китая обладают следующими специфическими особенностями:

1. *Различия в стратегическом видении*

Германская стратегия нацелена не на техническое обновление какой-либо отдельной отрасли, а на изменение базовых методов организации производства с целью добиться качественного скачка в развитии всей промышленности. В центре усилий не количественные (повышение объема промышленного производства), а качественные изменения, то есть изменение способа промышленного производства (*гун'е шэнчань фанши*). Китайская же инициатива направлена на структурные изменения и расширение объемов производства путем внедрения технологий «Интернет +» на уже существующих производствах. То есть инициатива «Сделано в Китае — 2025» нацелена на совершенствование и развитие текущего уровня развития производства, а Германия намерена совершить прыжок с третьей на четвертую стадию индустриализации. Данное различие имеет вполне

объективный характер, так как даже к 2025 г. в Китае еще не будут созданы соответствующие технологии и не сложится рыночный запрос на осуществление подобного рывка.

2. Базисные различия

Базисные различия касаются прежде всего таких сфер, как фундаментальные исследования, техническое обучение и подготовка кадров. Главным фактором реализации германской стратегии является опора на фундаментальные научные исследования. В Китае фундаментальная наука традиционно отстает от прикладных исследований, что объясняется как историческими, так и политическими причинами — первоочередным финансированием прежде всего тех исследований, которые нацелены на решение текущих задач экономического развития.

3. Различия в методах реализации

Германский план предполагает существенный апгрейд технологий, промышленной политики и инновационной среды. К примеру, сокращение инновационных циклов может привести к ускорению процессов обновления соответствующей законодательной базы. В целях достижения институционального согласия правительство ФРГ создало включивший представителей правительства, бизнес-структур и научных кругов единый координационный механизм, ставший политической платформой четвертой стадии индустриализации. В Китае же координация инновационной программы осуществляется лишь на уровне рабочей группы Госсовета¹⁰.

3. Сотрудничество Китая и Германии в сфере инноваций

За последние несколько десятилетий экономические отношения между Германией и Китаем заметно расширились.

По оценке, на долю Германии приходится 45 % совокупного экспорта из Евросоюза в КНР и 28 % китайского экспорта в страны ЕС. В Китае уже зарегистрировано 5200 немецких компаний, а общее число функционирующих в Германии китайских фирм превысило 900¹¹.

В октябре 2014 г. в Пекине была подписана общая программа взаимодействия, важной составной частью которой стал Меморандум о сотрудничестве Германии и Китая в рамках программы Industrie 4.0¹².

Разработанная двумя странами модель сотрудничества в значительной степени повторяет постоянно расширяющийся формат китайско-американского стратегического и экономического диалога, начатого в 2009 г.¹³

За последний год как в Германии, так и в Китае было проведено огромное количество выставок и форумов, основной темой которых стала программа Industrie 4.0. Например, 26 апреля 2016 г. в Ганновере проходила промышленная выставка, где Китай принял самое активное участие. Согласно статистическим данным, выставку посетили около 19 тыс. человек, 6 тыс. из которых прибыли из КНР. Основной темой выставки стали информационно-коммуникационные технологии и сама программа Industrie 4.0. На выставке китайские компании представляли свои разработки в области «интеллектуального производства».

Некоторые китайские компании присутствовали на выставке для того, чтобы найти технологии для собственных целей. Например, фармацевтическая компания *Shaanxi Bikang Pharmaceutical Co.*, создав собственную производственную базу в 330 га в провинции Цзянсу, планирует вести производство на основе интеллектуальных технологий¹⁴. (Инновации в контексте стратегии Industrie 4.0 найдут применение не только в производстве, но и в бизнес-модели, поскольку инновационное производство поможет улучшить качество обслуживания и сократить потребление ресурсов).

В июне 2016 г. в Тяньцзине состоялся так называемый летний давосский форум, на котором обсуждались вопросы четвертой промышленной революции и ее последствия. Участники форума особое внимание уделили влиянию интеллектуальных технологий на процесс модернизации промышленного производства в Китае¹⁵. Госсовет КНР в 2016 г. учредил государственный фонд в 100 млрд юаней для инвестиций в интернет-компании. Эффект подобных инвестиций не заставил себя ждать. Так, например, базирующаяся в провинции Аньхой компания *Кэда Сюньфэй* (iFlytek) разработала самую

быструю в мире онлайн-систему распознавания речи на основе технологий искусственного интеллекта. Данная система способна в течение десяти минут преобразовать в текстовый материал непрерывно звучащую речь продолжительностью до одного часа¹⁶.

В ноябре 2016 г. прошел китайско-немецкий форум в г. Чэнду, в котором приняли участие 350 представителей Китая и Германии — эксперты из научно-исследовательских институтов и менеджеры крупных компаний, связанных с «интеллектуальным производством».

На форуме обсуждались возможности новых интеллектуальных технологий, а также IoT. Для того, чтобы достигнуть наибольших успехов, выстроить долгосрочный механизм функционирования и укрепить сотрудничество между странами, правительство города Ибинь, ряд немецких компаний и университет Тунцзи подписали в ходе форума трехстороннее соглашение о стратегическом сотрудничестве в сфере передового производства в целях совместного создания платформы взаимодействия, обучения персонала и обмена опытом.

За два года, прошедшие с 2014 г., сотрудничество Китая и Германии принесло первые плоды: был основан немецко-китайский промышленный парк, который располагается в районе Теси города Шэньян¹⁷. Город Шэньян уже на протяжении 12 лет является местом дислокации подразделений компании BMW и ее поставщиков — *Continental*, *Delphi* и *ZF*, располагающих передовым мировыми технологиями.

Парк стал новой вехой на пути к превращению провинции Ляонин в один из ведущих китайских центров высоких технологий.

В 2015 г. создание парка было одобрено Госсоветом КНР в качестве пилотного проекта международного уровня. Парк включен и в государственную стратегию «Сделано в Китае — 2025», и в немецкую программу *Industrie 4.0*. На его территории будут тестироваться новейшие технологии и методы «интеллектуального производства».

Для компаний, ищущих партнеров в Китае или желающих выйти на китайский рынок, парк представляет не только доступ к высоким технологиям, но и конкретную информацию. Например, доступна обширная сеть деловых контактов. Кроме того, немецкие

фирмы имеют возможность бесплатно хранить свою продукцию на складах парка.

Более 50 немецких компаний уже расположились в Теси: среди них такие корпорации, как *Festo*, *Siemens* и *BASF*. Промышленная зона парка занимает площадь 488 кв. км и представляет собой международную конкурентную площадку развития новых технологий, достаточных для использования населением, превышающим 1 млн человек, и с планируемым объемом производства в более чем 300 млрд юаней.

В индустриальной зоне района Теси, где расположен парк, свою деятельность осуществляют и такие лидеры рынка машин и оборудования, как *Shenyang Machine Tool Group (SYMGT)*, *Shenyang Blower Works* и завод *Sany* — один из крупнейших изготовителей строительной техники в мире.

Базовый промышленный проект для индустриального парка был разработан Штутгартской архитектурной фирмой, специализирующейся на городском планировании. Основной целью проекта стало создание комфортного для жизни высокоиндустриализованного города с зеленым пространством и низким уровнем загрязнения атмосферы.

Руководством парка была учреждена сервисная компания для упрощения доступа немецких предприятий к китайскому рынку. Лян Кайцин, директор немецко-китайского сервисного центра, намерен создать образовательную сеть для базовой подготовки персонала, а также дальнейшего специализированного обучения без отрыва от производства.

Двойная система профподготовки, основанная на немецкой модели, имеет целью внедрение международных стандартов в школах, где учатся дети семей, недавно прибывших в парк на работу. На сегодняшний день учащиеся могут посещать немецкую школу до 10-го класса, но после этого они вынуждены продолжать обучение в Пекине. Однако в скором времени они смогут заканчивать среднюю школу непосредственно в Шэньяне.

В рамках сопряжения немецкой и китайской стратегий, 2 ноября 2016 г. компании *Siemens Factory Automation Engineering Co.* и *Chengdu BOE Optoelectronics Technology Co.* подписали соглашение

о сотрудничестве. В проект компании *BOE* по модернизации и трансформации производственной линии был инвестирован 1 млрд юаней. В соответствии с условиями соглашения, компания *Siemens* будет модернизировать производство *BOE* согласно стандартам программы Industrie 4.0. В рамках совместного развития программ Industrie 4.0 и «Сделано в Китае — 2025»¹⁸ эти инициативы будут нести функцию пилотного проекта.

Подчеркивается, что хотя в результате осуществления стратегии Industrie 4.0 создаваемые информационные сети и охватят весь мир, однако каждая страна сохранит свою уникальность и специфику.

Немецкие компании лидирует в индустриальном мире в области оцифровки производственных операций, а Китай является именно той страной, которая может получить огромный эффект от автоматизации производства. Растущие расходы на заработную плату свидетельствуют об утрате Китаем свойств «страны с дешевой рабочей силой». С помощью оцифровки КНР сможет увеличить эффективность и качество производства и достигнуть по этим параметрам уровня индустриально развитых стран. Это видится вполне вероятным в свете того, что китайские компании показывают высокую адаптивность и открытость инновационным изменениям.

Китай активно работает над разработкой интеллектуальных сетей в рамках собственной программы, но у правительства КНР не так много возможностей и времени, чтобы провести полную реструктуризацию экономики страны. Однако промышленный скачок благодаря внешней кооперации предоставляет Китаю хороший шанс. Именно поэтому проект Industrie 4.0 хорошо вписывается в стратегические планы КНР.

В течение последних двух лет идея сопряжения программ «Сделано в Китае — 2025» и Industrie 4.0 является стержневой стратегией китайско-германского инновационного партнерства. В рамках подобного сопряжения КНР стремится сократить свое отставание от западных стран в области интеллектуальных технологий. Так, например, лишь 60 % предприятий в стране используют такое программное обеспечение, как «Система планирования ресурсов предприятия» и «Система управления производственными процессами».

Подключив возможности программы Industrie 4.0 к своим внутренним потребностям, КНР сможет догнать и даже перегнать некоторые развитые индустриальные страны. Чтобы оставаться экономически успешным и сформировать реально эффективное и качественное производство, Китаю насущно необходим технико-технологический скачок, и осозная это, правительство страны нацелено на превращение КНР в полностью конкурентоспособное, передовое, индустриально развитое государство.

Если Китаю удастся значительно ускорить оцифровку производственных процессов, то он сможет составить конкуренцию в области выпуска высококачественной продукции даже Германии.

В любом случае, сотрудничество КНР и Германии по сопряжению стратегий «Сделано в Китае — 2025» и Industrie 4.0 открывает дополнительные возможности как для реорганизации китайской промышленности, так и для развития потенциала немецких компаний.

Примечания

¹ *Kagermann H., Lukas W. und Wahlster W.* Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution // VDI nachrichten, 01.04.2011.

² *Otto B.* Technik für die wandlungsfähige Logistik — Industrie 4.0. München, 2014.

³ *Industrie 4.0 in Produktion, Automatisierung und Logistik: Anwendung, Technologien und Migration / Thomas Bauernhansl, Michael ten Hompel, Birgit Vogel-Heuser Hrsg.* Wiesbaden, 2014. S.625—634.

⁴ *Industrie 4.0 — Volkswirtschaftliches Potenzial für Deutschland.* Berlin, 2014. S. 5.

⁵ URL: http://sh.xinhuanet.com/2016-03/18/c_135200400.htm

⁶ URL: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201506/t20150604_323068.shtml

⁷ URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201702/t20170228_1467424.html

⁸ URL: <http://www.cntv.ru/2015/03/17/ARTI1426556633862430.shtml>

⁹ URL: <http://world.huanqiu.com/hot/2015-03/5946032.html>

¹⁰ *Цзоу Лисин.* Дэго гун'е 4.0 юй Чжунго чжицзао 2025 бицзю : [Сравнение германской программы Industrie 4.0 и китайской «Сделано в Китае — 2025»] // Гоцзи цзиньжунбао. 26.10.2015. С. 19.

-
- ¹¹ URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201501/20150100877055.shtml>
- ¹² URL: http://news.xinhuanet.com/ttgg/2014-10/11/c_1112772707_2.htm
- ¹³ Подробнее см.: *Тимофеев О.А.* Эволюция американо-китайского диалога в начале XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С.33—41.
- ¹⁴ URL: http://german.xinhuanet.com/2016-04/28/c_135320188.htm
- ¹⁵ URL: http://finance.ifeng.com/a/20160626/14527297_0.shtml
- ¹⁶ Личные материалы О.А. Тимофеева по результатам участия в работе исследовательской группы высокопоставленных российских госслужащих в пров. Аньхой, 09—21 мая 2017 г.
- ¹⁷ URL: <http://www.cgip.gov.cn/about.aspx>
- ¹⁸ URL: http://german.xinhuanet.com/2016-12/16/c_135910687_6.htm

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А.О. Виноградов, М.О. Луцки

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ КНР—ЕС

Аннотация. Статья посвящена истории формирования структуры отношений Китая со странами Европейского союза и охватывает период с 1949 по 2011 г. Особое внимание авторами уделяется торгово-экономическим отношениям сторон, поскольку именно они на протяжении долгого времени являются базой сотрудничества КНР и ЕС. Отдельно рассматривается сюжет, касающийся обстоятельств вступления Китая в ВТО и споров по поводу предоставления КНР статуса страны с рыночной экономикой.

Ключевые слова: КНР, Европейский союз, экономическое сотрудничество, ВТО, рыночный статус.

После образования КНР в 1949 г. Китай, как известно, поддерживал отношения в основном со странами социалистического лагеря во главе с СССР. Контакты с западноевропейскими странами в это время были практически заморожены, поскольку эти страны не признали КНР и продолжали поддерживать (так же, как и США) официальные отношения с Китайской Республикой на Тайване. В китайской историографии этот период называется периодом «склонения в одну сторону»: в условиях жесткого противостояния

двух лагерей (социалистического и империалистического) Китай был вынужден, по словам Мао Цзэдуна, примкнуть к одному из них¹. В связи с этим первые шаги по установлению дипломатических отношений со странами Западной Европы стали предприниматься лишь после 1963 г. и с начала открытой полемики (в Китае ее называют «войной слов») и фактического разрыва отношений между КНР и Советским Союзом. По мнению Мао Цзэдуна, Китаю необходимо было налаживать отношения с государствами так называемой «промежуточной зоны», в том числе с Западной Европой².

В 1963 г. заместитель министра внешней торговли КНР Лу Сюйчан совершил поездку по западноевропейским странам и, в частности, провел переговоры о расширении экономических связей между КНР и Францией. В том же году бывший премьер-министр Франции Эдгар Фор по поручению генерала Ш. де Голля посетил Пекин с неофициальной миссией для проведения предварительных переговоров с руководством Китая об официальном признании КНР и восстановлении дипломатических отношений между Парижем и Пекином. В результате, в январе 1964 г. Франция стала первой западноевропейской страной, установившей с КНР дипломатические отношения на уровне посольств. И в течение всего процесса оформления отношений между КНР и странами нынешнего Евросоюза именно Франция играла важную роль в налаживании связей между Брюсселем и Пекином. В 1997 г. Франция первой из западноевропейских стран установила с КНР отношения всеобъемлющего партнерства³, и именно в период председательства Франции в ЕС (1999—2002 гг.) были достигнуты договоренности между Брюсселем и Пекином об условиях вступления КНР в ВТО.

В 1970 г. Китай установил официальные дипломатические отношения с Италией, в 1971 г. — с Австрией, Бельгией, Исландией, Сан-Марино; в 1972 г. — с Нидерландами, ФРГ, Грецией, Мальтой, Люксембургом и Великобританией. В 1973 г. были установлены отношения с Испанией, в 1974 г. — с Португалией и Ирландией. Институциональное оформление контактов непосредственно между Брюсселем и Пекином завершилось в сентябре 1975 г., уже после установления дипотношений между КНР и отдельными странами — участницами Европейского экономического сообщества (ЕЭС)⁴.

Естественно, этому способствовало восстановление членства КНР в ООН (октябрь 1971 г.): Китай был официально признан мировым сообществом в качестве легитимного участника международных отношений. Начали расти торговые связи КНР с ЕЭС: в 1970—1971 гг. Европейское экономическое сообщество было третьим по величине торговым партнером КНР, а в 1972 г. оно переместилось на второе место (после Японии)⁵.

Далее можно выделить три ключевых этапа в развитии отношений КНР со странами Западной Европы: период постепенного наращивания сотрудничества — с 1975 по 1989 г.; резкое охлаждение отношений в 1989—1992 гг.; период нормализации и укрепления — 1992—2001 гг.

Период 1975—1989 гг.

В период 1975—1989 гг. китайско-европейские торговые и экономические отношения активно развивались. При этом немаловажным фактором сближения, на наш взгляд, являлась проводившаяся в указанный период под руководством Дэн Сяопина внешняя политика, направленная на максимальное обострение отношений с СССР, что позволило представить Китай как главный центр противодействия «советскому гегемонизму» и получить активную помощь и поддержку Запада.

Способствовала росту торгово-экономических связей и высокая степень взаимодополняемости сторон. Так, в 1980-е гг. Китай специализировался на экспорте трудоемкой продукции, такой, как сельскохозяйственные товары и продукция базовых отраслей промышленности, в то время как ЕЭС делало упор на производство капиталоемкой продукции и продукции высокотехнологических отраслей, таких, как автомобильное и транспортное оборудование. Китай нуждался в европейских технологиях и капитале, а ЕЭС, со своей стороны, рассматривало Китай в качестве источника дешевой рабочей силы и привлекательного рынка для инвестиций. Заметим, что с конца 1980-х по начало 1990-х гг. в странах ЕЭС наблюдался высокий уровень безработицы, низкий рост производитель-

ности и низкий экономический рост⁶. Естественно, что освоение китайского рынка стимулировало развитие европейской экономики.

В 1978 г. Брюссель и Пекин подписали первое Соглашение о торговле, а в 1980 г. Китай стал бенефициаром Общей системы преференций ЕЭС, что позволило КНР увеличить экспорт промышленной продукции в Европу. 1 ноября 1983 г. КНР установила официальные отношения с Европейским объединением угля и стали и Европейским сообществом по атомной энергии. Двумя годами позже стороны заключили Соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве, которое заложило нормативно-правовую базу отношений⁷. Была создана совместная Комиссия по регулированию двусторонних отношений, достигнуты договоренности по вопросам либерализации торговли и взаимного ослабления таможенных барьеров. Успехи в развитии двусторонних торгово-экономических отношений привели к тому, что в мае 1988 г. открылось посольство ЕЭС в Пекине.

Тем не менее, именно торгово-экономический интерес, а не политическое сотрудничество, составлял базу отношений между ЕЭС и Китаем⁸. Политические контакты в середине 1980-х гг. ограничивались нерегулярными встречами на уровне министров иностранных дел и редкими встречами на сессиях Генассамблеи ООН.

Период 1989—1992 гг.

События на площади Тяньаньмэнь выявили коренные расхождения в подходах двух сторон к фундаментальным идеологическим ценностям и показали наиболее уязвимое звено в созданной структуре политического и экономического сотрудничества. Ответом на подавление студенческих волнений в Пекине стали широкие экономические и политические санкции со стороны США и стран Западной Европы. Однако довольно быстро выяснилось, что введенные западноевропейскими странами санкции вредили не только самому Китаю, который оказался перед угрозой международной изоляции и лишения источника финансирования и технологий. В результате

санкций Европа лишалась чрезвычайно перспективного рынка сбыта своей продукции, поскольку к началу 1990-х годов Китай занял уже достаточно весомую нишу в структуре европейской торговли. В связи с этим уже в 1990 г. Брюссель отозвал большую часть наложенных торговых ограничений, перейдя к стратегии налаживания диалога с Китаем.

Период 1992—2003 гг.

В 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, приведший к образованию Евросоюза, что позволило западноевропейским государствам разработать относительно единую стратегию в отношении Азии, и в частности Китая (в 1994 г. Евросоюз даже опубликовал документ под названием «К новой стратегии в Азии»). В целом в рассматриваемый период на китайско-европейские отношения в разной степени повлиял ряд факторов, прежде всего масштабные перемены в международной политике — распад СССР и усиление роли США на международной арене, а также углубление европейской интеграции.

В рамках внешнеполитической концепции нового руководства КНР во главе с Цзян Цзэмином Евросоюзу отводилась роль одного из главных партнеров, содействующего китайской модернизации и росту благосостояния страны. Более того, в 1990-е гг., после распада Советского Союза и укрепления позиций США на международной арене, Европейский союз начинает играть важную роль для Китая в качестве стратегического партнера и балансира в отношениях с Соединенными Штатами. Евросоюз также становится заинтересованной стороной в поддержании устойчивого развития Китая, темпы роста которого оказывают влияние на всю мировую конъюнктуру.

Инфраструктура двусторонних отношений после кризиса 1989 г. постепенно развивалась и дополнялась новыми механизмами сотрудничества. В 1994 г. КНР и ЕС достигли консенсуса в вопросе установления политического диалога на условиях равноправия, взаимоуважения, признания суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Пекин и Брюссель договорились о про-

ведении встреч на разных уровнях, от экспертов до министров иностранных дел.

В ответ на документ Евросоюза «К новой стратегии в Азии» (1994 г.) китайское руководство в сентябре 1994 г. в ходе визита Цзян Цзэмина в Европу озвучило стратегию Китая в отношении ЕС, суть которой заключалась в построении отношений на основе взаимной выгоды через переговоры и консультации. Выпущенный Еврокомиссией в 1995 г. документ «Долгосрочная политика отношений с Китаем» предлагал расширить сферы взаимного сотрудничества, установив так называемые пять опор, которые заключались в содействии развитию человеческих ресурсов, экономическим и социальным преобразованиям в Китае, борьбе с бедностью, защите окружающей среды, научно-техническому и деловому сотрудничеству.

Вместе с тем уже в это время Пекин в отношениях с европейскими партнерами начал занимать более твердые позиции, отстаивая свое право на проведение самостоятельной политики во внутренних делах. Так, например, в 1995 г. в ответ на инициированную ЕС в ООН новую резолюцию, осуждавшую КНР за нарушение прав человека, Китай отказался от проведения очередной встречи на высшем уровне в Брюсселе. Однако через год — в 1996 г. Китай согласился на начало так называемого «Диалога по правам человека» — регулярных двусторонних встреч, на которых в закрытом порядке обсуждаются вопросы, волнующие правозащитную общественность Европы⁹. В результате, в 1997 г. основные члены ЕС — Франция, Германия, Италия, Греция и Испания сами же отказались подписывать вышеуказанную резолюцию.

В мае 1996 г. КНР и ЕС заключили соглашение о сотрудничестве в сфере интеллектуальной собственности и высшего образования, а с 1998 г. установили режим регулярных встреч на уровне глав государств и правительств¹⁰. В том же году Еврокомиссия приняла документ «К глобальному партнерству с Китаем».

В этом документе Евросоюз, по-прежнему признавая наличие проблемы прав человека в Китае, ставит своей задачей решение данной проблемы путем содействия экономическому развитию КНР и ее вступлению в ВТО. Более того, впервые ставится долгосрочная

цель вывести отношения на уровень партнерства ЕС—США, ЕС—Япония, ЕС—Россия. Документ призывает расширять политический диалог, увеличивать инвестиции в КНР и поддерживать социально-экономические реформы. С точки зрения сегодняшнего дня особенно важным пунктом данного документа представляется предложение исключить Китай из списка стран с нерыночной экономикой¹¹.

В целом, несмотря на то, что события 1989 г. продолжали влиять на развитие китайско-европейских отношений (эмбарго на поставку вооружений в КНР не снято до сих пор), в 1990-х — начале 2000-х годов стало очевидным отсутствие серьезных противоречий в процессе построения всесторонних отношений ЕС—КНР. К началу XXI века Китай и ЕС сумели наладить формат конструктивного сотрудничества, показывавшего тенденцию к росту.

Вступление Китая в ВТО

Присоединение к ГАТТ (Генеральному соглашению о тарифах и торговле) являлось одной из приоритетных задач внешнеэкономической политики Китая еще с середины 1980-х годов. В июле 1986 г. Китай официально выразил желание о восстановлении членства в системе ГАТТ¹². США и страны Европы заявили о своей поддержке членства КНР в ГАТТ, надеясь на получение доступа к обширному китайскому рынку.

Однако процесс присоединения Китая к данному соглашению столкнулся с рядом препятствий, причем не только политического (в связи с событиями 1989 г.), но и экономического плана. Пекин настаивал на предоставлении ему льготного статуса развивающейся страны и отнюдь не стремился ослаблять контроль за проникновением иностранной продукции на собственный рынок. В то время как США, занимавшие доминирующее положение в ГАТТ (затем и в ВТО), настаивали на либерализации доступа к китайскому рынку, в противном случае угрожая закрепить за КНР статус страны с нерыночной экономикой (позволяющий применять различные рычаги давления и защищать свои рынки от наплыва китайских товаров). После многочисленных раундов переговоров китайская и американ-

ская стороны достигли согласия и разработали рамочный проект Соглашения о членстве КНР в ГАТТ. После событий 1989 г. переговоры были приостановлены, но уже спустя 3 года возобновлены.

В 1995 г. ГАТТ преобразовывается в ВТО, и в связи с расширением деятельности организации в качестве условия вступления Китая были выдвинуты новые требования по либерализации рынков и большей открытости Китая для западных участников. Взамен США должны были распространить на Китай все преимущества, которыми пользуются в торговле с Соединенными Штатами другие участники ВТО. Однако на этот раз китайская сторона продемонстрировала более жесткую позицию. Осознав, что растущий спрос в Китае необходим для оживления западной экономики, Пекин выдвинул свои условия: если США и Евросоюз хотят развивать торговые связи с Китаем и укреплять свои позиции на китайском рынке, то они должны утвердить соглашение о вступлении Китая в ВТО на китайских условиях.

15 ноября 1999 г. Китай и США подписали двустороннее соглашение о присоединении КНР к ВТО. В мае 2000 г. в Пекине было заключено аналогичное двустороннее соглашение с Европейским союзом. В ноябре 2001 г. на конференции в Дохе Китай был принят в состав ВТО в качестве полноправного участника.

Результатом длившихся 15 лет двусторонних и многосторонних переговоров стало формирование перечня обязательств, которые должен выполнить Китай после вступления в ВТО. Китай согласился на статус страны с нерыночной экономикой, зафиксировав в ст. 15 «Протокола о вступлении Китая в ВТО» положение, согласно которому ему через 15 лет автоматически присваивается статус страны с рыночной экономикой. Данное положение должно было вступить в действие в декабре 2016 г., но на сегодняшний момент ситуация все еще находится в подвешенном состоянии — рыночный статус экономики Китая так и остается непризнанным большинством членов ВТО, среди которых США и Евросоюз занимают наиболее непреклонную позицию¹³.

Китай смог добиться значительных встречных уступок со стороны членов ВТО. В частности, будучи полноправным участником ВТО, Китай получил возможность использовать правовой механизм

организации для отстаивания своих интересов в процессе проведения антидемпинговых расследований и инициировать собственные разбирательства. Более того, за Китаем был фактически закреплен статус развивающейся страны, что облегчало деятельность китайских предприятий в переходный период.

2001—2005 гг. — «медовый месяц» китайско-европейских отношений

С 2001 г. отношения между Пекином и Брюсселем, равно как и между Китаем и отдельными странами-членами Евросоюза, укрепились, о чем свидетельствует множество взаимных документов, подготовленных сторонами начиная с 2003 г. В октябре 2003 г. МИД КНР опубликовал документ о европейской стратегии Китая¹⁴, который подтверждал важность европейского направления во внешней политике Китая (в отличие от Евросоюза до 2003 г. Китай не выпускал никаких официальных документов в отношении ЕС). В том же 2003 г. Еврокомиссия впервые характеризует отношения с Китаем как «зрелое партнерство»¹⁵. На сближение Европы и Китая повлияло ухудшение европейско-американских отношений в начале 2000-х годов ввиду разных подходов ЕС и США к войне с международным терроризмом и к военной интервенции в Ирак¹⁶. И Пекин, и Брюссель были озабочены возрастающим доминированием США, что порождало необходимость укрепления контактов.

В 2002 г. стороны расширили спектр обсуждаемых на двустороннем уровне проблем, начиная от ядерного нераспространения до ситуации в области безопасности в Азии, от глобального потепления до борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми. В ходе 6-го саммита «Китай—ЕС» в 2003 г. лидеры стран заявили о готовности развивать двусторонние отношения путем формирования многоуровневой структуры взаимодействия, что нашло отражение в неоднократном упоминании о «зрелом стратегическом партнерстве»¹⁷. В 2004 г., названном «годом Европы в Китае», состоялся визит китайского премьера Вэнь Цзябао в штаб-квартиру Евросоюза. Вэнь Цзябао выступил с речью на Инвестиционном и торговом семинаре

«Китай—ЕС», где подробно изложил свою точку зрения на то, какой именно смысл заложен в формулировке «всеобъемлющее стратегическое партнерство»¹⁸.

Период 2003—2004 гг. в изложении китайских экспертов получил название «медового месяца» отношений КНР—ЕС. Данный период характеризуется активным сотрудничеством во всех областях, но преимущественно в торгово-экономической сфере. В 2003—2004 гг. экспорт Китая в ЕС ежегодно увеличивался почти на 50 %, а темпы роста импорта достигали даже 85 % (в 2003 г.)¹⁹.

Кризис китайско-европейских отношений в 2006—2008 гг.

Период переоценки и переосмысления двусторонних отношений пришелся на 2005—2006 гг.²⁰ и был связан в первую очередь с озабоченностью Брюсселя относительно возрастающей торговой конкуренции со стороны Китая, а также в связи с претензиями к КНР по поводу недобросовестного ведения торговли. В 2006 г. Европейская комиссия публикует очередной документ «ЕС—Китай: тесное сотрудничество, возросшая ответственность»²¹. Документ был составлен в ультимативном тоне: Китай должен стать более открытым и ответственным участником международной торговли, должен добросовестно исполнять обязательства, взятые в связи с вступлением в ВТО, должен лучше защищать интеллектуальную собственность и т. д.

В 2006—2007 гг. к власти в Европе пришли новые лидеры, более скептически настроенные по отношению к Китаю: Ангела Меркель в Германии, Николя Саркози во Франции, Гордон Браун в Великобритании, комиссар по внешней торговле ЕС Питер Манделсон. Руководство Евросоюза вырзло недовольство такими действиями Китая, как принятие Закона о борьбе с сепаратизмом в начале 2005 г. (Закона о противодействии сепаратизму), отказ ратифицировать Международный пакт о гражданских и политических правах, обвинило Китай в нарушении прав человека в Тибете и в экспансии в Африке. О кризисе в китайско-европейских отношениях свидетельствовала и встреча Ангелы Меркель с Далай-ламой в Берлине в

2007 г., что вылилось в ухудшение отношений между Германией и Китаем. В марте 2008 г. в ответ на события в Лхасе Меркель приняла решение о бойкоте Олимпийских игр в Пекине. Жесткая риторика в отношении китайской внутренней политики звучала и из уст премьер-министра Польши Дональда Туска, а также президента Чешской Республики Вацлава Гавела.

В свою очередь Китай также переосмысливал важность европейского направления в своей внешней политике. Если раньше Пекин рассматривал дружбу с Европой как фактор повышения своего международного авторитета, то с середины 2000-х годов ситуация стала меняться. Китай постепенно наращивал вес и самостоятельность на международной арене, устанавливая контакты с другими государствами. Одновременно с этим руководство Китая пересмотрело степень надежности Евросоюза как стратегического партнера, главным образом в связи противоречиями внутри ЕС, возрастающими по мере расширения Союза. Одновременно стали очевидными сбои в механизмах управления внутри ЕС, неспособность государств-членов сообщества координировать свои интересы как в области внешней, так и внутренней политики, о чем, в частности, свидетельствовала неудача в принятии Конституции Евросоюза в 2004 г. Все более ужесточалась риторика китайских лидеров в ответ на замечания европейцев относительно внутренней политики КНР и обвинений в торговом демпинге. Китайская сторона все чаще заостряла внимание на таких важных для Китая вопросах, как предоставление статуса рыночной экономики и снятие эмбарго на поставки вооружений, в которых КНР видело серьезное препятствие для дальнейшего прогресса в отношениях. В 2004 г. в Гааге на 7-м саммите «Китай—ЕС» Пекину удалось добиться от Брюсселя официального заверения в намерении европейской стороны отменить эмбарго²², а в 2005 г. Китай призвал Евросоюз как можно скорее признать экономику КНР полностью рыночной²³ (напомним, что в 1998 г. ЕС вывел Китай из списка стран с нерыночной экономикой и до настоящего времени считает, что экономика страны является «переходной»).

Тем не менее, торгово-экономические отношения продолжали развиваться. В 2006 г. торговля ЕС—КНР достигла 259 млрд евро по сравнению со 145 млрд евро в 2003 г.²⁴ Росли потоки капиталовло-

жений: европейские компании стали ежегодно инвестировать в Китай в среднем 5,5 млрд долл., общий объем капиталовложений ЕС в КНР составил к 2006 г. 52 млрд долл. Однако все более важной проблемой для Евросоюза становился торговый дефицит, который достиг 159 млрд евро в 2007 г. (на 25 % больше, чем в 2006 г.)²⁵.

О возрастающей обеспокоенности руководства стран Евросоюза относительно торгово-инвестиционной сферы сотрудничества с Китаем свидетельствует опубликованное в феврале 2007 г. исследование «Будущие сложности и возможности в торгово-инвестиционных отношениях ЕС и Китая», в котором говорилось о необходимости усилить диалог по экономическим вопросам на высшем уровне, повысить осведомленность о рисках, связанных с инвестированием в Китай, и напомидалось о необходимости достигнуть консенсуса в отношении китайской политики Евросоюза²⁶. В том же 2007 г. Евросоюз принял решение сократить помощь Китаю, оказываемую на цели социально-экономического развития страны.

Для ликвидации напряженности в двусторонних отношениях Пекин и Брюссель продолжали вести переговоры по наиболее острым проблемам их сотрудничества. Так, на саммите «КНР—ЕС» в Хельсинки в 2006 г. была достигнута договоренность о запуске переговоров с целью заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) в качестве обновленной базы двусторонних отношений (первоначально инициатива была озвучена Брюсселем еще на саммите «ЕС—КНР» в 2004 г.). Предполагалось, что данное соглашение может дополнить и заменить двустороннее Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве 1985 года (СТЭС) в качестве законодательной базы регулирования двусторонних отношений, а также послужить инструментом разрешения одновременно и экономических проблем, и политических разногласий.

В ходе 10-го саммита «ЕС—КНР» в ноябре 2007 г. стороны продолжали обсуждать торговые отношения, антидемпинговые расследования, рыночный статус экономики КНР, стоимость китайской валюты, эмбарго на поставки вооружения в КНР, подход Китая к правам человека и т. д. А в 2008 г. была запущена новая форма экономического сотрудничества, действующая до сих пор — «Экономический и торговый диалог на высшем уровне».

Перемены в китайско-европейских отношениях в связи с мировым финансовым кризисом

После начала мирового финансового кризиса и последующего за ним кризиса еврозоны Китай и Евросоюз активизировали взаимодействие на высшем уровне. При этом в готовности помочь Евросоюзу в стабилизации его экономики Китай исходил, прежде всего, из понимания опасности кризиса в Европе для китайского экспорта. Поскольку к тому времени отношения Китая и Евросоюза уже достигли точки невозврата²⁷, стороны стали крупнейшими торговыми партнерами (объем китайско-европейской торговли с 2005 г. удвоился, достигнув в 2008 г. 425,58 млрд долл.)²⁸.

На контрасте с ухудшающимся финансовым положением Евросоюза Китай, наоборот, продемонстрировал жизнеспособность и эффективность своей экономической модели. В этот период европейские страны все чаще просили экономической помощи у КНР, не удовлетворяя, однако, ее просьб о снятии эмбарго и предоставлении Китаю рыночного статуса. Важно отметить, что в 2010 г. Кэтрин Эштон, верховный представитель ЕС по иностранным делам, все же выступила за отмену эмбарго, и Франция и Германия ее поддержали. После визита Ли Кэцзяна в Испанию, в ходе которого последняя получила от Пекина финансовую помощь в размере 6 млрд евро, Мадрид также официально выступил за отмену эмбарго, но Великобритания, Нидерланды и Швеция использовали свое право вето²⁹. В начале мирового кризиса Китай активно помогал проблемным европейским странам (так называемым странам PIGS — Португалия, Италия, Греция, Испания), покупая еврооблигации (КНР является держателем еврооблигаций на сумму 650 млрд евро³⁰), отправляя закупочные миссии в Европу для преодоления пассивного сальдо торгового баланса Европы и обещая снять тарифные и нетарифные ограничения на импорт в КНР, а также способствуя увеличению занятости в ЕС через инвестиции в предпринимательские объекты. Китайские капиталовложения в Европу значительно выросли после 2008 г.: за два квартала с октября 2010 г. по март 2011 г. китайские фирмы и банки выделили 64 млрд долл. на европейские контрак-

ты — более половины общих объемов инвестиций. Для Германии и других стран ЕС с наиболее сильной экономикой возможность экспортировать свои товары на китайский рынок в условиях кризиса еврозоны стала наиважнейшим фактором стабилизации экономики.

Однако поддержка Китаем Евросоюза в посткризисные годы не была безусловной. В ответ на неуступчивость ЕС по значимым для Китая вопросам руководство КНР постепенно сокращало экономическую помощь странам еврозоны. Показательным является пример, когда страны ЕС попытались увеличить размер Европейского фонда финансовой стабильности (ЕФФС), созданного для решения долговых проблем стран еврозоны, за счет вклада Китая на сумму в 100 млрд евро, то есть четверти от существующего бюджета ЕФФС. Китай согласился оказать помощь лишь в рамках МВФ и согласованно с Бразилией, Россией и Индией (партнерами по БРИКС)³¹.

Одновременно продолжалось сокращаться число «точек соприкосновения» взаимных интересов, основная активность в развитии двусторонних отношений приходилась на сферу бизнес-контактов. Наряду с политическими разногласиями продолжала нарастать и напряженность в торгово-экономической сфере. В среднем в период 2008—2011 гг. около 40 % от общего числа антидемпинговых расследований ЕС было направлено против КНР³².

В 2009 г. стороны все же предприняли попытки отладить двусторонние отношения. В январе 2009 г. в Пекине прошел 4-й раунд Стратегического диалога, а с 27 января по 2 февраля премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао совершил европейское турне, в рамках которого посетил Великобританию и Германию, а в Брюсселе провел переговоры с новым руководством ЕС.

В статистике торговли КНР и ЕС после 2008 г. наиболее низкие показатели были зафиксированы в 2009 г. и 2012 г., что связано с последствиями мирового финансового кризиса и началом замедления китайской экономики соответственно. В период между 2009 и 2012 гг. наблюдалась лучшая динамика: в 2011 г. товарооборот достиг 567,2 млрд долл. (в 2012 г. он снизился до 546,1 млрд). Экспорт из КНР в ЕС вырос с 72,16 млрд долл. в 2003 г. до 333,99 млрд долл. в 2012 г. — в 4,6 раза. Экспорт из ЕС в КНР вырос с 53,06 млрд долл. в 2003 г. до 212,05 млрд долл. в 2012 г.³³ Начиная с 2011 г. Китай стал

крупнейшим торговым партнером стран Европы, обогнав США по этому показателю.

В целом к 2011 г. ни одна проблема в отношениях ЕС—КНР не была решена. Китай надеялся на то, что с принятием Лиссабонского договора³⁴ Европа, будучи более централизованной, сможет решить вопросы эмбарго и рыночного статуса китайской экономики, но надежды не оправдались, даже учитывая экономическую поддержку Китая Евросоюзу, исчисляемую в миллиардах евро. Требования к Китаю о более справедливой торговле и открытости китайской экономики для европейских компаний, которые Евросоюз озвучил еще в 2006 г., также не нашли понимания в КНР.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Виноградов А.О.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949—1976 гг. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/azia/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949__1976_gg_2016-08-15.htm

² Теория «промежуточных зон» была впервые изложена Мао Цзэдуном еще в 1946 г., однако в основу внешней политики Пекина она была положена лишь с конца 1950-х годов.

³ *Wei Shen.* France-China Relations: From 'Special' to 'Strategic'? URL: http://www.eu-asiacentre.eu/pub_details.php?pub_id=130

⁴ Такая модель дипломатического сотрудничества и сегодня является основой китайско-европейских отношений: Китай развивает контакты в двустороннем формате отдельно с каждым из государств ЕС, при этом поддерживает углубление экономической и политической интеграции Европы для развития отношений уже в формате «Брюссель—Пекин». (Подробнее см.: *Виноградов А.О.* КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества // *Проблемы Дальнего Востока.* 2016. № 1.)

⁵ IMF, Direction of Trade Statistics.

⁶ The World Bank Data.

⁷ European Union Treaties Office Database. URL: <http://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?redirect=true& treatyId=341>

⁸ Заметим, что данное положение сохраняется и сегодня. Именно этим китайские коллеги в беседе с одним из авторов статьи объясняли в свое время тот факт, что за отношения с европейскими странами в КНР отвечает не председа-

тель КНР, а премьер Госсовета (см.: *Виноградов А.О.* Европейский визит Си Цзиньпина: новая китайская дипломатия в действии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. М.: ИДВ РАН, 2014).

⁹ Вплоть до 2014 г. стороны даже воздерживались от того, чтобы сообщать журналистам содержание обсуждений.

¹⁰ Подробнее см.: *Виноградов А.О.* КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1.

¹¹ Building a Comprehensive Partnership with China. Commission of the European communities. Brussels, 1998.

¹² Пользуясь термином «восстановление членства», китайские комментаторы подчеркивают тот факт, что Китай уже был членом ГАТТ : в соглашении об образовании ГАТТ в 1947 г. есть подпись и гоминьдановского правительства.

¹³ Подробнее см.: *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1.

¹⁴ China's EU policy paper. URL: http://en.people.cn/200310/13/eng20031013_125906.shtml

¹⁵ A maturing partnership —shared interests and challenges in EU-China relations, the Commission's 2003 guidance. URL: http://www.eu-asiacentre.eu/links.php?cat_id=24&level=0&tree=24&code=4

¹⁶ Нужно отметить, что те же самые факторы привели и к повороту российского руководства к сближению с Китаем.

¹⁷ 7th EU-China Summit Joint Statement, Brussels, 8 December 2004. URL: http://www.eu-asiacentre.eu/links.php?cat_id=24&level=0&tree=24&code=4

¹⁸ Speech by Premier Wen Jiabao at the China-EU Investment and Trade Seminar in Brussels on May 6, 2004. URL: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2481360.html>

¹⁹ *Zhou H.* China-EU relations. Reassessing China-EU Strategic Partnership, 2016. URL: <http://www.springer.com/us/book/9789811011443>

²⁰ См., напр.: *Лузянин С.Г., Сафронова Е.И., Свешников А.А.* Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3.

²¹ EU-China: Closer Partners, Growing Responsibilities, the Commissions 2006 Communication. URL: http://www.eu-asiacentre.eu/links.php?cat_id=24&level=0&tree=24&code=4

²² EU-China Summit: new steps in a growing relationship. Brussels, 6 December 2004. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-04-1440_en.htm?locale=en

²³ Joint Statement of the 8th EU-China Summit. Brussels, 5 September 2005. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-05-1091_en.htm?locale=en

²⁴ European Commission Data.

²⁵ Данные Министерства коммерции КНР.

²⁶ Study on the Future Opportunities and Challenges of EU-China Trade and Investment Relation, 2006—2010. European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/trade/>

²⁷ Zhou H. China-EU relations... P. 188.

²⁸ European Commission Data.

²⁹ Виноградов А.О. КНР — страны ЕС // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИД «ФОРУМ», 2013.

³⁰ Виноградов А.О. Европа и Россия в глобальном противостоянии КНР и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИВД РАН, 2013.

³¹ Виноградов А.О. КНР — страны ЕС... С. 329.

³² Zhou H. China—EU relations.

³³ European Commission Data.

³⁴ Договор, заменяющий неудавшуюся Конституцию ЕС 2004 г.

Г.И. Саркисова

РОЛЬ ПРИСТАВА РОССИЙСКИХ ДУХОВНЫХ МИССИЙ В.К. ИГУМНОВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Храните праведны заслуги.

М.В. Ломоносов

Аннотация. Статья на основе архивных материалов раскрывает роль пограничного комиссара, пристава российских духовных миссий в Китае и переводчика монгольского языка В.К. Игумнова в истории русско-китайских отношений второй половины XVIII в.

Ключевые слова: Василий Игумнов, Александр Игумнов, Российская духовная миссия в Китае, пристав, путевой журнал, иезуиты.

Российское китаеведение к концу XVIII в. располагало значительным количеством источников для изучения Китая: его истории, культуры, традиций и языков. Заслуга в этом принадлежит Российской духовной миссии в Китае (РДМК), известной также как Пекинская духовная миссия. Она прибыла в Пекин, по одним сведениям, в апреле 1715 г., по другим — в конце 1715 — начале 1716 г.¹, а юридическое оформление своего статуса получила в ст. 5 Кяхтинского договора (1728 г.).

До середины XVIII в. духовные миссии направлялись в Пекин с казенными торговыми караванами. С прекращением караванной торговли в Пекине русско-китайская торговля переместилась на границу, как того добивались китайцы. Главным центром ее стала Кяхта.

Сопровождением духовных миссий в Пекин стали заниматься приставы: должностные лица, ответственные за организацию и сопровождение миссий. На приставов были возложены обязанности различного рода: от обеспечения транспортом, питанием, ночлегом в пути, доставки денежных средств до переговоров на территории Монголии и Китая с монгольскими и китайскими чиновниками, а также выполнение дипломатических заданий правительства². «Деятельность приставов, — по заключению П.Е. Скачкова, — в той или иной степени способствовала изучению Китая. Их дипломатические способности, их роль во взаимоотношениях России с Китаем, вклад, внесенный каждым из них в развитие китаеведения в России, — все это требует специального монографического исследования»³. Материалы для такого исследования содержатся в документах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), в частности, о деятельности первого пристава Российской духовной миссии в Китае Василия Константиновича Игумнова, представителя целой династии, оставившей след в истории русско-китайских отношений и отечественном востоковедении.

По сведениям Ш.Б. Чимитдоржиева, житель Енисейска Никифор Иванович Игумнов, дед Василия Игумнова, в 1728 г. был торговым комиссаром в Урге⁴. Иркутский дворянин Константин Никифорович Игумнов служил комиссаром Кяхтинской пограничной таможни. За его «верные и беспорочные» службы как в Иркутске «у многих дел», так и при караване его сын В. Игумнов в 1744 г. был пожалован «по городу Иркутску во дворяне»⁵. Сын В. Игумнова Александр (1761-1834) — один из первых русских монголоведов, обучивший монгольскому языку О.М. Ковалевского (1800—1878), впоследствии профессора Казанского университета⁶.

В.К. Игумнов родился, предположительно, в 1729 г., что следует из утверждения его сына Александра в беседе с китайским вельможей в Маймайчэне⁷ в 1799 г. о том, что его отцу около 70 лет⁸. Важ-

ные сведения о В. Игумнове содержит его челобитная, поданная в 1765 г. императрице Екатерине II с просьбой о награждении его чином и прибавкой жалованья за верную и усердную службу, о которой пограничный комиссар представил подробный отчет. Он начинался со времени, когда В. Игумнов, получив дворянское звание, стал служить в Иркутске в разных службах, а в ноябре 1749 г. был назначен пограничным комиссаром вместо престарелого Г. Фирсова. В соответствии с предписанием, полученным комиссаром Фирсовым от полномочного посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского⁹, В. Игумнов совершал ежегодные пограничные разъезды для осмотра границы и поставленных пограничных маяков и караулов «и для смотра ж воровства и переходу российских подданных за границу»¹⁰.

При исполнении возложенных на него обязанностей В. Игумнов имел «всепрлежня разведывании скрытным и секретным образом чрез разных мунгальских людей о разных в их стороне происхождениях, потребных быть к предведению российской стороне», о чем подробно докладывал селенгинскому коменданту бригадиру, а затем генерал-майору В.В. Якоби¹¹.

Довольно подробно история секретных разведываний В. Игумнова представлена в «Исторической записке о китайской границе, составленной советником Троицко-Савскаго пограничнаго правления Сычевским в 1846 году». В «Записке» отмечается, что Игумнов один из первых доложил В.В. Якоби 26 января 1757 г. о намерении монгольского кутухты¹² «отдаться в российское подданство»¹³. Поскольку эти сведения подтвердились и донесением бывшего в Урге толмача Ф. Шарина, В.В. Якоби 25 мая 1757 г. встретился в Кяхте с монгольским закиракчи (чиновником) Чюганом «наедине и секретно» для обсуждения этого вопроса. Накануне встречи закиракчи Чюган обратился к пограничному комиссару В. Игумнову за поддержкой и просил уверить В.В. Якоби в его честности. Так, В.К. Игумнов постепенно накапливал свой дипломатический опыт.

В 1768 г. он принимал участие в российско-китайских пограничных переговорах, возглавленных полковником И.И. Кропотовым¹⁴, который высоко оценил работу В. Игумнова в качестве переводчика и рекомендовал его на эту должность в Кяхту¹⁵. Однако как челобит-

ная самого Игумнова (1765 г.), так и представление на него И. Кропотова в Коллегии иностранных дел остались без внимания. 26 апреля 1771 г. генерал-поручик А.И. Бриль, иркутский губернатор в 1767—1776 гг., вновь обратился в Коллегию с доношением: «Он, Игумнов в должности своей во всех возлагаемых на него делах поступает рачительно, ревностно и исправно и во всем ведет себя добропорядочно. Ис той же ревности к службе обучился мунгальской грамоте своим кочтом. И есть как самой лутчей здесь в нынешнее время мунгальскаго языка толмач..., а остается донныне против протчих без награждения»¹⁶. По этой причине генерал-поручик А. Бриль предложил наградить В. Игумнова офицерским чином поручика и соответствующим этому чину жалованьем¹⁷. Однако в выявленных документах отсутствуют сведения о времени присвоения этого звания пограничному комиссару, несмотря на просьбу иркутского губернатора «снабдить» его повелительным императорским указом.

В сентябре 1771 г. В. Игумнов в качестве пристава был направлен в Пекин с 6-й духовной миссией (1771—1781 гг.) во главе с архимандритом Николаем (Цветом)¹⁸. Пристав В. Игумнов получил подробное наставление Пограничной канцелярии от 31 августа 1771 г.¹⁹ (Далее ссылки на этот документ будут указаны в тексте в скобках). Для исполнения предписаний требовались организаторские, предпринимательские, дипломатические и хорошие человеческие качества, которыми Игумнов обладал в полной мере.

В соответствии с первыми пунктами наставления на В. Игумнова возлагалась ответственность за финансовые расчеты за наемные подводы, выплата жалованья сопровождавшим духовную миссию двум казакам и толмачу, а также духовным лицам и ученикам. Для осуществления выплат из Петропавловской пограничной таможни В. Игумнову было выдано казенное китайское серебро (л. 295 об.). Подробными инструкциями был снабжен пристав и относительно выданной ему мягкой рухляди «на вымен серебра», также предназначавшегося для выплаты жалованья и на церковные потребности. В. Игумнову предлагалось попытаться совершить обмен большей части или всей мягкой рухляди на серебро по приезду в Калган, где, «по партикулярным слухам», цена на русские товары была выше, чем в Пекине. Но в случае низких цен или запрещения китайским

начальством обмена мягкой рухляди в Калгане приставу предписывалось «променять уже в одном Пекине» (л. 295 об.—296).

Сама же процедура обмена мягкой рухляди на серебро была подробно расписана в 6-м пункте. Приставу В. Игумнову предписывалось осуществлять обмен «способом купеческого обряду партиями»: сначала променять товар «низкой доброты», т. е. низкого качества, до «последней лутчей доброты», назначая цены «не только не ниже положенных кяхтинских купеческих цен», но стараться совершить обмен по более высоким ценам. Пограничная канцелярия предусмотрительно снабдила Игумнова копией с ведомости Кяхтинской ревенной комиссии о купеческих ценах на мягкую рухлядь. Эти сведения должны были помочь приставу не продешевить в торговых сделках. Сколь высокое значение Пограничная канцелярия придавала этой стороне деятельности пристава видно из ее наставления: «В том во всем показать тебе особливое усердие и верность как долг присяги и честного ревностного человека обязует и как в том несумненная на тебя надежда полагается» (л. 296).

В соответствии с 9-м пунктом наставления предусматривалось употребление некоторой части мягкой рухляди на подарки «в пути и по городам», а также монгольским и китайским приставам. Пограничная канцелярия наставляла В.К. Игумнова в том, чтобы его одаривания были разумными и приносили пользу, «в том числе такую, дабы приставы в какой-либо нужде охотно благоприятствовали и делали тебе вспоможение и угождение, а другие приласкаемы б на склонность сообщать тебе нужные и верные осведомления по всем твоим разведываниям и домогательствам». При отправлении из Пекина оставшуюся нераздаренную мягкую рухлядь рекомендовалось продать на серебро (л. 297).

Выплату жалованья членам 5-й духовной миссии (1755—1771 гг.) «за все прошедшие годы по будущей 1772 год»²⁰ рекомендовалось произвести сразу же, как только в результате обмена мягкой рухляди в распоряжении В. Игумнова окажется необходимое количество серебра (л. 296 об.).

Подробному описанию перевода вымененного серебра в китайскую денежную единицу лану²¹ и российский рубль посвящен 10-й пункт наставления. В. Игумнову предписывалось обращать осо-

бое внимание на качество серебра и принимать «самое чистое ханское без всякого примесу и всегда с прежними духовными, которые по довольной бытности и по употреблению оногo, без сумнения, имеют совершенное в качестве серебра знание» (л. 297—297 об.).

Для ведения учета всех финансовых сделок приставу были выданы приходная и расходная книги. Внесенные в них записи Пограничная канцелярия требовала подтверждать расписками. В случае отказа «китайских наемщиков» от таких расписок 12-м пунктом наставления предусматривалась возможность засвидетельствования внесенных в книгу расходов подписями самого В. Игумнова и архимандрита, «которой о том сведом будет» (л. 297 об.).

Помимо приходно-расходных книг Пограничная канцелярия обязала В. Игумнова вести журнал и записывать в него «поденно с самого выступления за границу до возвращения в свою сторону ясно и обстоятельно все, что до пути и до должности принадлежать будет» (л. 297 об.—298). 13-й пункт наставления был посвящен изложению требований к написанию журнала. Приставу предлагалось вносить в него подробную информацию о датах передвижения и проделанном пути с одного места на другое, о произошедших событиях, о разведываниях относительно обмена товаров и действительном их обмене. От В. Игумнова требовалось собственноручное ведение журнала, чтобы «подлинное внесение в книгу содержано было... секретно», и только в случае отсутствия времени ему разрешалось «заставлять» делать это своего сына²², учеников и церковников. Однако они могли вносить свои записи лишь в «черный журнал», для чего пристав и получил «пять дестей²³ бумаги» (л. 298).

В соответствии с 15-м пунктом наставления Игумнову предписывалось купить из «остаточнова серебра» (на 50 рублей) «мунгальского языка печатных книг, яко то лексикон, и другие потребные к совершенному обучению и знанию в разговорах и в переводах того мунгальского языка» (л. 298 об.).

Важную роль в наставлении играл 18-й пункт, посвященный правилам поведения пристава и его подопечных в пути и во время пребывания в Пекине. Им вменялось «содержать себя трезво и во всем добропорядочно и благопристойно и с китайскими людьми со всеми, с кем случится, обходиться с пристойною ласковостию и уч-

тивством, и отнюдь ни под каким видом не подавать ни малейшей причины ни х какому огорчению и раздражению». В случае же нанесения обиды китайской стороной русским миссионерам не разрешалось ни вступать в споры, ни в «отмщение», а предлагалось сообщить об этом своему приставу, который в свою очередь должен был попытаться урегулировать конфликт через китайских приставов или же в самой крайней ситуации подать свои жалобы в китайский Трибунал (Лифаньюань). «А естли и в Трибунале, — предписывалось в наставлении, — откажут, то оное принять спокойным духом и учтивостию и отнюдь не токмо никаких возраженей не делать, но не только не показывать неудовольствия и видом» (л. 299). В то же время В. Игумнову дозволялось наказывать за провинности находившихся у него в подчинении конвойных, работников и подрядчика, а о проступках учеников и церковников уведомлять архимандрита Николая (Цвета).

Заключительные пункты наставления касались вопросов отчетности и времени возвращения из Пекина. В. Игумнову предлагалось по возможности «с попутчиками» из Урги, Калгана и Пекина присылать краткие рапорты о состоянии всей миссии. А прежнюю, 5-ю, духовную свиту вывезти из Пекина «по наступлении первого вешнего времени в будущем году» (л. 299 об.). В завершении рекомендовалось все порученное исполнить «и тем заслужить отменную похвалу как от китайской, так паче от своей стороны и показать себя достойным к получению награждения» (л. 300).

13 июля 1772 г., согласно сведениям из рапорта иркутского губернатора генерал-поручика А. Бриля в Коллегию иностранных дел, В. Игумнов возвратился в Кяхту²⁴. Вместе с ним вернулись на родину два из оставшихся в живых члена 5-й духовной миссии²⁵.

Полный отчет о поездке в Китай в 1771—1772 гг. содержался в представленном В. Игумновым путевом журнале²⁶, написанном в соответствии с наставлением Пограничной канцелярии. По итогам деятельности пристава Игумнова А. Бриль в доношении в Коллегию иностранных дел предложил представить его к награде²⁷.

Сопровождение следующей духовной миссии в Пекин также было доверено В. Игумнову. По данным рапорта генерал-майора Ф.Н. Клички, иркутского губернатора в 1779—1783 гг., 7-я духовная

миссия (1781—1794 гг.) во главе с архимандритом Иоакимом (Шишковским) 23 августа 1781 г. была отправлена за границу «за препровождением прежбывалова в той должности коллежскова регистратора²⁸ и мунгальскова языка переводчика Игумнова с передачею ему в виде толмачском актуариуса Соколова»²⁹. Это обстоятельство не нашло отражения в исследованиях, посвященных сыну пристава В. Игумнова Александру, который также в качестве переводчика сопровождал 7-ю духовную миссию. В научных публикациях, сообщающих о данном факте, отсутствуют упоминания о других переводчиках и его отце, приставе В. Игумнове. По мнению Н.М. Полуниной, выбор пал на А. Игумнова, «когда надо было подобрать не только знающего, но и просвещенного, и духовно зрелого переводчика...»³⁰ Александру Игумнову на тот момент было только 20 лет, и никто иной, как его отец, имевший богатый опыт переводческой и дипломатической работы, играл определяющую роль в этой экспедиции.

В конце сентября 1782 г. коллежский регистратор В. Игумнов препроводил из Пекина в Россию духовную миссию архимандрита Николая (Цвета) и находившихся на обучении А. Агафонова, Ф. Бакшеева и А. Парышева. Ученики во время своего пребывания в Пекине, также как и сам пристав Игумнов, вели журнал «о разных заграничных разведаниях». По приезде в Россию оба журнала³¹ вместе с полученным от «трибунальскова подьячева» «прилежным ученическим старанием и подарками» переводом маньчжурского доклада о кяхтинском торге³² и картой «целова Китайскова государства в десяти частях» были поданы в Правительствующий сенат³³.

Журнал, подписанный В. Игумновым, охватывает период с сентября 1781 г. по конец июля 1782 г. и подробно повествует о встречах пристава и учеников с китайскими амбаниями (чиновниками) и иезуитами. Эти аудиенции демонстрировали степень расположения и почтения с китайской стороны и иезуитов, а также обогащали сведениями по разным вопросам. Например, встречи с иезуитами подтвердили полученную учениками информацию о смерти членов Санкт-Петербургской академии наук иезуитов Августина³⁴ и Себота³⁵ и сокращении пекинского состава иезуитов до 15 человек³⁶. Заслуживает внимания и мнение иезуитов о русских миссионерах, выраженное, в частности, иезуитом Франциском³⁷ в беседе с В. Игум-

новым. Франциск сообщил, что в ответном письме к иркутскому губернатору будет «рекомандовать... как о регистраторе и сыне ево, так и о трех учениках, что они жили здесь чрез 10 годов весьма честно и, кроме определенного им звания, ни в какия иныя неприличныя дела не вступали..., употребляли все силы ко учению манжурского и китайского языка»³⁸. Из журнала видно, что за годы своей службы на русско-китайской границе В. Игумнов приобрел доброжелательное расположение китайских чиновников. Среди регистраторских «знакомцев» упоминаются монгольский царгучи³⁹ Юмудзап, служивший секретарем в Пограничном правлении, ургинский амбань, который принял В. Игумнова в своих покоях «как знаконца и приятеля своего» и посадил с собой за один стол, иезуиты Эспинья (Спина)⁴⁰ и Амиот⁴¹.

Благосклонность некоторых представителей китайской стороны нередко использовалась коллежским регистратором В. Игумновым в работе. В июне 1788 г. он встретился на границе с доброжелательно настроенным к России и самому В. Игумнову монгольским засаком⁴² Еренчином и зайсаном⁴³ Ашидой. Они обсудили вопрос об условиях, при которых было бы возможно открытие кяхтинского торго, приостановленного в 1785 г. из-за разногласий по поводу наказания разбойничавших на территории Цинской империи людей с российской стороны: бурятов во главе с Улалдзаем⁴⁴. По сведениям зайсана, в Пекине удивлялись долгому отсутствию из Правительствующего сената ответа на трибунальский лист по этому поводу. «А хотя губернатор, — сообщал зайсан Ашида, — в своем письме и пишет, известной Улалзай умер, то хотя б и десять писем послано было, наше правительство на губернаторское письмо не согласится»⁴⁵. Кроме того, китайская сторона ожидала от России обращения с просьбой об открытии торго. Но на это коллежский регистратор В. Игумнов с уверенностью ответил: «Никак наши о торгу просить не будут, вы сами закрыли, вам надобно и просить, а не нам»⁴⁶. Содержание этой беседы В. Игумнов изложил в «Секретной журнальной записке», копия которой иркутским губернатором генерал-майором М.М. Арсеньевым была отправлена в Коллегию иностранных дел.

Длительная дипломатическая борьба китайской и российской сторон по вопросу о возобновлении кяхтинского торго лишь 8 февра-

ля 1792 г. в результате переговоров закончилась подписанием Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме. Достижению этого соглашения, как видно, способствовала и деятельность В. Игумнова, бывшего участником переговоров в 1792 г., о чем вспомнил китайский военный губернатор в уже упоминавшейся беседе с сыном Игумнова в Маймайчэне в 1799 г.⁴⁷ Это обстоятельство ставит под сомнение утверждение Н.М. Полуниной о том, что именно А. Игумнов был главой комиссии на переговорах⁴⁸.

В январе 1793 г. иркутский и колыванский генерал-губернатор⁴⁹ генерал-поручик И.А. Пиль отправил императрице Екатерине II подробный рапорт о пребывании коллежского секретаря⁵⁰ В. Игумнова в Урге, куда он доставил письмо иркутского губернатора⁵¹. В соответствии с императорским повелением на встрече с ургинскими амбаниями «Игумновым делано было изъяснение о настоящей торговле с китайцами, благополучно и беспрепятственно производимой, о взаимной ее пользе и о прилагаемом пограничными начальниками старания в соблюдении обоюдной приязни»⁵². Заявление курьера В. Игумнова получило одобрение китайской стороны, проявившей интерес к продолжению беседы. Воспользовавшись этим, он, следуя императорскому повелению, от имени губернатора сообщил сведения о готовящемся в Англии посольстве к отправлению в Китай⁵³. В продолжение разговора В. Игумнов «по несведению амбаней о Англии вопрошаем был о месте, в котором имеют они свое владение, кто оным управляет и как столичной их город именуется». В. Игумнов ответил не только на эти вопросы, но и на последовавшие об английской торговле, «с кем более ее производят и чем торгуют»⁵⁴. С возраставшим любопытством амбани задавали новые вопросы. Их заинтересовала причина морских плаваний англичан в «отдаленные и неизвестные стороны». В. Игумнов объяснил это тем, «что они от торгу своего ищут большого прибитка и стараются, есть ли удастся под видом торга, покарять земли и народ так, как ... в рассуждении Индии». Собеседники русского курьера посетовали на отсутствие карты, с помощью которой могли бы «зделать о Англии и Индии рассмотрение»⁵⁵. Однако в данной ситуации, как видно из рапорта, важную роль сыграл как богатый дипломатиче-

ский, так и простой житейский опыт В. Игумнова: при нем оказалась такая карта «на непредвидимыя обстоятельства и особливо в разсуждении обыкновенного их при подобных случаях любопытства, которое замечать ему случалось из многого обращения, да и по случаю старости его лет». В. Игумнов ответил и на вопросы амбаней об Индии, а в «черневой записке», написанной ими с его слов после беседы, помог исправить названия индийских земель⁵⁶. При отъезде русского курьера ургинские амбани вручили ему письмо для губернатора и выразили благодарность за сделанное «во осторожность их уведомление»⁵⁷. На основании этого генерал-губернатор И. Пиль выразил в своем рапорте уверенность в том, что выполненная В. Игумновым миссия произведет действие, благоугодное «высокомонаршему...соизволению», поскольку не сомневался, что ургинские амбани оповестят свое правительство о готовящемся английском посольстве⁵⁸.

Подробные же сведения об этом посольстве, возглавленном лордом Дж. Макартнэем, прибывшем в Пекин в 1793 г., были получены В. Игумновым по дороге в китайскую столицу и в самом Пекине, куда он доставил 8-ю духовную миссию (1794—1807 гг.) во главе с архимандритом Софронием (Грибовским). От сопровождавшего духовную миссию китайского пристава В. Игумнов узнал о том, что английское посольство (примерно сто человек) находилось около месяца в Пекине и Жехэ⁵⁹, где английский посол был представлен китайскому императору, вручил подарки и изложил свои просьбы. Однако, по сообщению китайского пристава, ни одна из них не была удовлетворена⁶⁰. Данные сведения по прибытии в Пекин были подтверждены В. Игумнову знакомым ему португальским иезуитом Бернардом, бывшим переводчиком с латинского и китайского языков на встрече английского посла и китайского императора⁶¹.

Вся эта информация содержится в журнальных секретных записках русского пристава, по крупницам собравшего интересный материал о жизни китайского общества и государства в 1793—1795 гг.⁶² А путевой журнал о следовании духовной миссии и учеников⁶³ содержит некоторые факты, отсутствующие в записках. Так, в нем есть упоминание об еще двух сыновьях коллежского секретаря В. Игумнова, Петре и Иване, которые провожали духовную миссию до реки

Буры и вместе с отцом нанесли визит назначенному вместо покойного засака Еренчина управляющему в пограничных делах⁶⁴. Заслуживает внимания описание еще одной встречи по пути в китайскую столицу членов духовной миссии и сопровождавших с ургинскими амбаниями. Это произошло 16 сентября 1794 г. На встрече присутствовало трое амбаней. Пристав В. Игумнов выразил им дружеское почтение от иркутского губернатора, «на что анбани весьма ласково соответствовали». Затем пристав, удовлетворяя интерес амбаней к присутствовавшим, назвал каждого из них: «указывая на архимандрита, — сей-де старшей священник, которой тогда же чрез толмача Новоселова зделал им от себя поздравление, а затем и всех по порядку расспрашивали. По окончании сего анбани просили архимандрита и пристава сесть, а продчия вышли в другия покои, и все были прошены чаем»⁶⁵. Эта аудиенция довольно достоверно воспроизведена на рисунке неизвестного художника, который петербургский китаевед Н.А. Самойлов обнаружил в собрании Отдела рисунка Русского музея⁶⁶. Особая ценность изображения состоит в том, что на нем пронумерованы все запечатленные лица, описание которых дано под рисунком: фамилии, звания, должности. № 5 имеет такую идентификацию: «капитан Игумнов (пристав)». Однако Н.А. Самойлов не избежал неточностей при характеристике этого человека, назвав его полковником, а в дальнейшем — одним из переводчиков посольства графа Ю.А. Головкина⁶⁷. Данный факт на самом деле, как уже отмечалось, связан с именем Александра Игумнова, а архивные материалы о дальнейшей судьбе его отца после событий 1794—1795 гг. на данный момент не выявлены.

Таким образом, в XVIII — начале XIX вв. несколько поколений династии Игумновых несло службу на русско-китайской границе. Деятельность одного из наиболее ярких представителей этой династии, В.К. Игумнова, на протяжении многих лет способствовала налаживанию и развитию добрососедских отношений с Китаем и была хорошим примером для его сыновей, один из которых, Александр, стал известным монголоведом. Опыт В. Игумнова как первого пристава в истории Российской духовной миссии в Китае был, несомненно, важен и для формирования института приставов, сопровождавших духовные миссии в Китай вплоть до 1861 г.

Архивные документы позволяют в определенной мере осветить жизненный путь Василия Игумнова, сведения о котором в историографии русско-китайских отношений очень скудны, и показать разносторонность его служебной деятельности, достойной не быть преданной забвению.

Примечания

¹ *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань, 1882. С. 81; *Бэй-гуань.* Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.-СПб., 2006. С. 24.

² *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 181—182.

³ Там же. С. 182.

⁴ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Монголовед А.В. Игумнов // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. С. 155. Урга (Курень) (ныне Улан-Батор) — место пребывания главной маньчжурской военной и гражданской администрации в Монголии и главы ламаистской церкви.

⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. (Далее название архива и фонда не указываются). Оп. 62/2. 1763-1773. Д. 12. Л. 166.

⁶ Следует отметить, что в «Очерках истории русского китаеведения» эта записка ошибочно связана с именем кяхтинского купца Н.М. Игумнова. *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 96, 312 (коммент. 38).

⁷ Маймайчэн — китайская торговая слобода у самой границы на монгольской территории.

⁸ Оп. 62/3.1799. Д. 1. Л. 4 об.

⁹ С.Л. Владиславич-Рагузинский (1669—1738), Иллирийский граф, сыграл важную роль в подготовке и подписании Кяхтинского договора (1728). Оставил пограничным дозорщикам подробные инструкции. См.: *Сычевский Г.А.* Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. Сообщает В.Н. Баснин. М., 1875 г. С. 27—56. Русско-китайские отношения в XVIII в. (далее: РКО в XVIII в.). 1727—1729. Документы и материалы. Т. 3. М., 2006. С. 297—325.

¹⁰ Оп. 62/2. 1763—1773. Д. 12. Л. 166 об.

¹¹ Там же. Л. 167 об. Якоби (Якобий) Варфоломей Валентинович (1693—1769) с 1740 г. — комендант Селенгинска и управляющий находившейся там Канцелярии пограничных дел, нес ответственность за охрану границы.

¹² Кутухта — титул высших иерархов ламаистской церкви.

¹³ Сычевский Г.А. Указ. соч. С. 141.

¹⁴ Об этом подробнее см.: Саркисова Г.И. Пограничные российско-китайские переговоры 1768 г. (По материалам Журнала И.И. Кропотова) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 191—210.

¹⁵ Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 283.

¹⁶ Оп. 62/2. 1769—1772. Д. 18. Л. 246 об.

¹⁷ Там же. Л. 247.

¹⁸ Там же. Л. 274.

¹⁹ Там же. Л. 295—300.

²⁰ Сведения об этих выплатах содержатся в путевом журнале. Оп. 62/2. 1769—1772. Д. 18. Л. 353—448 об. См. также: *Бэй-гуань*. Указ. соч. С. 47—48.

²¹ Лян (лан) (кит.) — китайская мера веса, равная 37,3 г; слиток серебра весом 37 г употреблялся в XIV—XIX вв. в качестве основной денежной единицы Китая.

²² В 1771 г. сыну В. Игумнова было всего 10 лет, и сведения о его участии в этой экспедиции отсутствуют.

²³ Десть — старая единица счета писчей бумаги в листах. Русская десть равнялась 24 листам.

²⁴ Оп.62/2. 1766—1769. Д.16. Л. 124. В рапорте он ошибочно назван Григорием.

²⁵ Причетник Стефан Зимин и иеромонах Сильвестр, умер в Иркутске 7 марта 1773 г. В «Очерках истории русского китаеведения» П.Е. Скачкова упоминается о том, что 5-я духовная миссия прибыла в Пекин с караваном Алексея Владыкина. Вместе с тем в Приложении № 2 (Список личного состава Российской духовной миссии в Пекине) В. Игумнов включен в состав 5-й миссии как пристав, в то время как в составе 6-й и 7-й миссий, которые он сопровождал в Китай, не указан. Неточности, связанные с его именем, встречаются и на других страницах «Очерков»: там, где упоминается посольство графа Ю.А. Головкина в Китай (1805—1806), в свите которого переводчиком был не В. Игумнов, а его сын Александр. См.: *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 65, 359, 90, 376, 469.

²⁶ Оп. 62/2. 1769—1772. Д. 18. Л. 353—448 об.

²⁷ Там же. 457—457 об.

²⁸ Коллежский регистратор — низший гражданский чин 14-го класса в Табели о рангах в России в XVIII—XIX в.

²⁹ Оп. 62/3. 1778—1782. Д. 2. Л. 96—96 об.

³⁰ *Полунина Н.М.* Иркутский монголовед А.В. Игумнов (1761—1834) // Тальцы. Иркутск, 2000. № 4 (11). С. 3.

- ³¹ Оп. 62/3 1772. Д. 1. Л. 2—73.
- ³² Там же. Л. 74—77 об.
- ³³ Оп. 62/2. 1762—1789. Д. 9. Л. 283.
- ³⁴ По всей видимости, речь идет о Сигизмунде Августиниане: «родом италианец, искусством механик». См. РКО в XVIII в. 1752—1765. Документы и материалы. Т. 6. М., 2011. С. 191.
- ³⁵ Пьер-Мартиал Сибо (1727—1780), французский иезуит.
- ³⁶ Оп. 62/2. 1762—1789. Д. 9. Л. 292.
- ³⁷ По всей видимости, Франсуа Буржуа (1723—1792), французский иезуит.
- ³⁸ Оп. 62/2. 1762—1789. Д. 9. Л. 300.
- ³⁹ Цзаргучи (закиракчи, закирокчей, заргучей) (маньчж.) — чиновник, совмещающий судебные и административные функции.
- ⁴⁰ Хосе Эспинья (Спина) (1722—1788) — португальский иезуит.
- ⁴¹ Амио Ж.-Ж.-М. (Амиот) (1718—1793) — французский миссионер. Оп 62/2. 1762—1789. Д. 9. Л. 289, 290 об., 292, 293 об.
- ⁴² Дзасак (засак) (монг.) — правитель феодального удела в Халхе (Сев. Монголии).
- ⁴³ Дзайсанг (зайсан) (монг.) — звание родоначальника или главы рода у монголов и бурят, владетель аймака.
- ⁴⁴ Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Из истории российско-китайских отношений: Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) (по архивным материалам) // Восток—Запад. Историко-литературный альманах. 2011—2012. М., 2013. С. 61—76.
- ⁴⁵ Оп. 62/3. 1788. Д. 1. Л. 7.
- ⁴⁶ Там же. Л. 7 об.
- ⁴⁷ Оп. 62/3. 1799. Д. 1. Л. 4 об.
- ⁴⁸ *Полунина Н.М.* Указ соч. С. 4.
- ⁴⁹ Иркутское и Кольванское наместничества, образованные в 1783 г., управлялись одним наместником в должности генерал-губернатора.
- ⁵⁰ Коллежский секретарь — гражданский чин 10-го класса в Табели о рангах. В документах 1788 г. В. Игумнов упоминается еще как коллежский регистратор.
- ⁵¹ Нагель Л.Т. — генерал-майор, иркутский губернатор в 1791—1797 гг.
- ⁵² Оп. 62/3. 1789. Д. 1. Л. 258 об.
- ⁵³ Речь шла о миссии лорда Дж. Макартнэя.
- ⁵⁴ Оп. 62/3. 1789. Д. 1. Л. 259.
- ⁵⁵ Там же. Л. 259 об.

⁵⁶ Там же. Л. 260—260 об.

⁵⁷ Там же. Л. 261.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Летняя резиденция китайского императора.

⁶⁰ Оп. 62/3. 1794. Д. 2. Л. 3—3 об.

⁶¹ Там же. Л. 8—9 об.

⁶² Там же. Л. 1—25.

⁶³ Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 182—237 об.

⁶⁴ Там же. Л. 183—183 об.

⁶⁵ Там же. Л. 185 об.

⁶⁶ *Самойлов Н.А.* Китай в произведениях российских художников XVIII—XIX веков // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Бюллетень. 2016. 1 (82). С. 25—41. Посольство графа Ю.А. Головкина не было принято в Пекине. О нем подробно см.: Русско-китайские отношения в XIX в. Материалы и документы. 1803—1807. М., 1995. Т. 1. Здесь же об А. Игумнове см. Док. № 231. С. 353—355, № 270. С. 427. Комментарий к док. № 116. С. 906—907.

⁶⁷ *Самойлов Н.А.* Указ. соч. С. 32—33.

SUMMARY

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXII. /Ed. by Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2017.

The XXIInd edition of this annual publication includes articles written by the staff of three research centers of the IFES RAS, as well as by invited specialists from Russian and foreign scientific, educational and practical organizations. This year, the authors' team has been replenished by young researchers who have successfully begun their scientific career.

The analytical part of the collection is preceded by a material on the 60th anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society.

The authors continue analyzing most significant problems of foreign policy and foreign economic relations of the PRC, giving their consideration to recently revealed moments in China's international relations as well.

The specificity of the issue lays in the consideration of various aspects of the Chinese "One Belt, One Road" project (OBOR) in terms of probable conjugation of the latter with integration interests of the EAEU and of OBOR's impact on cultural and humanitarian situation in post-Soviet countries. The collection also highlights such sensitive issues, such as relations in the US-Russia-China "triangle", problems of China's foreign policy's interpretation, territorial disputes of the PRC, etc. Consideration is given to some new topics: prospects for the formation of the "Big Eurasian Partnership", peculiarities of the cross-membership in the SCO and the EAEU, Northern Sea Route in the light of the "One Belt, One Road" project, China's cooperation with foreign countries in the field of innovation, normalization of Sino-Norwegian relations, etc.

A massy block of articles is devoted to some problems of the Silk Road Economic Belt and economic cooperation of the PRC with foreign countries. The book also contains works on the history of China's foreign policy and Russian-Chinese relations.

Keywords: China (the PRC), China's foreign policy, Russian-Chinese relations, the US-Russia-China triangle, Eurasia, Central Asia, "One Belt, One Road" project, Silk Road Economic Belt, Big Eurasian Partnership, EAEU, SCO, regional security, foreign economic relations, history of China's foreign policy.

60 Years of the Russia-China Friendship Society (*Galina V. KULIKOVA*)

The paper is focused on the activities of the Russia-China Friendship Society in the course of 60 years of its activities as a respected channel of peoples' diplomacy. The Society has made a great contribution to initiation (in 1960s), revival (in 1970–1980s) and further development of Russia-China relations at present times.

Keywords: Russia-China Friendship Society, people's diplomacy, Russia–China relations.

International Relations of the PRC**Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN). “ONE BELT, ONE ROAD”: RUS- SIAN PROJECTION AND PROBLEMS OF CONJUGATION**

The article analyzes main provisions of China's concept/project “One Belt, One Road” as well as content and gist of modern political discourse on relevant issue. It also examines probable practical directions of the mega-project implementation.

Particular attention is paid to the Russian vector of the Chinese initiative in the aspect of identifying ways to link Russian economic development plans with Chinese initiatives, as well as expanding conjugation efforts in a collective format, which presumes involvement of new Eurasian integration structures — Silk Road Economic Belt (SREB), Eurasian Economic Union (EAEU), Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), etc.

Keywords: “One Belt, One Road” project, Silk Road Economic Belt (SREB), Russia, China, conjugation, Eurasian Economic Union (EAEU), Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB).

Vladimir Ye. PETROVSKY. RUSSIA, CHINA AND THE OUTLINE OF THE “BIG EURASIAN PARTNERSHIP”

The concept of the “Big Eurasian Partnership” (BEP) has attracted genuine interest in Russia and China, and has become the object of discussions and research for scholars and experts. BEP is being conceptualized and solidified against the background of broader geo-economic and geopolitical understanding of the Greater Eurasia development.

At present, conjugation of integration processes between the Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt is the most important element of the BEP formation, which, most probably, will become a set of inter-bloc trade and economic partnerships and free trade zones.

Comparative analysis of challenges, risks and opportunities for Russia and China in Eurasia proves that Russian and Chinese initiatives in Central Eurasia are not mutually exclusive, as their content does not presuppose the choice between different institutional and legal frameworks.

Keywords: Big Eurasian Partnership, Eurasian Economic Union (EAEU), Silk Road Economic Belt (SREB), Shanghai Cooperation Organization (SCO), inter-block trade and economic partnerships, free trade areas (FTA) .

Alexander V. LOMANOV. STRATEGY OF CHINA'S CULTURAL INFLUENCE IN THE “ONE BELT, ONE ROAD” PROJECT

The paper focuses on different aspects of Chinese approach to humanitarian cooperation in the “One Belt, One Road” project. The study is based upon the analysis of Xi Jinping's speech in May, 2017, and articles of Chinese scholars published in academic periodicals in 2016. The key attention is given to Chinese search for optimal strategy of application of “soft power” in construction of “One Belt, One Road”, as well as to attempts of promoting Confucian ethics as instrument of culture integration, recommendations to upgrade the role of Confucius Institutes in establishing economic cooperation and educating the local elites.

Keywords: Silk Road, civilization, Xi Jinping, “soft power”, Confucian ethics, Confucius Institutes.

Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN), Alexander G. LARIN. THE PROBLEM OF CHINESE MIGRANTS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE “EAEU — NEW SILK ROAD” CONJUGATION

Conjugation of the EAEU and the New Silk Road obviously should be accompanied by an increase in the number of Chinese migrants in Russia, mainly in construction and agriculture, on a temporary basis and within a limited range. Their stay and activities in this country must be put under a strict control of the RF authorities. At the same time, measures should be taken to increase the efficiency of their work. A special task remains in the increase the attractiveness of Russian education for Chinese students.

Keywords: Chinese migrants in Russia, Chinese labor in agriculture, competition of Russian and Chinese workers, “soft expansion”, Chinese students in Russia

Igor Ye. DENISOV, Daria L. ADAMOVA. XI JINPING'S FOREIGN POLICY RHETORIC: MAIN FEATURES AND ISSUES OF INTERPRETATION

Xi Jinping's foreign policy is undergoing a shift away from Deng Xiaoping's *'taoguang yanghui'* diplomacy (*'hiding one's capacity while biding one's time'*), as well as a change in the diplomatic language — an emergence of new concepts and notions

describing the world around China and China's own actions. Some of the preeminent terms acquire new meaning, often unnoticed by outsiders. This article takes the example of 'heli' or 'rationality' and its meaning in contemporary Chinese foreign policy discourse. The authors conclude that 'rationality' has deep national interpretations in China. The hypothesis posits that this is evidence of China's search for a grand strategy and there is thus room for assuming its key features and direction for further research.

Keywords: China, Xi Jinping, foreign policy, discursive analysis, rationality, culture, strategy.

Andrey S. DAVYDOV. USA-CHINA-RUSSIA: NEW “TRIANGLE” GAMES

Nowadays many analysts of international relations are eager to get answers to the following questions: “How the relationship in the triangle “Russia-China-USA” will change after Donald Trump's coming to the White House?” and “How realizable in prevailing circumstances is a previously planned Alliance between China and Russia, assuming their close cooperation, including political and military ones?”. The article attempts to analyze the situation in the newly emerged circumstances.

Keywords: USA, China, Russia, D.Trump, Xi Jinping, V.Putin, triangle, cooperation, rivalry.

Vyacheslav I. BALAKIN. POTENTIAL OF THE RUSSIA—CHINA INTERACTION IN OPPOSING THE US' NEW CHALLENGES

The article contains analysis of the existing Russia's and China's complex potential, the use of which is aimed at the efficient restrain of the US' efforts to proliferate their global domination. Main directions of the ad hoc opposing (in any concrete case) of the “collective West” to the emerging Russia–China alliance are also presented in the article. The author notes the fact that nowadays one can evidence real preconditions for further strengthening of the already existing strategic partnership between Russia and China as well as aspirations of the new US administration to instigate political split between RF and PRC. In result, the author comes to the conclusion that prospectively the RF-PRC-USA relations will rather have extremely uneven character and therefore can lead to the uprising of local military conflicts of various political tension.

Keywords: Russia, China, USA, geopolitical redistribution, political dissent.

Yury V. MOROZOV. UNITED STATES' “SOFT & HARD” STRATEGY TOWARDS RUSSIA, CHINA AND OTHER SCO MEMBER STATES

In the nearest future, in order to strengthen its economic and political influence on other states, Washington will continue to use widely its “soft power” arsenal for

the detention of the states in the American orbit. Against those countries which carry out independent policy, Washington will continue to use methods of “information war”. To change political regimes in the “objectionable” for the USA countries, the “strategy of indirect actions” will be used also. The USA policy of using its “soft power” arsenal for the preservation of world hegemony generates global instability and creates threat for the security of the SCO.

Keywords: “soft power”, culture, non-governmental organizations (NGOs), “strategy of indirect actions”, Russia, China, USA, SCO.

Anatoly F. KLIMENKO. DEVELOPMENT STRATEGY OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF ITS IMPLEMENTATION IN THE FIELD OF SECURITY

The article analyzes the Development Strategy of the Shanghai Cooperation Organization till 2025 in the aspect concerning measures aimed at ensuring security and stability in the SCO area. Some contradictions between content of the measures, real situation in the sphere of regional security and relations within the SCO are revealed. The author also discusses the need for deeper consolidation of the SCO member states and for the strengthening of the Organization's capacity in solving regional security problems.

Keywords: Central Asian region, Shanghai cooperation organization (SCO), Islamic fundamentalism, consolidation of the SCO partners, security.

Elena I. SAFRONOVA. SCO COUNTRIES — PARTICIPANTS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: SPECIFICITY OF THE “CROSS” MEMBERSHIP

The article characterizes current situation in the "SCO's" Central Asian segment of the EAEU: circumstances that worsen the cooperative climate of the Union as well as factors that favor it. The issue of how peculiarities of the EAEU (and simultaneously SCO) member states' interrelations and their ties with China can affect status quo and prospects of the Shanghai Group is also analyzed.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), SCO, Russia, China, Kyrgyzstan/Kirgizia, Kazakhstan, stages of international economic integration, competitive advantages, “trade war”, social tension.

Leonid Ye. VASILIEV. ON TERRITORIAL DISPUTES OF CHINA

The article is dedicated to the analysis of China's interstate relations with those Asian countries with which China has mutual territorial claims. The article presents general description of the territorial claims, analyzes methods of their solution at the present time and gives a near-term forecast for the situation's probable resolution.

Keywords: People's Republic of China, India, ASEAN member states, regional security, interstate relations in Asia, territorial disputes.

Andrey K. KRIVOROTOV, Andrey O. VINOGRADOV. ASSESSING NORMALIZATION OF SINO-NORWEGIAN RELATIONS

The paper reviews the settlement of the 2010—2016 crisis between China and Norway which broke out after the Nobel Peace Prize was awarded to a Chinese dissident Liu Xiaobo. Mutual trust was mainly restored through confidential diplomatic negotiations, whereby Norway was exposed to strong pressure from China, which successfully establishes a new type of relations with outside world ruling out any interference into its broadly defined core interests.

Keywords: Norway, China, diplomatic crisis, settlement, economic cooperation, Arctic, opinions.

Vassily B. KASHIN, Alexander S. KOROLEV, Anastassiya S. PYATACHKOVA. CHINESE FOREIGN AID POLICY: BASIC PRINCIPLES AND DIRECTIONS

The article analyzes conceptual foundations of Chinese aid to the outside world, assesses its effectiveness by the example of African and South-East Asian countries as main recipients of the Chinese assistance. The article also provides recommendations on the use by Russia of China's relevant experience in order to improve the image of the RF as a donor country.

Keywords: foreign aid, China, Africa, South East Asia, Russia.

Foreign Economic Policy of the PRC

Maria V. ALEXANDROVA. CHINESE INVESTMENTS IN RUSSIA: SECTORAL DIMENSION

Within last several years, Chinese investors in the RF have found new spheres for the application of their capitals. By the case of the electric-energy complex, the author analyzes Chinese investment experience and notes that the Chinese are not at all prepared for serious projects — especially, in terms of engineering and technology. As for the case of automobile industry, it has served a basis for the analysis of Chinese experience in initiating own production in Russia. This continuously failing endeavour of Chinese investors gives the author grounds to conclude that the PRC entrepreneurs do not conduct any serious marketing studies before taking important investment-related decisions. Another focus is made on such issue as the employ-

ment of Russian labor by Chinese enterprises, which do not have perception of work safety, labor protection and even compliance with Russian labor laws, etc.

Keywords: electric power industry, combined heat and power plant, intergovernmental commission, hydroelectric power station, wind power station, solar energy industry, transport infrastructure, Northern Sea Route, *Belkomur*, seaport, automotive industry, *Great Wall*, *Lifan*, screwdriver assembly, large-scale assembly, production localization, investment volume, automotive glass, legislation .

XU Guangmiao. ON THE CONNECTION OF THE “NORTHERN SEA ROUTE” DEVELOPMENT PROJECT TO THE CHINESE STRATEGIC PLAN “ONE BELT, ONE ROAD”: COMPLEMENTATION, OBSTACLES AND AVAILABLE MODES

The paper discusses the mutual complementation of Russia's "Northern Sea Route" development project and Chinese strategic plan "One Belt, One Road": it examines obstacles and available modes of the NSR project's integration into the Chinese plan. Attempting to analyze the perspective of integration, the author draws the conclusion that, it is not the right time now for two governments to build an official integration due to strategic considerations from both side. However, conditions for talking about attempts and possible phases for the integration have already emerged. At current stage one of the available integration forms may become the participation of individual enterprises and local governments in the NSR exploration and utilization activities. After showing early results of these attempts two countries may move to the next phase — official integration marked by signing documents between the two governments. The final phase is the implementation of established projects on the integration.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route (NSR), China, “One Belt, One Road”, Sino-Russian cooperation.

Alexander Ch. MOKRETSKY. “SILK ROAD ECONOMIC BELT” AS A MECHANISM OF CHINA'S ECONOMIC GEOPOLITICS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES

2017 is a jubilee year in the relations of the Commonwealth of Independent States with the People's Republic of China. Exactly 25 years ago one by one post-Soviet countries established diplomatic relations with China. After 25 years, bilateral cooperation is progressing steadily. Beijing, most interested in finding new opportunities to realize its own tasks, is mastering the CIS in a comprehensive manner, associating China's own development with the development of each of post-Soviet countries. Within the framework of this article, the author focuses on six post-Soviet states (Belarus, Moldova, Ukraine and Transcaucasia — Azerbaijan,

Armenia and Georgia), considering the influence of the Chinese factor on their development in the implementation of the "One Belt, One Road" initiative.

Keywords: China, Belarus, Moldova, Ukraine, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Silk Road Economic Belt.

Sergey L. SAZONOV. THE CENTRAL ASIAN DIRECTION OF CHINA'S TRANSPORT STRATEGY

The article states, that the "Silk Road Economic Belt" (SREB) project was developed by the Chinese leadership as a long-term strategy for the conjugation of transport networks of China and countries of Central Asia with the prospect of the networks' subsequent transformation into a large-scale Eurasian transit transport corridor. The article argues, that the closest interaction in the framework of the strategy is carried out between China and Kazakhstan: transit flows from the AP countries formed in the PRC are transferred to Kazakhstan for further routing to the countries of Central Asia and Europe. To prove this thesis, the author analyzes logistics systems, forms and methods of cross-border transfer of transit export cargoes within the China-Kazakhstan transport corridor.

Keywords: Central Asian countries, China, Silk Road Economic Belt (SREB), transport strategy, international transit corridor, logistics chain, cargo transportation, transit potential, transport infrastructure.

Natalya A. ZAMARAYEVA. CHINA-PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR: FIRST STAGE OF THE IMPLEMENTATION

The paper is devoted to the first stage of the implementation of the China-Pakistan Economic Corridor project (CPEC), as well as to the main routes running through the territory of the Balochistan province; features of the test trade caravan from Chinese Kashgar to the Pakistani port of Gwadar; challenges and prospects of the Chinese initiative "One Belt, One Road" by the example of the CPEC section.

Keywords: CPEC, transport infrastructure, Balochistan, Pakistan federal army, Gwadar port.

Vladimir A. MATVEEV. INTERNATIONAL COOPERATION IN THE NATURAL GAS SPHERE AS A STRATEGIC PRIORITY OF CHINA'S MODERN ENERGY POLICY

The article analyzes reasons of the PRC gas industry's promotion to the position of one of strategic priorities of the country's modern energy policy. It was noted that the diversification of gas imports and growth of investments into the development of shale deposits are intended to neutralize increasing gas shortage in the medium term. Motives for China's interest in concluding the largest deal between

Gazprom and CNPC on delivering Russian gas to Northeast China (Dongbei) are also analyzed.

Keywords: natural gas, energy policy, strategic development, pipelines, China, Dongbei, Eastern Siberia.

Anna V. KUTELEVA. CANADA'S VIEWS ON CHINA'S ENERGY SECURITY STRATEGY

The paper offers a comprehensive but not overly detailed overview of Canadian academic and policy research literature on China's energy security strategy and provides a brief survey of Canada-China energy relations between 2006 and 2017.

Keywords: China's energy security strategy, Canada-China relations, Canada-China energy relations.

Oleg A. TIMOFEEV, Valeria S. RONZHINA. CONJUGATION OF “MADE IN CHINA — 2025” AND INDUSTRIE 4.0 PROGRAMMES AS THE BASIS OF THE COOPERATION BETWEEN THE PRC AND GERMANY IN THE FIELD OF INNOVATION

The article is devoted to the Chinese-German cooperation in the field of innovation. Authors present a detailed comparison of German Industrie 4.0 strategy and China's “Made in China — 2015” initiative. They analyze the implementation of bilateral agreements in the sphere of the innovation strategies' conjugation and its impact on general trends in Sino-German relations. The authors conclude that a qualitative leap in the PRC's innovation development is highly probable in the case of the Chinese strategy's successful implementation.

Keywords: Industrie 4.0, “Made in China — 2025”, innovations, 4th industrial revolution.

History of China's Foreign Policy and Russian-Chinese Relations

Andrey O. VINOGRADOV, Milena O. LUSHCHIK. ON THE HISTORY OF CHINA-EU RELATIONS

The article is devoted to the history of China's relations with the countries of the European Union and covers the period from 1949 to 2011. Special attention is paid to trade-economic relations, as they for a long time have been the basis of cooperation between the two sides. Separately the story concerning the circumstances of China's accession to the WTO and disputes over granting China the status of a country with market economy is considered.

Keywords: China, European Union, economic cooperation, WTO, market status.

Galina I. SARKISOVA. THE ROLE OF V.K. IGUMNOV — SUPERINTENDENT OF RUSSIAN ORTHODOX MISSIONS IN CHINA IN THE HISTORY OF RUSSO-CHINESE RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS)

This article is based on archival materials and reveals the role of V.K. Igumnov, frontier commissioner, superintendent of Russian Orthodox missions in China and translator of the Mongolian language in the history of Russian-Chinese relations of the second half of the XVIII century.

Keywords: Vasily Igumnov, Alexander Igumnov, Russian Orthodox mission in China, superintendent, travel journal, Jesuits.

Сведения об авторах

Адамова Дарья Львовна (Daria L. ADAMOVA), преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО (У) МИД РФ.

E-mail: daradamova@yahoo.com

Александрова Мария Викторовна (Maria V. ALEXANDROVA), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Балакин Вячеслав Иванович (Vyacheslav I. BALAKIN), кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Васильев Леонид Евгеньевич (Leonid Ye. VASILIEV), старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: levdvina@mail.ru

Виноградов Андрей Олегович (Andrey O. VINOGRADOV), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

Давыдов Андрей Сергеевич (Andrey S. DAVYDOV), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института

Дальнего Востока РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».

E-mail: Davydov@ifes-ras.ru

Денисов Игорь Евгеньевич (Igor Ye. DENISOV), старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: iedenisov@mail.ru

Замараева Наталья Алексеевна (Natalya A. ZAMARAYEVA), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

E-mail: olunja@mail.ru

Кашин Василий Борисович (Vassily B. KASHIN), кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

E-mail: vkashin@hse.ru

Клименко Анатолий Филиппович (Anatoly F. KLIMENKO), генерал-лейтенант (отст.), кандидат военных наук, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: klimenko46@mail.ru

Королев Александр Сергеевич (Alexander S. KOROLEV), младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

E-mail: askorolev@hse.ru

Криворотов Андрей Константинович (Andrey K. KRIVOROTOV), кандидат экономических наук, секретарь Совета директоров компании «Штокман Девелопмент АГ», член Международной арктической ассоциации социальных наук.

E-mail: krivorotov@starlink.ru

Куликова Галина Вениаминовна (Galina V. KULIKOVA), первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, заслуженный работник культуры РФ.

E-mail: orkd@ifes-ras.ru

Кутелева Анна Вячеславовна (Anna V. KUTELEVA), аспирант кафедры политологии Университета Альберты (Канада).

E-mail: kuteleva@ualberta.ca

Ларин Александр Георгиевич (Alexander G. LARIN), кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alekclarin@yandex.ru

Ломанов Александр Владимирович (Alexander V. LOMANOV), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Лузянин Сергей Геннадьевич (Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)), доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Лущик Милена Олеговна (Milena O. LUSHCHIK), выпускник Школы востоковедения НИУ ВШЭ.

E-mail: milena96@yandex.ru

Матвеев Владимир Александрович (Vladimir A. MATVEEV), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveevva@mail.ru

Мокрецкий Александр Чеславович (Alexander Ch. MOKRETSKY), научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Морозов Юрий Васильевич (Yury V. MOROZOV), кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН; ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Петровский Владимир Евгеньевич (Vladimir Ye. PETROVSKY), доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Пятачкова Анастасия Сергеевна, младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

E-mail: apyatachkova@hse.ru

Ронжина Валерия Сергеевна (Valeria S. RONZHINA), магистрант Государственного университета управления.

E-mail: lera19942@mail.ru

Сазонов Сергей Леонидович (Sergey L. SAZONOV), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: Sazonovch@mail.ru

Саркисова Галина Ивановна (Galina I. SARKISOVA), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Сафронова Елена Ильинична (Elena I. SAFRONOVA), кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, отв. редактор и составитель ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность».

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Сюй Гуанмяо (XU Guangmiao), преподаватель Китайского института приграничных и морских исследований Уханьского государственного университета, научный сотрудник Государственного совместного инновационного центра территориального суверенитета и морского права и интересов (пров. Хубэй, КНР).

E-mail: kate19880517@gmail.com

Тимофеев Олег Анатольевич (Oleg A. TIMOFEEV), кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Российского университета дружбы народов.

E-mail: timooa@mail.ru

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXII
Ежегодное издание

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 12.09.2017.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 25,0. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)
Заказ № 9

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.